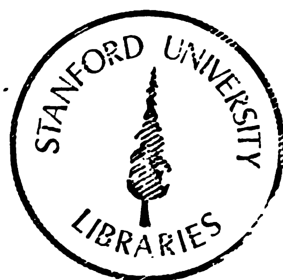

Натанъ Мудрый

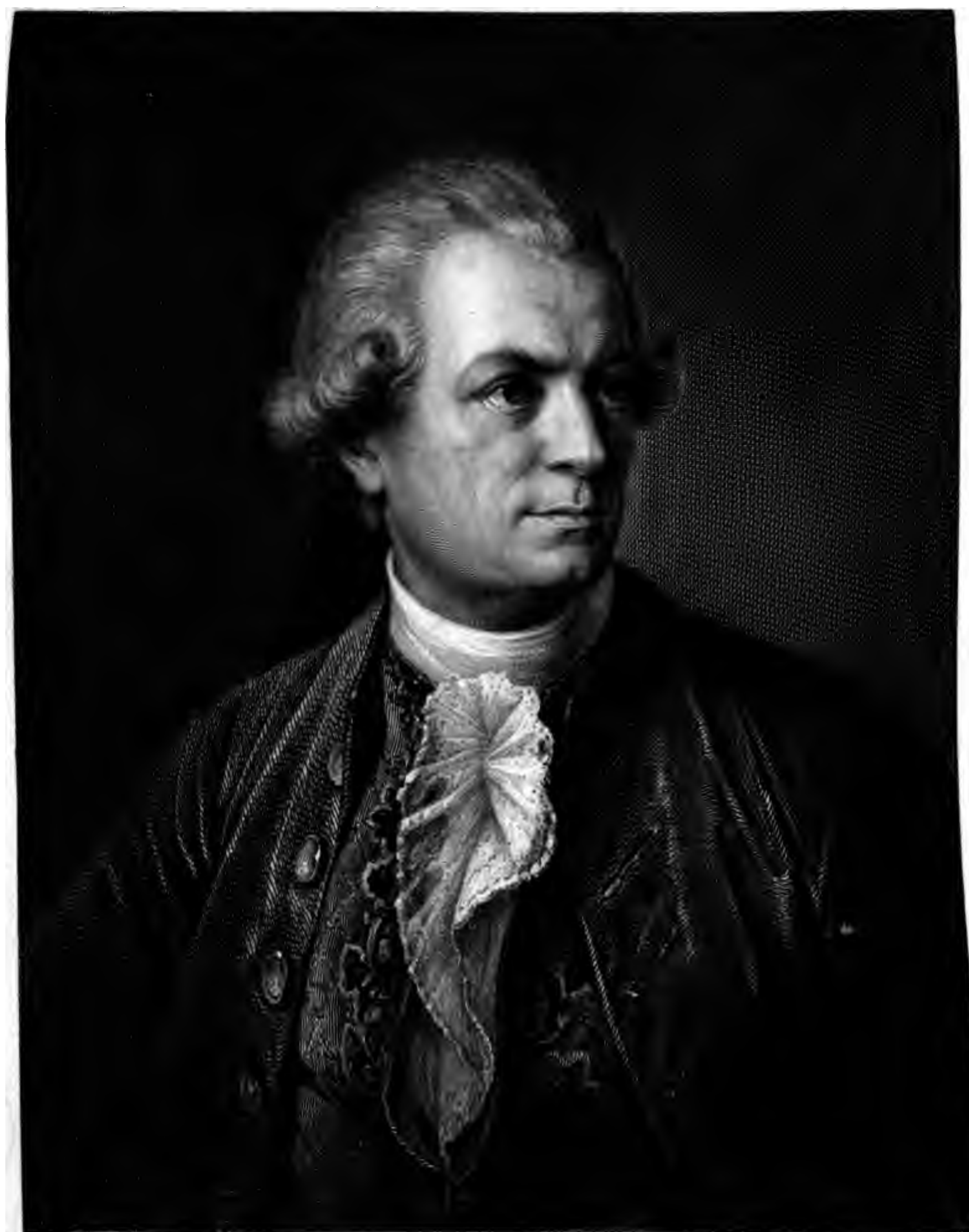
Г. Лессинга

Изданіе А. Ф. Маркса

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Готгольдъ Эфраимъ Лессингъ.

Изданіе и собственн. А.Ф. Маркса.

НАТАНЪ МУДРЫЙ.

Г. Э. ЛЕССИНГА.

Lessing, G. E.

НАТАНЪ МУДРЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Г. Э. ЛЕССИНГА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Виктора Крылова.

СЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОЧЕРКОМЪ, ПРИМѢЧАНІЯМИ КЪ ПЕРЕВОДУ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

Съ **35** рисунками и **11** эстампами.

Vormals, im Leben, ehrten wir Dich als einen der Götter,
Nun Du todt bist, so herrscht über die Geister Dein Geist.
Goethe.

Какъ одного изъ боговъ мы тебя почитали при жизни,
Но ты скончался теперь и царитъ надъ умами твой умъ.
Гёте (о Лессингѣ).

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

Дозволено цензурою. 6 марта 1897 г. СПБ.

Мой переводъ драматическаго стихотворенія Г. Э. Лессинга—«Натанъ Мудрый»—былъ впервые напечатанъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» въ 1868 году. Это былъ первый русскій переводъ произведенія, занимающаго одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ нѣмецкой литературѣ. Впослѣдствіи, собираясь издать переводъ отдѣльной книгой, я счелъ нужнымъ предпослать ему самостоятельный историко-литературный очеркъ объ этой драмѣ и ея авторѣ, въ виду того, что вообще о Лессингѣ въ русской литературѣ писано мало. Изданіе это однако не могло быть скоро исполнено, такъ какъ для него потребовалось подробное ознакомленіе съ той обширной спеціальной литературой, которая въ Германіи вызвана жизнью этого выдающагося писателя и его произведеніемъ—«Натанъ Мудрый». Книга моя вышла только въ 1875 году; она заключаетъ въ себѣ: статью о Лессингѣ и его «Натанѣ», переводъ драмы «Натанъ Мудрый», объяснительныя примѣчанія къ переводу и библіографію.

Эта книга давно уже разошлась въ продажѣ; поэтому, три года назадъ, А. Ф. Марксъ предложилъ мнѣ сдѣлать новое ея изданіе и украсить его иллюстраціями.

Для этого изданія я тщательно пересмотрѣлъ всю книгу и значительно ее пополнилъ, особенно въ отдѣлѣ библіографіи, которая, за послѣднія двадцать лѣтъ, очень возросла. Предпосылаемая переводу драмы статья, подъ заглавіемъ: «Лессингъ и его драматическое стихотвореніе «Натанъ Мудрый»,—состоитъ изъ пяти главъ. Первая говоритъ о Лессингѣ, его

жизни, значеніи и дѣятельности, какъ объ элементахъ, породившихъ «Натана»; вторая и третья составляютъ, такъ сказать, исторію драмы, отъ начала писанія до исполненія на сценѣ; четвертая и пятая—критику внутренняго содержанія и художественнаго выполненія драмы. За переводомъ слѣдуютъ объяснительныя примѣчанія и библіографія.

Иллюстраціи къ предисловію воспроизведены со старинныхъ гравюръ, портретовъ и т. п. Что касается иллюстрацій къ самой драмѣ, то онѣ троякаго рода. Наибольшее количество ихъ взято изъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Лессинга, редакціи Лаубе. Но русскій издатель не хотѣлъ ограничиться однѣми этими иллюстраціями. Онъ прибавилъ къ нимъ гравированныя на стали, по рисункамъ художника Пехта, изображенія отдѣльныхъ лицъ драмы и копіи съ двухъ картинъ къ «Натану», художника Бендемана, оригиналы которыхъ находятся въ Каульбаховской галлереѣ въ Мюнхенѣ. Такимъ образомъ, приложенныя здѣсь иллюстраціи составляютъ не просто пояснительные рисунки къ тексту, но произведенія различнаго характера, наглядно указывая, какъ то или другое лицо драмы сказалось въ представленіи разныхъ нѣмецкихъ художниковъ. Большой портретъ Лессинга и портретъ его жены отпечатаны по рисункамъ художника Пехта.

В. Крыловъ.

ЛЕССИНГЪ

И ЕГО ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

„НАТАНЪ МУДРЫЙ“.

Во всякой нѣмецкой книгѣ, въ которой спеціально или даже вскользь говорится о Лессингѣ, начиная отъ самой подробной его біографіи до упоминанія о немъ въ какомъ-нибудь романѣ или мелкой критической замѣткѣ, всюду, несмотря иногда на крайнюю противоположность воззрѣній авторовъ, непремѣнно встрѣтится общая черта какой-то теплой родственной привязанности къ знаменитому творцу Натана. Конечно, мы говоримъ здѣсь не объ обскурантахъ и современныхъ Лессингу его противникахъ, сочиненія которыхъ вообще составляютъ весьма небольшую долю всего, что о немъ писано; но даже у его далеко не безусловныхъ поклонниковъ, у людей, нерѣдко ему не сочувствующихъ, сквозитъ этотъ добрый лучъ пріязни, какъ къ другу, какъ къ человѣку близкому, съ которымъ не всегда сходишься во мнѣніяхъ, но котораго нельзя не уважать и не любить отъ всей души. «Ни одинъ нѣмецъ не можетъ произнести имя Лессинга безъ того, чтобы болѣе или менѣе оно не отозвалось въ его сердцѣ»,—пишетъ Гейне и почти тѣ же слова повторяетъ Геттнеръ: «у нѣмца сердце радуется (geht das Herz auf), когда

онъ говоритъ о Лессингѣ»; мы прибавимъ: и не у одного нѣмца. Всякій, кому доводится ближе подойти къ этой сокровищницѣ нравственной силы, невольно чувствуетъ какую-то отрадную бодрость, вѣру въ непоколебимость добра, въ живучесть прогресса, невольно глядитъ на все грубое, пошлое, низкое, не столько съ ненавистью и злобой, сколько съ жаждой, по мѣрѣ хотя бы самыхъ малыхъ силъ, способствовать уменьшенію зла.

Причина тому весьма простая: Лессингъ представляетъ довольно рѣдкое явленіе писателя, въ которомъ встрѣчаешь замѣчательное единство его слова и жизни, его личной единичной жизни и всего, что въ современномъ ему обществѣ стремилось впередъ. Ни въ одной строкѣ, писанной имъ, ни въ одномъ шагѣ его скитальческаго существованія не натолкнешься на разладъ рѣчи и дѣла, столь присущій тѣмъ объективнымъ талантамъ, которые такъ ловко умѣютъ найти въ добродѣтели слова только выгодный товаръ для своихъ, часто слишкомъ не безкорыстныхъ, цѣлей. Эта цѣльность личности у Лессинга доходитъ до того, что она сказывается даже въ его способѣ выражаться и, говоря словами Гейне, «ни къ кому болѣе, чѣмъ къ нему, не подходитъ мнѣніе, что человѣкъ весь сказывается въ своемъ стилѣ. Его способъ писать совершенно таковъ, какъ его характеръ: справедливъ, твердъ, безыскусственъ и прекрасенъ. Его стройныя, отчетливыя положенія слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ ровныя плиты мостовой». Жизнь Лессинга вся налицо. Трудолюбивые нѣмцы съ педантическою любовью собрали и издали все писанное его рукой, все до послѣдней записки къ пріятелю, до самыхъ интимныхъ писемъ къ невѣстѣ и роднымъ, и каждая новинка такого рода говорила постоянно только въ пользу Лессинга, и ни одно слово его не даетъ права заподозрить въ немъ человѣка, не всегда поступающаго такъ, какъ проповѣдуетъ. Даровитый, честный до щепетильности, откликавшійся съ поразительной простотой и ясностью на все, что въ его время занимало общество, заслужившій, по выраженію Гёте, своею правдивостью великое довѣріе націи, онъ жилъ широкою жизнью человѣчества, симпатичный даже въ своихъ увлеченіяхъ.

Вотъ почему, говоря о «Натанѣ Мудромъ», необходимо пред-

послать ему нѣсколько словъ объ его авторѣ, такъ какъ это сочиненіе не только по внутреннему своему содержанію, но и по всей обстановкѣ его созданія, составляетъ самый наглядный примѣръ только-что сказаннаго. Такъ полно и всесторонне, какъ здѣсь, не проявилась могучая натура Лессинга ни въ одной изъ его работъ, ни въ одномъ изъ его произведеній. Изучать «Натана»—значитъ изучать Лессинга; а, въ свою очередь, изучать Лессинга, значитъ изучать тѣ громадныя духовныя силы нѣмецкой націи, которыя въ какихъ-нибудь пять-шесть десятковъ лѣтъ прошлаго столѣтія, отъ первыхъ грубоватыхъ попытокъ Готшеда создать нѣмецкій языкъ, привели къ блестящему языку Гёте и Шиллера, которыя не только породили, до тѣхъ поръ вовсе не существовавшую, нѣмецкую литературу, но и поставили ее на ряду съ первоклассными литературами Франціи и Англіи,—и единому нѣмецкому философу Лейбницу, писавшему на французскомъ языкѣ, дали цѣлую плеяду знаменитыхъ нѣмецкихъ преемниковъ. Наконецъ, изучать Лессинга, значитъ по преимуществу изучать великое развитіе германскаго народа, сдѣлавшагося вообще самымъ вѣротерпимымъ, давшаго не мало побѣдоносныхъ бойцовъ противъ невѣжества и гнёта доктринерской теологіи, когда еще въ какихъ-нибудь тысяча семьсотъ двадцатыхъ годахъ этотъ народъ былъ такъ грубъ и суевѣренъ, что судилъ дѣтей за сношеніе ихъ съ дьяволомъ и сжигалъ ихъ на кострѣ за колдовство *).

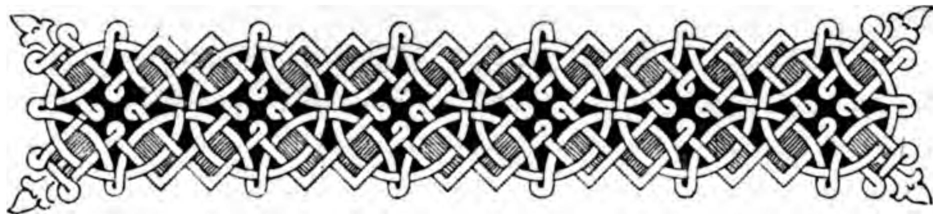
---

*) Или, приводя слова нѣмецкихъ критиковъ: «Натанъ» былъ духовнымъ завѣщаніемъ Лессинга; тутъ онъ завѣщалъ будущности сумму истинъ, которую онъ завоевалъ борьбою и мужествомъ» *Hillebrand*.—«Натанъ Мудрый» есть евангеліе любви и терпимости, что было самымъ глубочайшимъ и существеннымъ проявленіемъ всего столѣтія». Или въ другомъ мѣстѣ: «Это чудное произведеніе есть монументальный итогъ всего вѣка просвѣщенія» *Hettner*.—«Возвращаться къ Лессингу, значитъ идти впередъ» *Kuehne*.—«Въ «Натанѣ» заключается вся жизнь и все мышленіе Лессинга» *Kehrein*.—«Прежде чѣмъ смерть похитила Лессинга, ему дано было проявить всю геніальность своего разума, всю его гуманную вѣру и надежду, въ поэтическомъ произведеніи, которое всегда будетъ причисляться къ лучшимъ дѣяніямъ нѣмецкаго разума. Это произведеніе «Натанъ Мудрый» *Scherr*.—«Стихотвореніе «Натанъ Мудрый», богатѣйшими нитями, какъ никакое другое, вплетено во все движеніе своего времени и литературы; но такъ-же, какъ никакое другое, остается вліятельнымъ и значительнымъ и для нашего времени» *Wackernagel*.—«Въ исторіи драмы «Натанъ Мудрый», въ томъ, какъ въ разныя времена на нее смотрѣли, отражается исторія гуманности въ Германіи со времени появленія этой драмы. Болѣе теплый или холодный пріемъ ея

Спѣшу, однако, оговориться. Такое широкое обсужденіе предлагаемаго читателямъ произведенія Лессинга по многимъ причинамъ не можетъ быть задачей настоящей статьи; это бы завело насъ слишкомъ далеко, да и выполненіе подобной задачи такъ, какъ бы это было желательно, представляетъ не мало трудностей. Нѣтъ, мы бы желали только вкратцѣ помѣтить, такъ сказать, исторію существованія «Натана», отъ первыхъ мыслей объ этой драмѣ, зародившихся въ головѣ ея автора, до того времени, когда она стала одною изъ самыхъ дорогихъ книгъ нѣмецкаго народа. Съ другой стороны, переходя къ самому содержанію «Натана», намъ хотѣлось бы только возбудить въ читателѣ желаніе остановиться нѣсколько дольше, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, надъ сочиненіемъ, стоящимъ въ нѣмецкой литературѣ, по общему отзыву его критиковъ, на ряду съ однимъ «Фаустомъ» Гёте; намъ бы хотѣлось только обратить должное вниманіе читателя на то, что, въ виду ясности мысли въ драмѣ, проскользнуло бы пріятнымъ развлеченіемъ, не оставивъ послѣ себя реальнаго слѣда. Лессингъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, сочиненія которыхъ нуждаются въ особенныхъ разъясненіяхъ; онъ самъ говоритъ за себя гораздо лучше, чѣмъ всѣ, пытавшіеся пояснять его,—и если намъ удастся, чтобы, благодаря этой статьѣ, нѣкоторые изъ читателей внимательнѣе прислушались къ его рѣчамъ,—наша цѣль будетъ достигнута.

есть барометръ гуманности» *Auerbach.*—«Кто «Натана» хорошо понимаетъ,—знаетъ Лессинга» *F. Schlegel.*—«Собственный жизненный опытъ Лессинга и важнѣйшіе моменты исторіи его жизни надо разсматривать, какъ подготовительную работу къ созданію его «Натана» *Rönefart* и т. д.

I.

ессингъ появился на свѣтъ во дни послѣднихъ судорогъ отходящаго средневѣкового мрака грубости и невѣжества, но еще всецѣло царившаго надъ германскимъ народомъ въ началѣ XVIII столѣтія. Разбитая на мелкія княжества и королевства, Германія несла на себѣ всю тяжесть маленькихъ дворовъ, соревновавшихъ другъ съ другомъ въ подражаніи модной пышности двора французскаго. Всякое малѣйшее проявленіе интеллигенціи могло преслѣдовать только соотвѣтственныя тому цѣли. Если и существовала какая-нибудь поэзія, то это была поэзія низкопоклонниковъ и льстецовъ, жившихъ милостями покровителей; если и существовало какое-нибудь ученіе нравственности, то и оно было не чуждо тѣхъ же наклонностей. Даже представители науки глядѣли на общество, какъ на что-то чуждое имъ, схоронившись отъ него въ замкнутые кружки сухой и узкой учености, которая, какъ какія-то тайныя чары, ревниво сберегалась подъ покровомъ чужого, мертваго, латинскаго языка. Это стремленіе выдѣлять образованіе изъ массы доходило въ иныхъ мѣстахъ до крайней нелѣпости: простымъ школьникамъ предписывалось, подъ страхомъ наказанія, разговаривать, хотя бы между собой, хотя бы на прогулкѣ, не иначе, какъ по-латыни. Умственное образованіе составляло какъ бы особый міръ, со своимъ языкомъ, со своими нравами, гнушавшійся той почвы, благодаря которой

онъ существовалъ. Когда, однако, этой необщительной наукѣ, въ лицѣ университетовъ, приходилось иной разъ всплывать на свѣтъ Божій и высказывать словомъ авторитета свое воззрѣніе на какой-нибудь жизненный вопросъ, то и она являлась, чтобы опозорить себя наглымъ потаканьемъ сильнѣйшему *). Только къ началу прошлаго столѣтія зардѣлась заря новаго свѣта и онъ понемногу сталъ пригрѣвать разумъ общественный. Съ легкой руки энергичнаго и даровитаго лейпцигскаго профессора Томазіуса, перваго, начавшаго читать свои лекціи и издавать сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ, люди умственнаго труда постепенно стали отбрасывать мертвую латынь и замѣнять ее живою рѣчью народной. Такимъ образомъ, и тѣмъ, кто не получалъ университетскаго образованія и стоялъ внѣ клики ученыхъ, можно было не ограничивать свое чтеніе одною библіей и молитвенникомъ. Правда, этимъ пользоваться могъ сперва только небольшой кружокъ болѣе досужихъ горожанъ; все-таки нарождалась читающая публика, изъ разныхъ нарѣчій вырабатывался общій литературный языкъ, литература завоевала себѣ право гражданства въ обществѣ. Вся эта черновая работа досталась на долю людей съ посредственными дарованіями, и поле уже значительно было вспахано къ появленію сѣятеля—Лессинга.

Готгольдъ Лессингъ родился 22-го января 1729 года въ бѣдномъ саксонскомъ городкѣ, въ бѣдной пасторской семьѣ, которая

---

*) Такъ, напримѣръ, подвергся преслѣдованіямъ въ Брауншвейгъ-Вольфенбюттелѣ камеръ-президентъ Мюнхаузенъ за свой честный нравъ и протесты противъ распущенности вольфенбюттельскаго двора. Придравшись къ тому, что Мюнхаузенъ въ письмахъ къ другу описывалъ безъ утайки придворные нравы, его отдали подъ судъ, и, чтобы придать видъ справедливости всему процессу, послали дѣло на просмотръ въ гельмштадтскій университетъ, спрашивая мнѣнія ученыхъ юристовъ, какъ людей компетентныхъ. Лейзеръ, ординаріусъ юридическаго факультета, преклоняясь предъ волею тогда полновластнаго министра Дена, вооружился всей своей ученостью и цѣлымъ рядомъ ябедническої казуистики и доказалъ, что римскій законъ объ оскорбленіи величества прилагается и къ невиннымъ письмамъ нѣмецкаго человѣка. «Если-бы Мюнхаузенъ,—прибавляетъ Шлоссеръ,—былъ простолюдинъ или человѣкъ безъ связей, онъ, по обычаю того времени, могъ потерять честь и свободу, а смотря по обстоятельствамъ, свое достояніе и самую жизнь; къ счастью его, онъ принадлежалъ къ дворянству, которое считало нарушенными свои права. Къ тому же за него заступался и герцогъ Людвигъ-Рудольфъ Бланкенбургскій; эти два обстоятельства сдѣлали болѣе, чѣмъ могла сдѣлать одна справедливость, такъ что императоръ и имперскій совѣтъ объявили себя въ его пользу». Schlosser.

въ родословной своей насчитывала шесть поколѣній, принадлежавшихъ духовному званію. Отецъ Лессинга, весьма образованный для своего времени человѣкъ, предназначалъ сына къ тому же роду занятій; но для проповѣди даровитаго Готгольда слишкомъ ничтожна была аудиторія церкви, слишкомъ узки цѣли клерикализма. На все человѣчество должно было прозвучать его вѣщее слово, ко благу послѣдующихъ поколѣній. «Жажда независимости въ природѣ Лессинга, — говоритъ Карьеръ, — избрала ему призваніе писателя; но онъ отдался этому призванію съ величіемъ духа и строгостью стремленій, какъ въ древности Демосѳенъ

Домъ, въ которомъ родился Лессингъ.

выработалъ въ себѣ народнаго оратора, и оставался этому вѣренъ во всей своей дѣятельности». Громадныя дарованія Лессинга, прославившія его еще на ученической скамьѣ, и его страстное трудолюбіе дали ему возможность превосходить даже современныхъ ему спеціалистовъ, не только въ ясности взглядовъ, но и въ познаніяхъ по разнымъ отраслямъ литературы и науки; его богатой творческой натурѣ было слишкомъ тѣсно въ рамкахъ какой-нибудь одной спеціальности: онъ какъ будто торопился скорѣе пользоваться короткимъ срокомъ человѣческой жизни, чтобы совершить плодотворное дѣло, почти непосильное

одному человѣку. Едва окончивъ курсъ университетскій, Лессингъ уже схватился за широкую дѣятельность литературную, съ ненасытной жадностью, съ неудержимымъ влеченіемъ, еще пробуя почву, выбирая родъ произведеній, наилучшимъ образомъ отвѣчающій силѣ его дарованій, его цѣлямъ и потребности времени. Просторъ выбора былъ широкъ. Нѣмецкая литература въ то время только-что возникла, первые проблески ея только-что начинали развиваться, такъ что ко всякому роду, въ которомъ она проявлялась, общество относилось съ одинаковою любовью или, если хотите, съ одинаковымъ равнодушіемъ. Оно съ почтительнымъ недоумѣніемъ встрѣчало первыя ученыя сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ; оно примыкало къ какой-нибудь журнальной распрѣ швейцарскихъ литераторовъ съ лейпцигскими, болѣе по знакомству и землячеству, чѣмъ по убѣжденію; оно преклонялось передъ святостью стихотвореній Рамлера, Клопштока и его подражателей, распѣвало, поддѣланные подъ народные, стихи Гагедорна; посмѣивалось на мѣщанскую сатиру Рабенера да на напускную веселость анакреонтиковъ; оно перечитывало съ должнымъ почтеніемъ узкія, нравоучительныя повѣсти и басни Геллерта; наконецъ, оно считало долгомъ видѣть прогрессъ въ искусственныхъ попыткахъ Готшеда, пересаживавшаго въ Германію ложно-классическій театръ французскихъ королей, и рукоплескало ему, когда онъ, во имя святости искусства, торжественно сжегъ на лейпцигской сценѣ чучело народнаго балаганнаго шута Гансвурста, хотя этотъ милый шутъ большинству былъ гораздо дороже пудреныхъ грековъ и римлянъ. Собственно говоря, ни одинъ изъ родовъ литературы не представлялъ для публики особенной исключительной привлекательности, ни одинъ не былъ настолько законченъ, чтобы не нуждаться въ значительной и основательной переработкѣ. Лессингъ, въ юношескіе годы, пыталъ свои силы на много ладовъ: онъ писалъ легкія стихотворенія, пѣсни, оды, эпиграммы, басни, небольшія пьесы для театра, набрасывалъ отрывки философскихъ сочиненій, которыхъ потомъ не кончалъ и не печаталъ. Вскорѣ, однако, отъ этой неустановившейся работы онъ перешелъ къ болѣе опредѣленной и сосредоточился на двоякаго рода произведеніяхъ: на критикѣ и

драмѣ. Очень можетъ быть, что такое средоточіе отчасти явилось слѣдствіемъ индивидуальности таланта Лессинга, во всякомъ случаѣ путь, имъ избранный, былъ самый реальный, самый полезный и необходимый обществу. Лессингу хотѣлось дать толчокъ всѣмъ отраслямъ умственной работы и привлечь къ ней наибольшее количество своихъ соотечественниковъ; его могучій разумъ стремился разлить свои идеи труда, честности, любви, повсюду,— отъ кабинета ученаго до бѣдной каморки безграмотнаго простолюдина, и общими основными положеніями, въ дѣлѣ вкуса и нравственныхъ воззрѣній, сроднить, сплотить разрозненную массу своего народа. Драма и критика давали Лессингу наилучшую возможность удовлетворить такое стремленіе *). Въ драмѣ, легкой разговорной рѣчью, живымъ, нагляднымъ дѣйствіемъ на подмосткахъ сцены, онъ могъ говорить съ людьми, даже не умѣвшими читать или не имѣвшими къ тому охоты и времени, а обширное поле критики позволяло ему врываться въ любую область литературную, разрушая все ложное, рабское, деспотичное, очищая чистое золото отъ грубыхъ примѣсей... и все это вмѣстѣ, и драма, и критика, давали средства идти объ руку съ современной ему публикой, касаясь того, что особенно могло задѣть ее за живое, возбуждая ея вниманіе и мышленіе именно на томъ уровнѣ развитія, который былъ ей по плечу.

Эти нужды, эти требованія обусловили и предметъ критики, и способъ ея веденія.

Бидерманъ, въ своей замѣчательной книгѣ «Германія въ XVIII столѣтіи», дѣлаетъ довольно несправедливый упрекъ писателямъ того времени, будто бы ихъ равнодушіе къ политическимъ вопросамъ въ литературѣ являлось вслѣдствіе отсутствія патріотизма; писатели, по его словамъ, не видѣли большого горя въ разрозненности націи, разбитой на мелкія государства, а напротивъ того, въ этомъ сознавали легчайшую возможность общечеловѣчнаго развитія и потому вяло глядѣли на жизнь политическую. Но,—не въ униженіе будь сказано мысли о сліяніи воеди-

*) Гиллебрантъ замѣчаетъ, что особенное пристрастіе Лессинга къ драмѣ было, между прочимъ, и вслѣдствіе того, что въ этой литературной формѣ по преимуществу сказывалась тогда тираннія французскаго вліянія.

но нѣмецкой національности, мысли, которая тутъ сквозитъ у почтеннаго автора,—раздробленность дѣйствительно пошла нѣмецкому народу на пользу. Къ Германіи, въ этомъ отношеніи, можно до нѣкоторой степени примѣнить то, что Огюстъ Контъ говоритъ о раздробленномъ состояніи древней Греціи, выставляя его причиной народнаго развитія. Разумѣется, слишкомъ большое количество мелкихъ государствъ, мелкихъ дворовъ и администрацій тягостно ложилось на благосостояніе народа, но, съ другой стороны, кому же, какъ не этому самому отсутствію единства правительства, во дни зарождавшейся общественной образованности, въ значительной мѣрѣ Германія обязана первыми успѣхами своей цивилизаціи? Исторія умственнаго движенія Германіи въ XVIII столѣтіи переполнена фактами, какъ иного профессора или писателя преслѣдуютъ въ одномъ государствѣ, а въ другомъ онъ встрѣчаетъ раскрытыя объятія слушателей и менѣе стѣснительный типографскій станокъ. Отсюда только и могла родиться какая-нибудь здравая полемика и совѣстливость распоряжавшихся властью, и конкурренція университетовъ. Куда бы дѣвались эти энергическіе дѣятели мысли, если-бъ Германія въ то время имѣла единую администрацію? и не должны ли благословлять нѣмцы свою раздробленность, всегда дававшую имъ возможность выбирать мѣсто дѣятельности, не стѣсняясь ни языкомъ, ни національностью? *)

Не въ этомъ лежала причина безучастности германской литературы въ политическихъ вопросахъ почти до того времени, когда на западѣ разразился громъ французской революціи; тутъ виною былъ вообще слишкомъ низкій уровень развитія націи. Только что проведя почти полстолѣтія въ безпрерывной войнѣ, нація еще не привыкла думать иначе, какъ мозгомъ начальника, глядѣть иначе, какъ глазами приказывающаго. Нѣмецкіе князьки и ихъ придворные либеральничали передъ французскими энциклопедистами, съ жадностью слѣдили за каждымъ новымъ сочиненіемъ Вольтера, Дидро и даже ихъ далеко не всегда талант-

*) Слова Шиллера: «напрасно вы, нѣмцы, надѣетесь выработать изъ себя націю; вырабатывайте изъ себя за то людей, вы это можете»,—не есть вздохъ сожалѣнія, а, напротивъ, гордое довольство своимъ счастьемъ.

ливыхъ подражателей, но обращали это только въ предметъ моднаго разговора. Талантливый, хотя и безпутный сатирикъ того времени Шубартъ, за очень невинныя колкости, направленныя противъ одного изъ князьковъ, былъ недостойнымъ образомъ схваченъ и просидѣлъ десять лѣтъ въ тюрьмѣ, изъ коихъ первые годы на цѣпи, на хлѣбѣ и водѣ. Какое могло быть тогда понятіе о вопросахъ политическихъ? оно было не по силамъ часто даже людямъ передовымъ. По свидѣтельству того же Бидермана, писатели того времени старались, гдѣ можно было, возбуждать ненависть общества къ дурнымъ князьямъ, любовь къ хорошимъ, и выставляли хорошихъ въ примѣръ; но о какомъ-нибудь лучшемъ порядкѣ вещей думали до конца восьмидесятыхъ годовъ весьма немногіе, а кто и думалъ, берегся высказывать. Чтобы общество привыкло оглядываться на свою жизнь, надо было прежде всего вообще перевоспитать его. Именно это и было главною задачею, цѣлью, жизнью Лессинга. Предметъ рѣчи былъ ему только средствомъ, только поводомъ къ изложенію самыхъ жизненныхъ мотивовъ, и потому всякая скучнѣйшая, давно забытая въ архивахъ, средневѣковая рукопись давала ему тему къ живой современной и для всякаго, даже лѣниваго, интересной статьѣ. Лассаль, въ своей статьѣ о Лессингѣ, обращаетъ вниманіе на кажущіяся противорѣчія въ его удивительной, замѣчательной натурѣ, видя въ немъ свѣжесть жажды знанія и отсутствіе боязни передъ тѣмъ, что называютъ книжною пылью; быстрое, непосредственное пониманіе прекраснаго и стремленіе къ глубочайшей обдуманности; всесторонность знанія и умѣнье объ единичномъ говорить такъ, какъ будто оно все; по преимуществу критическое направленіе и способность критику возводить въ творчество. Все это прямо вытекало изъ цѣлей литературнаго труда Лессинга. Не привязываясь исключительно ни къ какой спеціальности знанія, онъ входилъ всюду, чтобъ давать знанію направленіе, полезное жизни, чтобъ будить и пріучать къ свободѣ мышленія, къ самостоятельному труду. Лессингъ сравниваетъ свою дѣятельность съ работой вѣтряной мельницы. «Были бы зерна,—она будетъ молоть. Всѣ вѣтры ей друзья, только бы ей дана была возможность свободно повора-

чиваться около оси,—и никто не покушайся остановить ее, кто не сильнѣе вѣтра, который ее двигаетъ, иначе онъ взлетитъ на воздухъ и не спустится на землю мягче, чѣмъ такъ, какъ упадетъ». Продолжая метафору, можно прибавить: не столько важно было, какія зерна мелются, сколько то, чтобъ всякія зерна обращались въ муку и хлѣбъ и дѣлались удобными для пищи общественной. Горе было тѣмъ, кто хотя бы косвенно мѣшалъ этому дѣлу. Подъ перомъ Лессинга разлетались въ прахъ всякая распущенность и распутство въ литературѣ, всякія стачки литературныхъ кружковъ, основанныя на взаимномъ подкуриваньи, часто не безъ ущерба правдѣ,—и никакая лесть не могла затуманить его ясное зрѣніе. Не одинъ Клоцъ, филологъ, пользовавшійся тогда извѣстностью, къ нему ласкался и ухаживалъ за нимъ, чтобъ его благодатнымъ одобреніемъ упрочить славу своихъ поверхностныхъ работъ по археологіи, и не одинъ Клоцъ понесъ достойную кару недобросовѣстности своего труда. «Много тщедушныхъ писательствъ (по словамъ Гейне) окружилъ Лессингъ своей остроумной насмѣшкой, своимъ драгоцѣннымъ юморомъ, и въ сочиненіяхъ его они сохраняются навѣки, какъ насѣкомыя въ кускѣ янтаря». И почти всѣ, кому Лессингъ доставилъ такое незавидное безсмертіе своими уничтожающими побѣдами, начинали заискиваніемъ передъ нимъ, и только оскорбленные его равнодушіемъ пускались въ полемику на свою погибель. Даже ортодоксальный циникъ Гёце похваливалъ его и поилъ хорошимъ рейнвейномъ въ своемъ гамбургскомъ пасторскомъ домѣ, прежде чѣмъ заподозрилъ въ невниманіи и рѣшился печатно выступить противъ него; даже близкіе пріятели Лессинга, восторженные его поклонники, какъ Николаи, часто не узнавали его въ его сочиненіяхъ и горько сѣтовали, чуя, что они ему вторятъ, но онъ имъ—никогда. Другъ всего живого и хорошаго въ комъ угодно, онъ не щадилъ никого, не потакалъ никому, не принадлежалъ ни къ какому литературному кружку, хоть и задавалъ тонъ всѣмъ; онъ, какъ Дантъ, могъ про себя сказать, что самъ и одинъ составлялъ всю свою партію. Все это сдѣлало Лессинга какъ бы профессоромъ человѣчества, который, давая жизненный методъ труда, въ то же время привлекалъ къ труду

увлекательнымъ примѣромъ силы побѣдъ, очевидности результатовъ.

Вѣрный своему назначенію, Лессингъ не отдавался разработкѣ слишкомъ чуждыхъ его націи политическихъ вопросовъ, хотя имѣлъ къ тому и склонность, и дарованіе, что доказываютъ многіе намеки, тамъ и здѣсь разсѣянные въ его сочиненіяхъ и набросках. Онъ всегда помнилъ, что нельзя учить танцовать младенца, еще не умѣющаго ходить, и, вмѣсто политической жизни, взялъ предметомъ своихъ сочиненій жизнь искусства и религіозныхъ вѣрованій, составлявшихъ все наиболѣе близкое, понятное и дорогое тогдашнему разуму народному. Въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ примѣровъ, высказалъ Лессингъ основы пониманія прекраснаго, вытекающія прямо изъ жизни и служащія ей; искусство дѣланное, лживое, напускное, должно было погибнуть; болѣзненная, святошеская мечтательность, которая такъ легко могла мириться съ тунеядствомъ, лѣнью и даже жестокостью, теряла всю свою привлекательность; грубость и распущенность перестали считаться честной простотой. Лессингъ раскрывалъ глаза людямъ на хорошее въ искусствѣ, и пріобрѣтенное, такимъ образомъ, зрѣніе помогало распознавать хорошее и въ жизни. Понятно, что сфера религіозныхъ воззрѣній не давала ему такого простора, какъ критика произведеній искусства. Въ критикѣ искусства все основывалось на знаніи, изъ котораго прямо могло вытекать понятіе о правдивомъ и ложномъ, о живомъ, жизненномъ и напускномъ, о здоровомъ и болѣзненномъ, о полезномъ и вредномъ; въ области религіозныхъ пониманій слишкомъ многое можетъ опираться на суевѣріе и гипотезы, которыя иногда такъ упорно гнѣздятся въ массахъ, что голословно отвергать ихъ въ критикѣ, по ихъ очевидной несостоятельности, часто значило бы оттолкнуть отъ себя того, кому хочешь быть полезнымъ; между тѣмъ какъ обсужденіе ихъ законами жизни и разума по многимъ причинамъ было неудобно, и особенно во дни Лессинга даже и преждевременно. Лессингъ слишкомъ ясно и свѣтло смотрѣлъ на вещи, чтобъ путаться въ метафизическихъ разсужденіяхъ такъ-называемыхъ популярныхъ философовъ его времени и замѣнять ихъ гипоте-

зами гипотезы пасторовъ, досужимъ измышленіемъ ихъ фантазіи измышленія блюстителей церковной обрядности. «Если міръ,—говоритъ Лессингъ,—долженъ непремѣнно питаться ложью, то ложь старая нисколько не хуже новой». Но онъ менѣе, чѣмъ кто-нибудь, способенъ былъ врываться въ міръ религіозныхъ пониманій дикимъ деспотичнымъ разрушителемъ, хотя бы и суевѣрія, глубоко вкоренившагося. Его одинаково возмущала и тупая нетерпимость пасторовъ, навязывавшихъ во что бы то ни стало узкія рамки своего клерикализма, и пошлое, не менѣе нетерпимое, безвѣріе модныхъ вольнодумцевъ, глядѣвшихъ презрительно на всякаго, кто добивался своихъ воззрѣній путемъ труда, изслѣдованія, усиленнаго мышленія, а не бралъ ихъ съ вѣтру у французскихъ энциклопедистовъ. Горячая любовь къ человѣчеству постоянно подсказывала ему, что въ дѣлѣ изслѣдованія истины, если онъ самъ до чего-нибудь и додумался, это еще не даетъ ему права требовать, чтобъ всякій вдругъ и непосредственно могъ принять его развитіе *); если самъ онъ сумѣлъ отвернуться отъ деревяннаго идолища предразсудковъ, передъ которымъ преклоняются его современники, то это не даетъ права бросать въ него грязью и разбивать его. Постояннымъ стремленіемъ Лессинга было не столько разрушать, сколько приводить общество къ такому развитію, чтобъ это разрушеніе совершилось само собою; цѣль Лессинга была не отогнать отъ лжи, а заставить отойти отъ нея. И оттого въ его знаменитомъ послѣднемъ произведеніи, въ его статьѣ: «О воспитаніи человѣческаго рода», такъ горячо вырвалось у него восклицаніе: «Остерегайся ты, болѣе даровитая личность, ты, пылающій жаждой уничтоженія за послѣдней страницей книги твоего первоначальнаго развитія,—остерегайся давать замѣтить твоимъ слабѣйшимъ соученикамъ, что̀ ты почуялъ или уже начинаешь видѣть!»

Въ этомъ именно заключается существенное различіе между работами Лессинга по эстетикѣ, по развитію понятія объ изящ-

*) Въ «Натанѣ» онъ съ обычною наглядностью высказываетъ эту мысль, заставляя мудраго еврея возмущаться, что султанъ требуетъ отъ него правды законченной, наличной, а не изслѣдованія ея,—правды, какъ новая монета, которую цѣнятъ по чекану (на вѣру), а не по вѣсу металла (т. е. по сознанному достоинству).

номъ и здравомъ въ искусствѣ, и работами философскими и теологическими. Въ первыхъ, къ которымъ вполнѣ было приложимо положительное знаніе, онъ могъ смѣло подойти ко всякому бездушному кумиру и сказать толпѣ: «глядите, тутъ жизни нѣтъ, это—мертвое дерево; вы слишкомъ издали на него смотрите, вы не знаете дороги, по которой къ нему добраться,—идите за мной!» И толпа шла за нимъ, и онъ не оскорблялъ ея задушевныхъ мыслей, даже не низвергалъ передъ ней кумира, а заставлялъ людей самихъ убѣждаться въ его ничтожествѣ и отходить отъ него. Оттого-то эстетическія основы Лессинга такъ ясны, такъ просты, что и теперь во многомъ неизмѣнно служатъ къ уразумѣнію прекраснаго и только въ подробностяхъ разрабатываются послѣдующими писателями, оттого Лессингъ по преимуществу, какъ выражается про него Маколей, величайшій въ мірѣ критикъ. Но такъ же смѣло не могъ онъ обращаться съ кумирами, окруженными ѳиміамомъ суевѣрія. Тутъ сплошь и рядомъ никакія положительныя знанія не могли помочь указывать дорогу. Лессингъ видѣлъ, что ѳиміамъ слишкомъ часто застилаетъ глаза толпѣ, которая, блуждая въ немъ, безпрестанно путается и теряетъ изъ виду вожака, что такимъ образомъ вожакъ подходилъ къ кумиру одинъ, а толпа всетаки оставалась далеко, и ее бы только оскорбляло всякое покушеніе на неприкосновенность ея святыни. Надо было основами любви сплотить бродящую въ разныя стороны толпу, надо было разсѣять ѳиміамъ. Но этого, конечно, нельзя было достигнуть, напуская новаго тумана, какъ дѣлали метафизики. При всей любви къ философскимъ занятіямъ, Лессингъ не создалъ никакой философской системы и, собственно говоря, не принадлежалъ ни къ одной изъ существовавшихъ въ его время; его теологическими сочиненіями нѣтъ возможности даже мало-мальски опредѣленно очертить его личныя въ этомъ отношеніи воззрѣнія. «Мое Credo не написано ни въ одной книгѣ»,—говоритъ Лессингъ, и восхваляетъ Лейбница за то, что онъ не выставлялъ всегда на-голо все, до чего додумался, а предоставлялъ догадываться всякому, кто до него доросъ. Такимъ образомъ, Лессингъ не мало удивлялъ завзятыхъ спеціалистовъ, появляясь, повидимому, то въ томъ, то въ другомъ лагерѣ: ярые философы называли его обскурантомъ,

ярые клерикалы атеистомъ, и до сихъ поръ, конечно, историки литературы не поставили строгихъ границъ его философскимъ и религіознымъ пониманіямъ; ихъ споры привели только къ тому, что нашлись даже мудрецы, которые, желая разомъ отдѣлаться отъ такой трудной задачи, не задумались пренаивно приписать всѣ его теологическія работы гимнастическому упражненію въ слогѣ *).

Причина этому ясна. Лессингъ не имѣлъ въ виду ставить какія-нибудь своимъ умомъ измышленныя правила религіи; онъ хотѣлъ только способствовать тому, чтобы общество само вырабатывало эти правила путемъ свободнаго изслѣдованія, разумной критики жизни, путемъ широкой любви къ человѣчеству. Только передъ самой смертью, въ книжкѣ «О воспитаніи рода человѣческаго», обронилъ онъ свою завѣтную мысль, что «человѣчество идетъ къ тому, чтобы любить добродѣтель ради самой добродѣтели, и что всякія другія правила нравственности суть только фазы человѣческаго развитія», да и ту онъ счелъ нужнымъ окружить нѣкоторой обстановкой ему современныхъ воззрѣній, да и самую книгу не издалъ самъ и, узнавъ, что она издана, писалъ брату: «я никогда не признàю ее своимъ сочиненіемъ». Такъ онъ былъ далекъ отъ того, чтобы насильственно изгонять изъ людей ихъ убѣжденія и требовать покорнаго принятія его собственныхъ, хотя бы и считалъ свои наилучшими. Онъ зналъ, что если и найдешь такихъ простяковъ или лѣнивцевъ, которые не разсуждая и безспорно примутъ готовую, чужимъ умомъ выработанную, истину, то непривольно будетъ истинѣ въ такихъ головахъ: будетъ она въ нихъ только празднымъ словомъ, чуждымъ жизни и дѣла, и такъ же скоро примѣшается къ ней ложь и предразсудокъ, и такъ же скоро выгонятъ ее, какъ скоро пріютили. Лессингъ высказываетъ эту мысль еще двадцатидвухлѣтнимъ юношей, когда, убѣдившись, что исчерпалъ все, что могъ дать ему лейпцигскій университетъ, онъ переѣхалъ въ Берлинъ, чтобы начать тамъ свою литературную карьеру. На упреки родителей, приходившихъ въ ужасъ отъ его необычной и будто бы безпутной жизни, отъ его близости съ писателемъ Миліусомъ, кото-

*) Смотри Literaturgeschichte des XVIII Jahrh., v. Hettner. 1864, 3 Theil, 2 Buch. S. 594.

раго считали безбожникомъ, Лессингъ отвѣчаетъ (1749 г.): «время покажетъ, тотъ ли наилучшій христіанинъ, кто сохраняетъ въ памяти правила христіанскаго ученія, ходитъ въ церковь и выполняетъ всѣ обряды, потому-что они обычны, или тотъ, кто разъ благоразумно усомнился и путемъ изслѣдованія достигъ своего убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, стремится къ тому. Христіанская религія не есть вещь, которую должно брать у родителей, повѣривъ имъ на слово. Правда, что большинство людей получаетъ ее отъ нихъ, какъ имущество, но они своимъ поведеніемъ и показываютъ, какіе они христіане!» И въ то же время печатаетъ онъ въ фельетонахъ берлинской газеты свой основной принципъ любви и терпимости, одинаково относящійся ко всякому насилію—исходитъ ли оно отъ ярыхъ блюстителей церкви, или отъ ярыхъ блюстителей безвѣрія: «сшивать единую религію,—говоритъ онъ,—прежде чѣмъ позаботиться привести людей къ единодушному выполненію ихъ дѣла, есть пустая выдумка. Двухъ злыхъ собакъ не сдѣлаешь добрыми, запирая ихъ въ одну конуру. Не согласованіе во мнѣніяхъ, а согласованіе въ добродѣтельныхъ поступкахъ дѣлаетъ свѣтъ спокойнымъ и счастливымъ».

Теологическія сочиненія Лессинга по преимуществу относятся къ двумъ эпохамъ его жизни: во-первыхъ, къ молодымъ годамъ, 23—25 лѣтъ, когда онъ въ Виттенбергѣ изучалъ литературу реформаціи; во-вторыхъ, къ его послѣднимъ годамъ, когда онъ принялъ мѣсто библіотекаря вольфенбюттельской библіотеки и сталъ разрабатывать и издавать хранившіеся въ ней матеріалы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ начинаетъ издательствомъ чужихъ теологическихъ сочиненій. Издаетъ онъ большею частью сочиненія людей, признанныхъ церковью еретиками, и, во многомъ не соглашаясь съ этими авторами, отстаиваетъ своими примѣчаніями и разъясненіями ихъ право на свободную критику. Многія изъ таковыхъ сочиненій были уже давно забыты, сдѣлались достояніемъ исторіи; нѣкоторые изъ вопросовъ, ими оспариваемыхъ, порѣшила реформація, и, стало-быть, теологическія изслѣдованія о нихъ являлись какъ бы на чисто исторической почвѣ. Умѣя превращать сухую, никому, кромѣ спеціалистовъ,

не интересную матерію въ занимательныя, жадно перечитываемыя сочиненія, Лессингъ заставлялъ читателя разумно вглядываться въ дѣло совѣсти вообще, быть объективнымъ судьей представляемаго факта и выслушивать безъ боязни, безъ глупаго недовѣрія тѣ положенія, которыми онъ велъ свое общество впередъ. Оттого ни его изданія виттенбергскихъ работъ, ни его первыя изданія «Изъ сокровищъ вольфенбюттельской библіотеки» не вызвали выдающихся печатныхъ порицаній со стороны строгихъ клерикаловъ, несмотря на то, что и въ этихъ сочиненіяхъ уже ясно очерчивались его взгляды. Какъ уже было сказано, самый непримиримый противникъ Лессинга, пасторъ Гёце, заявлялъ о немъ, какъ о замѣчательно талантливомъ писателѣ и ученомъ до изданія, такъ-называемыхъ, «Вольфенбюттельскихъ отрывковъ неизвѣстнаго». Изданіе этихъ отрывковъ (мы еще вернемся къ нимъ въ слѣдующей главѣ) и вызвало бурную полемику, послужившую основаніемъ главныхъ теологическихъ сочиненій Лессинга; но публика была имъ приготовлена къ такому чтенію, споръ былъ легче. «Христіанство, — говорилъ Лессингъ въ чудной параболѣ, вызванной этимъ споромъ, — идетъ своимъ вѣчнымъ, постепеннымъ шагомъ, и затменія не выводятъ планетъ изъ орбитъ. Секты христіанства, это фазы его, которыя не могутъ устоять на мѣстѣ иначе, какъ оцѣпенѣніемъ всего міра, когда бы и солнце, и планеты, и наблюдатель упорно остановились на одномъ пунктѣ. Избави насъ Боже отъ такого оцѣпенѣнія». Именно противъ этого оцѣпенѣнія болѣе всего воевалъ Лессингъ, и тѣмъ неопровержимѣе были его доводы, что онъ не выходилъ изъ сферы своихъ противниковъ, доказывая имъ ихъ непониманіе основаній религіи, которую они отстаивали, и Лютера, на котораго ссылались. Дорогія обществу влеченія къ тому и другому оставались при этомъ неприкосновенными. «Я всегда находилъ наилучшаго христіанина среди тѣхъ, которые менѣе всего были знакомы съ теологіей»,—говоритъ Лессингъ въ разгарѣ своей полемики и сравниваетъ этого наилучшаго христіанина съ побѣдителемъ, широко завоевывающимъ страну, оставляя въ сторонѣ крѣпости и не обращая на нихъ вниманія, тогда какъ протестантскіе теологи о нихъ-то и разбиваютъ себѣ

лобъ. Лессингъ и дѣйствовалъ, какъ говорилъ. Ратуя съ неудержимой энергіей, онъ держался открытаго поля жизни и обходилъ логовища, окруженныя каменными стѣнами предразсудковъ и суевѣрія; стѣны должны были упраздняться и рушиться сами собой, когда побѣда добродѣтельныхъ основъ жизни дѣлалась очевидною.

Итакъ, съ одной стороны право разума на свободное изслѣдованіе въ дѣлѣ вѣры и совѣсти, съ другой право разума идти въ своемъ развитіи сообразно съ обстоятельствами, не вездѣ и не всегда одинаково скоро,—это именно и составляетъ единство, присущее всѣмъ теологическимъ сочиненіямъ Лессинга, на какой бы почвѣ они ни происходили, это и была та связующая нить, на которую авторъ нанизывалъ свой жемчугъ, начиная отъ помянутыхъ двухъ отрывковъ двадцатидвухлѣтняго фельетониста до величайшаго изъ его созданій: «Натана Мудраго». Это и должно быть точкою отправленія нашихъ сужденій при чтеніи предлагаемой драмы.

Ко всему этому еще необходимо прибавить, что, какъ эти данныя, порожденныя самой глубокой любовью къ человѣчеству, такъ и вообще сила, плодотворность и убѣдительность таланта Лессинга, много зависѣли отъ его личныхъ свойствъ и характера. Онъ могъ смѣло, безъ обиняковъ и потачекъ, требовать честности, любви и другихъ добродѣтелей, потому-что самъ обладалъ ими въ полной мѣрѣ; онъ могъ проповѣдывать истинную свободу, потому-что мало есть на свѣтѣ людей настолько нравственно свободныхъ, какимъ былъ онъ. Въ личности Лессинга природа какъ бы хотѣла дать живой поучительный примѣръ необычайной силы духа человѣческаго, изумительный примѣръ прекраснаго въ трагичномъ. Перечитывая его біографію, не можешь отдѣлаться отъ какой-то тихой грусти, отъ негодованія на общество, окружавшее этого чуднаго человѣка, какъ назвала его Елизавета Реймарусъ, и какъ хоромъ повторяютъ за ней нѣмецкіе писатели. Но это не разслабляющая грусть, это не злоба отчаянія, напротивъ: въ этой грусти и негодованіи кроется бодрое чувство довѣрія къ человѣческимъ силамъ, къ непобѣдимости ясной и здоровой нравственной жизни. Видя, какъ много любви къ человѣчеству вкладываетъ Лессингъ въ каждое свое сочиненіе, трудно повѣрить, что вся его

3*

жизнь прошла подъ постоянными щелчками судьбы отъ самыхъ трагичныхъ, какъ смерть жены его, до самыхъ мелочныхъ, до необходимости тревожиться изъ-за недостатка обуви и платья. Трудно повѣрить, что если судьба и хотѣла иной разъ побаловать его, то словно нарочно дѣлала это для того, чтобъ показать, чтò бы она могла ему дать, и чего все-таки не даетъ. Трудно повѣрить, наконецъ, что даже въ виду этой жизни, въ которой не было ни одного затаеннаго скрытаго шага, человѣческая пошлость и злоба преслѣдовали постоянно этого «чуднаго» человѣка самой грязной клеветой. Вольтеръ, безцеремонно пользовавшійся предосудительной спекуляціей, съ цѣлью наживы, заподозрѣваетъ Лессинга въ литературномъ воровствѣ и высказываетъ это ему въ глаза за то, что ему, молодому нѣмецкому литератору, близкому пріятелю Вольтероваго секретаря, довелось прочитать въ рукописи тогда еще не напечатанное сочиненіе Вольтера: «Вѣкъ Людовика XIV». Обиженный пасторъ Ланге подозрѣвалъ Лессинга въ подкупѣ. Долгую разлуку, на которую и Лессингъ, и его невѣста обрекли себя, чтобъ прежде привести въ порядокъ запутанныя дѣла ея семейства, приписывали услужливые сплетники тому, что Лессингъ уклоняется отъ брака, убѣдившись будто бы, что за невѣстой приданаго меньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Самое изданіе его «Натана» было ему отравлено гнусной сказкой: говорили, будто бы, за изданіе Вольфенбюттельскихъ отрывковъ Лессингъ получилъ тысячу червонцевъ отъ евреевъ. И все это люди позволяли себѣ громко высказывать про человѣка, который во всю свою жизнь не прожилъ и пяти лѣтъ безбѣдно, не принужденный думать о дырявыхъ башмакахъ да о кускѣ хлѣба, именно пять лѣтъ, когда онъ запрягъ себя въ канцелярскую службу у генералъ-губернатора въ Бреславлѣ. Тамъ, занятый работою надъ финансовыми операціями, предпринятыми тогда королемъ Фридрихомъ Великимъ, Лессингъ, прежде чѣмъ кто-нибудь, получалъ извѣстія о всякихъ, по этому поводу, распоряженіяхъ правительства и, конечно, могъ бы спекуляціей, завоевавшей себѣ — яко бы не безчестное — имя биржевой игры, пріобрѣсть добрый капиталецъ, даже не возбуждая чьего-нибудь нареканія; но такъ далекъ онъ былъ отъ этой житейской мудрости,

Fr. Pecht gez.

Жена Г. Р. Державина

Изданіе и собствен. А. Ф. Маркса

что не выдержалъ и пяти лѣтъ зависимости: вернулся къ своей литературной работѣ такимъ же нищимъ, какимъ былъ прежде, и *даромъ*, не получивши ни гроша гонорара, поднесъ своей націи одно изъ прелестнѣшихъ произведеній, комедію: «Минна фон-Барнгельмъ». Знаменитому, признанному націей, перечитываемому до того жадно, что спекулянты наживаются контрафакціей его сочиненій, — ему, повидимому, ничего, кромѣ литературной работы, не удается. Въ 1755 году молодой богачъ Винклеръ предлагаетъ Лессингу сдѣлать на его счетъ вмѣстѣ путешествіе по Европѣ; условія поѣздки самыя благопріятныя. Двадцатисемилѣтній Лессингъ пишетъ о нихъ Мендельсону: «я буду путешествовать!—но не какъ воспитатель, не подъ гнётомъ навязаннаго на душу мальчика, не по предписаніямъ своенравнаго семейства, а просто какъ спутникъ человѣка, у котораго найдется достаточно средствъ и желанія, чтобъ сдѣлать мнѣ путешествіе настолько полезнымъ и пріятнымъ, какъ бы я этого самъ для себя хотѣлъ. Это молодой Винклеръ, почти мой ровесникъ, прекраснаго характера, безъ родителей и друзей, съ желаніями которыхъ долженъ былъ бы сообразоваться. Онъ готовъ предоставить мнѣ планъ поѣздки и пожалуй будетъ больше онъ путешествовать со мной, чѣмъ я съ нимъ». Лессингъ въ восторгѣ: онъ поѣдетъ въ Италію, увидитъ на мѣстѣ оригинальные памятники древняго искусства; но какъ разъ въ это время открывается семилѣтняя война, и всѣ свѣтлыя надежды должны рушиться, такъ какъ Винклеру необходимо изъ-за войны вернуться на родину въ Саксонію. Лѣтъ черезъ двадцать совершается нѣчто совершенно обратное, но еще болѣе грустное для Лессинга. Въ сороковыхъ годахъ своей жизни онъ намѣревается жениться на вдовѣ гамбургскаго купца, Евѣ Кёнигъ. Послѣ долголѣтнихъ ожиданій, наконецъ, всѣ препятствія къ браку устранены, горячо любящіе другъ друга женихъ и невѣста встрѣчаются въ Вѣнѣ. Знаменитаго писателя радушно чествуютъ: онъ ласково принятъ при дворѣ, въ театрѣ даютъ его пьесу «Эмилія Галотти» и публика встрѣчаетъ его рукоплесканіемъ, онъ посѣщаетъ музеи, библіотеку, онъ все свободное время проводитъ подлѣ своей милой Евы. Съ нею вмѣстѣ собирается Лессингъ вернуться въ Вольфенбюттель и по дорогѣ

заѣхать вдвоемъ въ Каменцъ, навѣстить старушку-мать, которую не видалъ десять лѣтъ. Лессингъ счастливъ, какъ никогда до сихъ поръ не бывалъ; недалека и давно желанная его женитьба; но именно тутъ-то онъ и принужденъ ѣхать въ Италію, сопровождая молодого принца, сына герцога, на службѣ котораго Лессингъ находился библіотекаремъ. Свадьбу пришлось опять отложить, и болѣе чѣмъ на цѣлый годъ. Да еще и самое путешествіе было жестоко отравлено плохой почтой того времени; женихъ и невѣста по нѣскольку мѣсяцевъ не получали никакихъ извѣстій другъ о другѣ. Та же поѣздка, о которой прежде мечталось съ такимъ восхищеніемъ, теперь была исполнена скрѣпя сердце и среди постоянныхъ тревогъ. Пришлось бы переписать всю біографію Лессинга, если бъ мы захотѣли прослѣдить всѣ подробности неудачъ, среди которыхъ совершалась громадная, плодотворная дѣятельность его. Подъ конецъ жизни судьба, повидимому, хотѣла смилостивиться надъ нимъ, улыбнулась ему: 8-го октября 1776 года, почти 48-ми лѣтъ отъ роду, Лессингъ женился. Четырнадцать мѣсяцевъ, прожитыхъ имъ съ женой тихой, семейной жизнью въ Вольфенбюттелѣ, были полны такого счастья, что оно отражается даже въ перепискѣ пріятелей, посѣщавшихъ его въ тотъ годъ. Мендельсонъ, ужъ по однимъ письмамъ Лессинга и по разсказамъ объ немъ, замѣтилъ, что Лессингъ измѣнился, сталъ спокойнѣе и довольнѣе своимъ положеніемъ, и что его покинуло, хотя и полное таланта, но нѣсколько горькое расположеніе духа, которое за послѣднее время въ немъ встрѣчалъ этотъ другъ. Историкъ фонъ-Шпитлеръ, молодымъ магистромъ провелъ три недѣли, весной 1777 года, въ Вольфенбюттелѣ, работая въ тамошней библіотекѣ. Онъ не могъ достаточно нахвалиться радушнымъ гостепріимствомъ Лессинга и его жены, называя эти дни самымъ лучшимъ и самымъ поучительнымъ временемъ всей своей жизни. Вотъ какъ онъ отзывается объ этомъ знакомствѣ со знаменитымъ писателемъ: «съ Лессингомъ такъ незамѣтно сближаешься, что рѣшительно забываешь, съ какимъ великимъ человѣкомъ имѣешь дѣло,—но если можно гдѣ-нибудь еще болѣе, чѣмъ у Лессинга, встрѣтить человѣколюбія и дѣятельнаго доброжелательства, такъ это у его жены. Такой жен-

щины я не надѣюсь болѣе знать никогда! Какая безыскусственная (unstudierte) доброта сердца, всегда полная божественнаго душевнаго спокойствія, расточаемая съ очаровательной симпатіей всѣмъ, кто имѣетъ счастье съ ней познакомиться. Примѣръ этой великой достойной женщины безконечно поднялъ мои взгляды на ея полъ, и можетъ-быть я еще слишкомъ короткое время пробылъ въ Вольфенбюттелѣ, чтобъ узнать всѣ ея достоинства». Но и это семейное счастье было дано Лессингу какъ будто только для того, чтобъ подготовить сильнѣйшій ударъ: въ декабрѣ 1777 года жена его родила сына, который однако не прожилъ и одного дня, умеръ вскорѣ послѣ родовъ.

Сохранилось письмо Лессинга къ Эшенбургу, ярко носящее слѣды нравственнаго состоянія Лессинга во время болѣзни жены.

Вотъ это письмо:

3 января 1778 года

«Мой милый Эшенбургъ!

Я пользуюсь минутой, когда жена моя лежитъ безъ чувствъ, чтобы благодарить васъ за ваше доброе участіе. Моя радость была только кратковременна. И мнѣ было такъ жаль потерять его, этого сына! онъ былъ такъ уменъ! такъ уменъ! Не подумайте, что нѣсколько часовъ моего родительства уже сдѣлали меня такой обезьяной отцовъ. Я знаю, что я говорю! Развѣ это не былъ умъ, что его пришлось вытаскивать на свѣтъ желѣзными щипцами, что онъ такъ рано проникся подозрѣніемъ? Развѣ это не былъ умъ, что онъ схватился за первый поводъ, чтобы снова развязаться со свѣтомъ? И должно-быть еще маленькій плюгавецъ (Ruschelkopf) уничтожитъ мнѣ съ собой и мать, потому что пока мало надежды, чтобъ я ее сохранилъ. Мнѣ тоже хотѣлось быть счастливымъ, какъ другіе люди. Но мнѣ плохо пришлось.

Лессингъ». *)

Этимъ поэтичнымъ стономъ расплачивался онъ за всю свою жизнь.

---

*) 3 Jan. 1778. Mein lieber Eschenburg! Ich ergreife den Augenblick, da meine Frau ganz ohne Besonnenheit liegt, um Ihnen für Ihren gütigen Antheil zu danken. Meine Frende war nur kurz: und ich verlor ihn so ungern, diesen Sohn! denn er hatte so viel Verstand! so viel Verstand!.. Glauben sie nicht, dass die wenigen Stunden meiner Vaterschaft mich

3 Jan 1778

Mein lieber Eschenburg,

Ich ergreife den Augenblick, da meine Frau ganz ohne Besonnung liegt, um Ihnen für Ihren gütigen Antheil zu danken. Meine Freude war nur kurz: Und ich verlor ihn so ungern, diesen Sohn! denn er hatte so viel Verstand! so viel Verstand! — Glauben Sie nicht, daß die wenigen Stunden meiner Vaterschaft, mich schon zu einem solchen Affen von Vater gemacht haben! Ich weiß, was ich sage. — War es nicht Verstand, daß man ihn mit eisernen Zangen auf die Welt ziehen mußte? daß er so bald Unrath merkte? — War es nicht Verstand, daß er die erste Gelegenheit ergriff, sich wieder davon zu machen? — Freylich zerrt mir der kleine Ruschelkopf auch die Mutter mit fort! — denn noch ist wenig Hoffnung, daß ich sie behalten werde. — Ich wollte es auch einmal so gut haben, wie andere Menschen. Aber es ist mir schlecht bekommen.

Lessing.

Факсимиле письма Лессинга къ Эшенбургу.

Прошла недѣля въ тяжеломъ колебаніи, среди надеждъ и страха. Но судьба и тутъ была безпощадна; предчувствіе не обмануло Лессинга: жена его не вынесла болѣзни. Тому же Эшенбургу писалъ онъ уже 10-го января: «моя жена умерла; мнѣ пришлось пережить и это испытаніе. Я радуюсь, что уже болѣе мнѣ не остается испытывать ничего подобнаго и я совсѣмъ облегченъ.» Съ той же краткостью, съ тѣмъ же глубокимъ чувствомъ душевной боли сообщалъ Лессингъ о своемъ горѣ и своему брату: «Ахъ! я не заслужилъ моего счастья! если-бъ ты зналъ ее! но, говорятъ, хвалить свою жену есть самовосхваленіе. Ну хорошо, я ничего больше про нее не скажу. Но если бы ты зналъ ее! Боюсь я, что ужъ ты никогда больше не увидишь меня, какимъ нашелъ меня нашъ другъ, Моисей, спокойнымъ, довольнымъ, въ моихъ четырехъ стѣнахъ».

Насколько Лессингъ сильно былъ потрясенъ этимъ послѣднимъ и наибольшимъ ударомъ, можно судить по тому, что онъ, вообще здоровый и крѣпкій мужчина, пережилъ ее не болѣе, какъ три года: онъ умеръ 15-го февраля 1781 года, пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду. Но кто бы подумалъ, что именно въ эти три года, когда тѣло его постепенно гасло, что именно въ той комнатѣ, гдѣ онъ лишился такъ сильно любимой жены, что именно тутъ-то, среди продолжавшейся борьбы съ нуждой, и были написаны имъ его лучшія произведенія,—его «Натанъ Мудрый» и «Воспитаніе человѣческаго рода». Извѣстный нѣмецкій романистъ, Фридрихъ Шпильгагенъ, въ публичной лекціи о «Faустѣ и Натанѣ», прочитанной имъ въ 1866 году въ Берлинѣ, дѣлаетъ интересное сопоставленіе моментовъ творчества этихъ двухъ колоссовъ нѣмецкой литературы. Баловень судьбы, беззаботный, великолѣпный Гёте создаетъ свою мрачную трагедію всемірнаго горя—«Фауста»—въ самыя пріятныя и веселыя минуты жизни, въ прелестной обста-

schon zu so einem Affen von Vater gemacht haben! ich weiss was ich sage.—War es nicht Verstand, dass man ihn mit eisernen Zangen auf die Welt ziehen musste? dass er sobald Unrath merkte? War es nicht Verstand, dass er die erste Gelegenheit ergriff, sich wieder davon zu machen? freilich zerrt nun der kleine Ruschelkopf auch die Mutter mit fort! Denn noch ist wenig Hoffnung, dass ich sie behalten werde. Ich wollte es auch einmal so gut haben, wie andere Menschen. Aber es ist mir schlecht bekommen.

Lessing.

новкѣ въ Страсбургѣ, въ Швейцаріи, въ Италіи... Между тѣмъ какъ безсмертная, ясная пѣснь любви и счастья человѣческаго—«Натанъ» — вылилась изъ-подъ пера вѣчно гонимаго Лессинга, въ часы тяжелыхъ испытаній, въ скучные зимніе мѣсяцы уединеннаго малолюднаго городка Вольфенбюттеля... На развалинахъ окончательно разбитой жизни, въ бѣдной комнаткѣ, подъ завыванія холоднаго вѣтра, застилавшаго снѣгомъ его окна, Лессингу грезилось свѣтлое счастье родственной не только по крови, но и по духу, честной семьи,—счастье, освѣщенное теплымъ, полуденнымъ солнцемъ, осѣненное богатыми широколиственными пальмами. Конечно, выводъ, который дѣлаетъ изъ этого Шпильгагенъ,— что для живописанія высшаго блаженства авторъ долженъ испытать глубочайшее горе,—есть только эффектная заключительная фраза лекціи, но несомнѣнно, что для такого творчества нужно быть великимъ и сильнымъ характеромъ. Лессингъ былъ какъ бы олицетвореніемъ и результатомъ всего, что было лучшаго въ нравственной жизни его общества, «Натанъ Мудрый» явился олицетвореніемъ и результатомъ жизни самого Лессинга, и оттого созданіе этого произведенія было такъ поразительно независимо отъ личной житейской обстановки его автора.

Посмертная маска Лессинга.

II.

Лѣтомъ 1769 года Лессингъ еще жилъ въ Гамбургѣ, только что закончивъ изданіе своей театрально-критической газеты: «Гамбургская драматургія», но уже съ рѣшительностью — надолго покинуть какія бы то ни было работы для театра и уѣхать въ Италію изучать художественныя древности. Въ это время пришло изъ Венеціи извѣстіе о смерти купца Кёнига, на вдовѣ котораго Лессингъ впослѣдствіи женился. Его близость къ семьѣ Кёнига, его участіе въ судьбахъ этой семьи, наконецъ, его любовь ко вдовѣ, вскорѣ развившаяся до надежды на бракъ, задержали Лессинга въ Гамбургѣ долѣе, чѣмъ онъ думалъ, и какъ разъ въ октябрѣ того же года онъ получилъ чрезъ Эберта, бывшаго воспитателя брауншвейгскаго принца Фердинанда, приглашеніе занять мѣсто библіотекаря въ герцогской библіотекѣ маленькаго городка Вольфенбюттеля. Лессингу было сорокъ лѣтъ; его значеніе въ литературѣ, его слава были упрочены; но онъ все еще оставался тѣмъ же «воробьемъ на крышѣ», какъ самъ себя называлъ. Эта жизнь начинала утомлять его; мысль о женитьбѣ, желаніе отдохнуть семейнымъ счастьемъ заставили его отнестись къ предложенію Эберта весьма сочувственно. Въ ноябрѣ Лессингъ съѣздилъ въ Брауншвейгъ, познакомился съ принцемъ Фердинандомъ, который, за старостью герцога, управлялъ герцогствомъ; писатель и принцъ понравились другъ другу, и дѣло было заключено. Правда, Лессингъ до нѣкоторой степени про-

давалъ свою свободу за какіе-нибудь 600 талеровъ годового содержанія, но принцъ тогда былъ полонъ меценатскаго настроенія; служба у него казалась не тягостною, въ будущемъ имѣлось въ виду увеличеніе жалованья, и къ тому же пользованіе богатою библіотекою было не безъ заманчивости. 18-го апрѣля 1770 года Лессингъ уѣхалъ изъ Гамбурга въ уединенный Вольфенбюттель, гдѣ ему суждено было дожить свои послѣднія одиннадцать лѣтъ и среди минутъ наибольшаго счастья и наибольшаго горя создать свои лучшія произведенія. Поѣздка въ Италію была отложена и состоялась послѣ, какъ мы видѣли, въ самое неудобное для Лессинга время. Сдѣлавшись библіотекаремъ, Лессингъ хотѣлъ показать, что не даромъ принялъ эту должность, и занялся утомительной и тяжелой разработкой хранившихся въ библіотекѣ рукописей, издавая свои работы подъ общимъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи и литературы изъ сокровищъ герцогской библіотеки въ Вольфенбюттелѣ». Въ это изданіе и помѣстилъ онъ въ 1774 году первый изъ тѣхъ отрывковъ, которые впослѣдствіи вызвали его знаменитый споръ съ пасторомъ Гёце.

Рукопись, по которой печаталъ Лессингъ эти отрывки, принадлежала умершему въ Гамбургѣ въ 1768 году профессору восточныхъ языковъ Герману Реймарусу и носила заглавіе: «Апологія или защитительное сочиненіе для разумныхъ почитателей Бога». Лессингъ получилъ ее уже по смерти автора отъ его семейства, съ которымъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ во время пребыванія въ Гамбургѣ. Реймарусъ всю свою жизнь много работалъ надъ философскими и теологическими вопросами. Свою «Апологію» онъ началъ писать уже 50-ти лѣтъ отъ роду, и 20 лѣтъ надъ нею работалъ. Онъ писалъ, какъ выражался въ предисловіи, только для собственнаго душевнаго успокоенія, чтобъ удовлетворить себя и возникшія въ немъ сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, рукопись въ копіяхъ была кое-кому извѣстна въ Германіи, хотя и безъ имени автора, и только много лѣтъ спустя послѣ смерти Лессинга съ положительностью было доказано, что она принадлежала перу Реймаруса. Написанное, съ точки зрѣнія англійскихъ деистовъ, сочиненіе это имѣло цѣлью

доказать, вопреки ученію протестантскихъ пасторовъ, что религія разума не зависитъ отъ писаній, признанныхъ священными, которыя для того авторъ и провѣрялъ исторической критикой. Въ отрывкахъ, изданныхъ Лессингомъ, авторъ упрекалъ правительства и протестантскихъ клерикаловъ въ томъ, что они ско-

Германъ Самуилъ Реймарусъ, авторъ Вольфенбюттельскихъ отрывковъ.

рѣе готовы мириться со всякимъ грубымъ суевѣріемъ, чѣмъ со стремленіемъ къ разумному сознанію, возбуждающему всегда ихъ недовѣріе. Онъ заявлялъ, что ревность противъ благороднѣйшей человѣческой способности, разума, есть слабая, слѣпая, испорченная, обманчивая руководительница религіи, не отвѣчающая духу Христа. «Вы дѣлаетесь смѣшными вслѣдствіе противорѣчія

вашихъ поступковъ, — писалъ онъ, — потому-что вы браните и позорите тотъ самый разумъ, безъ котораго вы сами не можете обойтись для вашихъ доказательствъ и разъясненій. Вы отстраняете другихъ отъ употребленія того, чѣмъ вы сами ежеминутно пользуетесь, и въ этомъ отношеніи ни на волосъ не лучше обруганныхъ вами католическихъ духовныхъ, запрещающихъ мірянамъ читать библію, чтобъ, сдѣлавшись исключительными ея чтецами, толковать ее по своему желанію». За симъ въ рядѣ другихъ отрывковъ дѣлается строгій научный разборъ книгъ Священнаго Писанія и оспаривается ихъ божественное происхожденіе.

Лессингъ, издавая эти отрывки, сопровождалъ ихъ своими примѣчаніями, въ которыхъ, вполнѣ отдавая справедливость ученымъ изслѣдованіямъ автора, во многомъ, однако, не соглашался съ его выводами и мнѣніями. Лессингъ говорилъ, что несовершенство текста Священнаго Писанія еще не есть доказательство его небожественнаго происхожденія, такъ какъ это несовершенство могло имѣть свою цѣлесообразность въ несовершенствѣ развитія человѣчества. Переходя къ христіанству, онъ рѣшительно отвергалъ мнѣніе Реймаруса,. будто историческія противорѣчія вредятъ достоинству религіи и доказательству божественнаго происхожденія евангелія, такъ какъ христіанинъ долженъ опираться на вѣчно современное доказательство въ присущей христіанству внутренней правдѣ, и если-бъ даже ничего нельзя было отвѣтить на всѣ научныя нападки критика, то это еще могло бы смутить ученаго теолога, а не христіанина. Потому-что «какое дѣло христіанину, — говоритъ Лессингъ, — до всѣхъ гипотезъ, объясненій и доказательствъ этого человѣка? Для христіанина все-таки существуетъ христіанство, которое онъ считаетъ такимъ правдивымъ, въ которомъ онъ чувствуетъ себя такъ отрадно! Когда паралитикъ испытываетъ благодѣтельное вліяніе электрической искры, какое ему дѣло Ноллетъ ли, Франклинъ ли, или ни одинъ изъ нихъ не правъ. Словомъ, буква не есть духъ, и книга не есть сама религія. Слѣдовательно, нападки на букву и библію не суть еще нападки на духъ и религію».

Такимъ образомъ, Лессингъ, изданіемъ отрывковъ неизвѣстнаго, достигалъ двухъ цѣлей. Съ одной стороны, онъ показы-

валъ, что ученіе Лютера въ устахъ его послѣдователей не пошло далѣе великаго реформатора, и, такъ сказать, застыло на томъ, что было имъ сдѣлано: Лессингъ наглядно выставлялъ несостоятельность протестантскаго пониманія христіанства, дѣлающаго библію исключительнымъ и непогрѣшимымъ кодексомъ нравственной жизни, изъ чего ясно вытекало, что протестантство еще недалеко опередило католицизмъ, къ которому относилось такъ свысока. Это должно было заставить христіанъ обоихъ вѣроисповѣданій, на которыя дѣлился, враждебно другъ другу, нѣмецкій народъ, искать основъ своей религіи не единственно въ постановленіяхъ духовенства, а во внутреннемъ смыслѣ, присущемъ всякому христіанству, подать другъ другу руку примиренія и взаимной любовью упрочить дальнѣйшее нравственное развитіе. Съ другой стороны, Лессингъ возбуждалъ теологовъ къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ и пріучалъ публику къ чтенію серьезныхъ ученыхъ сочиненій, что прямо вело къ обилію и плодотворности такого рода трудовъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Лессингъ, какъ онъ самъ писалъ брату, хотѣлъ возбудить серьезный строгій споръ, который одинъ могъ привести къ какимъ-нибудь существеннымъ результатамъ. «Несправедливо, — говоритъ онъ, — что всѣ нападки (на современное ему протестантство) уже сдѣланы; еще несправедливѣе, что на всѣ уже отвѣчено. По крайней мѣрѣ, на бо̀льшую часть такъ же жалко отвѣчено, какъ жалки были сами нападки. Мелочность и насмѣшливость, съ одной стороны, нерѣдко вызывали въ отвѣтъ гордость и вздергиванье носа. Обижались тѣмъ, что одна сторона смѣшивала религію съ суевѣріемъ; но въ то же время не совѣстились бранить разумное сомнѣніе, какъ безвѣріе, и провозглашать безбожіемъ довольство тѣмъ, что говоритъ разсудокъ. Тамъ каждаго богослова унижали до значенія простого попа (Pfaffe), здѣсь изъ каждаго философа дѣлали богохульника. Такимъ образомъ, и тотъ, и другой пересоздавали своего противника въ какое-то чудовище, чтобы имѣть право объявить его подъ опалой, чувствуя себя не въ силахъ побѣдить его». Это гордое, молчаливое презрѣніе къ человѣку иного мнѣнія было для Лессинга ненавистнѣе всего, потому-что оно оставляло въ

людяхъ одно только затаенное чувство вражды и ставило несокрушимыя преграды ихъ сближенію. Онъ искалъ спора, онъ требовалъ борьбы, чтобы измѣрились силы враговъ, чтобы оцѣнилось ихъ оружіе, чтобы выяснилось, какъ безсмысленна, какъ не нужна эта вражда для благой жизни человѣка, для его счастья. Не въ молчаливой злобѣ, а въ честномъ открытомъ столкновеніи могли это понять враги и, понявъ, имъ оставалось бы только повѣсить на стѣнку свое оружіе, пожалуй, какъ украшеніе, какъ воспоминаніе о своихъ заблужденіяхъ, но все-таки какъ ненужный для жизни хламъ. «Знаетъ Богъ, — пишетъ Лессингъ къ Гёце еще въ началѣ своей полемики,—что я ничего противъ того не имѣю, чтобы вы и всѣ школьные ректора въ Нижней Саксоніи выступили въ походъ противъ моего неизвѣстнаго. Затѣмъ-то именно и выпустилъ я его въ свѣтъ, чтобы многіе могли его изслѣдовать и обсудить. Еще ему, я думаю, будетъ довольно времени, чтобы попасть въ должныя руки, которымъ, какъ мнѣ кажется, онъ еще не достался. И тогда, я надѣюсь, знакомствомъ съ нимъ доставитъ христіанской религіи гораздо бо́льшую услугу, чѣмъ вы всѣми вашими газетами и собраніями проповѣдей».

Понятно, что протестантскіе пасторы и теологи не могли пропустить молчаніемъ изданія Лессинга, и понятно тоже, что примѣчанія и замѣтки Лессинга возмущали ихъ гораздо болѣе, чѣмъ самые отрывки вольфенбюттельскаго фрагментиста. Какъ ни была строго-научна критика Реймаруса, но въ концѣ концовъ авторъ дѣлалъ изъ нея выводы прямо во вредъ самой религіи христіанской, и это давало возможность легко отъ него отдѣлаться, объявивъ его еретикомъ, недостойнымъ спора. Лессингъ же, напротивъ, высказывая свои возраженія противъ выводовъ Реймаруса, принималъ религію подъ защиту, выдѣлялъ ее изъ-подъ клерикальной подчиненности, ставилъ чистую разумную религію Христа, взамѣнъ ходячей христіанской религіи современныхъ ему протестантскихъ церковниковъ, и такимъ образомъ задѣвалъ за самыя чувствительныя ихъ струны. Его защита религіи была для нихъ гораздо опаснѣе нападокъ Реймаруса, потому что дѣлала ненужнымъ и нелѣпымъ то, за что

они особенно крѣпко держались, уничтожала ихъ неприкосновенное пастырское значеніе, не оскорбляя христіанскихъ чувствъ какого угодно вѣрующаго. Впослѣдствіи, въ своей полемикѣ, Лессингъ очень мѣтко характеризовалъ эту боязнь за свои интересы, вопреки благотворному стремленію къ познанію истины, въ слѣдующихъ поэтическихъ словахъ: «О, вы, глупцы,—говоритъ онъ,—вы, такъ ревностно желающіе изгнать бурный вѣтеръ изъ природы за то, что онъ тамъ похоронитъ корабль на мели, здѣсь другой разобьетъ о скалистый берегъ! О, лицемѣры! мы знаемъ васъ!—не объ этихъ несчастныхъ корабляхъ вы безпокоитесь: вы единственно заботитесь о своемъ собственномъ садикѣ, о своихъ собственныхъ маленькихъ удобствахъ, мелкихъ наслажденіяхъ. Злой вихрь! тамъ сорвалъ онъ крышу съ вашего лѣтняго домика, тамъ сильно пошаталъ онъ отягощенныя плодами деревья, тамъ разметалъ онъ вашу драгоцѣнную оранжерею... Что вамъ за дѣло до того, сколько, сверхъ этого, вихрь приноситъ счастья въ природѣ. Не могъ ли онъ приносить это счастье, не портя вашего садика? Отчего не дуетъ онъ мимо вашего забора или, по крайней мѣрѣ, не надуваетъ щеки послабѣе, когда подходитъ къ вашей межѣ?»

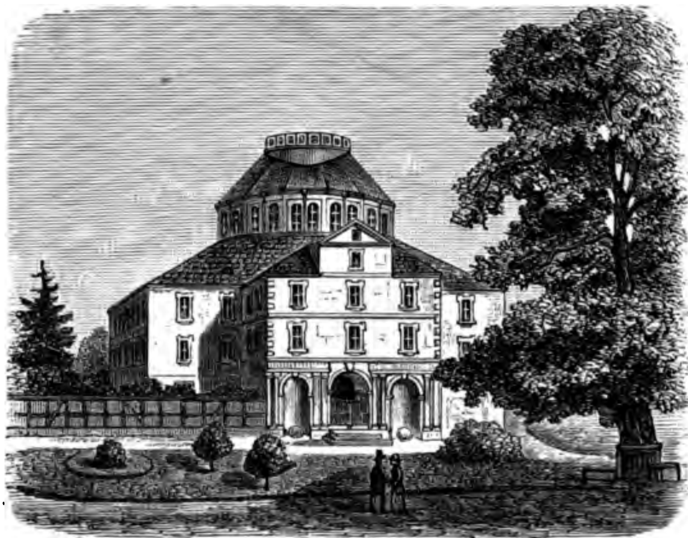
Первые два отрывка рукописи Реймаруса, напечатанные на разстояніи болѣе двухъ лѣтъ другъ отъ друга, еще не вызвали нападокъ со стороны протестантскихъ теологовъ; собственно, только послѣ напечатанія въ 1777 году третьяго отрывка началась та знаменитая борьба, въ которой Лессингъ, побѣдоносно отбиваясь отъ цѣлой клики возмущенныхъ въ лѣнивомъ покоѣ пасторовъ, блистательно закончилъ свою благодатную литературную карьеру. Главнымъ противникомъ, въ лицѣ котораго Лессингъ оспаривалъ всѣхъ остальныхъ, былъ, какъ извѣстно, не разъ уже помянутый гамбургскій пасторъ Гёце, знаменитый своими непримиримыми и карательными проповѣдями, а потому болѣе всѣхъ другихъ возмущенный, болѣе другихъ доходившій до крайностей въ своей брани и озлобленіи, и одинъ изъ всѣхъ сохранившій въ потомствѣ, благодаря Лессингу, громкое, хотя и печальное имя. Въ началѣ декабря 1777 года выступилъ Гёце первой статьей, въ гамбургской газетѣ «Добро-

хотные вклады» (Freiwillige Beiträge). Сперва онъ писалъ еще нѣсколько сдержанно, предостерегая свою паству отъ чтенія Вольфенбюттельскихъ отрывковъ и не упоминая имени Лессинга; но уже въ слѣдующемъ году появился цѣлый рядъ статей Гёце подъ характернымъ заглавіемъ: «Нѣчто предварительное противъ прямыхъ и косвенныхъ нападокъ господина надворнаго совѣтника Лессинга на нашу пресвятую религію и ея единственную основу—Священное Писаніе». Первыя двѣ статьи Лессингъ получилъ во время болѣзни своей жены. Онъ благодарилъ Эшенбурга за присылку ихъ печальнымъ пророческимъ замѣчаніемъ, что «эта матерія одна еще можетъ его разсѣять». Лессингъ не заставилъ себя долго ждать отвѣтомъ, и полемика разгорѣлась. Шагъ за шагомъ шелъ знаменитый полемистъ за раздраженнымъ противникомъ, не давая ему опомниться послѣ каждой изъ злостныхъ статеекъ, которыми наводнялъ пасторъ свою протестантскую паству. Сперва печаталъ Лессингъ отдѣльныя статьи, но потомъ нашелся вынужденнымъ выпускать мелкіе полемическіе листки, подъ общимъ названіемъ «Антигёце». Въ нихъ онъ хотѣлъ, какъ самъ выражался, сорвать со всякаго нетерпимаго лицемѣра маску, хотя бы отъ того даже повисла на ней его кожа. Гамбургскій пасторъ былъ неразборчивъ въ выборѣ средствъ веденія своей полемики. Начавши самоувѣренными нападками, онъ вскорѣ почувствовалъ, что противникъ ему не по силамъ; онъ дѣлалъ видъ, что вовсе не замѣчаетъ того, на что рѣшительно ничего не могъ возразить; онъ повторялъ опроверженные доводы, какъ будто ихъ Лессингъ вовсе не касался; онъ безпрестанно отходилъ отъ главныхъ предметовъ спора въ мелочные пересуды и тутъ же упрекалъ Лессинга въ такихъ отступленіяхъ. Лессингъ въ отвѣтъ на это, обращаясь къ какой-то воображаемой старушкѣ-сплетницѣ, полушутливо горевалъ:

«Развѣ ты не знаешь, милая Эльза, что не я нападаю, что я только обороняюсь, и поневолѣ долженъ слѣдовать за твоимъ пасторомъ, куда ему заблагоразсудится меня повести, хотя бы мнѣ самому это было даже непріятно. Не принужденъ ли я натыкаться на его святой ножъ всюду, гдѣ ему угодно будетъ передъ лицомъ Израиля приносить меня въ жертву своему

Господу. Я, конечно, не мало врѣзывался въ этотъ святой ножъ, но я все-таки отстраню его отъ своего горла». Гёце, обходя главную цѣль изданія, хотѣлъ непремѣнно видѣть въ ней желаніе подорвать религіозныя вѣрованія, и, огульно обозвавъ Вольфенбюттельскіе отрывки безбожными, старался навязать ихъ авторство издателю. Тогда Лессингъ напечаталъ предисловіе Реймаруса къ его сочиненію, гдѣ прямо значилось, что авторъ никогда не имѣлъ намѣренія вводить свѣтъ въ заблужденіе своими воззрѣніями и возмущать его спокойствіе, и потому, если сочиненіе будетъ напечатано прежде, чѣмъ наступятъ времена бо̀льшаго просвѣщенія, то это не по его волѣ. «Лучше,— писалъ авторъ,—пускай свѣтъ еще нѣсколько времени ошибается, чѣмъ огорчать его моею правдой и возбуждать въ немъ дикое религіозное рвеніе. Лучше пускай, въ виду общаго спокойствія, мудрецъ терпитъ, молчитъ и склоняется передъ господствующими мнѣніями, чѣмъ преждевременными открытіями сдѣлать несчастными себя и другихъ». И, сопоставляя себя съ этими данными, Лессингъ прибавляетъ: «а я вотъ не задумываюсь вводить свѣтъ въ заблужденіе, да еще чужими воззрѣніями; я не забочусь ни о какомъ спокойствіи; не вѣрю въ огорченія по этому поводу, и твердо убѣжденъ, что толпу приводятъ къ дикому религіозному рвенію единственно тѣ истины, которыми хотятъ дѣйствовать, а не тѣ, которыя предлагаются только для изслѣдованія. Я, какъ полоумный, рискую прежде всего своею безопасностью, такъ какъ я того мнѣнія, что открытія, на чемъ-нибудь основанныя, никогда для рода человѣческаго не преждевременны. Мой неизвѣстный полагалъ, что времена еще должны просвѣтиться прежде, чѣмъ можно будетъ открыто проповѣдывать то, что онъ считалъ истиной; а я думаю, что, для предварительнаго изслѣдованія, дѣйствительно ли истина то, что онъ за истину считаетъ, времена не могутъ болѣе просвѣтиться». Такъ въ самой основѣ дѣла и стремленій показывалъ Лессингъ свою несолидарность съ авторомъ издаваемыхъ имъ отрывковъ; но разговоръ объ авторствѣ продолжалъ возобновляться, какъ будто дѣло было въ авторѣ, а не въ томъ, что онъ писалъ. Не мало негодовалъ Гёце и на стилистику Лессинга;

его метафорическая, сжатая, бойкая, мѣткая манера писать, его умѣнье съ захватывающей силой приковать читателя къ серьезнымъ обсужденіямъ самою повседневною рѣчью ставились ему въ укоръ. Гёце утверждалъ, что его противникъ старается дѣйствовать на фантазію своихъ читателей, а не на спокойное, строгое размышленіе. Не пренебрегъ раздраженный теологъ и послѣднимъ средствомъ, чтобы заставить замолчать своего врага,— не пренебрегъ доносомъ. Сперва косвенно заявлялъ Гёце, что только тотъ можетъ равнодушно смотрѣть на такого рода пред-

Вольфенбюттельская библіотека.

пріятія, какъ изданіе отрывковъ, кто считаетъ христіанскую религію или пустой химерой, или даже вреднымъ суевѣріемъ. Онъ намекалъ на зло, будто бы происходящее отъ такихъ сочиненій для всѣхъ государствъ и правительствъ. Видя, что это не дѣйствуетъ, онъ со всею кликой враговъ сталъ указывать на Лессинга, какъ на возмутителя общественнаго спокойствія и нравственности, достойнаго суда и наказанія, дошелъ даже до замѣчаній, обращенныхъ прямо къ герцогу Брауншвейгскому, что такой библіотекарь, какъ Лессингъ, опасенъ для его владѣтельнаго дома, что человѣкъ, издавшій злое сочиненіе противъ религіи, не задумается обнародовать и такія бумаги, которыя бы стали

оспаривать верховныя права его величества или чернить его предковъ *).

Лессингъ былъ неутомимъ въ своихъ уничтожающихъ отвѣтахъ, но, тѣмъ не менѣе, послѣдній путь до нѣкоторой степени достигъ своей цѣли: въ дѣло ученаго теологическаго спора вмѣшалась полиція. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи изданія Лессинга были запрещены; въ Саксоніи чтеніе ихъ наказывалось 50-ю талерами штрафа. Наконецъ, у самого Лессинга конфисковали напечатанные отрывки, потребовали у него всю рукопись Реймаруса, отняли право свободной (безцензурной) печати, которымъ онъ до того времени пользовался, и запретили всякое писаніе въ томъ же родѣ. Лессингъ отдалъ манускриптъ, при чемъ, въ отвѣтѣ своемъ, высказалъ увѣренность, что принесъ изданіемъ не вредъ, а пользу, и все ему равно, понимаютъ это нѣкоторые брауншвейгскіе теологи или нѣтъ. Онъ также отстранялъ отъ себя всякую отвѣтственность въ случаѣ, если бы рукопись появилась въ печати гдѣ-нибудь внѣ предѣловъ Брауншвейгскаго герцогства, и никакъ не хотѣлъ признавать, что конфискація и запрещеніе относятся тоже и къ изданіямъ «Антигёце», такъ какъ не издателю принадлежитъ починъ этого спора и онъ не можетъ оставить безотвѣтными дѣлаемые на него нападки. Преслѣдованія, однако, не могли ослабить потрясающаго вліянія знаменитой полемики на читающую публику Германіи; даже самыя эти репрессивныя мѣры проявлялись какъ-то нехотя, съ оглядкой, съ оговорками. Брауншвейгскому владѣтельному дому не хотѣлось терять свою популярность, особенно въ дѣлѣ вѣротерпимости; слава Лессинга была слишкомъ громка, слишкомъ блестяща и распространена по всѣмъ государствамъ Германіи, чтобы даже люди самыхъ горячихъ страстей рѣшились дѣйствовать рѣзко, прямо, не хоронясь другъ за друга. «Конфискація послѣдняго

*) Что такого рода средствами и вообще не пренебрегали противники Лессинга, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Когда герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій посѣтилъ Данію, къ его придворному пастору, Мюнтеру, обращался одинъ изъ сторонниковъ Гёце, Шейнгердеръ, съ просьбою повліять на герцога, чтобы онъ выгналъ Лессинга изъ Вольфенбюттеля. Честный Мюнтеръ отвѣчалъ: «такъ какъ Богъ терпитъ Лессинга на землѣ, надо же ему оставить спокойное мѣстечко въ Вольфенбюттелѣ или гдѣ бы то ни было». (E. Schmidt. Lessing).

отрывка,—пишетъ Лессингъ къ Эберту, — меня сердечно веселитъ. Кто бы ни былъ настоящей причиной этого—я не вижу, почему мнѣ не подозрѣвать и кого вы мнѣ называете. Отдѣльно ни одинъ не захочетъ взять этого на себя, но я знаю давно, что полдюжины разумныхъ мужчинъ, когда они соберутся вмѣстѣ, часто бываютъ не лучше старой бабы». Почти въ то же время Лессингъ писалъ своей пріятельницѣ, Елизаветѣ Реймарусъ (дочери автора отрывковъ): «Ваше опасеніе, мой превосходный другъ, для меня очень лестно, и все-таки я васъ долженъ просить отъ него вполнѣ отказаться. Конечно, новый отрывокъ конфискованъ и мнѣ хотятъ запретить дальнѣйшее писаніе объ этихъ вещахъ. Но относительно послѣдняго пункта я еще прекрасно огрызаюсь и, надѣюсь, Гёце не доживетъ до той радости, чтобы я хоть бы только перенесъ мою батарею въ другое мѣсто».

«Отсутствіемъ наслѣднаго принца и слабостью стараго герцога съумѣли воспользоваться; но увѣренность, что они оба мало или вовсе не принимаютъ участія въ этомъ дѣлѣ, даетъ мнѣ столько свободы храбриться передъ министерствомъ, сколько хочу. Конечно, оно можетъ дойти до того, что я, наконецъ, почувствую себя принужденнымъ потребовать мою отставку, и за нее въ свое время отвѣтятъ господа, которые мнѣ ее дадутъ. Но что же въ этомъ? Гёце и компанія отъ этого мало выиграютъ».

Лессингъ, дѣйствительно, не обратилъ вниманія на запрещеніе писать, и, сдѣлавъ въ это время путешествіе въ Гамбургъ, напечаталъ тамъ свой послѣдній отвѣтъ Гёце. Ни самъ ревностный пасторъ, ни кто-либо изъ его сторонниковъ на этотъ отвѣтъ уже не возражали, и только поэтому Лессингъ и прекратилъ свою полемику. Мѣсяца черезъ три онъ даже выражалъ объ этомъ сожалѣніе въ письмѣ къ Елизаветѣ Реймарусъ слѣдующей добродушной шуткой: «Меня извѣщаютъ, будто бы Гёце боленъ и принужденъ ежедневно, въ видахъ лѣченія, два часа ѣздить верхомъ, именно тѣ два часа, которые онъ посвящалъ опроверженію моихъ сочиненій. Если это такъ, то я съ сегодняшняго же дня начну горячо молиться объ его выздоровленіи». Было бы, однако, ошибочно по этому видимому спокойствію, юмору и по силѣ полемическихъ писаній

заключать о настроеніи духа, въ которомъ тогда находился Лессингъ. Мы уже сказали, что разгаръ полемики принадлежалъ тому 1778 году, въ началѣ котораго умерла его жена; мы видѣли, какъ на Лессинга подѣйствовала эта смерть. Безвыходное горе,—тупое, грубое оружіе противниковъ, мелочныя дрязги изъ-за куска насущнаго хлѣба,—все это утомляло его до желанія бросить всякую работу, до жалобъ, поистинѣ трагичныхъ. «Я здѣсь остаюсь совершенно одинъ, — писалъ онъ 9-го августа Е. Реймарусъ,—у меня нѣтъ ни единаго друга, которому бы я могъ вполнѣ довѣриться. Я ежедневно осаждаемъ сотнями непріятностей. Дорого принужденъ я расплачиваться за одинъ-единственный годъ, прожитый мною съ умной женщиной. Какъ часто готовъ я проклинать мое желаніе тоже быть счастливымъ, какъ другіе люди. Какъ часто хотѣлъ бы снова перейти въ мое старое уединенное положеніе, быть ничѣмъ, ничего не желать, ничего не дѣлать, кромѣ того, что приноситъ наступившее мгновенье. Видите ли, добрый другъ мой, вотъ то истинное положеніе, въ которомъ я теперь нахожусь. И такъ, правы ли вы, что при такихъ обстоятельствахъ совѣтуете мнѣ вытерпливать состояніе, давно сдѣлавшееся мнѣ тягостнымъ? Вытерпливать изъ-за того только, чтобы не доставить удовольствія жалкому врагу? Ахъ, если бы онъ зналъ, этотъ жалкій врагъ, насколько я несчастнѣе, что на зло ему выдерживаю здѣшнюю жизнь. Но я слишкомъ гордъ, чтобы считать себя несчастнымъ, скрежещу зубами и пускаю ладью плыть по вѣтру и волнамъ. Довольно и того, что я самъ не хочу ее опрокинуть». Такъ сильная натура его противилась той апатіи, той вялости, въ которыя впадаетъ человѣкъ мелкій, обыденный, подъ гнетомъ подобныхъ толчковъ жизни; такъ являлъ онъ собой примѣръ могучей, цѣльной жизни человѣческой, къ стыду и поученію дряблыхъ посредственностей, готовыхъ при мало-мальски сильной борьбѣ если не совсѣмъ опуститься, то, хуже того, готовыхъ на всякія уступки и компромиссы. Постоянныя преслѣдованія и невзгоды могли только сломить Лессинга — и сломили, но ни погнуть его, ни раздробить на мелочи не могли. Природа, однако, не выхватила изъ жизни свою чудную жертву незаконченною, не доведенную

до апогея мощности духа. До сихъ поръ мы видѣли, что нравственно убитый, съ ежедневно тающимъ тѣломъ, Лессингъ бодро ратовалъ въ области научной критики, въ области послѣдовательной, строго-очерченной логики; но изъ-подъ тяжелаго молота, которымъ онъ ковалъ орудія на счастье и плодотворный трудъ будущему поколѣнію, летѣли безпрестанно яркія искры чистой поэзіи, и имъ еще суждено было зажечь въ неутомимомъ работникѣ тихое, ровное пламя поэтическаго творчества, чтобы въ это мрачное для него время заставить пропѣть его лебединую пѣсню. Поѣздка въ Гамбургъ подѣйствовала на него крайне благотворно: она оживила его усталыя силы, его жажду труда, и вотъ, въ ночь съ 10-го на 11-е августа (1778 г.), Лессингу пришла мысль разработать и отдѣлать давно задуманную драму; на слѣдующій же день онъ сообщилъ объ этомъ въ письмѣ къ брату, которое обыкновенно цитируется всѣми, кто только писалъ о «Натанѣ». Приводимъ и мы это письмо здѣсь. Вотъ оно:

Вольфенбюттель, 11-го августа 1778 г.

«Любезный братъ!

«Я получилъ листъ и благодарю тебя и нашего Фосса за скорое исполненіе порученія. Отъ Гёце будетъ зависѣть, велики или малы будутъ мои слѣдующіе отвѣты. Матеріала у меня хватило бы на фоліанты, которые можно написать и отдѣльными листами. Еще я не знаю, къ какой развязкѣ придетъ мое дѣло; но я бы хотѣлъ быть готовымъ ко всякой. Ты, конечно, знаешь, что это наилучшимъ образомъ возможно, когда имѣешь деньги, сколько ихъ нужно; и вотъ прошлую ночь мнѣ пришла въ голову забавная мысль (ein närrischer Einfall). Много лѣтъ назадъ набросалъ я планъ пьесы, содержаніе которой въ нѣкоторомъ родѣ аналогично съ моимъ теперешнимъ споромъ, въ то время еще и не ожидаемымъ. Если ты и Моисей (Мендельсонъ) одобрите, я напечатаю эту вещь по подпискѣ. Хоть я не желалъ бы, чтобъ слишкомъ рано сдѣлалось извѣстнымъ подлинное содержаніе моего, долженствующаго быть объявленнымъ, произведенія, но все-таки если вы, ты или Моисей, хотите его знать, раскройте Decamerone Боккаччіо: Giornata I Nov. III Melchisedech Giudeo. Мнѣ кажется, я придумалъ къ этому интересный эпи-

зодъ, такъ что все вмѣстѣ должно очень хорошо читаться... Отвѣчай мнѣ, если можешь, немедленно.

Готгольдъ».

Трудно услѣдить, въ какое приблизительно время родилась у Лессинга мысль написать драму «Натанъ». Въ приведенномъ здѣсь письмѣ онъ говоритъ: «я набросалъ планъ пьесы много лѣтъ назадъ», — и достовѣрно извѣстно только то, что этотъ планъ, за три года до окончательной разработки его, былъ уже вполнѣ обдуманъ, что Лессингъ тогда еще намѣревался покончить драму и напечатать ее. Объ этомъ заявлялъ онъ самъ, не желая, чтобъ его «Натану» придавали значеніе полемическаго сочиненія, и въ свидѣтели справедливости своихъ словъ приводилъ Шмидта и Эшенбурга, знавшихъ объ этомъ. Если бы мы, однако, желали доискиваться тѣхъ зародышей, изъ которыхъ прямымъ путемъ вышло созданіе «Натана», намъ пришлось бы вернуться къ дѣтству Лессинга, пожалуй, даже ко времени до его рожденія, къ той средѣ, въ которой онъ выросъ и воспитался. Въ этомъ отношеніи интересенъ и весьма выдается тотъ фактъ, что дѣдъ Лессинга, Ѳеофилъ, еще въ 1670 году для своей диссертаціи на степень доктора философіи выбралъ тему «О вѣротерпимости», и притомъ писалъ не только о вѣротерпимости мѣстныхъ вѣроисповѣданій, но разсматривалъ вопросъ этотъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Понятно, что въ семьѣ развитого и ученаго пастора, отца Лессинга, гуманныя воззрѣнія на религію были не новость. Съ другой стороны, хотя маленькій провинціальный городокъ, Каменцъ, и открещивался отъ театральной потѣхи, какъ отъ чего-то грѣховнаго, все-таки и въ немъ тогда начинали появляться люди, болѣе серьезно и съ уваженіемъ смотрѣвшіе на сценическое искусство и имѣвшіе смѣлость это высказывать. Такъ, одинъ тамошній молодой учитель написалъ разсужденіе о томъ, что театръ можетъ служить хорошей школой краснорѣчія, и Лессингъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ читалъ это сочиненіе. Конечно, большинство мѣстнаго общества едва ли могло сочувствовать дѣду Ѳеофилу и молодому учителю, которому оттого и досталось за его мудрованія; но для Готгольда Лессинга и этихъ малыхъ зеренъ прогресса было

довольно: они глубоко западали въ его душу и быстро въ ней разрастались. Свобода мышленія, изслѣдованія, терпимость мнѣній сдѣлались основами его теологическихъ воззрѣній, театръ сдѣлался дорогимъ орудіемъ его проповѣди. Сочетать самыя задушевныя свои мысли съ этой театральной формой ихъ выраженія, ихъ опубликованія, было всегдашнимъ стремленіемъ Лессинга. Еще въ Берлинѣ, молодымъ фельетонистомъ, высказывалъ онъ, что величайшія философскія и религіозныя истины могутъ быть особенно убѣдительно выставлены на театральной сценѣ, и одну изъ своихъ чисто-теологическихъ работъ въ Виттенбергѣ онъ частью даже написалъ въ видѣ діалога между представителями различныхъ религій, отстаивающими достоинство каждой изъ нихъ другъ передъ другомъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ его театральныхъ работъ видна та же тенденція; таковы его комедіи «Вольнодумецъ» и «Евреи». Особенно послѣдняя, написанная, когда Лессингу было лѣтъ 25, можетъ быть разсматриваема, какъ предтеча «Натана». Вкратцѣ содержаніе этой комедіи состоитъ въ томъ, что нѣкій баронъ съ дочерью во время путешествія попалъ-было въ руки разбойниковъ, отъ которыхъ спасъ ихъ какой-то неизвѣстный. Баронъ обласкалъ неизвѣстнаго, не знаетъ, чѣмъ отплатить ему, и ихъ близость доходитъ даже до желанія отдать ему въ супруги молодую баронессу; тогда неизвѣстный объявляетъ, что онъ еврей; это дѣлаетъ свадьбу невозможной, и пьеса заканчивается восклицаніями о томъ, какъ было бы хорошо, если-бъ всѣ евреи были таковы, какъ неизвѣстный, и всѣ христіане относились къ нимъ такъ, какъ баронъ. Тенденція пьесы усложняется еще однимъ обстоятельствомъ: мошенники, напавшіе на барона и потомъ открытые, чтобы скрыть слѣды, переряжались во время разбоя евреями, привязывали себѣ еврейскія бороды и т. п. И это дало возможность автору заставить барона и неизвѣстнаго спорить между собой о евреяхъ вообще. Лессингъ снабдилъ своего «неизвѣстнаго-еврея» всевозможными добродѣтелями, и это едва ли не было сдѣлано нарочно, съ предвзятою, хотя и плохо разсчитанною цѣлью. Лессингъ былъ друженъ съ однимъ изъ лучшихъ представителей еврейства своего времени, съ Мендельсономъ.

человѣкомъ безукоризненной нравственности, и рядомъ съ этимъ видѣлъ, что общество далеко еще не доросло до разумнаго отношенія къ этой національности. Не говоря уже о другихъ германскихъ государствахъ, но даже въ королевствѣ Вольтерова друга, либеральнаго, по преимуществу въ дѣлѣ религіи, Фридриха, говорившаго прямо: «въ моемъ государствѣ всякій можетъ спасаться на свой ладъ»,—даже тамъ, въ Пруссіи, евреи были стѣсняемы и не пользовались правами прочихъ гражданъ. Пристрастіе изъ-за религіи и мысль о независимости отъ нея нравственнаго уровня человѣка, такъ сказать, прямо изъ жизни били Лессингу въ глаза. Съ тѣхъ поръ двадцатипятилѣтняя дальнѣйшая литературная дѣятельность его шла объ руку съ этой его завѣтной мыслью, она постепенно воплощалась въ планъ драматическаго сочиненія, и теперь, когда въ своей послѣдней полемикѣ Лессингу особенно рѣзко вырисовались плоды эгоистической нетерпимости, онъ схватился за окончательную обработку своего давно обдуманнаго плана.

Братъ Лессинга и Мендельсонъ отвѣчали сочувственно на его извѣщеніе о разработкѣ «Натана», и потому вскорѣ послѣ этого письма Лессингъ пустилъ въ ходъ слѣдующее объявленіе, помѣченное заднимъ числомъ—8-мъ августомъ 1778 года *):

«Такъ какъ рѣшительно хотятъ, чтобъ я оставался празднымъ отъ работы, которую я, безъ сомнѣнія, выполнялъ не съ тою смиренною хитростью (frommen Verschlagenheit), съ какою единственно она можетъ быть выполнена счастливо, то попадаетъ мнѣ въ руки больше по случаю, чѣмъ по выбору, одна старая моя театральная попытка, давно уже заслуживающая, какъ вижу, послѣдней отдѣлки. Эта попытка въ нѣсколько необычномъ родѣ, и называется «Натанъ Мудрый», въ пяти дѣйствіяхъ. Я не могу ничего сказать про подробности содержанія; достаточно и того, что оно въ высшей степени достойно драматической обработки, и я сдѣлаю все, чтобъ остаться довольнымъ этой обработкой.

*) Дюнцеръ полагаетъ, что эта помѣтка должна была отвѣчать тому дню, въ который Лессингъ получилъ бумагу съ запрещеніемъ писать какія-либо теологическія сочиненія. Бумага помѣчена 3-мъ августомъ, и начало Лессингова объявленія звучитъ какъ бы отвѣтомъ на нее.

«Если нѣмецкой публикѣ оно любопытно, то я долженъ предложить ей путь подписки,—не потому, чтобы я имѣлъ причину быть недовольнымъ кѣмъ-либо изъ книгопродавцевъ, съ которыми до сихъ поръ велъ дѣло, но на другихъ основаніяхъ.

«При этомъ я прошу друзей моихъ, разсѣянныхъ по Германіи, принимать и пересылать мнѣ эту подписку. Если они къ Рождеству нынѣшняго года дадутъ мнѣ знать, какъ далеко подвинулось дѣло, то я могу въ это время начать печатаніе. Цѣна подписки обойдется едва въ одинъ гульденъ, считая по одному грошу печатный листъ, и печать будетъ исполнена, какъ напечатаны остальныя мои драматическія сочиненія у Фосса.

Вольфенбюттель, 8-го августа.

Готгольдъ-Эфраимъ Лессингъ *).»

Такой оборотъ полемики и самое объявленіе, намекавшее, что новое произведеніе будетъ въ нѣсколько необычномъ родѣ, ввели въ заблужденіе и брата Лессинга, и Мендельсона. Имъ вообразилось, что слово «мудрый» есть иронія, что подъ «Мудрымъ Натаномъ» Лессингъ желаетъ выставить своего противника Гёце, и такимъ образомъ осмѣять его карикатурную личность. Брату Лессинга такая мысль даже нравилась, но Мендельсонъ возсталъ противъ этого. Онъ утверждалъ, что послѣ оглушительнаго удара, какимъ былъ послѣдній полемическій отвѣтъ Лессинга, послѣ того строгаго, серьезнаго, доказательнаго тона, которымъ этотъ отвѣтъ высказанъ, шутовская насмѣшка могла только повредить всему дѣлу, что тогда противники могли бы легко отдѣлаться отъ Лессинга, провозгласивъ его новымъ Вольтеромъ, человѣкомъ кощунствующимъ, недостойнымъ спора,—и ничѣмъ нельзя было доставить бо́льшаго удовольствія уже достаточно разбитому врагу, какъ именно давъ ему возможность отретироваться подъ прикрытіемъ презрѣнія и негодованія. Лессингъ совершенно раздѣлялъ мнѣніе Мендельсона; 18-го октября онъ писалъ брату: «Теперь здѣсь съ нетерпѣніемъ ждутъ моего «Натана» и надѣлали себѣ

*) Объявленіе это сперва появилось отдѣльными листками въ осьмушку, которые Лессингомъ и его друзьями распространялись въ публикѣ, потомъ оно было напечатано въ берлинской литературно-театральной газетѣ 1778 г., въ гамбургской газетѣ для книгопродавцевъ, 1778 г.,—въ ней же въ 1779 г. было напечатано второе объявленіе.

заботъ о немъ, не знаю какихъ. Но, любезный братъ, и ты о немъ составилъ себѣ совсѣмъ невѣрное понятіе. Менѣе чѣмъ что-нибудь, будетъ это сатирической вещью, стремящейся покинуть поле битвы съ высокомѣрнымъ смѣхомъ. Это будетъ такое же трогательное произведеніе, какое я когда-либо писалъ, и Моисей судитъ совершенно справедливо, что насмѣшка и смѣхъ не идутъ къ тому тону, которымъ проникнутъ мой послѣдній листокъ, — въ случаѣ, если я не хочу прекратить весь споръ. Но къ этому у меня нѣтъ еще рѣшительно никакой охоты, и онъ увидитъ, что этимъ драматическимъ отблескомъ я не принесу ни малѣйшаго вреда моему собственному дѣлу». Въ томъ же письмѣ жалуется Лессингъ на недостатокъ средствъ, на невозможность отдаться вполнѣ работѣ, не заботясь о ежедневномъ пропитаніи. «Мое объявленіе о «Натанѣ», — говоритъ онъ, — никуда, кромѣ Гамбурга, я не посылалъ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ хочешь, можешь разставить сѣти въ мою пользу. Я боюсь, что этимъ путемъ, которымъ многіе уже кое-чего достигали, я не достигну ничего, если друзья мои не будутъ для меня дѣятельнѣе меня самого. Но если они и будутъ дѣятельнѣе, пожалуй, лошадь съ голоду умретъ прежде, чѣмъ созрѣетъ овесъ».

Лессингу на первое время были необходимы триста талеровъ, чтобъ спокойно, безъ мелочныхъ тревогъ, заняться новой работой. Какихъ-нибудь трехсотъ талеровъ, и того не хватало великому реформатору нѣмецкой литературы, любимому писателю, перечитываемому во всѣхъ концахъ Германіи,—не хватало послѣ слишкомъ тридцатилѣтней дѣятельности, во дни его упроченной славы. Собирать деньги по подпискѣ впередъ, прежде чѣмъ напечатана книга, Лессингу не хотѣлось. «Если-бъ я внезапно умеръ, — писалъ онъ, — не окончивъ сочиненія, то остались бы сотни людей, изъ коихъ каждому я былъ бы долженъ по одному гульдену, за который каждый меня бранилъ бы на десять талеровъ». Лессингъ лучше хотѣлъ занять у кого-нибудь триста талеровъ, такъ какъ, даже въ случаѣ его смерти, продажа его вещей обезпечивала долгъ. Объ этомъ онъ писалъ брату, прося найти заимодавца, и, кто знаетъ, не случись благодѣтельнаго еврея, ссудившаго литературному гиганту эту мизерную сумму,

можетъ-быть, созданіе «Натана» опять было бы отложено въ долгій ящикъ, и смерть унесла бы автора, не давъ ему закончить лучшее свое произведеніе. Этотъ еврей былъ нѣкто Вессели, страстный поклонникъ Лессинга, потребовавшій въ возмездіе за свою услугу только одного собственноручнаго письма любимаго автора. «Ну, а если этого письма вамъ не дадутъ,—спросилъ шутя братъ Лессинга,—вы не дадите денегъ?»—«Тогда я пошлю деньги по почтѣ,—отвѣчалъ Вессели,—и попрошу сообщить мнѣ о полученіи». Лессингъ принялъ условіе и удовлетворилъ любезное желаніе Вессели; но обязательство даже такому кредитору тяготило Лессинга, и, по отпечатаніи «Натана», онъ просилъ первыми же деньгами уплатить долгъ, прибавляя, что удивится, если въ его произведеніи не будетъ видна постоянная забота объ этихъ деньгахъ, отравлявшая автору его трудъ... И при такихъ-то обстоятельствахъ онъ еще умѣлъ урѣзывать свои нужды и удовлетворять требованія вѣчно недовольной, вѣчно преслѣдовавшей его просьбами сестры, посылая ей пять луидоровъ, которые ему самому въ ту минуту никакъ не могли быть лишними.

7-го ноября (1778) Лессингъ писалъ брату, что онъ въ работѣ настолько готовъ, насколько бывало готово всякое его произведеніе, когда онъ начиналъ его печатать; 12-го ноября занялся онъ обработкой прежде набросаннаго стараго плана, сообразно новымъ цѣлямъ; приблизительно дня въ два окончилъ онъ общій планъ *), и 14-го началъ уже писать прямо стихами первое дѣйствіе. Съ горячностью принявшись за дѣло, Лессингъ внимательно слѣдилъ и за самымъ изданіемъ, за печатаніемъ новой драмы. 1-го декабря послалъ онъ въ Берлинъ первыя страницы рукописи, чтобы сдѣлать пробный наборъ и видѣть, какое количество текста займетъ печатный листъ. Присланная корректура ему не понравилась въ типографскомъ отношеніи: она была оттиснута на бумагѣ нѣсколько меньшаго формата, чѣмъ

*) Рукопись этого плана, написанная очень неразборчиво, составляетъ собственность семейства Мендельсонъ-Бартольди. Она впервые напечатана въ Берлинѣ въ собраніи сочиненій Лессинга, изданія Данцель-Гурауера; потомъ въ сочиненіяхъ Лессинга изданія Мальцана. Впрочемъ, эти два плана между собою нѣсколько разнятся, и Дюнцеръ сильно нападаетъ на изданіе Мальцана, который не зналъ, что уже прежде его былъ напечатанъ этотъ планъ Данцелемъ и гораздо лучше прочитанъ имъ.

онъ предполагалъ, и потому Лессингъ хотѣлъ было измѣнить первоначально имъ предположенный его любимый малый форматъ книги. Берлинскіе друзья однако отстояли этотъ форматъ, найдя, что бóльшій будетъ хуже, и обѣщавъ достать бумагу, какую нужно. Лессингъ сдѣлалъ нѣкоторыя типографскія замѣчанія относительно набора и выслалъ брату начало рукописи съ просьбою сообщить ихъ Рамлеру и Мендельсону и спросить ихъ мнѣнія. Рамлеръ долженъ былъ обратить вниманіе на внѣшнюю сторону, на версификацію и стиль; отъ Мендельсона ожидалось мнѣніе о внутреннемъ содержаніи драмы. Такимъ образомъ, во все время писанія «Натана» друзья находились въ дѣятельной перепискѣ. Рукопись проѣзжала три раза дорогу между Вольфенбюттелемъ и Берлиномъ, возвращаясь къ автору съ замѣтками друзей, и потомъ, уже окончательно отдѣланная, являлась въ Берлинъ для печатанія. По мѣрѣ печатанія, измѣнялся и объемъ книги. Сперва Лессингъ хотѣлъ предпослать драмѣ большое предисловіе и нѣчто въ родѣ эпилога, подъ названіемъ: «Дервишъ»; но вскорѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ этой мысли по обстоятельствамъ чисто матеріальнаго свойства. Въ своемъ объявленіи, назначивъ цѣну книги приблизительно около одного гульдена, Лессингъ обусловливалъ это, какъ мы видѣли, количествомъ печатныхъ листовъ, считая по одному грошу листъ и предполагая, что книга не выйдетъ болѣе какъ въ шестнадцать листовъ; но, принявшись за работу, увидѣлъ, что драма развивалась шире и шире, и ужъ печатаніе первыхъ листовъ показало, что и безъ предисловія, безъ эпилога въ книгѣ будетъ болѣе шестнадцати листовъ. Такимъ образомъ, эти приложенія

Карлъ Вильгельмъ Рамлеръ.

были оставлены; Лессингъ все-таки разсчитывалъ издать ихъ послѣ, либо отдѣльною книгой, либо при второмъ печатаніи «Натана».

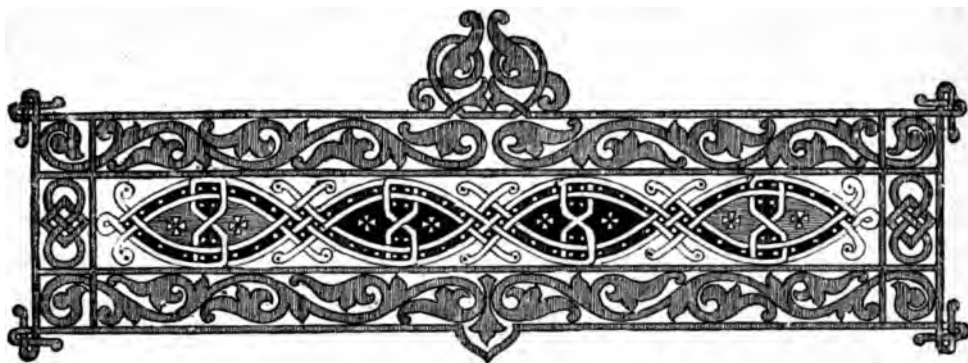
Первые листы драмы, исправленные и уже совершенно готовые къ печати, были высланы Лессингомъ 15-го января 1779 года и 24-го сданы въ типографію для печатанія, а 19-го марта уже получена была въ Берлинѣ вся рукопись до конца. Итакъ, считая отъ начала работы, «Натанъ» былъ написанъ не болѣе какъ въ пять мѣсяцевъ. Такая быстрота творчества сама по себѣ показываетъ, что уже съ полною зрѣлостью было отдѣлано это произведеніе въ головѣ автора, когда онъ за него принялся. Пять мѣсяцевъ нужны были, такъ сказать, на одну внѣшнюю сторону дѣла, на технику, нужны были только, чтобы художественно высказать мысли, всецѣло выработанныя всею жизнью писателя. Не безъ удивленія встрѣчаешь, въ приведенномъ выше письмѣ Лессинга, что его натолкнула на разработку стараго плана матеріальная нужда; словно, въ самомъ дѣлѣ, только недостатокъ денегъ вызвалъ на свѣтъ «Натана», словно созданіе его было дѣломъ случая. Въ сущности, если внимательнѣе всмотрѣться въ эту случайность, нельзя, напротивъ того, не замѣтить, что и она показываетъ, насколько все содержимое драмы переполняло автора; случайностью была одна форма произведенія, а не суть его, которая, такъ или иначе, необходимо должна была сказаться. Лессингъ самъ сознавалъ это только въ разгарѣ творчества: начавши работу съ нѣкоторымъ опасеніемъ, съ мыслью обезпечить изданіе предварительной подпиской, онъ потомъ уже объ этомъ мало заботился и писалъ брату, что «Натанъ» будетъ напечатанъ во что бы то ни стало, если бы даже не нашлось на него ни одного подписчика. Совсѣмъ иного рода обстоятельство едва не остановило работу драмы при началѣ писанія пятаго дѣйствія. Лессингъ въ это время получилъ статью, направленную противъ его теологическихъ изданій, которую особенно близко долженъ былъ принять къ сердцу. Она была написана профессоромъ въ Галлѣ, Землеромъ, человѣкомъ, отъ котораго менѣе всего можно было ожидать такой выходки, потому-что онъ самъ до тѣхъ поръ въ своихъ чтеніяхъ прилагалъ методъ свободной критики къ

изслѣдованію догматики и въ этомъ отношеніи пользовался довольно широкой извѣстностью. Либеральный профессоръ, должнобыть, испугался, что и его пристегнутъ къ безбожнымъ мудрованіямъ вольфенбюттельскаго фрагментиста, и поспѣшилъ самымъ грубымъ образомъ заявить свою несолидарность съ нимъ, назвавъ изданія Лессинга дѣломъ сумасшедшаго. Тяжелое впечатлѣніе произвело на творца «Натана» это, какъ онъ говорилъ, маранье, оно на время лишило его хорошаго настроенія духа, тогда ему такъ особенно необходимаго. Еще яснѣе увидѣлъ Лессингъ свое безвыходное одиночество и ничтожество шаткихъ союзниковъ, дѣятельность которыхъ такъ рабски зависѣла отъ выгодъ ихъ обстановки; онъ готовъ былъ отказаться отъ окончанія «Натана», уже началъ было писать Землеру «отвѣтъ изъ Бедлама», но творчество драмы пересилило и это огорченіе, — «Натанъ» былъ конченъ.

Насчетъ подписки нечего было опасаться; предварительное объявленіе о ней Лессингъ послалъ только въ два-три мѣста, зато братъ его и друзья распространили объявленіе по всей Германіи и напечатали его въ газетахъ. Подписка оказалась весьма значительною; къ самому автору обратилось до тысячи подписчиковъ. Вслѣдствіе этого Лессингъ счелъ нужнымъ сдѣлать еще слѣдующее объявленіе: «Тѣ, которые принимали или еще желаютъ принимать подписку на сочиненіе Готгольда-Эфраима Лессинга, «Натанъ Мудрый», должны отсчитать за свои труды 15% и приглашаются пересылать подписку въ нефранкированныхъ конвертахъ къ берлинскому книгопродавцу Фоссу или туда же, къ младшему г. Лессингу, или къ брату его, въ Вольфенбюттель. Подписку можно принимать до Пасхи (1779), но было бы пріятнѣе, если бы господа, принимающіе ее, сообщили еще къ посту, сколько подписчиковъ будутъ имѣть и сколькихъ приблизительно имѣютъ въ виду; такъ какъ къ Пасхѣ книга появится непремѣнно и господа подписчики могутъ ожидать немедленной высылки своихъ экземпляровъ, которые будутъ доставлены франкированными». Въ маѣ дѣйствительно «Натанъ» вышелъ въ свѣтъ; это была маленькая книжечка въ 255 страницъ (строкъ въ тридцать каждая) и напечатанная на плотной, хоть нѣсколько

и грубоватой, для нашего времени, бумагѣ. Первые экземпляры въ количествѣ тысячи были доставлены Лессингу 12-го мая, и ни одинъ книгопродавецъ не получилъ ихъ раньше. Лессингъ требовалъ этого потому, что его авторская внимательность нѣсколько тяготилась мыслью, что подписчики, записавшіеся на его произведеніе у книгопродавцевъ, получатъ книгу раньше тѣхъ, которые обратились прямо къ нему. Вскорѣ вся Германія могла прочитать драму, но отпечатанное количество экземпляровъ не отвѣчало запросу, и тотчасъ же, безъ всякихъ перемѣнъ, было оттиснуто второе изданіе.

III.

Съ какой-то грустной неувѣренностью оглянулся Лессингъ на быстро промчавшіеся пять мѣсяцевъ труда и тревогъ. Выпуская въ свѣтъ замѣчательное созданіе ума, таланта и горячей любви къ людямъ, созданіе, которымъ потомъ не одно поколѣніе утоляло первую жажду пытливаго изслѣдованія людскихъ отношеній и отжившей оцѣпенѣлой морали, онъ не могъ не чувствовать вопіющей несправедливости, съ которою судьба оставляла его вѣчнымъ пролетаріемъ, безъ крова, безъ всякихъ видовъ на спокойную, безбѣдную старость. И даже у него, при всей громадности его нравственныхъ силъ, сорвался горькій упрекъ на эту несправедливость. Рѣшившись напечатать «Натана» безъ предисловія и эпилога, онъ, между прочимъ, писалъ брату: «стоитъ ли того писать ихъ? Потому-что совсѣмъ за посредственныя выгоды не сдѣлаюсь я снова на пять мѣсяцевъ рабомъ драматической работы... И кто знаетъ, какъ еще примутъ ее...» Даже въ этомъ нравственномъ удовлетвореніи онъ нуждался. Лессингъ сознавалъ, насколько еще общество не доросло до того, чтобы вполнѣ оцѣнить этотъ новый трудъ его, и тѣмъ съ большимъ интересомъ прислушивался къ сужденію друзей своихъ, людей наиболѣе развитыхъ, одного съ нимъ направленія и взглядовъ; но и относительно ихъ онъ являлся какимъ-то недовѣрчи-

вымъ къ себѣ. «Что вы скажете про «Натана»? — писалъ Лессингъ къ Е. Реймарусъ, посылая ей экземпляръ своей книги,— не оставляйте меня въ невѣдѣніи вашего мнѣнія о немъ. Я понимаю подъ вашимъ мнѣніемъ въ то же время мнѣніе всей общины. Я таки сильно нуждаюсь, чтобы вы нѣсколько хорошо о немъ думали, чѣмъ опять я могъ бы вернуть себѣ довольство собой; а этого именно теперь во мнѣ такъ мало, что я едва могу представить себѣ возможность когда-нибудь остаться собой довольнымъ». Къ Якоби 18-го мая послалъ онъ экземпляръ съ припиской: «авторъ «Натана» очень желалъ бы отплатить автору «Вольдемара» подаренный имъ пріятный и поучительный часъ... Но «Натаномъ», конечно, это трудно. «Натанъ» есть сынъ моей наступающей старости, котораго родить помогла полемика»... Глейму писалъ онъ: «дай Богъ, чтобы эта вещь вамъ хоть только такъ себѣ немножко понравилась». Съ этой стороны, однако, Лессингъ вскорѣ могъ быть вполнѣ удовлетворенъ. Друзья прочитали «Натана» съ живѣйшимъ наслажденіемъ и восторженно отвѣчали скромному автору на его спросъ. Въ Гамбургѣ изъ чтенія драмы дѣлали родъ праздника: Глеймъ громко читалъ ее собравшемуся кружку пріятелей, и всѣ они потомъ привѣтствовали Лессинга съ самымъ глубокимъ сочувствіемъ. Глеймъ писалъ ему: «вотъ ужъ три недѣли, какъ я здѣсь, мой дорогой, и эти три недѣли «Натанъ» былъ моимъ главнѣйшимъ собесѣдникомъ; я его изучалъ и перечитывалъ, и мнѣ хотѣлось-бы написать цѣлую книгу въ двадцать четыре листа, чтобы доказать, что вы ничего лучшаго не напишете. Все въ немъ превосходно: фабула, стихъ, изложеніе». Якоби читалъ «Натана» среди тысячи восторженныхъ восклицаній и чувствовалъ себя страстно привязаннымъ къ «царю всѣхъ мыслящихъ». Гердеръ, самый горячій поклонникъ драмы, не нашелъ ничего сказать по ея поводу, какъ только: «я вамъ не говорю ни слова похвалы про эту вещь. Дѣло само хвалитъ мастера». Какъ отнеслись къ новому произведенію берлинскіе друзья, кажется, прибавлять не для чего. «Его «Натанъ»,—писалъ, уже послѣ смерти Лессинга, еврей Мендельсонъ,—поистинѣ дѣлаетъ честь христіанству. На какой высокой ступени образованія и развитія долженъ стоять

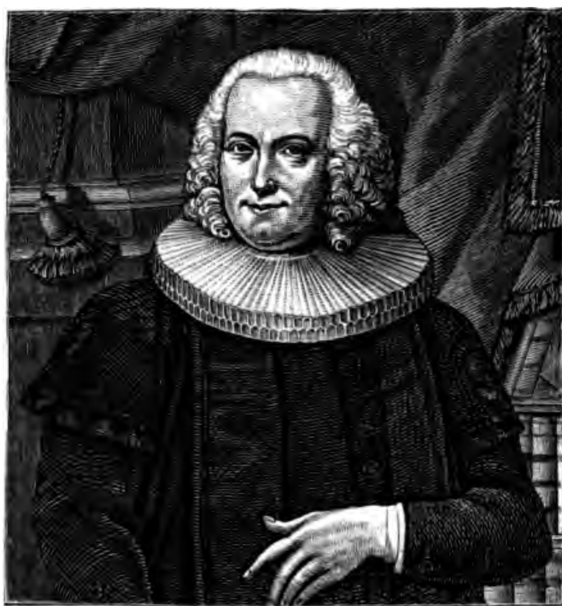
народъ, среди котораго могъ человѣкъ вознестись до такой высоты взглядовъ, могъ выработать въ себѣ такое тонкое пониманіе божественныхъ и человѣческихъ представленій».

Пять мѣсяцевъ чуждой полемики, сосредоточенной, художественной работы и отзывъ друзей повліяли благотворно на Лессинга. Еще въ апрѣлѣ, до выхода книги, онъ и о предисловіи къ «Натану», и объ эпилогѣ «Дервишъ» говорилъ, какъ о вещахъ совсѣмъ законченныхъ, въ полной увѣренности, что, такъ или иначе, непремѣнно издастъ ихъ въ самомъ непродолжительномъ времени. На эту работу Лессингъ полагалъ употребить лѣто. Вообще похвалы друзей какъ-то ободрили его, онъ чувствовалъ возрожденіе силъ къ новой дѣятельности, новые планы стали роиться передъ нимъ и плѣнять его богатое драматическое творчество. Онъ думалъ, онъ собирался писать еще новую пятиактную драму: «Набожный Самаритянинъ», взявъ въ основу ея притчу Іисуса Христа. Левитъ и священникъ должны были играть въ ней блестящія роли. Почти передъ самой смертью, Лессингъ заключилъ даже условіе въ Гамбургѣ, обѣщая тамошнему театру двѣ новыя пьесы, за которыя долженъ былъ получить по пятидесяти луидоровъ. Но всѣмъ этимъ надеждамъ и предположеніямъ не суждено было осуществиться. Не одно его, тогда уже хворое, тѣло было тому причиной. Слишкомъ очевидно, слишкомъ часто приходилось Лессингу убѣждаться въ эти послѣдніе годы борьбы и горя, что онъ все-таки стоялъ одинъ среди этой націи, въ которой находилось такъ много людей, готовыхъ бросать камни въ великаго учителя, но почти ни одного не нашлось, чтобы стать съ нимъ рядомъ и открыто проповѣдывать противъ загрубѣлаго невѣжества.

Первое впечатлѣніе, произведенное «Натаномъ» на массу публики, было какое-то неясное, неопредѣленное. Общество, только что державшее въ рукахъ зажигательные, ядовитые листки «Антигёце», никакъ не ожидало того спокойнаго, величаваго тона, которымъ было проникнуто новое произведеніе Лессинга. Особенно враги его были этимъ совсѣмъ сбиты съ толку. Они считали долгомъ хулить всякое сочиненіе нена-

вистнаго автора, а между тѣмъ драма дышала такою любовью, такимъ обиліемъ ободряющихъ, примирительныхъ началъ, что открыто, печатно высказываться противъ нея было опасно; критикъ легко бы могъ зайти въ такія дебри, изъ которыхъ съ честью, хотя бы и съ фиктивной честью, едва ли бы онъ выбрался. Какой-то ревностный саксонскій теологъ чуть было не выступилъ даже съ печатнымъ панегирикомъ «Натану», собравшись заявить во всеобщее свѣдѣніе, что Лессингъ этой драмой искупилъ свои прежніе грѣхи; но такой неловкій шагъ со стороны духовнаго лица былъ во-время остановленъ его, болѣе дальновидными, собратами по профессіи. Считая неудобнымъ дѣйствовать прямо, тѣмъ охотнѣе и съ большимъ ожесточеніемъ накинулись на книгу и ея автора темными путями. Противъ могучаго бойца разума, который одинъ - одинешекъ выступилъ въ поле, поднялись цѣлыя полчища поборниковъ невѣжества, только не на открытую войну, а на измѣнническое преслѣдованіе изъ-за угла. Это было не трудно, въ виду, съ одной стороны, многихъ еще царившихъ въ обществѣ предразсудковъ, съ другой, той ненависти и вражды къ евреямъ, отъ которыхъ иногда не могли воздержаться даже наиболѣе развитые люди; напримѣръ, Кантъ не умѣлъ оцѣнить «Натана». Гоманъ, сообщая Гердеру, какъ онъ самъ наслаждался чтеніемъ драмы, прибавляетъ: «Кантъ, видящій въ «Натанѣ» не болѣе какъ вторую часть комедіи «Евреи», не можетъ переносить героя изъ этого народа. Такъ божественно строга наша философія въ ея предразсудкахъ при всей ея терпимости и нелицепріятіи». Обскурантамъ, эксплоататорамъ темныхъ людей, имъ довѣрявшихся, большею частью не нужно было ни разбирать, ни разъяснять, что именно въ книгѣ не хорошо; они могли просто говорить: «не читайте книгу, это грѣхъ», и темные люди отчурались отъ той проповѣди, за которую ихъ потомки схватились, какъ за святыню. Пресмыкающаяся брань на ухо, въ четырехъ стѣнахъ, въ интимномъ разговорѣ, работала сильно и несокрушимо; потому-что уловить врага было невозможно, онъ являлся всюду и вездѣ прятался за невѣжество массы. Къ числу такихъ проявленій вражды надо отнести и обвиненіе Лессинга въ любостяжаніи,

появившееся въ какой-то газеткѣ, близкой кружку пастора Гёце. Анонимный обвинитель не посовѣстился пустить въ ходъ одну изъ самыхъ вопіющихъ и грязныхъ сплетенъ, какими только когда-либо угощали публику задніе дворы литературы. Газета заявила, будто Лессингъ получилъ отъ амстердамскаго іудейскаго общества тысячу червонцевъ за его изданіе Вольфенбюттельскихъ отрывковъ и называла его при этомъ Іудой Искаріотскимъ, про-

Пасторъ Іоганъ Мельхіоръ Геце.

давшимъ своего Христа. Очевидная глупость этой выдумки довольно знаменательна. Если Вольфенбюттельскіе отрывки и нападали на узкихъ поборниковъ клерикализма, то не исключали изъ нихъ и евреевъ; такъ, напримѣръ, четвертый отрывокъ спеціально былъ посвященъ разбору книгъ Ветхаго Завѣта. Слишкомъ легковѣрнымъ надо было быть, чтобъ повѣрить сплетнѣ, что за печатаніе критики на такія священныя для евреевъ книги, именно евреи-то и станутъ платить деньги издателю. Сплетня имѣла бы гораздо болѣе вѣроятія, если-бъ, вмѣсто Вольфенбюттельскихъ отрывковъ, помянули «Натана», такъ какъ тутъ еврей является лицомъ симпатичнымъ; но настолько объек-

тивно и чуждо всякихъ личностей была написана драма, настолько касалась она по преимуществу здравыхъ основъ жизни человѣческой, обходя всякіе религіозные споры, что и сплетня словно не рѣшилась въ нее кинуть грязью. Лессингу, до самой смерти нуждавшемуся въ каждомъ грошѣ, пришлось обличать эти тысячу червонцевъ, при посредствѣ его пасынка, жившаго тогда въ Вѣнѣ. Такъ глупа была эта нелѣпая сказка, что едва ли и нуждалась въ разоблаченіи; безцѣльной пошлостью прошла она, почти никѣмъ не замѣченная, но уже и одно появленіе ея въ печати наврядъ ли было бы возможно, если-бъ повсюду возбужденное недоброжелателями Лессинга озлобленіе противъ него не подготовило ей нѣкоторую почву. Мендельсонъ сообщаетъ, что въ это время Лессингъ, прежде всюду привѣтливо принимаемый, какъ другъ и знакомый, сталъ встрѣчать сухія лица, сдержанные, холодные взгляды и торопливыя прощанія, что онъ чувствовалъ себя покинутымъ друзьями и знакомыми и предоставленнымъ ими всѣмъ преслѣдованіямъ враговъ. Несомнѣнно, что эти слова преувеличены, но правдиво и то, что кромѣ помянутыхъ привѣтствій въ письмахъ по поводу «Натана», друзья мало радовали Лессинга своимъ участіемъ, и нерѣдко сторонились отъ него люди, которыхъ онъ имѣлъ полное основаніе считать близкими себѣ. Въ концѣ 1779 года въ Брауншвейгъ и потомъ въ Вольфенбюттель пріѣзжалъ племянникъ Елизаветы Реймарусъ и внукъ Реймаруса, автора Вольфенбюттельскихъ отрывковъ. Этотъ юноша посѣтилъ даже и библіотеку, но не только не зашелъ къ Лессингу, относившемуся всегда горячо ко всей его семьѣ, гдѣ былъ принятъ какъ родной, но даже въ библіотекѣ постарался съ нимъ не встрѣтиться. Сообщая объ этомъ его теткѣ, Лессингъ пишетъ: «нѣкоторые люди говорятъ, что онъ нарочно не хотѣлъ видѣть человѣка, который принесъ столько стыда его покойному дѣду. Оно, можетъ-быть, и полезно сохранить чище и свѣтлѣе свою христіанскую славу; но что въ такой старательности можно зайти слишкомъ далеко, это я ставлю на видъ дочери помянутаго дѣда, которая смотритъ на меня другими глазами». Извѣстно, что только съ согласія дочери Реймаруса Лессингъ рѣшился напечатать Вольфенбют-

тельскіе отрывки; въ семьѣ его сына смотрѣли на этотъ фактъ недоброжелательно и, хотя имя автора даже долго послѣ смерти Лессинга оставалось неизвѣстнымъ, хотя Лессингъ тѣмъ самымъ принималъ на себя всю брань негодовавшихъ клерикаловъ, хорошо должно-быть было это злобное наушничанье, если помянутый внукъ Реймаруса ради его не хотѣлъ видѣть самаго близкаго друга своей тетки. Хорошо оно было, если даже ни одинъ изъ друзей знаменитаго писателя не рѣшился открыто стать за него и печатно высказать тѣ восторги, которыми привѣтствовали они его «Натана» въ письмахъ. Особенно поучительно сказалось въ этомъ отношеніи поведеніе педагога Кампе, который съ нѣсколько наивной откровенностью сообщалъ Лессингу письмомъ, что въ первую минуту восторга, послѣ чтенія «Натана», онъ намѣревался напечатать, вмѣсто всякой критики, только слѣдующее: «Натанъ Мудрый» — сочиненіе Лессинга, смотри книгу Премудрости VIII—22—23, гдѣ про него писано» (тутъ духъ разумный, святой, единый, разносторонній, острый, ловкій, краснорѣчивый, чистый, ясный, нѣжный, веселый, строгій, свободный, благодѣтельный, снисходительный, твердый, увѣренный, все можетъ и все видитъ, и т. д.). «Но, — прибавлялъ Кампе, — я отказался отъ этого, потому-что о моемъ намѣреніи случайно узнали люди, которые бы не преминули окунуть меня въ одну грязную лужу съ вами...» Такъ и въ пріятеляхъ Лессинга не хватало мужества стать съ нимъ на одну доску,—такъ боялись они утонуть въ этой лужѣ общественнаго невѣжества и грубости... Робкому воспитателю юношества Лессингъ отвѣчалъ, что для него похвала друга, хотя и высказанная письменно, а не печатно, нисколько отъ этого значенія своего не утратила. Онъ даже замѣчалъ, что печатная хвала въ той формѣ, которую предполагалъ Кампе, еще болѣе утвердила бы за его сочиненіемъ названіе апокрифическаго. Въ то же время невольно начинаетъ Лессингъ письмо словами, что добрый привѣтъ друга пришелъ къ нему въ минуту, когда ему начинаетъ становиться почти очень нужной такая признательность.

Первая громкая критика, которую пришлось испытать Лессингу, было запрещеніе его «Натана» въ католической Герма-

ніи, въ Австріи. Это, впрочемъ, было въ самое тяжелое для литературы время имперіи, въ послѣдніе годы царствованія Маріи-Терезіи, когда даже невинный «Эмиль» Руссо отбирался на таможнѣ у путешественниковъ, какъ зловредная книга, когда, по свидѣтельству Николаи, въ число запрещенныхъ книгъ вошелъ даже передъ тѣмъ изданный правительствомъ каталогъ запрещенныхъ книгъ, чтобъ самыя ихъ заглавія не смущали общественной нравственности. На родинѣ Лессинга, въ Саксоніи, тоже поговаривали о запрещеніи «Натана»; протестантское рвеніе однако до такого ослѣпленія не дошло. Наконецъ, появилось и печатное враждебное слово. Какъ и надо было думать, на это могъ рѣшиться только человѣкъ, отживающій, недоразвитый и даже чуждый литературному дѣлу; враги, болѣе толковые, понимали опасность такой выходки. Это былъ бреславльскій врачъ Траллесъ, горячій поклонникъ Готшеда и его искусственнаго, устарѣлаго литературнаго направленія. Оскорбленный какъ внутреннимъ содержаніемъ «Натана», такъ и внѣшнимъ его выполненіемъ, простотою и искренностью рѣчи, онъ выступилъ противъ «Натана» двумя частями «Случайныхъ старогерманскихъ и христіанскихъ наблюденій», остроумно оговариваясь въ предисловіи и оправдывая свое покушеніе на чужую область тѣмъ, что, ежели Самъ Богъ называлъ Себя врачомъ, и Спаситель всю Свою жизнь, какъ величайшій врачъ, исцѣлялъ болѣзни души и тѣла, то позволительно врачу взять Спасителя себѣ въ образецъ, позволительно тому, кто, повидимому, заботится только о тѣлесныхъ недугахъ, противодѣйствовать, сколько можно, заразительнымъ недугамъ души. Заботливый медикъ, казалось, съ искренней страстью схватился за такую миссію, по крайней мѣрѣ, онъ считалъ нужнымъ заявить, что сочиненіе свое писалъ при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ постели, страдая подагрой.

По этимъ нѣсколькимъ строкамъ вступленія можно судить, какова была самая критика; а между тѣмъ, чуть ли не этотъ одинъ печатный отзывъ о «Натанѣ» пришлось прочитать самому Лессингу. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать, что Лессингу было извѣстно единственное теплое

и сочувственное слово о драмѣ, появившееся еще при его жизни въ формѣ тринадцати писемъ въ газетѣ «Академія Грацій». Не поразителенъ ли, въ самомъ дѣлѣ, фактъ, что во всей германской прессѣ того времени высказался только старчески наивный бредъ Траллеса, въ отвѣтъ на одно изъ даровитѣйшихъ произведеній знаменитаго писателя, способствовавшаго болѣе, чѣмъ кто-нибудь, этой прессѣ стать твердо на ноги. Получивъ отъ пріятеля, книгопродавца Брейткопфа, изъ Лейпцига, экземпляръ книги Траллеса, Лессингъ не удостоилъ ее отвѣта. «Только значительная старость,—писалъ Лессингъ брату,—спасаетъ этого человѣка отъ шутовской пляски, которую въ иномъ случаѣ я заставилъ бы его выполнить». Врачу-теологу все-таки не прошла даромъ его смѣлость; чрезъ годъ послѣ появленія его книги, нѣкто, саксонецъ Шюцъ, написалъ на нее антикритику, доказавшую, хотя и нѣсколько вяло, бездарность и невѣжество Траллеса; можно себѣ представить, какой бы веселый спектакль изъ этого сдѣлалъ самъ Лессингъ. Напрасно газета «Нѣмецкій Меркурій» упрекала цѣнителей искусства, что ничто не должно было бы останавливать ихъ разборъ прелестей «Натана». Напрасно одна изъ библіографическихъ замѣтокъ того времени съ колкою насмѣшкой говорила: «въ ученыхъ указателяхъ почти и не упомянуто объ этомъ чудесномъ художественномъ произведеніи, и это, какъ я полагаю, законно: такъ какъ дряннѣйшія брошюры сейчасъ по ихъ рожденіи пятьдесятъ разъ разбираются и ни разу (ни даже самимъ критикомъ) не читаются, то я нахожу совершенно справедливымъ и приличнымъ, что «Натана Мудраго», котораго всякій читаетъ и перечитываетъ, никто не рецензируетъ». Критика оставалась глуха къ этому призыву, и Лессингъ давно успѣлъ умереть, когда наконецъ съ должнымъ вниманіемъ печать заговорила о его «Натанѣ».

Все это равнодушіе, несправедливость и мелкая, низкая вражда добивали окончательно ослабѣвавшія физическія силы Лессинга, и онъ, какъ догорающій свѣтильникъ, боролся съ жизнью, время отъ времени вспыхивая яркимъ пламенемъ, чтобы опять гаснуть все болѣе и болѣе. Зима съ 1779 на 1780 годъ была для Лессинга очень печальна: онъ впадалъ изъ одной

болѣзни въ другую. «Послѣдняя болѣзнь,—пишетъ онъ брату,—была одна изъ самыхъ опасныхъ и, говорятъ, надо считать счастьемъ, что я отъ нея отдѣлался. Ну да,—будемъ считать себя счастливыми, что можемъ хоть прозябать на свѣтѣ». Осенью 1780 года снова съѣздилъ онъ въ Гамбургъ; эта поѣздка его такъ ободрила, что онъ обѣщался къ Рождеству опять пріѣхать и даже не иначе, какъ съ законченнымъ драматическимъ произведеніемъ. Но, едва вернувшись въ свой одинокій Вольфенбюттель, онъ почувствовалъ, что ошибался, что бодрость его была не болѣе, какъ временная возбужденность, что онъ далеко не тотъ, какимъ былъ прежде. Первое его письмо къ Е. Реймарусъ, по возвращеніи въ Вольфенбюттель, особенно рѣзко рисуетъ это сознаніе: «Какъ сильно спѣшилъ я домой,—пишетъ Лессингъ, — такъ непріятно было мнѣ возвратиться, потому-что первое, что пришлось мнѣ здѣсь встрѣтить, былъ я самъ.

«И съ этимъ недовольствомъ собой долженъ я начать быть здоровымъ и работать.

«Разумѣется!—слышу я, говорятъ мнѣ друзья мои,—потому-что человѣкъ, какъ вы, можетъ все, что захочетъ!..»

«Но, любезные друзья, если бы это значило что-нибудь иное, какъ: можетъ все, что можетъ. И еще почувствую ли я когда снова эту моготу? (Können)—вотъ вопросъ. Впрочемъ, что толковать, не попробовавши.

«Ну, мой милый другъ, вы мнѣ это тоже совѣтуете, да будетъ такъ».

И онъ пробовалъ, онъ брался за работу, но работа не клеилась. Покончивъ свою замѣчательную книжечку: «О воспитаніи человѣческаго рода», обдуманную и начатую еще до «Натана», во время изданія Вольфенбюттельскихъ отрывковъ, Лессингъ не написалъ уже ни одного большого труда, хотя начиналъ много работъ, и всѣ оставленные имъ отрывки блестятъ громаднымъ дарованіемъ. Онъ былъ недоволенъ этими проблесками, жадное стремленіе къ труду не удовлетворялось ими, и онъ горько сѣтовалъ на измѣнявшія ему силы. «Меня не удивляетъ, — писалъ онъ Мендельсону,—что вамъ многое не нравится изо всего писаннаго мною съ нѣкоторыхъ поръ. Вамъ ничто не должно

было нравиться; для васъ ничего не было писано. Развѣ въ иномъ мѣстѣ могло обмануть васъ воспоминаніе о нашихъ лучшихъ годахъ. Тогда и я былъ здоровымъ прямымъ деревцомъ, теперь я гнилой, сучковатый стволъ... А!.. милый другъ!.. эта сцена кончена. Разумѣется, охотно желалъ бы я ее снова проговорить». Ему нужно было участье къ его послѣднимъ, ему дорогимъ трудамъ, и сочувствіе къ нимъ пробуждало въ немъ иногда какой-то отголосокъ прежняго юмора. Вотъ отрывокъ изъ того письма къ Е. Реймарусъ, въ которомъ Лессингъ сообщаетъ, что клерикалы хотѣли возбудить противъ него судъ за изданіе послѣдняго Вольфенбюттельскаго отрывка, и что герцогъ въ этомъ дѣлѣ принялъ его сторону. Сообщая, какъ онъ далъ понять герцогу, что самъ былъ бы радъ суду, Лессингъ говоритъ далѣе: «я знаю, что вы думаете, будто я бы желалъ себѣ преслѣдованія во что бы то ни стало. Вы воображаете, что ничѣмъ не могутъ мнѣ сдѣлать большую непріятность, какъ если не захотятъ совсѣмъ со мною связываться. Но, моя милая, какъ мало вы меня знаете, если, въ самомъ дѣлѣ, серьезно думаете такъ. Во мнѣ происходитъ, можетъ-быть, иногда то, что чувствовалъ тотъ побочный сынъ знатнаго господина, который не хотѣлъ сказать, кто онъ, — и лучше допускалъ себя повѣсить невиннымъ, только чтобы подвергнуть судью тяжелой отвѣтственности передъ своимъ отцомъ; потому-что, въ сущности, мнѣ любо при этомъ утѣшаться, что, наконецъ, придетъ же кто-нибудь и скажетъ судьѣ: судья, съ какого чорта вы хотите повѣсить побочнаго сына нашего господина милостиваго. И развѣ я не знаю, какого знатнаго господина я милый побочный сынъ? Итакъ, лѣстницу скорѣй, и чтобы никто не заботился, — я изъ боязни не улизну». Напрасно онъ утѣшался, этотъ «кто-нибудь» не приходилъ, всѣ кругомъ молчали, даже тотъ, кто зналъ и понималъ его, не рѣшался остеречь тупоумнаго судью, что подчасъ доводило Лессинга до тяжелаго раздумья. Какъ-то получилъ онъ отъ Мендельсона письмо, начинавшееся словами: «пользуюсь отъѣздомъ знакомаго, чтобы дать вамъ письменное доказательство о моемъ существованіи, вамъ, который даетъ о себѣ знать своимъ друзьямъ такимъ множествомъ и такихъ пре-

восходныхъ доказательствъ»,—и этихъ нѣсколькихъ строкъ было достаточно усталому, одинокому борцу, чтобы схватиться за нихъ, какъ за освѣжающее лѣкарство. «Я пережевываю и упиваюсь еще тѣмъ письмецомъ,—отвѣчалъ Лессингъ Мендельсону,—которое привезъ мнѣ отъ васъ докторъ Флисъ. И право, милый другъ, я нуждаюсь время отъ времени въ такомъ письмецѣ, чтобы совсѣмъ не упасть духомъ. Я не думаю, чтобы вы меня считали человѣкомъ жаднымъ до похвалъ, но холодность, съ которой свѣтъ старается встрѣчать иныхъ людей, будто ужъ они и ничего путнаго для него не сдѣлали, если не убійственна, то можетъ привести въ оцѣпенѣніе».

Припоминая всю эту обстановку послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Лессинга, найдешь вполнѣ естественнымъ, что всѣ планы, которыми онъ былъ такъ полонъ, оканчивая своего «Натана», не были осуществлены. Время отъ времени съ прежней горячностью схватывался Лессингъ за какую-нибудь новую работу, но больное тѣло не слушалось, а нравственное настроеніе нагоняло равнодушіе ко всему, и начинанія оставались незаконченными. Тѣмъ менѣе могъ онъ съ любовью заняться предисловіемъ къ «Натану» и эпилогомъ къ нему послѣ того поистинѣ возмутительнаго пріема, которымъ германское общество встрѣтило лучшее созданіе его творчества. Такимъ образомъ, въ черновыхъ бумагахъ, оставшихся послѣ Лессинга, вовсе не нашлось ни даже какого-нибудь наброска эпилога «Дервишъ», ни разсужденія о драматическомъ знакопрепинаніи, ни объясненій иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ драмѣ, чѣмъ предполагалось пополнить второе изданіе «Натана». Что касается предисловія, то отъ него остались два отрывка. Вотъ они:

1) «Безъ сомнѣнія, справедливо, и я ни отъ кого изъ друзей моихъ не скрывалъ, что первую мысль «Натана» я нашелъ въ Декамероне Боккаччіо. Несомнѣнно, что третья новелла первой книги этого столь богатаго источника для театральныхъ произведеній есть зародышъ, изъ котораго развился мой «Натанъ». Но только не теперь, не послѣ спора, въ который не слѣдовало бы такъ насильственно втягивать меня, лицо свѣтскаго званія. Я объ этомъ тотчасъ же сначала напоминаю, чтобы мои читатели не

искали намековъ болѣе, чѣмъ могла вложить въ работу окончательная ея отдѣлка...

2) «Если скажутъ: произведеніе это научаетъ, что не со вчерашняго дня у всѣхъ народовъ бывали люди, не обращавшіе вниманія на суевѣрія и все-таки оставшіеся хорошими людьми; если къ этому прибавятъ, что совершенно видимо мое намѣреніе выставить такихъ людей въ нѣсколько менѣе отвратительномъ свѣтѣ, чѣмъ вообще смотрятъ на нихъ, то я много возражать противъ этого не стану; потому-что и то, и другое можетъ проповѣдывать и ставить себѣ цѣлью человѣкъ, который совсѣмъ отрицаетъ, но не каждую религію откровенія,—не каждую. Я не достаточно пронырливъ, чтобъ выставлять себя такимъ, но у меня хватитъ храбрости отъ этого не отказываться.

«Если же скажутъ, что я поступилъ противъ поэтическаго приличія, отыскавъ помянутыхъ хорошихъ людей между евреями и мусульманами, то я попрошу принять въ соображеніе, что въ тѣ времена единственными учеными были евреи и мусульмане; что вредъ, приносимый суевѣріемъ, никогда не могъ такъ сильно бросаться въ глаза разумному человѣку, какъ во времена крестовыхъ походовъ, и что историки не чужды намековъ, будто таковымъ разумнымъ человѣкомъ былъ султанъ.

«Если, наконецъ, скажутъ, что произведеніе съ такой особенной тенденціей недостаточно богато особенными красотами,—я промолчу, но не устыжусь. Я сознаю цѣль, въ виду которой можно гораздо вѣрнѣе сохранить честное имя.

«Еще не знаю я ни одного мѣста Германіи, гдѣ это произведеніе можетъ быть исполнено на сценѣ, но благо и счастье тому, гдѣ его прежде всего исполнятъ».

Защитительный тонъ этихъ отрывковъ ясно показываетъ, что они были писаны въ то время, когда первое впечатлѣніе «Натана» на германское общество уже сдѣлалось извѣстнымъ. Понятно, что предисловіе должно было оборваться этими сдержанными, сознательными словами, смыслъ которыхъ сталъ ясенъ только послѣдующимъ поколѣніямъ. Напечатавъ два единовременныхъ изданія «Натана», Лессингъ не дожилъ до третьяго; оно было напечатано уже послѣ смерти его, въ восьмидесятыхъ

годахъ. За симъ, также въ Берлинѣ, послѣдовало изданіе въ 1791 году. Остальныя всѣ изданія принадлежатъ нынѣшнему столѣтію. Такихъ изданій, помимо помѣщенныхъ въ собраніяхъ сочиненій Лессинга, безчисленное множество всѣхъ форматовъ, начиная отъ самыхъ роскошныхъ до маленькаго изданія, стóящаго четыре гроша (около 15 коп. на наши деньги).

Вскорѣ послѣ смерти Лессинга, Мендельсонъ писалъ брату его Карлу: «не должно удивляться, что масса современниковъ не умѣла познать достоинство этого произведенія; лучшія будущія поколѣнія еще и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти будутъ долго пережёвывать и переваривать его». Если Мендельсонъ и ошибся въ своемъ пророчествѣ, то только тѣмъ, что поставилъ слишкомъ малое число лѣтъ: давно уже прошла и столѣтняя годовщина смерти Лессинга, а лучшіе германскіе писатели и до сихъ поръ находятъ отраднымъ возвращаться къ разсужденіямъ о «Натанѣ», къ разбору прелестныхъ подробностей, коими переполнена эта драма. Всѣ эти статьи, книжки и брошюры, помимо уже тѣхъ разборовъ «Натана», которые заняли видное, почетное мѣсто въ обширныхъ трудахъ по исторіи германской литературы, составляютъ изрядное собраніе сочиненій, толкующихъ спеціально о «Натанѣ». На нѣкоторыя изъ нихъ я мѣстами дѣлаю ссылки въ предлагаемой статьѣ. Здѣсь же упомяну только объ одномъ сочиненіи, появившемся вскорѣ послѣ смерти Лессинга и интересномъ въ томъ отношеніи, что оно во-очію представляетъ собою способъ проявленія враждебной «Натану» критики въ средѣ людей болѣе литературно-развитыхъ и осторожныхъ, чѣмъ откровенный шутникъ Траллесъ. Это была драма, подъ названіемъ «Ливанскій монахъ», сочиненная пасторомъ Пфрангеромъ и долженствовавшая служить продолженіемъ драмы Лессинга. Дѣйствующія лица здѣсь тѣ же, что и въ «Натанѣ»; къ нимъ прибавлены только два-три новыхъ лица, изъ коихъ одно и служитъ главною цѣлью пьесы. Это именно нѣкій христіанскій монахъ, пришедшій съ Ливана въ Дамаскъ, чтобъ излѣчить какими-то травами Саладина, захворавшаго въ этомъ городѣ. Врачуя больное тѣло султана, монахъ не забываетъ врачевать и души нечестивцевъ, созданныхъ фантазіею Лессинга, и разводитъ по всей пьесѣ глупыя и скуч-

ныя рацеи, яко бы въ прославленіе христіанства. Въ концѣ пьесы монахъ, Богъ знаетъ для чего, оказывается братомъ Саладина Ассадомъ (по драмѣ Лессинга этотъ Ассадъ, отецъ Рэхи и храмовника, убитъ въ бою). Авторъ не сообразилъ или не хотѣлъ

Памятникъ Лессингу въ Брауншвейгѣ, вблизи дома, гдѣ онъ скончался; по проекту художника Ритшеля сооруженъ въ 1853 г.

сообразить, какъ это впрочемъ и послѣ его не разъ бывало, основной идеи произведенія, противъ котораго выступилъ, именно, что «Натанъ» представляетъ не борьбу религій, а ихъ примире-

ніе, — не рѣшеніе вопроса, которая религія лучше, а простое уваженіе къ чужому вѣрованію, безъ оцѣнки его сущности. Отсюда, желая сочинить тоже нѣчто въ родѣ сказки о трехъ кольцахъ, Пфрангеръ влагаетъ въ уста своему монаху параболу, прямо противоположную цѣлямъ Лессинга, параболу, гдѣ еврейство сопоставляется съ изобрѣтеніемъ заступа, христіанство съ изобрѣтеніемъ плуга, а магометанство—меча. При всемъ стараніи сохранить тонъ драмы Лессинга и характеръ ея дѣйствующихъ лицъ, пьеса Пфрангера невольно дѣлаетъ ихъ глупцами, восхищающимися водянистой болтовней монаха. Натанъ и здѣсь представленъ яко бы разумнымъ и добрымъ, но онъ стушевывается передъ, кажущимся автору, величіемъ монаха, и по всей пьесѣ раскинуты мудрому еврею наивныя колкости. То Саладинъ поетъ, что Натанъ влилъ ему въ душу сомнѣніе и лишилъ его покоя, то Зитта замѣчаетъ, что монахъ слишкомъ прямой, грубый человѣкъ для придворной жизни, что Натанъ умѣлъ лучше обходиться съ людьми, будто бы угождая и нашимъ, и вашимъ; словно терпимость Натана касалась поступковъ, а не отвлеченныхъ мнѣній, словно снисхожденіе его къ людскому суевѣрію сказывалось только при дворѣ султана, а не вездѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ мало развитія и много предразсудковъ. Книга Пфрангера все-таки есть доказательство сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго драмою Лессинга на его современниковъ; ловкій врагъ не осмѣлился идти прямо навстрѣчу «Натану», онъ предпочелъ коварно идти съ нимъ рядомъ, маскировать свою вражду мнимымъ сочувствіемъ, и при этомъ, сдѣлавъ «Натана» какъ бы ступенью къ болѣе глубокому познанію истины, выдалъ свои грошевыя сужденія за червонцы мудрости. Этотъ маневръ, повидимому, удался въ свое время: жалкое произведеніе Пфрангера выдержало въ короткій срокъ (отъ 1782—1786 года) три изданія, каждое съ значительными измѣненіями противъ предыдущаго.

Чтобы покончить съ исторіей драмы Лессинга, мнѣ остается теперь только сказать нѣсколько словъ объ ея исполненіи на сценѣ.

Хотя Лессингъ, затѣвая своего «Натана», и говорилъ: «я хочу посмотрѣть, какъ мнѣ помѣшаютъ проповѣдывать съ моей

старой каѳедры—театра», онъ, какъ великій знатокъ сценическаго искусства, не могъ не чувствовать, что при современномъ ему развитіи нѣмецкаго театра, какъ со стороны актеровъ, такъ и со стороны публики, едва ли мыслима была постановка на сцену такой тонкой и богатой болѣе рѣчью, чѣмъ дѣйствіемъ, драмы, какъ «Натанъ Мудрый». Тѣмъ не менѣе онъ былъ далекъ отъ того, чтобъ считать свое произведеніе совершенно чуждымъ сценическому исполненію. Еще въ началѣ работы онъ писалъ брату, что «не загородитъ «Натану» дороги къ театру, хотя бы это случилось черезъ сто лѣтъ», — и скорѣе дурному расположенію духа и несправедливости публики, чѣмъ искреннему сомнѣнію, надо приписать высказанную Лессингомъ, по окончаніи его труда, неувѣренность: «очень можетъ статься, что мой «Натанъ» произведетъ мало впечатлѣнія, когда онъ появится на театрѣ, что, конечно, никогда не случится»... Лессингъ все-таки очень хорошо видѣлъ значеніе своего новаго труда для сцены и вполнѣ сознательно выразился объ этомъ въ приведенномъ выше отрывкѣ предисловія, пророча счастье тому мѣсту, гдѣ впервые «Натанъ» будетъ исполненъ. Друзья Лессинга, зачитываясь и восхищаясь «Натаномъ», и не поминали о театрѣ, такъ мало шла къ нему эта изящная пьеса. Одинъ только братъ Лессинга съ нѣкоторой боязнью писалъ ему, что едва ли современнымъ актерамъ, еще кое-какъ способнымъ на изображеніе рѣзкихъ страстей и ярко-комическаго, будетъ по силамъ такое дѣло. Тѣмъ не менѣе самоувѣренный директоръ берлинскаго театра, Дёбеллинъ, не мало хвалившійся тѣмъ, что очистилъ отъ шута Гансвурста берлинскую сцену и поднялъ ея нравственный уровень, рѣшился попытать счастья. Чрезъ два года послѣ смерти Лессинга (въ 1783 году) онъ задумалъ поставить «Натана» и взялся самъ исполнить главную роль.

Въ характерномъ анекдотѣ того времени разсказывается, что пріятель покойнаго Лессинга, извѣстный писатель Энгель, встрѣтился съ Дёбеллиномъ въ кофейной наканунѣ представленія.

— Завтра я даю лучшее произведеніе Лессинга, «Натана Мудраго»,—сообщилъ Дёбеллинъ.

— «Натана Мудраго»? — переспросилъ удивленный Энгель.

— Да, «Натана Мудраго».

— Кто же играетъ у васъ Натана?

— Натана?—сказалъ самодовольный артистъ,—ну, я, конечно, я самъ.

— А кто же играетъ Мудраго?—добавилъ Энгель.

Это ироническое предостереженіе не смутило Дёбеллина. Спектакль состоялся 14-го апрѣля 1783 года. Тогдашняя театрально-литературная газета сообщаетъ, что дирекція не пожалѣла издержекъ, чтобъ возможно достойнымъ образомъ исполнить это замѣчательное произведеніе; декораціи и костюмы были сдѣланы новые. Первое представленіе было, повидимому, удачно. Публики собралось много, она слушала внимательно и дружно привѣтствовала выдающіяся патетическія мѣста. Можно было ожидать, что пьеса удержится на сценѣ, и въ слѣдующіе же два дня она снова была исполнена. Но, увы! уже на третье представленіе театръ былъ пустъ. Не поддержали этихъ спектаклей и евреи, на которыхъ-таки разсчитывала дирекція, въ виду симпатичности еврея Натана. Боязнь Карла Лессинга оправдалась: актерамъ драма была не по плечу; но такъ же не по плечу была она и публикѣ. Это яснѣе другихъ понималъ лучшій актеръ того времени, горячій поклонникъ Лессинга, знаменитый Шрёдеръ. Восторженно привѣтствовавъ «Натана», онъ до самой старости страстно относился къ роли мудраго еврея. Даже покинувъ сцену, охладѣвши къ ней, онъ не могъ говорить равнодушно о роли Натана, прибавляя, что только одна эта роль могла бы его еще разъ заставить ступить на подмостки сцены. И все-таки, при всемъ своемъ дарованіи, онъ имѣлъ настолько такта, что не игралъ Натана, а устроилъ однажды только чтеніе по ролямъ драмы въ большомъ обществѣ. Самъ онъ читалъ Натана и Патріарха съ свойственной ему тонкостью отдѣлки рѣчи и простотой, приводя въ восхищеніе своихъ слушателей.

Собственно достояніемъ нѣмецкаго репертуара «Натанъ Мудрый» сдѣлался только спустя слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Лессинга, именно, съ постановки драмы въ Вей-

марѣ, въ 1801 году; такъ какъ предшествовавшія ему еще два другія представленія (въ Пресбургѣ—въ Австріи въ 1785 году и въ Магдебургѣ въ 1801 году), какъ и берлинское, прошли безслѣдно.

Постановкой «Натана» въ Веймарѣ занялись все тѣ же два знаменитыхъ представителя германской драматургіи, которые не однимъ творчествомъ литературнымъ принимали горячее участіе въ судьбахъ родного театра и такъ громадно способствовали его процвѣтанію. Шиллеръ и Гёте рѣшились упрочить положеніе драмы Лессинга на германской сценѣ. Шиллеръ тщательно пересмотрѣлъ «Натана», сдѣлалъ въ пьесѣ необходимыя для сцены сокращенія и измѣненія, и въ этой обдѣлкѣ «Натанъ» былъ исполненъ на Веймарскомъ театрѣ 28-го ноября 1801 года. Результатъ спектакля былъ вполнѣ удачный. Кар. Гердеръ по поводу этого спектакля писалъ Кнебелю (19-го декабря 1801 г.): «Милый другъ! «Натанъ Мудрый» исполненъ на сценѣ! это чудеснѣйшее произведеніе, какимъ только обладаютъ нѣмцы! Надо его видѣть и прислушаться къ его разуму! оно занимательно и для нашего ума и для нашей души! оно даетъ высочайшее удовлетвореніе отъ начала до конца и произвело на всѣхъ огромное впечатлѣніе. Вотъ уже двадцать два года какъ мы имѣемъ эту пьесу, которая можетъ служить образцомъ литературныхъ произведеній, и нѣмцы еще не знаютъ ее. О! какіе мы гуси!» — Какъ предполагалъ и надѣялся Гёте, «Натанъ» съ тѣхъ поръ сдѣлался прочнымъ достояніемъ веймарскаго репертуара, время отъ времени появляясь снова и снова на подмосткахъ тамошней сцены *). Интересно и мѣтко замѣ-

*) Не мѣшаетъ однако замѣтить, что вообще Гёте и Шиллеръ относились не совсѣмъ сочувственно къ сценической сторонѣ драматическихъ произведеній Лессинга. Даровитые ученики, всегда съ признательностью глядѣвшіе на труды геніальнаго учителя своего, забывали, что Лессингу приходилось совершенно одному прокладывать себѣ дорогу сквозь дебри французской ложно-классической драмы, которой сами въ юности принесли дань, одинъ переводомъ Вольтерова «Магомета», другой—Расиновой «Федры». Зная, какое громадное вліяніе имѣла вообще драматургія Лессинга на ихъ собственное творчество, они были слишкомъ строги къ драматической обработкѣ его произведеній, всегда уступавшей ихъ основному содержанію; они при этомъ забывали, напримѣръ, какимъ кроткимъ свѣтомъ «Натана», этого, по выраженію Шиллера, чуднаго плода божественнаго ученія, свѣтитъ хотя бы отъ «Донъ-Карлоса» Шиллера.

чаніе Гёте, высказанное имъ по этому поводу въ 1815 году: «пускай же, — говоритъ онъ, — извѣстный разсказъ, счастливо исполненный, на вѣчныя времена напоминаетъ нѣмецкой публикѣ, что она призвана не только, чтобы глядѣть, но также, чтобъ слушать и воспринимать! пускай и высказанное въ томъ разсказѣ божественное чувство. терпимости и снисхожденія останется для націи навсегда святымъ и драгоцѣннымъ». Вслѣдъ за веймарскимъ исполненіемъ, «Натанъ» сталъ постепенно появляться и на другихъ германскихъ сценахъ, какъ въ обдѣлкѣ Шиллера, такъ и при другой режиссерской постановкѣ. Въ Берлинѣ драма была возобновлена извѣстнымъ актеромъ-писателемъ Иффландомъ, 10-го марта 1802 года; въ Дрезденѣ, въ первый разъ, она была исполнена 18-го сентября 1818 года, въ Вѣнѣ— 25-го января 1819 года и т. д. «И,—какъ замѣчаетъ Штаръ,— не прошло еще ста лѣтъ, послѣ которыхъ, въ счастливѣйшемъ случаѣ, великій авторъ предполагалъ возможность сценическаго исполненія «Натана», но ужъ давно, едва ли есть хоть одна нѣмецкая сцена, которая бы постоянно и постоянно не украшала себя этой драгоцѣнностью, и нѣтъ ни одного замѣчательнаго нѣмецкаго актера XIX-го столѣтія, который бы не пытался исполненіемъ роли «Натана» приплести одну изъ лучшихъ вѣтвей къ вѣнку своей славы».

Дрезденскій учитель Науманъ, къ книгѣ своей о литературѣ «Натана», приложилъ списокъ количества представленій «Натана», съ небольшимъ за полстолѣтіе, въ разныхъ, наиболѣе выдающихся городахъ Германіи. Изъ этой статистики мы узнаемъ, что первенство по количеству представленій принадлежитъ городу, сдѣлавшему починъ ихъ, Берлину, гдѣ съ 1802 по 1867 г. было исполнено сто тридцать семь представленій. Въ Веймарѣ за то же время было 38 представленій; въ Карлсруэ съ 1812—1867 годъ 24 представленія; въ Ганноверѣ съ 1818—1867 годъ 23 представленія; въ Дрезденѣ за то же время 37 представленій. Въ католической Вѣнѣ позже всѣхъ другихъ мѣстъ поставленъ «Натанъ», и особенно въ первое время исполнялся рѣдко. Всѣхъ представленій по 1-е января 1874 года было (по моимъ свѣдѣніямъ) всего 87 на императорской сценѣ и 6 на городскомъ

театрѣ за полтора года его существованія. Въ Россіи «Натанъ» былъ дозволенъ къ исполненію на нѣмецкой сценѣ въ концѣ двадцатыхъ годовъ, и впервые исполненъ въ Петербургѣ въ 1828 году, 6-го сентября. За симъ всего-на-все по 1897 г. включительно пьеса была сыграна на Императорской Петербургской нѣмецкой сценѣ 14 разъ *). Кромѣ того, въ Россіи «Натанъ» исполнялся также въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ Ригѣ и Ревелѣ **).

Кто бы подумалъ, что на иностранныхъ сценахъ, въ переводѣ, «Натанъ» былъ исполненъ прежде всего въ Константинополѣ?—Это представленіе состоялось въ 1846 г. «Натанъ» былъ сыгранъ въ переводѣ Каліургоса на новогреческій языкъ, подъ заглавіемъ: «Мудрый еврейскій старецъ». Гурауеръ, сообщаю-

*) 6 сентября 1828 г.—26 октября 1841 г.—22 іюня 1842 г.—8 февраля 1867 г.—3 и 19 апрѣля 1868 г.—23, 28 февраля и 16 марта 1877 г.—17 и 26 февраля 1882 г.—2 апрѣля 1883 г.—5 сентября 1888 г.—24 марта 1892 г. Въ 1841 году дебютировалъ въ роли Натана главный режиссеръ Іерманъ; въ 1842 году въ роли храмовника выступилъ извѣстный артистъ Эмиль Девріентъ; въ 1868 году роль Натана игралъ у насъ берлинскій артистъ Дёрингъ; въ 1877 и 1883 г.г. эту роль игралъ мюнхенскій артистъ Поссартъ, въ 1882 г. артистъ Лобе, въ 1892 г. артистъ Клейнъ. (Частью сообщено режиссеромъ С.-Петербургской Императорской нѣмецкой труппы—Толлертомъ, частью выписано мною изъ книгъ дирекціи Императорскихъ театровъ).

**) Я не скажу, чтобы меня особенно удовлетворяли тѣ исполненія «Натана» (въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ), которыя довелось мнѣ видѣть. Особенно страдаютъ при этомъ молодыя роли, попадая по обычной рутинѣ всегда въ руки трагическихъ сюжетовъ, игрѣ которыхъ въ Германіи нерѣдко вредитъ неестественная декламація. Рэха исполняется большею частью драматической артисткой съ положеніемъ, и потому уже и по лѣтамъ своимъ не отвѣчающей роли; отчего дѣвственная, почти младенческая грація этого лица превращается въ какую-то ограниченность зрѣлой дѣвы. Храмовникъ часто отличается крикомъ, угловатыми манерами и непріятно-искусственной позировкой. Роли Саладина и его сестры обыкновенно играются кое-какъ, считаясь аксессуарными. Также плохо овладѣваютъ артисты ролью Дервиша, замѣняя его искренность, непосредственность,—дикой. грубой, обрывистой цитировкой. Лучше другихъ, какъ наиболѣе благодарныя, удаются роли Дайи, служки и Патріарха. Послѣдняя, по яркости обрисовки, почти вездѣ исполняется порядочно. Роль служки иногда бываетъ даже казовою, какъ, напримѣръ, въ Вѣнѣ, гдѣ въ ней славился талантливый артистъ Ларошъ, дѣйствительно исполнявшій служку очень правдиво и съ милымъ простодушіемъ. Лучшими изъ Натановъ, видѣнныхъ мною, были берлинскій артистъ Дёрингъ и мюнхенскій Поссартъ. Простота рѣчи съ самымъ легкимъ оттѣнкомъ лукавства. спокойныя естественныя движенія и мимика безъ всякаго старанья чѣмъ-нибудь подчеркнуть выдающееся само собой слово, дѣлали ихъ исполненіе живымъ и типичнымъ. Въ Вѣнѣ я видѣлъ въ роли Натана артиста Фёрстера. его исполненіе мнѣ показалось ниже всякой критики, такъ оно было декламаціонно, искусственно; даже покойный Гювартъ въ Петербургѣ гораздо лучше игралъ эту роль.

щій объ этомъ представленіи, говоритъ, что публика состояла главнымъ образомъ изъ турокъ, которые отнеслись къ пьесѣ, особенно къ разсказу о трехъ кольцахъ, съ самымъ горячимъ восторгомъ; ихъ поразило только слишкомъ безтрепетное обращеніе еврея съ могущественнымъ султаномъ.

Надгробный памятникъ Лессингу на кладбищѣ вблизи Брауншвейга, поставленный артистами придворнаго Брауншвейгскаго театра въ семидесятыхъ годахъ.

IV.

Несомнѣнно, что всякое талантливое художественное произведеніе говоритъ само за себя, и если вызываетъ критику на подробное изслѣдованіе его, на указанія, разъясненія, то, конечно, не по своей винѣ, а по винѣ читателей, которые, сообразно различному развитію, могутъ и проглядѣть многое прекрасное или отнестись къ нему слишкомъ безотчетно, мало заботясь о томъ, почему то или другое нравится. Чтобы не остаться празднымъ препровожденіемъ времени, чтобы быть полезнымъ другомъ, пособникомъ въ жизни человѣка, художественное произведеніе должно возбуждать въ немъ, такъ сказать, личное творчество, новыя мысли, вытекающія изъ личнаго опыта, новый опытъ въ приложеніи этихъ мыслей къ жизни. Съ этой точки зрѣнія «Натанъ Мудрый», какъ уже замѣчено выше, менѣе чѣмъ многія другія произведенія, нуждается въ разъясненіяхъ и указаніяхъ. Его дидактическая форма, хотя и переполненная аллегоріями, выдаетъ мысли автора прямо и просто. Различныя толкованія объ этой драмѣ вытекаютъ изъ того, что не всѣ критики одинаково внимательно вникаютъ во все, въ ней высказанное; а иные, несочувствуя ея гуманнымъ принципамъ, но и не желая въ этомъ откровенно сознаться, пользуются аллегоріями драмы,

чтобъ затуманивать ея цѣли. Одни видятъ въ «Натанѣ» не болѣе какъ только проповѣдь обыденной вѣротерпимости, то-есть порицаніе преслѣдованія за религію, что̀ для нихъ уже давно сложенная въ архивъ истина; другіе, подходя къ «Натану» съ предвзятыми мыслями, дѣлаютъ изъ него нелѣпые выводы, о которыхъ Лессингу и не снилось. Вотъ почему эта драма невольно возбуждаетъ желаніе высказать все, что передумывалъ, чѣмъ наслаждался, въ минуту ея чтенія, вотъ причина появленія множества статей и брошюръ о «Натанѣ», отъ самыхъ восторженныхъ до самыхъ негодующихъ. Мы много не поддадимся такому искушенію, предоставляя всякому черпать изъ самого источника; мы постараемся только намекнуть читателю, какъ, по нашему мнѣнію, это замѣчательное созданіе литературнаго труда и таланта невольно направляетъ неиспорченный умъ человѣка къ самымъ лучшимъ принципамъ жизни и правильному отношенію ко всему окружающему.

Сказка о трехъ кольцахъ, въ сборникѣ новеллъ Боккаччіо, послужила, какъ сообщалъ самъ Лессингъ, ближайшимъ поводомъ къ написанію «Натана». Въ ней Лессингъ нашелъ удачную форму для развитія давно гнѣздившихся въ немъ и не разъ уже въ другихъ его произведеніяхъ тронутыхъ идей, но только форму, въ которой онъ могъ главнымъ образомъ сконцентрировать мысли, широко разбросанныя по всей пьесѣ *).

*) Нѣмцы, съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ, терпѣніемъ и старательностью комментирующіе своихъ любимыхъ и выдающихся авторовъ, доходятъ въ этомъ дѣлѣ иногда до крайностей. Я здѣсь не могу пропустить брошюру профессора Каро, появившуюся въ Іенѣ въ 1866 году. Почтенный профессоръ, съ чисто инквизиторской старательностью, копается въ мозгу Лессинга, представляя ассоціацію идей, породившихъ «Натана», и подыскивая источники, изъ которыхъ будто бы онъ создался. Здѣсь было бы неумѣстно да и не сто̀итъ подробно разсказывать, какъ это дѣлается; но для курьёза я представлю тѣ основы, на которыхъ критикъ зиждетъ свои разсужденія. Лессингъ будто бы не только одной помянутой сказкой о кольцахъ, но и всей интригой и характерами «Натана» обязанъ Боккаччіо. Въ итальянскихъ новеллахъ есть одна, въ которой тоже, какъ и въ «Натанѣ», юноша любитъ дѣвушку, впослѣдствіи оказывающуюся его сестрой; у юноши тоже горячій характеръ, какъ у Храмовника, а опекунъ дѣвушки тоже много путешествовалъ, какъ Натанъ. Характеръ Натана и имя его будто бы взяты изъ другой новеллы, гдѣ тоже есть какой-то, хоть и не еврей, богачъ Натанъ, щедро помогающій направо, налѣво. (Къ этой новеллѣ мы еще вернемся, тѣмъ болѣе, что на нее указываетъ не одинъ Каро). Характеръ патріарха взятъ Лессингомъ будто бы изъ тѣхъ же новеллъ, которыя переполнены патерами и монахами такого сорта (что̀ не совсѣмъ такъ: монахи Боккаччіо болѣе комичные негодяи, а не

Между сказкой у Боккаччіо и ея варіантомъ, въ «Натанѣ» есть громадное и весьма существенное различіе; Лессингъ придалъ сказкѣ совершенно новый оттѣнокъ, мѣняющій ея основной смыслъ, вызывающій рядъ мыслей и взглядовъ, совсѣмъ чуждыхъ источнику, изъ котораго взятъ матеріалъ. Боккаччіо тоже не былъ авторомъ этой сказки, первообразъ ея принадлежитъ времени, гораздо болѣе раннему XIV вѣка, когда итальянскій писатель собиралъ и сочинялъ свои новеллы,—и здѣсь весьма интересно сопоставить между собой, какъ одинъ и тотъ же разсказъ, въ рукахъ различныхъ авторовъ и въ разное время, служилъ выраженіемъ различныхъ идей, сообразно настроенію общества, въ которомъ онъ возникалъ.

Первоначальный прототипъ сказки о трехъ кольцахъ должно отнести къ періоду отъ конца X до начала XII вѣка. Въ Испаніи въ это время, подъ кроткимъ владычествомъ арабовъ, въ мирѣ и согласіи жили три національности, исповѣдовавшія три различныхъ религіи: арабы-мусульмане, испанцы-христіане и евреи. Тамъ, преданные трудолюбивой жизни, развитые властители мало обращали вниманія на то, какой вѣрѣ принадлежалъ подвластный имъ народъ, и потому допускали самую широкую вѣротер-

---

злодѣи). Изслѣдуя моментъ начала творчества «Натана», Каро опредѣляетъ его временемъ пребыванія Лессинга въ Виттенбергѣ, гдѣ онъ спеціально занимался теологическими сочиненіями. Въ это же время онъ много читалъ лексиконъ Бэйля, съ дополненіями Шофепье, гдѣ, между прочимъ, находится біографія извѣстнаго англійскаго сатирика Іонатана Свифта. Біографія эта, имѣющая эпизодическую аналогію съ драмой Лессинга, миссъ Сары Сампсонъ, должна была произвести сильное впечатлѣніе на молодого нѣмецкаго писателя. Между тѣмъ, въ біографіи тоже дѣлается предположеніе, что Свифтъ любилъ свою родную сестру. Кстати же онъ потомъ писалъ сказку о бочкѣ, гдѣ подъ видомъ параболы разбираются три вѣроисповѣданія — (католицизмъ, протестантизмъ и кальвинизмъ). Тутъ Каро видитъ аналогію со сказкой о кольцахъ въ «Натанѣ» — и смѣшеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ указаній приводитъ профессора къ его ассоціаціи идей. Что все, прочитанное Лессингомъ, все, на чемъ онъ развивался, не могло пройти безслѣдно для него, это несомнѣнно; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же останавливаться только на Свифтѣ и Боккаччіо? и у Локка, и у Шефсбюри, и у Руссо найдутся мѣста, гораздо болѣе близкія къ «Натану», чѣмъ приведенныя Каро сказки Боккаччіо и любовная легенда англійскаго сатирика. До какихъ странностей можетъ доходить эта нѣмецкая кропотливость, видно изъ того, что Каро даже самое названіе Храмовникъ, а стало-быть и рыцарское званіе его, выводитъ изъ того, что, какъ предполагается у Шофепье, Свифтъ былъ незаконный сынъ сэра Темпля,—стало-быть, самъ Свифтъ былъ Темпль. «Итакъ,—говоритъ Каро,—мнѣ кажется, скачокъ мысли отъ Темпля (Temple), женатаго на своей сестрѣ, къ Темпліеру, — Храмовнику (Templer), собирающемуся жениться на сестрѣ, совсѣмъ не великъ».

пимость. Не только евреи и христіане, которыхъ уважалъ и самъ Магометъ, но даже люди крайнихъ воззрѣній на религію не встрѣчали въ этомъ отношеніи никакихъ преслѣдованій. Такъ, напримѣръ, свободно могло развиться и процвѣтать философское движеніе, исходной точкой котораго былъ арабскій философъ Ибнъ-Рошдъ (Аверроэсъ), породившее цѣлое ученіе аверроистовъ, которые съ одинаковымъ сомнѣніемъ относились ко всѣмъ тремъ религіямъ *). Эта терпимость, однако, не доказываетъ, что люди вѣровавшіе оставались совершенно равнодушными другъ къ другу въ дѣлѣ религіозныхъ воззрѣній. Еще далекіе отъ той вражды, которая потомъ изгнала арабовъ изъ Испаніи и развела огонь костровъ инквизиціи, помянутыя три національности все-таки чувствовали нравственную рознь, и мысль о томъ, чья религія лучше, это сѣмя будущаго раздора и злобы, невольно должна была въ нихъ сказаться. Свидѣтельствомъ тому служатъ нѣсколько сочиненій того времени, задававшихъ себѣ цѣлью сопоставленіе религій; такова, напримѣръ, интересная книга «Хозари», въ которой авторъ заставляетъ аргументировать теологовъ трехъ религій (христіанской, еврейской, магометанской) и философа. Къ числу такихъ произведеній относится и разсказъ о драгоцѣнныхъ камняхъ, сохранившійся только на еврейскомъ языкѣ (по нѣкоторымъ даннымъ, вѣроятно, въ переводѣ съ арабскаго) и попавшій въ сборникъ сочиненій древнѣйшихъ еврейскихъ авторовъ, носящій заглавіе «Розга Іудейская», то-есть гоненія, выстраданныя евреями въ наказаніе за ихъ невѣрность. Вотъ вкратцѣ этотъ разсказъ: «Испанскій король Педро Древній (должно-быть, Педро I Арагонскій, умершій въ 1104 г.), наслышавшись очень много дурного про евреевъ, призываетъ къ себѣ одного изъ нихъ, Эфраима-бенъ-Санхо, и задаетъ ему вопросъ: «которая религія лучше: еврейская или христіанская?» Эфраимъ мнется, хочетъ отклонить объясненіе, и наконецъ, проситъ три дня сроку, чтобъ обдумать отвѣтъ. Въ назначенный день онъ прибѣгаетъ къ королю взвол-

*) Интересующимся этимъ временемъ указываемъ: Etudes sur l'histoire de l'humanité, par F. Laurent. Averroés et averroïstes, par Renan. Die Wiedererlebung des classischen Alterthums, von Georg Voigt.

нованный и печальный, прося заступничества. «Мой сосѣдъ, — говоритъ Эфраимъ,—уѣхалъ въ дальнія страны и оставилъ двумъ сыновьямъ своимъ каждому по драгоцѣнному камню. Теперь братья заспорили между собой, чей камень лучше и дороже, и пришли ко мнѣ, чтобъ я имъ это рѣшилъ. Я отвѣтилъ, что не знаю, что лучшій ювелиръ у насъ ихъ отецъ, и онъ одинъ можетъ сдѣлать вѣрную оцѣнку камнямъ. Тогда братья разсердились на меня, обидѣли меня и побили...»—«Они сдѣлали дурно, — сказалъ король, — и достойны наказанія». — «Пускай же, — быстро подхватилъ хитрый еврей, — уши твои, король, услышатъ то, что говорятъ уста. Смотри, Исавъ и Іаковъ тоже братья. Каждый изъ нихъ получилъ тоже по драгоцѣнному камню, а ты, государь, спрашиваешь, который изъ нихъ лучше? Пошли, государь, кого-нибудь къ нашему отцу, который на небѣ, онъ великій ювелиръ: онъ объяснитъ разницу между двумя камнями». Хотя еврейскій переводчикъ и называетъ этотъ разсказъ неконченнымъ, но и въ этомъ видѣ онъ вполнѣ характеренъ и отвѣчаетъ своему времени. Здѣсь еще является, такъ сказать, языческая вѣротерпимость, религія разсматривается какъ собственность, годная для того, кому она принадлежитъ. Тутъ нѣтъ помину, чтобъ одинъ камень былъ поддѣльный, ничего не стоящій. Религія чужая также идетъ отъ общаго отца, но она чужой хранитель, чужой амулетъ, годный для чужого, какъ свой для своего. Сквозь это просвѣчиваетъ то уваженіе къ чужимъ богамъ, которое у язычниковъ порождало мысль о борьбѣ на небѣ боговъ въ то время, какъ народы ихъ враждуютъ на землѣ. Понятно, что они не могли бы допустить эту мысль, если-бъ не признавали существованія чужихъ боговъ,—иначе: если-бъ они не уважали чужой религіи. Свой богъ язычнику былъ лучшій богъ, и своя вѣра лучшая,—но и чужой богъ былъ для него тоже богъ, и чужая вѣра—тоже вѣра, которая чужого вела къ счастью.

Сочиненіе разсказа о камняхъ, самое это желаніе найти лучшую религію служитъ, однако, уже переходомъ къ другому взгляду, сообразно съ которымъ появилась въ Италіи сказка о трехъ кольцахъ первоначально въ сборникѣ «Сто древнѣйшихъ

новеллъ», откуда она, почти безъ измѣненій, попала въ «Декамероне» Боккаччіо. Здѣсь еврея спрашиваетъ уже не христіанскій король, а мусульманскій султанъ, и потому обсуждаются не двѣ религіи, а три. Самая сказка, которая въ основныхъ подробностяхъ цѣликомъ перешла въ «Натана», предполагаетъ всеобщую лучшую религію существующей,—отецъ обладаетъ однимъ кольцомъ съ драгоцѣннымъ камнемъ, которое изъ рода въ родъ опредѣляло главенство семьи. Одинаково расположенный ко всѣмъ тремъ сыновьямъ, отецъ поддѣлываетъ два другихъ кольца, и когда онъ умираетъ, у каждаго сына оказывается кольцо, каждый считаетъ свое настоящимъ, родовымъ, но ни одинъ не можетъ доказать этого. Сказка итальянскихъ писателей этимъ и кончается,—кольца, какъ и религіи, остаются не различимы, и вопросъ не разрѣшенъ *). Терпимость, здѣсь высказываемая, уже не совсѣмъ такова, какъ въ первоначальной сказкѣ. Каждый изъ братьевъ, считая свое кольцо лучшимъ, въ то же время считаетъ себя главою дома. Это значеніе кольца, внесенное въ разсказъ итальянской редакціей, даетъ ему подавляющій, враждующій характеръ. Если тутъ и сказывается какая-нибудь терпимость, то это терпимость презрѣнія и равнодушія. Такой поступокъ отца есть очень непохвальная хитрость, такъ какъ, оставаясь въ глазахъ каждаго сына добрымъ и любящимъ, онъ заставляетъ братьевъ смотрѣть другъ на друга, какъ на обманщиковъ, стремящихся завладѣть главенствомъ дома.

Та, повидимому, незначительная прибавка, которую сдѣлалъ

---

*) Въ другомъ варіантѣ сказки, помѣщенномъ въ сборникѣ «Gesta Romanorum», перо, вѣроятно, какого-то усерднаго католическаго прелата совсѣмъ исказило основной смыслъ сказки и пріобщило ее къ другимъ цѣлямъ. Разсказывая прямо сказку безъ предварительнаго разговора султана и еврея, авторъ разрѣшаетъ споръ о настоящемъ кольцѣ, придавъ ему чудотворную силу вылѣчивать больного. Это кольцо, конечно, должно было олицетворять религію христіанскую. Тотъ же варіантъ можно встрѣтить на французскомъ языкѣ въ «Violer des histoires romaines», которое есть не что иное, какъ переводъ «Gesta romanorum» (M. Nicolas, Essaies de philosophie). Сохранился еще другой разсказъ этого варіанта на французскомъ языкѣ XIII-го вѣка подъ заглавіемъ: «Le vraianel» (K. Hase, Das geistliche Schauspiel, 253). Профессоръ Берлинскаго университета Шмидтъ дѣлаетъ подробную разработку всякаго рода параболъ (отъ самыхъ древнѣйшихъ вплоть до Лессинга), имѣвшихъ цѣлью сопоставить разнаго рода вѣрованія. Изслѣдованіе это представляетъ интересныя данныя, но имѣетъ только поверхностное отношеніе къ параболѣ Лессинга. (Dr. E. Schmidt. Lessing).

въ сказкѣ авторъ «Натана», совершенно измѣнила это «положеніе», и справедливо замѣчаетъ Геттнеръ, что чудная сила, съ которою Лессингъ, умѣлъ изъ грубой горной породы доставшагося ему матеріала добыть чистѣйшее золото, есть одно изъ величайшихъ дѣлъ его генія. Прибавка эта заключалась въ томъ, что родовому кольцу была придана будто бы таинственная волшебная сила:

Владѣльца своего любимымъ дѣлать
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми.

Мы говоримъ: будто бы таинственная сила, потому что подъ этимъ надо подразумѣвать не именно чудотворную, сверхъестественную силу, а только мнѣніе, освященное преданіемъ и опытомъ. Такую оговорку сдѣлать необходимо, такъ какъ это обстоятельство ужъ подало поводъ къ ложному толкованію сказки Лессинга. Нѣкоторые критики «Натана» прямо высказываютъ мысль, что со стороны отца совсѣмъ не милостиво заставить двухъ сыновей усиленнымъ стараніемъ завоевывать себѣ любовь ближнихъ, а одному, безъ всякаго старанія, добыть ее волшебною силой кольца. Подобная постановка Лессингу совершенно чужда, чтò показываетъ и дальнѣйшее развитіе сказки. Подъ именемъ тайной волшебной силы должно понимать слѣдующее: такъ какъ кольцо изъ рода въ родъ переходило отъ любимѣйшаго сына къ любимѣйшему, то и отъ достойнѣйшаго къ достойнѣйшему. Этотъ обычай долженъ былъ породить вѣру въ магическую силу кольца, на основаніи которой впослѣдствіи, по словамъ судьи, только и можно узнать родовое кольцо. Иначе говоря: *каждый* изъ братьевъ, а не двое только, должны старательно, добродѣтельной жизнью, доказать подлинность кольца, сила котораго таилась во мнѣніи о немъ людей, а не въ бездушномъ камнѣ. Такимъ образомъ, изложеніе сказки, сдѣланное Лессингомъ, очищаетъ все, чтò оставалось въ ней шаткимъ и неловкимъ у Боккаччіо. Отецъ сказки «Натана», обманывая сыновей, нисколько не подвергаетъ ихъ опасности вражды, такъ какъ, чтобъ доказать подлинность кольца, надо быть «любимымъ, пріятнымъ передъ Богомъ и людьми». Напротивъ, этимъ отецъ

заставлялъ сыновей добиваться главенства въ домѣ не одною сыновнею покорностью, но и добродѣтелями относительно всѣхъ.

Приведу здѣсь выводы, которые по этому поводу дѣлаетъ Куно Фишеръ *).

«Въ «Натанѣ»,—говоритъ онъ,—кольцо имѣетъ силу располагать къ себѣ сердца человѣческія, а потому и облагораживать ихъ, такъ какъ одно составляетъ необходимое условіе другого. Любовь только пожинается тамъ, гдѣ она посѣвается. Нѣтъ ли теперь возможности отыскать настоящее кольцо и разрѣшить споръ?.. Но всѣ трое спорятъ. Каждый считаетъ себя предпочтеннымъ и другихъ обманщиками. Они другъ друга взаимно ненавидятъ. Пока продолжается этотъ споръ ненависти, терпимости, эгоизма, ни одинъ не обладаетъ сокровищемъ любви, и настоящее кольцо остается спрятаннымъ, и всѣ три предъявленныя кольца не настоящія».

«Что же, если настоящее кольцо окажется? если сила его начнетъ дѣйствовать?—Тогда одинъ изъ братьевъ долженъ быть любимымъ, стало-быть, онъ заслужилъ эту любовь, онъ покорилъ сердца другихъ. Возможно ли ему это, пока онъ любитъ только себя и высокомѣрно не находитъ цѣны своимъ достоинствамъ? Возможно ли ему это, если онъ самъ себя внутренно не смиритъ, если онъ не постигнетъ своего суетнаго самообольщенія, не уничтожитъ въ себѣ надменности призрачныхъ достоинствъ, не очиститъ сердца своего самоотреченіемъ, такъ, чтобъ и въ сокровеннѣйшемъ уголкѣ его, при самодовольномъ поглядываніи на ближняго, не шепталъ тайный голосъ: «благодарю тебя, Боже, что я не таковъ, какъ этотъ». И если одинъ изъ нихъ любимый, то и въ другихъ есть любовь, есть и чистота сердца. Будутъ ли они теперь еще спорить другъ съ другомъ? будутъ ли они ненавидѣть?.. Скорѣе не будетъ ли каждый изъ нихъ, насколько хватитъ силъ самоотреченія, любить другихъ и понимать, и потому сносить ихъ привычки и обычаи?.. Въ жизни ежедневно встрѣчаешь терпимость, которой дѣйствительно многіе держатся и любятъ причислять ее къ своимъ добродѣтелямъ. Но если эта терпимость и есть добродѣтель, то по крайней мѣрѣ одна изъ

*) Lessing's «Nathan der Weise».

тѣхъ, которыя богамъ никакого труда не стоили. Для такой терпимости нужно только оставаться безучастнымъ и равнодушнымъ къ людскимъ вѣрованіямъ и, забросивъ ихъ въ одну кучу со всѣмъ, что̀ именуется благодѣтельными словами «вздоръ и пустяки», легко объ нихъ вовсе не заботиться; вдвойнѣ легко, потому что тѣмъ самымъ избавляешь свой разсудокъ отъ значительныхъ усилій. Не знаю, лучше ли подобная, такъ-называемая, вѣротерпимость ей противоположнаго, но что она удобнѣе—это вѣрно,—и такъ же вѣрно, какъ и то, что она не истинная вѣротерпимость. Истинная сноситъ чужую вѣру и нравы не изъ равнодушія, а обдуманно, вслѣдствіе вѣрнаго знанія человѣка, вслѣдствіе того участія, которое Лейбницъ такъ прекрасно назвалъ любовью, идущею объ руку съ мудростью».

«До этой чистоты сердца возвышается человѣкъ, говоря словами Лессинга, когда онъ проявляетъ силу кольца и миролюбіемъ, и кротостью, и добрыми дѣлами».

«Ну, и какъ же теперь стоитъ дѣло?—Пока споръ продолжается, онъ не разрѣшимъ; со споромъ связаны высокомѣріе, себялюбіе и ненависть, а съ ними всѣ кольца поддѣльны. Итакъ, пока споръ продолжается, онъ не разрѣшимъ, и какъ только является возможность разрѣшить его, спора ужъ нѣтъ. Дѣло само обсудило себя».

Останавливаясь на такомъ толкованіи терпимости, прибавимъ, что горячая, разумная преданность къ какой бы то ни было религіи, ни къ чему иному человѣка привести не можетъ, какъ именно къ этой терпимости. Тотъ не любитъ своей вѣры, тотъ не дорожитъ своими убѣжденіями, кто насильственно и во что бы то ни стало хочетъ навязать ихъ человѣку, развивавшемуся, можетъ-быть, при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ онъ. Кому до̀роги его вѣра и его убѣжденія, тотъ долженъ понимать, что для всякаго такъ же дорого должно быть свое, и чѣмъ болѣе любитъ онъ свою святыню, тѣмъ яснѣе долженъ понимать такую же любовь и въ другихъ. Насильственное навязываніе своего, преслѣдованіе и презрѣніе чужого, словомъ, нетерпимость доказываетъ только неуваженіе къ своей собственной святынѣ и легкое отношеніе къ ней. Положимъ, я выросъ и воспитался въ какой-

нибудь мѣстности, которая мила мнѣ по воспоминанію лучшихъ дней любви и развитія. Какъ бы ни была дѣйствительно прекрасна природа этой мѣстности, стану ли я тащить всякаго за воротъ и заставлять ею восхищаться?—Нѣтъ, потому что другой, выросшій въ другомъ, можетъ-быть и худшемъ мѣстѣ, не оцѣнитъ дорогой для меня прелести, и мнѣ будетъ больно, если онъ отнесется къ ней съ презрѣніемъ, и мнѣ будетъ оскорбительно, если изъ какихъ-нибудь видовъ онъ солжетъ и притворно согласится со мной. Все горячо любимое, даже безъ ущерба себѣ, не отдамъ я человѣку, который отнесется къ подарку моему съ равнодушіемъ, а тѣмъ болѣе съ презрѣніемъ и ненавистью; не отдамъ потому, что въ его рукахъ моя святыня будетъ оскорблена. Инквизиторы сами топтали въ грязь свою религію, когда клещами пытки подносили ее тѣмъ, кто отъ нея отрекался. Съ другой стороны, только люди, не имѣющіе сильныхъ привязанностей, могутъ не понять, какъ тяжело отъ привязанностей отказываться, могутъ требовать этого. Итакъ, во всякомъ случаѣ, ни отнятіе чужой религіи, ни навязываніе своей не можетъ быть удѣломъ человѣка, дорожащаго ею; и слѣдствіемъ сильной и разумной преданности своему можетъ быть только самая широкая терпимость къ чужому. Къ чему все это приводитъ? скажутъ намъ, и сдѣлаютъ, пожалуй, выводъ въ родѣ того, какой влагаетъ въ уста неповинной Зиттѣ пасторъ Пфрангеръ въ своемъ «Ливанскомъ монахѣ»: «вѣруй, кто во что гораздъ, и не заботься о другихъ». Конечно, это вздоръ.

Въ томъ-то и дѣло, что рядомъ съ религіей идетъ жизнь, столкновенія людей между собой, ихъ опытъ и развитіе. Ежедневные случаи, безпрестанно возникающія передъ человѣкомъ причины и слѣдствія, вырабатываютъ въ его разумѣ понятія о добромъ и зломъ, о полезномъ и вредномъ. Какъ бы ни была прекрасна религія, полученная исповѣданіемъ, какіе бы великіе принципы нравственные она ни проповѣдывала, ученіе ея пройдетъ безслѣдно или, хуже того, породитъ грубое суевѣріе тамъ, гдѣ жизнь не подготовила ей должную почву. Нужно ли приводить примѣры?—Приморскій крестьянинъ, молящійся о томъ, чтобы Богъ разбивалъ побольше кораблей у береговъ его жи-

лища; кучка раскольниковъ, сожигающая себя, чтобы получить Царствіе Небесное,—и первые мученики христіанства, и Іоганнъ Гусъ, умирающій на кострѣ за свои убѣжденія,—всѣ исповѣдуютъ того же Христа. Точно то же и наоборотъ: если бы въ иной религіи и высказывались даже правила, отъ которыхъ развившееся человѣчество, на основаніи своего опыта и обсужденія, потомъ отказалось, эти правила останутся мертвою буквою для человѣка, который ихъ переросъ, не мѣшая ему любить своего пророка: Магомета, Будду, Браму или кого угодно. У англичанъ донынѣ не отмѣнены нѣкоторые карательные законы, созданные инымъ временемъ и значительно утратившіе теперь свой смыслъ. Что нужды въ этомъ, если эти законы никогда не примѣняются? Что нужды еврею въ извѣстномъ принципѣ: «око за око, зубъ за зубъ», — если его нравственное развитіе побуждаетъ его къ совершенно иному поведенію. Лессингу ставили неоднократно въ укоръ, что лучшія лица его «Натана»—евреи и магометане, что худшіе — христіане; но только крайняя ограниченность и близорукость можетъ видѣть тутъ оскорбленіе религіи Христа. Выставляя, кàкъ самая человѣчная религія, при неразумномъ ея пониманіи, не спасаетъ грубой, невѣжественной природы человѣка отъ животныхъ проявленій эгоизма и нетерпимости, выставляя, какъ и другая религія не мѣшаетъ развиваться добрымъ началамъ человѣка,—не говоритъ ли авторъ тѣмъ самымъ именно въ пользу религіи Христа?.. Насколько еврейство и магометанство носятъ въ себѣ задатки къ такому развитію, есть уже дѣло художественной стороны драмы, а не дидактической, есть дѣло вѣрности или невѣрности воспроизведенія характеровъ, и мы еще вернемся къ этому въ слѣдующей главѣ; оставаясь же въ области одной общей основной идеи «Натана», нѣтъ никакой надобности входить въ эти подробности. Въ драмѣ Лессинга не высказано ни одного правила, заимствованнаго прямо изъ той или изъ другой религіи, но на каждомъ шагу встрѣчаешь лучшія честнѣйшія правила, выработанныя жизнью, опытомъ и даровитостью природы человѣка. Зачѣмъ намъ рыться въ изслѣдованіяхъ Талмуда или книгъ Моисеевыхъ и примѣрять ихъ къ поступкамъ и рѣчамъ Натана? не довольно ли съ насъ того,

что мы видимъ въ Натанѣ прекраснаго человѣка, полнаго любви къ ближнему, къ труду, проповѣдывающаго добрыя начала жизни. Если вся эта личность по своимъ правиламъ подходитъ къ религіи Христа, если и въ нѣкоторыхъ другихъ нехристіанахъ драмы встрѣчаемъ христіанскіе задатки, тѣмъ больше чести для этой религіи, что и въ чужомъ лагерѣ, среди лучшихъ проявленій, она находитъ себѣ сторонниковъ.

Не таковъ былъ Лессингъ, чтобы толковѣе всякаго другого не знать совершенства и несовершенства той и другой религіи, но не въ разборѣ ихъ заключалась его задача. Натанъ кончаетъ тѣмъ свою сказку, что не рѣшается различать кольца, и когда султанъ на это съ недовольствомъ перебиваетъ его словами:

Какія кольца?—Не играй словами.
Я думаю, что есть-таки различье
Въ религіяхъ, мной названныхъ тебѣ?
Различье даже въ пищѣ и одеждѣ.

Натанъ прибавляетъ:

Но только въ ихъ основахъ нѣтъ различья.
Вѣдь всѣмъ исторія основой служитъ,
Дошедшая издревле къ намъ, изустно
Иль письменно...
Къ кому же мы съ сомнѣньемъ наименьшимъ
Относимся, какъ не къ своимъ роднымъ,
Не къ тѣмъ, чья кровь и въ насъ течетъ? кто съ дѣтства
Свою любовь доказывалъ намъ часто,
Кто не обманывалъ насъ никогда...
Какъ можетъ кто-нибудь изъ насъ скорѣе
Чужимъ отцамъ повѣрить, чѣмъ своимъ?
Какъ можно требовать, чтобъ нашихъ предковъ
Во лжи мы уличали для того,
Чтобъ соглашаться въ мнѣніяхъ съ чужими?..

Чтò же видно изъ этихъ словъ, какъ не самое честное уваженіе чуждой святыни, вытекающее изъ горячей привязанности къ своей. Если уже съ дѣтства человѣкъ привыкъ вѣрить въ святость своего пророка, если въ немъ привыкъ опоэтизировать себѣ все лучшее своей нравственной жизни, мы должны отнестись къ этой святости съ уваженіемъ, хотя бы ей и не вѣрили, иначе мы оттолкнемъ отъ себя человѣка, ей вѣрующаго. Но ограничиваться этимъ было бы равнодушіе, и, какъ мы уже

замѣтили, есть другая почва для сближенія людей между собой, почва не столь чувствительная къ тонкимъ ощущеніямъ, какъ религія,—почва грубаго опыта—жизнь. Оставляя каждому свое небо, свои звѣзды, можно сходиться на одной и той же землѣ, и этимъ путемъ можетъ-быть когда-нибудь достигнуть единаго для всѣхъ небосклона, единаго лучезарнаго, благотворнаго солнца. «Натанъ» въ своей сказкѣ отъ вышеприведеннаго монолога дѣлаетъ прямой переходъ именно къ этому взгляду; онъ заставляетъ судью, разбирающаго дѣло о кольцахъ, дать братьямъ слѣдующій совѣтъ: такъ какъ родовое кольцо имѣетъ силу дѣлать своего владѣльца любимымъ, пріятнымъ для людей и Бога, то пускай каждый изъ братьевъ считаетъ кольцо свое неподдѣльнымъ, если получилъ его изъ рукъ отца; но пускай въ то же время постарается проявить всю его силу и миролюбіемъ, и кротостью, и добрыми дѣлами, и искреннею преданностью Богу, то-есть преданностью своей религіи. Иначе говоря: каждый изъ васъ увѣренъ, что принадлежащее ему кольцо подлинное и получено отъ отца; а самъ отецъ на небѣ, онъ одинъ можетъ разрѣшить этотъ споръ, и идти туда, на небо, чтобы спросить его, вы не можете; зачѣмъ же спорить о томъ, въ чемъ вы никогда не сойдетесь?—Оставайтесь каждый при своемъ, любите вашего отца, вѣруйте въ свою правоту, сколько хотите; но не вносите въ ваши ежедневныя столкновенія неразъяснимый и слишкомъ близкій вашему сердцу вопросъ. Доказывайте правоту свою честною, трудовою, кроткою, миролюбивою жизнью; не надѣйтесь на чудотворную силу кольца, добивайтесь ея слѣдствій сами, вашимъ безустаннымъ вниманіемъ ко всему полезному и вредному, постояннымъ развитіемъ присущаго человѣку стремленія ко всему хорошему и отвращенія отъ всего дурного. И тогда споръ разрѣшится самъ собою, потому что никому не будетъ нужно главенство, и всѣ пойдутъ по одному пути къ счастью, среди взаимной помощи и любви. «Разныя религіи, — говоритъ Мишель Никола, — когда онѣ не заблуждаются въ низменности суевѣрія, стремятся къ общей цѣли — возвысить человѣка надъ эгоистическими инстинктами. Это еще не значитъ, что всѣ въ одинаковой степени способны пробудить сердце чувствомъ любви

и нравственной чистоты». Но эта общая цѣль порождаетъ тѣ нравственныя правила и принципы жизни, на которыхъ сходятся между собой развивающіяся поколѣнія разныхъ религіозныхъ вѣрованій; беритесь за эту жизненную сторону вопроса, и вы никого не оскорбите въ его святыхъ вѣрованіяхъ, въ его поэтичномъ восторгѣ. А между тѣмъ, если это вѣрованіе не во

Г. Э. Лессингъ въ молодыхъ годахъ.
Съ находящагося въ Берлинѣ въ національной галлереѣ портрета, работы художника Тишбейна.

всѣхъ чертахъ своихъ было одинаково прекрасно, если этотъ восторгъ временемъ заблуждался, то нравственныя, устанавливаемыя жизнью, правила очистятъ всякую религію отъ всего ложнаго и вреднаго, и мирнымъ путемъ приведутъ къ тому единенію святыни, котораго никогда не добьются споръ изъ-за нея и вражда. Итакъ, эта терпимость не только не повредитъ, но,

напротивъ, поможетъ развитію нравственныхъ началъ въ человѣкѣ. Каждая религія имѣетъ свои идеалы: возведите же ихъ дѣйствительно на ту недосягаемую разуму человѣческому высоту, которой они достойны, какъ идеалы. Вамъ нужны порывы благоговѣйнаго восторга, вамъ любо это наслажденіе, никто у васъ и не отнимаетъ его; но не втаскивайте въ ваши обыденные дрязги жизни возвышенные идеалы вашей святыни. Пока, напримѣръ, еврей и мусульманинъ станутъ сходиться на основахъ общихъ правилъ добра и чести, выработанныхъ жизнью, они со взаимо-дѣйствующимъ стремленіемъ будутъ идти къ усовершенствованію, къ улучшенію жизни и своихъ отношеній. Но какъ только они къ тѣмъ же правиламъ притянутъ вождей своей религіи, какъ только каждый заставитъ своего Бога быть дѣятельнымъ участникомъ своихъ поступковъ,—выйдетъ раздоръ, неуваженіе святыни, крайности суевѣрія; потому что, пока мы дѣйствуемъ на основаніи нами самими установленныхъ правилъ, наши ошибки поправимы: мы понимаемъ, что человѣкъ можетъ ошибаться, и откажемся отъ ошибокъ; но, какъ только загнѣздится въ насъ увѣренность, что въ нашихъ поступкахъ участвуетъ высшее произволеніе, мы не можемъ допустить ошибокъ и способны дойти до самыхъ безбожныхъ крайностей. Словомъ, единственный путь соглашенія различныхъ вѣрованій, а слѣдовательно мира и совершенствованія людского, есть выдѣленіе святыни изъ повседневныхъ житейскихъ столкновеній на высоту покровительства, передъ которымъ каждый благоговѣетъ, разрабатывая правила жизни, сообразно своему разуму и его развитію; это—путь образованія, честнаго труда, науки, цивилизаціи, путь, къ которому съ одинаковымъ благоговѣніемъ долженъ отнестись каждый.

Не одна сказка о трехъ кольцахъ приводитъ къ выводамъ, здѣсь изложеннымъ, — эти выводы можно замѣтить на каждой страницѣ книги Лессинга; они свѣтлой чертой проходятъ по всей драмѣ.

Въ первыхъ же двухъ сценахъ «Натана», изложенное здѣсь воззрѣніе сказывается съ замѣчательной силой и ясностью, хотя и нѣсколько во вредъ художественной обрисовкѣ характера

героини, Рэхи. Натанъ возвращается изъ путешествія и узнаетъ, что его пріемная дочь, Рэха, чуть-чуть не сгорѣла, что она спасена какимъ-то плѣннымъ храмовникомъ, котораго султанъ, властитель Іерусалима, помиловалъ, найдя въ немъ сходство съ покойнымъ своимъ братомъ. Рэха, однако, не допускаетъ такого естественнаго хода событій. Находясь въ настроеніи (нѣсколько даже утрированно) экзальтированномъ, она думаетъ, что спасена по велѣнію Бога и посланнымъ Имъ ангеломъ. Ей хочется видѣть въ своемъ спасеніи чудо, то-есть, не совпаденіе обстоятельствъ, приведшихъ къ счастливому спасенію, а нѣчто сверхъестественное, нѣчто, идущее вопреки ходу обыденной жизни. Натанъ прямо сводитъ ее съ этой высоты на землю, намекая, что если ей непремѣнно хочется видѣть чудо въ своемъ спасеніи, то и ужъ самое спасеніе храмовникомъ можно считать чудомъ. Натанъ начинаетъ замѣчаніемъ, что истинно чудесное и можетъ, и должно быть обыкновеннымъ. Истинно чудесное—это тѣ мудрые предвѣчные законы, по которымъ течетъ міровая жизнь. Человѣкъ привыкаетъ къ нимъ, онъ съ жадностью ребенка хватается, какъ за чудо, только за новость, необычайность случая, потому что она поражаетъ непривычный къ новому явленію разумъ; между тѣмъ все необычайное и новое — не аномалія, не нарушеніе міровой гармоніи, а слѣдствіе законныхъ причинъ, только неизвѣстныхъ человѣку. Не разладъ и хаосъ, а именно этотъ законный ходъ событій, такъ же непостижимый для человѣка и поразительный въ своемъ разнообразіи, долженъ составлять для насъ истинно чудесное. Тутъ замѣтно у Лессинга отраженіе мыслей, не разъ высказанныхъ англійскими деистами (по преимуществу Шефсбюри), такъ лаконически переданныхъ философомъ Вольфомъ въ его замѣчаніи, что «Богъ, какъ всемогущій, можетъ отступить отъ данныхъ Имъ законовъ, но, какъ всесовершенный, не имѣетъ въ томъ никакой надобности. Предполагать такія отступленія, значило бы считать предвѣчные законы несовершенными и оскорблять ихъ святость». Дикаря поражаетъ выстрѣлъ пушки, и онъ тутъ подозрѣваетъ непосредственную дѣятельность божества; познакомьте его со свойствами пороха, онъ привыкнетъ къ нимъ, и будетъ находить чудо опять въ чемъ-нибудь дру-

гомъ, ему незнакомомъ; тогда какъ уже одно то, что эти свойства существуютъ, само по себѣ чудесно и непостижимо. Натанъ выражаетъ мысль, что чудеса въ жизни встрѣчаются на каждомъ шагу; въ самомъ дѣлѣ, стòитъ захотѣть ихъ видѣть, и увидишь: вы воображаете, что дѣйствуете по личной волѣ, а статистика вамъ говоритъ, что ваша воля подчинена какимъ-то высшимъ законамъ; развѣ это не чудо? развѣ въ этихъ законахъ вѣрующій, въ кого бы онъ ни вѣровалъ, не долженъ видѣть присутствія непостижимыхъ силъ?—И ко всему этому такое чудо не пугаетъ, не отстраняетъ отъ себя; а, напротивъ, заставляетъ сродниться съ собой, изучать себя. Снисходя къ экзальтированному настроенію дѣвушки, Натанъ, съ истинно лессинговскою манерой, старается ее образумить: онъ не говоритъ ей прямо, что ея слова бредъ и вздоръ, онъ готовъ согласиться, что ея спасеніе дѣйствительно чудесно, но Богъ могъ совершить это чудо законнымъ ходомъ событій, не посылая на то ангела. Замѣчаніе Натана вызываетъ у Дайи цвѣтистое отстаиваніе жажды къ мистически-чудесному. Набожная нянька заявляетъ, что, по ея мнѣнію, нѣтъ вреда въ пріятной мысли считать себя спасенной ангеломъ, а не человѣкомъ, что такая мысль какъ-то сближаетъ насъ съ божествомъ; — и этотъ аргументъ служитъ переходомъ къ тому изумительно-прекрасному обороту дѣла, который придаетъ концу сцены Натанъ. Дайа воображала въ своемъ порывѣ къ сверхъестественному видѣть святое настроеніе, а онъ оказывается богохульствомъ. «Гордость!» говоритъ Натанъ—

Ничто какъ гордость!—да. Котелъ чугунный
Хлопочетъ, чтобы вынули его
Изъ пламени серебрянымъ ухватомъ,
Чтобъ самому серебрянымъ казаться.

Ты не уважаешь твоего Бога, хочетъ сказать Натанъ, ты не высоко цѣнишь твою святыню, если обращаешься съ ней такъ, за-панибрата. Одна мысль, что ты дѣлаешься какъ-будто лучше, низводя ангеловъ съ неба на твои послуги, ужъ одна эта мысль есть богохульство и оскорбленіе;—оставь Бога и ангеловъ на небѣ. Если ты любишь и цѣнишь Ихъ, ты должна ставить Ихъ настолько высоко, чтобъ и безъ личнаго Ихъ уча-

стія могла совершаться надъ тобой Ихъ воля. Мало этого: Натанъ указываетъ и вредъ этихъ мечтаній. Вы вмѣшиваете въ ваши жизненныя явленія Бога и ангеловъ, говоритъ онъ, потому что съ Ними легче всего расплатиться. Ни труда вамъ не нужно, ни малѣйшей непріятности вы не встрѣтите въ вашемъ общеніи съ ангеломъ; напротивъ, вы тѣмъ доставляете себѣ только наслажденіе поэтической мечтательностью, тогда какъ, еслибъ вы предполагали спасителемъ Рэхи человѣка, этотъ случай невольно побуждалъ бы васъ самихъ на такую же полезную другимъ дѣятельность, — а вы даже къ своему благодѣтелю отнеслись холодно, безжалостно, безчеловѣчно. Видѣвъ его раза два подъ пальмами, услыхавъ, что онъ отказывается отъ всякой благодарности, вы на этомъ и успокоились, вы не позаботились искать его, справляться, чтò съ нимъ сталось, когда онъ пересталъ прогуливаться подъ пальмами, — и онъ, плѣнный храмовникъ, одинокій въ чужой сторонѣ, могъ захворать и умереть безъ помощи, безъ словъ участія, пока вы тутъ мечтали объ ангелѣ. Такимъ образомъ, окунувъ въ грязь эгоизма и равнодушія мистическую мечтательность Рэхи, доведя бѣдную дѣвушку до отчаянія сознаніемъ ничтожества и пустоты ея возвышенныхъ помысловъ, Натанъ заключаетъ все это замѣчательными словами:

Пойми же,
Насколько легче набожно мечтать,
Чѣмъ поступать и честно и разумно.
Такъ вялый, неразвитый человѣкъ
Съ любовью набожно мечтаетъ, — только,
Чтобъ не посмѣть
На дѣлѣ быть хорошимъ человѣкомъ. *)

Вотъ рѣзкій примѣръ, какимъ образомъ человѣкъ, притягивая въ свою повседневную жизнь личное участіе высшаго

*) А. Тидге разсказываетъ, что извѣстная въ то время писательница стихотвореній Елизавета фонъ-Репке, проживавшая въ 1779 году въ Митавѣ, такъ была поражена этимъ упрекомъ Натана, что почти мгновенно излѣчилась отъ мистической экзальтаціи и вѣры въ чудотворную силу знаменитаго Каліостро, чему она вообще была до того времени сильно предана. Проф. Каро, о которомъ я выше упоминалъ, съ свойственной ему охотой подбирать созвучія словъ, предполагаетъ, не имѣлъ ли Лессингъ въ виду эту г-жу Ренке, что германизировалъ еврейское имя Рахиль въ Рэху, и не къ ней ли прямо обращены приведенныя здѣсь строки драмы?

существа, тѣмъ самымъ и оскорбляетъ его, и вредитъ благотворности своихъ поступковъ. Полагаясь не на себя, не на выработанные жизнью и ея успѣхами законы нравственности, а единственно на участье чего-то сверхъестественнаго, человѣкъ дѣлается вялъ, эгоистиченъ, равнодушенъ къ людямъ и вдвойнѣ позоритъ свою святыню, воображая ее своей сообщницей.

Прослѣдите всю драму, вы опять увидите то же самое. Храмовникъ, спасшій дѣвушку, полюбилъ ее, но она еврейка, и ради этого онъ заглушаетъ въ себѣ свое честное человѣчное чувство; онъ готовъ ненавидѣть то, что хочется любить. Даже, когда самъ отецъ дѣвушки зоветъ его къ себѣ и благодаритъ за спасеніе, храмовникъ отвѣчаетъ грубо, отказывается отъ всякаго знакомства, вопреки личному чувству и жизненной, разумной пользѣ себѣ, Натану и Рэхѣ. Пока преслѣдуетъ юношу мысль о различіи святынь, о лучшихъ и худшихъ людяхъ, сообразно ихъ вѣроисповѣданію, въ немъ гнѣздится вражда и недовѣріе; какъ только Натанъ сводитъ его на почву дѣйствительности и повседневныхъ людскихъ отношеній, осторожно обходя тонкій вопросъ вѣры, какъ вопросъ личной совѣсти каждаго, вопросъ разсужденій наединѣ съ самимъ собою, храмовникъ стыдится своихъ поступковъ, которые только-что казались ему прекрасными. Онъ видитъ слезы растроганнаго еврея, слышитъ отъ него предположеніе:

Вы знали,
Какъ много чувства ожидать могли
Въ спасенной вами дѣвушкѣ, какъ много
Готовности могли найти въ слугѣ...
Отецъ былъ далеко...
Боясь ее подвергнуть испытанью,
Боясь побѣды, вы бѣжали, рыцарь.

Это простое, жизненное, общее всѣмъ религіямъ, честное правило... Натанъ говоритъ про хорошихъ людей, которыхъ вездѣ можно встрѣтить, по-просту хорошихъ людей; мало того, на замѣчаніе о заносчивости и тщеславіи евреевъ въ религіозномъ отношеніи, Натанъ прямо отвѣчаетъ: «народъ мой презирайте, какъ хотите...» то-есть, презирайте всѣ тѣ крайности, къ которымъ привело суевѣріе...

Не мы себѣ народъ свой выбирали,
И мы еще народъ не составляемъ...

то-есть, исповѣдуя ту же вѣру, не всѣ исповѣдуютъ тѣ же крайности ея и суевѣрія...

Евреи, христіане!—
Да прежде-то всего они вѣдь люди.
Ахъ, если-бъ мнѣ и въ васъ пришлось найти
Хотя однимъ бы человѣкомъ больше,
Которому довольно и того,
Что носитъ онъ названье человѣка.

Все это выводитъ храмовника изъ тѣснаго круга личныхъ вѣрованій на общую широкую дорогу честной любви, взаимной помощи, счастья,—и онъ весь отдается доброму чувству къ этой родной, прекрасной семьѣ, знакомство съ которой такъ благодатно выпало ему на долю. Онъ приходитъ въ домъ Натана, и сцена ожиданія его двумя женщинами, Дайей и Рэхой, необычайно граціозна и колоритна. Обѣ онѣ рады гостю; но одна—какъ хорошему человѣку, котораго успѣла полюбить, другая—какъ единовѣрцу, который, женясь на дѣвушкѣ, сдѣлаетъ ее тоже единовѣркою и вернетъ ее къ религіи ея рожденія. Отсюда возникаетъ споръ: суевѣрная Дайа въ этомъ фактѣ знакомства и замѣтной склонности другъ къ другу молодыхъ людей опять видитъ высшее распоряженіе и посланника небеснаго. Съ мягкой спокойной увѣренностью отвѣчаетъ ей умная дѣвушка; она прямо указываетъ, что мистическіе помыслы Дайи всегда ведутъ не къ любви, а ко враждѣ, и стремятся отдалить отъ Натана, котораго и Рэха и Дайа считаютъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ людей въ мірѣ.

«Когда же»—спрашиваетъ Рэха,—«я—

Не слушала со всѣмъ вниманьемъ все,
Чтò ты мнѣ говорила о герояхъ
Твоей религіи? и развѣ я
Не удивлялась ихъ дѣламъ и жизни?
Не плакала объ ихъ тяжелыхъ мукахъ?..

Пока эти разговоры только знакомили съ примѣрами трудовой жизни хорошихъ людей, хотя бы и чужой религіи, рѣчи

Дайи шли объ руку съ тѣмъ добрымъ ученіемъ честной жизни и любви, которую проповѣдывалъ и Натанъ,—но, какъ только она сдѣлала сверхъестественное участникомъ обыденной жизни, слѣдствіемъ этого являлось отдаленіе отъ Натана и вражда. «Зачѣмъ же»,—прибавляетъ Рэха,—«ты снова

Стараешься разрушить, чтó, бывало,
Съ нимъ вмѣстѣ строила...

И весь этотъ споръ заканчиваетъ она кроткой, но сильной и полной глубокаго значенія фразой:

Мы не должны бы
Объ этомъ спорить—въ ожиданьи друга.

Въ этомъ миломъ упрекѣ такъ тепло и отрадно слышатся слова: Мы ждемъ друга! мы ждемъ человѣка, котораго любимъ, который одинаково съ нами смотритъ на хорошія и дурныя проявленія въ жизни, зачѣмъ же трогать нашу чисто-личную преданность своимъ святынямъ, нашу вѣру,—можетъ-быть, единственныя стороны нашихъ мыслей, могущія повести къ разладу

Храмовникъ окончательно плѣняется Рэхой и при первомъ свиданіи съ Натаномъ проситъ ея руки. Натанъ отвѣчаетъ уклончиво; въ немъ уже явилось подозрѣніе, что храмовникъ и Рэха—братъ и сестра. Старикъ не отказываетъ, онъ только не хочетъ такъ поспѣшно рѣшать это дѣло. Храмовникъ успѣлъ узнать Натана и полюбить его, — не будь тутъ религіозной розни, рыцарь, можетъ-быть, благоразумнѣе отнесся бы къ требуемой медленности; но, вспоминая о различіи вѣры, онъ невольно отступаетъ отъ безпристрастія въ сужденіяхъ, въ немъ зарождается мысль, что уклончивость есть слѣдствіе религіозной нетерпимости, и онъ вполнѣ отдается этому подозрѣнію, когда узнаетъ отъ Дайи, что Рэха не дочь Натана и рождена не еврейкой. Тутъ ужъ всякое благоразуміе, всякое самообладаніе, спокойное обсужденіе поступковъ покидаютъ юношу, въ немъ говоритъ религіозная ненависть и страсть. Онъ идетъ къ патріарху, къ человѣку, котораго не уважаетъ, считаетъ злымъ и безчестнымъ, все равно: къ единовѣрцу. Патріархъ — это крайнее проявленіе обратной мысли пьесы; для него не существуетъ никакихъ правилъ жизни,

онъ признаетъ только власть и непогрѣшимость католичества, представителемъ котораго выдаетъ себя. Вѣра для него не есть возвышенное настроеніе души, а только средство къ подчиненію своимъ эгоистическимъ и властолюбивымъ стремленіямъ легковѣрнаго человѣчества. Онъ постоянно изобрѣтаетъ небесное вмѣшательство въ обыденную жизнь, выводя изъ этого самыя превратныя сочетанія и нужныя для себя самого заключенія. Храмовникъ разсказываетъ ему свое дѣло и получаетъ въ отвѣтъ: «сжечь еврея!» Эта жестокость нѣсколько отрезвляетъ горячаго юношу, онъ чувствуетъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ религіозномъ рвеніи, которое, однако, едва не было причиной еще худшаго. Патріархъ, узнавъ о христіанской дѣвушкѣ, воспитывающейся у еврея, поручаетъ разслѣдовать дѣло монастырскому служкѣ, и оно могло бы принять весьма печальный оборотъ для Натана, если бы Саладинъ не зналъ его лично, и если бы въ служкѣ не заговорили опять-таки простыя человѣческія чувства, не вмѣшивающія религію въ обыденную жизнь. Теплымъ, патетическимъ разговоромъ Натана и служки выясняется фактъ воспитанія Рэхи, фактъ самой чистой возвышенной любви къ человѣчеству, хотя и идущій наперекоръ клерикальнымъ требованіямъ. Философія служки, не искусившагося въ умѣньи дѣлать изъ вѣры орудіе личныхъ выгодъ, относится къ этому факту самымъ горячимъ сочувствіемъ простой, доброй души. Онъ говоритъ:

Конечно, вы умнѣй бы поступили,
Когда бы христіанку христіанкой
Воспитывали чрезъ вторыя руки,
Но вами не былъ бы тогда любимъ
Ребенокъ друга вашего; а дѣтямъ,
Въ ихъ нѣжномъ возрастѣ, по мнѣ, любовь
Нужнѣе христіанства,—для него
Всегда еще найдется время.

Это не мѣшаетъ служкѣ быть однимъ изъ самыхъ сильнорелигіозныхъ лицъ драмы: онъ въ Натанѣ, за его поступокъ, хочетъ видѣть единовѣрца, называетъ его христіаниномъ. Простодушный отшельникъ при этомъ только добрый, хорошій чело-

вѣкъ, и потому вѣра для него святыня, возвышающая его радость, служащая ему прибѣжищемъ въ минуту горя, но она не есть непремѣнный участникъ всѣхъ его поступковъ. Ему непостижимо, какъ во имя вѣры можно сдѣлать что-нибудь нехорошее, злое, что-нибудь вопреки добрымъ правиламъ жизни; для него такое отношеніе къ вѣрѣ есть оскорбленіе ея святости, и потому, исполняя жестокія порученія патріарха, онъ самъ радуется, когда они не удаются. Въ приведенныхъ выше словахъ его звучитъ глубокое убѣжденіе, что христіанская святыня лучшая, «но для нея всегда есть время, лишь бы человѣкъ самъ по себѣ развился и воспитался хорошимъ человѣкомъ».

Не то же ли самое видимъ мы и въ отношеніи Саладина и Зитты. Первое знакомство въ драмѣ съ этимъ султаномъ не въ пользу его: мы узнаемъ, что онъ казнилъ нѣсколькихъ безоружныхъ плѣнныхъ. Что же было этому причиной?—Не то, конечно, что они враги, а то, что они храмовники; что они постоянно, во имя религіи, разжигаютъ войну и мѣшаютъ добрымъ и мирнымъ стремленіямъ султана. Саладинъ уважаетъ христіанъ и хотѣлъ бы жить съ ними въ ладу, не проливая кровь человѣческую; онъ готовъ даже выдать свою сестру за христіанина, полководца, и женить брата на христіанкѣ, но храмовники становятся ему поперекъ дороги; они боятся, что рыцарство потеряетъ нѣкоторыя выгоды, принялись разыгрывать монаховъ — и война снова закипѣла. Всѣ человѣчныя сношенія враждующихъ вели къ миру, да храмовникамъ это не выгодно, и вотъ они пускаютъ въ ходъ вѣру, позоря ее злобой и ненавистью. Вслѣдствіе этого измѣняется и добрый характеръ Саладина: онъ безпощаденъ, жестокъ къ храмовникамъ. Второй поступокъ Саладина тоже не изъ симпатичныхъ. Султанъ призываетъ къ себѣ незнакомаго, богатаго еврея, Натана, и разставляетъ ему сѣть вопросовъ о томъ: какая религія лучше, чтобы насильственно взять съ него деньги.—Властительный мусульманинъ самъ чувствуетъ, что поступаетъ не хорошо; настроенный Зиттой, онъ утѣшается только тѣмъ, что въ глазахъ узкаго, по своимъ воззрѣніямъ, жида, не стыдно являться такимъ, какимъ онъ считаетъ каждаго, не испо-

вѣдающаго его религію. Когда же Натанъ на это высказываетъ свою сказку и такимъ образомъ является далеко не узкимъ сторонникомъ религіи, а простымъ хорошимъ человѣкомъ, онъ тѣмъ окончательно сбиваетъ съ позиціи Саладина, и султану даже совѣстно за-просто обратиться съ просьбой о деньгахъ. Въ изящномъ оборотѣ рѣчи, съ которымъ Натанъ самъ предлагаетъ деньги, слышится тонкій упрекъ: «зачѣмъ было прямо и за-просто не просить займа? зачѣмъ было приплетать къ этому вопросъ такого деликатнаго свойства, какъ религія? зачѣмъ было трогать святыню каждаго изъ насъ, когда дѣло идетъ о золотѣ, о счетахъ?»

Вся пьеса разрѣшается тѣмъ, что влюбленные, храмовникъ и Рэха, оказываются братомъ и сестрой, племянниками Саладина. Еще со временъ Лессинга одною изъ слабыхъ сторонъ пьесы считается эта развязка, къ ней несочувственно относились даже пріятели его, Якоби и Энгель, восторженно привѣтствовавшіе «Натана». Дѣйствительно, съ художественной точки зрѣнія, это окончаніе оставляетъ въ зрителѣ какое-то чувство неудовлетворенности; не потому, конечно, чтобы плотская любовь брата и сестры и открытіе этого обстоятельства не могли быть предметомъ драмы, а потому, что горячее развитіе страсти, которое такъ живо и талантливо нарисовано Лессингомъ въ предыдущихъ сценахъ, никакъ не могло привести любовниковъ къ мирной, спокойной братской радости, сказывающейся въ концѣ пьесы. Еще относительно Рэхи это скорѣе возможно: ея любовь болѣе тихая, хотя и въ ней блеститъ тревожный огонекъ, заставляющій ее, по уходѣ храмовника, прервать всѣ разговоры о немъ словами:

Дайа, милая, пойдемъ
Опять къ окну, гдѣ можно видѣть пальмы...

то-есть, гдѣ я снова увижу его; но въ самомъ храмовникѣ это необъяснимо. Посмотрите на его страстное свиданіе съ Рэхой, кончающееся тѣмъ, что онъ убѣгаетъ отъ нея, боясь совсѣмъ потерять голову; прислушайтесь, какъ онъ говоритъ о ней, оставаясь наединѣ, какъ онъ дѣлаетъ свое предложеніе Натану, какъ,

на приглашеніе Натана вернуться, рыцарь отвѣчаетъ: «въ вашъ домъ?—нѣтъ, тамъ пылаетъ... Нѣтъ, я лучше здѣсь васъ подожду»... Наконецъ, даже въ послѣднемъ дѣйствіи, передъ той самой минутой, какъ онъ узнаетъ о своемъ родствѣ, у него вырываются рѣчи такой юношеской страсти, что даже удивляешься пятидесяти годамъ написавшаго ихъ автора. Услышавъ, что у Рэхи есть братъ, храмовникъ чувствуетъ приливъ ревности, онъ злобно рисуетъ, какъ этотъ братъ будетъ мелочами угождать едва развивающейся дѣвушкѣ, какого узкаго по воззрѣніямъ мужа найдетъ ей... Люди испортятъ этого ангела. Натанъ замѣчаетъ, что все-таки она останется достойной любви... «Нѣтъ,—прерываетъ храмовникъ,—

Про мою любовь не говорите,
Моя не дастъ похитить ничего,
Ни даже самой малости ничтожной»...

Онъ уже готовъ бѣжать къ ней, чтобы удостовѣриться, довольно ли въ душѣ дѣвичьей мужества, чтобы тотчасъ слѣдовать за нимъ, забывая и отца, и брата. Послѣ такого страстнаго стремленія едва ли ему могла доставить удовольствіе вѣсть о томъ, что его возлюбленная — ему сестра; едва ли тутъ братской дружбой можно выкупить брачную любовь, и не только успокоиться на этомъ, а даже находить, что такъ оно еще лучше.

Нельзя отрицать, что этотъ финалъ нѣсколько натянутъ, и если, при исполненіи пьесы, онъ не оставляетъ въ публикѣ впечатлѣнія неудовлетворенности, такъ это только потому, что пьеса и ея развязка обыкновенно всѣмъ заранѣе хорошо извѣстны, и зритель наслаждается рядомъ превосходныхъ сценъ и рѣчей, мало думая о связующемъ ихъ анекдотѣ. «Драма возникла изъ идеи, съ точки зрѣнія идеи надо и относиться къ ней», — говоритъ Куно Фишеръ; — помянутый недостатокъ тоже явился слѣдствіемъ основной мысли, освѣщающей всю пьесу. Лессингъ сводитъ людей съ различнымъ вѣроисповѣданіемъ въ одну семью родныхъ по крови и по правиламъ жизни. У нихъ у каждаго своя святыня, и это не мѣшаетъ имъ любовно и родственно взглянуть другъ на друга, потому-что ихъ благоговѣй-

ное отношеніе къ святынѣ не заставляетъ ихъ низводить ее съ высоты недосягаемой на пролагаемую общими силами дорогу жизни; правила нравственности создаются въ нихъ повседневною жизнью, религія только осѣняетъ ее. Оттого эти правила и въ различныхъ религіяхъ могли оказаться одними и тѣми же, и тѣмъ крѣпче, сильнѣе будутъ они, что все въ нихъ пережито, передумано, провѣрено опытомъ, а не досталось случайно. При такихъ данныхъ, никакое суевѣріе или заблужденіе долго удержаться не можетъ; оно падетъ само собой, безъ всякаго насилія, безъ всякаго навязыванія чего-либо лучшаго, отъ одного прикосновенія развитія и образованія. Кромѣ того, для всякаго вѣрующаго, это завоеваніе правилъ добродѣтели,—гдѣ человѣкъ—сознательное лицо, а не слѣпое орудіе божества,—возвышаетъ понятіе о самомъ божествѣ. Вѣра жаждетъ всюду видѣть присутствіе Бога, — это понятно, естественно, правдиво; Лессингъ хочетъ только, чтобы люди признавали это участіе Бога въ непостижимомъ созданіи законовъ, на основаніи которыхъ движется и совершенствуется жизнь, въ созданіи средствъ, данныхъ человѣку для борьбы и добыванія истины, а не въ непосредственномъ вмѣшательствѣ свыше. Благодаря такимъ воззрѣніямъ, всѣ религіи должны слиться въ общемъ стремленіи на благо человѣка безъ злобы, и безъ вражды привести всѣхъ къ единству святыни.

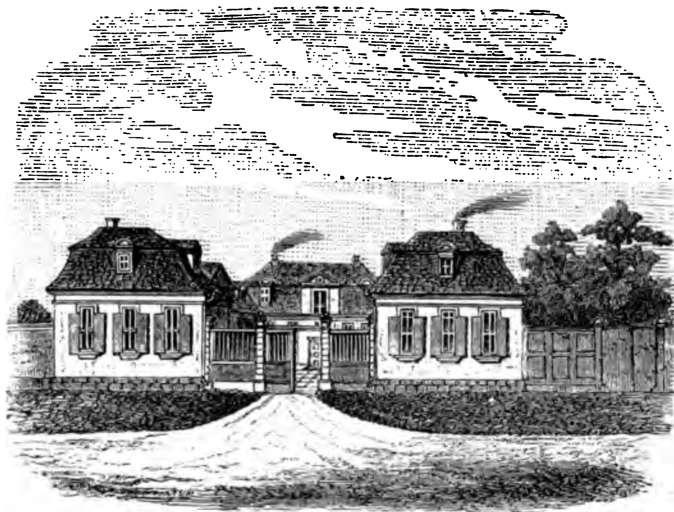
Вотъ та терпимость, которая проповѣдуется Лессингомъ въ различныхъ сочиненіяхъ его, всю его жизнь, и въ «Натанѣ» выясняется съ наибольшей убѣдительностью и полнотой. Это, такъ сказать, терпимость дѣятельная и полезная; мы, конечно, только въ общихъ чертахъ указали здѣсь на нее, но всякій желающій можетъ идти и дальше насъ, — изъ строки въ строку прослѣдить всю драму Лессинга и дѣлать свои собственные выводы изъ ея мудрыхъ изреченій. Мы даже не хотимъ болѣе распространяться, чтобъ не отнимать у читателя величайшаго наслажденія непосредственно возбуждать въ себѣ этою книгой лучшія мысли и воззрѣнія на жизнь и на людей. Мы только стараемся дать къ тому поводъ, всегда храня въ памяти мѣткія слова Лессинга: «великая тайна совершенствовать человѣческую душу

упражненіемъ заключается единственно въ томъ, чтобъ поддерживать въ ней постоянное стараніе доходить до истины собственнымъ обдумываніемъ».

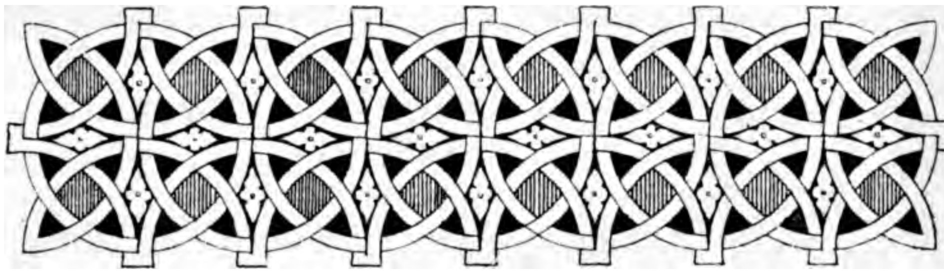
Мы не можемъ, однако, тутъ же не прибавить еще одного небольшого замѣчанія особенно въ виду тѣхъ, которые слишкомъ легко относятся къ такой книгѣ, какъ «Натанъ», воображая, что давно перешагнули ее и оставили Лессинга за собой. Намъ невольно приходитъ на мысль вопросъ: одной ли религіозной терпимости учитъ «Натанъ»?.. Когда судья, въ разсказѣ о трехъ кольцахъ, совѣтуетъ доказать подлинность кольца честною жизнью, добрыми дѣлами, искреннею преданностью Богу, намъ думается: и то, что̀ люди именуютъ широкимъ словомъ «убѣжденіе», изъ-за чего такъ ежедневно, такъ обильно и часто такъ безсмысленно враждуютъ, не есть ли оно тоже своего рода религія, своего рода кольцо, подлинность котораго надо доказать жизнью, поступками? не есть ли это тоже своего рода божество, къ которому надо относиться съ искреннею преданностью, а не дѣлать его послужникомъ своихъ страстей и эгоизма?.. Если-бъ дѣйствительно каждый къ своимъ убѣжденіямъ относился искренно, если-бъ различіе ихъ было только дѣломъ темперамента, большей или меньшей опытности, знанія и проч., то они приводили бы не ко враждѣ, а ко взаимной помощи и дружбѣ. Не то вредно, что по невѣжеству, по случайной близости къ той или другой средѣ общества, человѣкъ исповѣдуетъ и проводитъ въ жизнь схваченныя на вѣру нелѣпыя убѣжденія; вредно, когда онъ за нихъ держится только потому, что они ему лично выгодны. Невѣдѣніе еще не такъ опасно: всякій, искренно, съ любовью относящійся къ своимъ убѣжденіямъ, будетъ постоянно провѣрять ихъ жизнью, чужими воззрѣніями и поступками, узнаетъ то, чего не зналъ, и излѣчится отъ ошибокъ. Не такъ поступитъ тотъ, кто разъ забралъ себѣ въ голову, что принятыя имъ какъ бы то ни было убѣжденія приносятъ ему выгоду, и потому непогрѣшимы; тутъ ихъ ничто не будетъ совершенствовать жизнью, напротивъ, они станутъ деспотически подчинять себѣ жизнь. Первый случай необходимо обусловливается терпимостью убѣжденій, вызываетъ обмѣнъ ихъ, ведетъ къ развитію; второй дѣлаетъ

человѣка нетерпимымъ, узкимъ, грубымъ, порождаетъ застой и невѣжество.

И эта всесторонняя терпимость не вытекаетъ ли тоже изъ «Натана»? Не составляетъ ли тоже задачи драмы? — Не даромъ созданіе Натана совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Лессингъ написалъ сочиненія, въ которыхъ онъ, хотя намеками, до нѣкоторой степени открылъ взгляды на общественный строй, далеко опередившіе пониманіе не только современниковъ автора, но и его потомковъ. Таковы, напримѣръ, книга о воспитаніи человѣческаго рода и разговоры Эрнста и Фалька.

Домъ, въ которомъ жилъ въ свои послѣдніе годы Лессингъ въ Вольфенбюттелѣ.

V.

ереходя къ разсмотрѣнію художественныхъ сторонъ «Натана», къ самому выполненію драмы, мы прежде всего должны повторить, что она принадлежитъ къ числу произведеній, построенныхъ на основаніи предвзятыхъ идей. Цѣль подобнаго рода сочиненій заключается въ томъ, чтобъ въ легкой формѣ, доступной почти для всякаго, изложить принципы и воззрѣнія на жизнь, твердо сложившіеся въ авторѣ путемъ его личнаго опыта и развитія. Насколько эти принципы и воззрѣнія дѣйствительно правдивы, вѣрны, честны, полезны, настолько полезно и самое сочиненіе, оттого мы и предпослали художественному разбору «Натана», какъ исторію его созданія, такъ и изслѣдованіе основныхъ его идей.

Мы видѣли, каковы эти идеи, какою честною жизнью, какимъ страстнымъ, талантливымъ, внимательнымъ изученіемъ человѣка и любовью къ нему онѣ вскормлены, и, въ виду этого, можемъ, нисколько не умаляя значенія богатыхъ достоинствъ «Натана», не скрывать отъ себя нѣкоторыхъ натяжекъ дѣйствія и недостатковъ пьесы, являющихся предъ судомъ чисто-художественной критики Лессингъ, какъ величайшій критикъ, самъ очень хорошо зналъ, что его «Натанъ», въ строгомъ смыслѣ, не драма, и оттого назвалъ свое произведеніе «драматическимъ

стихотвореніемъ» (Dramatisches Gedicht), но онъ зналъ тоже, что при всѣхъ художественныхъ недостаткахъ пьесы, частью даже благодаря имъ, благотворныя гуманныя цѣли его были достигнуты. Да и эта Ахиллесова пята драмы далеко не такъ уязвима, какъ кажется съ перваго раза. Скромное сознаніе Лессинга, что онъ не поэтъ, не драматургъ, что всѣ произведенія свои онъ творитъ болѣе умомъ, чѣмъ поэтическимъ творчествомъ, не разъ давало поводъ критикѣ нападать на него съ этой, наименѣе опасной, стороны, и это не совсѣмъ справедливо. Гердеръ совершенно правъ, говоря, что самая манера писать у Лессинга есть стиль поэта, то-есть писателя, который не творчество законченное высказываетъ, а творитъ во время самой рѣчи. Изъ приведенныхъ уже нами отрывковъ писемъ и статей Лессинга читатель могъ самъ замѣтить, съ какою поэтическою прелестью, безпрестанно прибѣгая къ изящнымъ мѣткимъ метафорамъ, высказываетъ онъ свои мысли; неужели же, если спокойное сужденіе критики вызывало въ немъ поэтическое настроеніе, онъ могъ оставаться безучастнымъ мыслителемъ, создавая произведеніе художественное?—съ этимъ согласиться трудно, и тутъ можно Лессинга защищать отъ него самого. Такъ и въ «Натанѣ», несмотря на очевидную подчиненность анекдота драмы, дѣйствія ея, характеровъ лицъ, — поучительнымъ цѣлямъ пьесы, въ ней много жизненной и даже исторической правды, которая, если мѣстами и блѣднѣетъ, то въ значительной мѣрѣ только отъ подавляющаго величія основныхъ идей.

Заимствованіе сказки о трехъ кольцахъ подсказало Лессингу время и мѣсто дѣйствія его «Натана», вызвало сюжетъ историческаго содержанія; Саладинъ у Боккаччіо перенесъ творчество автора ко временамъ крестовыхъ походовъ. Трудно было выбрать матеріалъ болѣе благодарный для драматическаго выраженія идей, коими задался Лессингъ, и это ужъ одно показываетъ, насколько такой выборъ не былъ случайностью, а строго-обдуманнымъ рѣшеніемъ. Судя по ходу дѣйствія пьесы, оно должно совершаться между 1187 и 1193 годами по Рожд. Христ., то-есть въ промежуткѣ отъ того года, когда султанъ Саладинъ

овладѣлъ Іерусалимомъ, и до года его кончины; а такъ какъ въ пьесѣ тоже упоминаются король Филиппъ (Филиппъ-Августъ, французскій) и Ричардъ (Львиное-Сердце, англійскій), какъ присутствующіе въ Палестинѣ, то время это должно ограничиться 1191 годомъ, когда дѣйствительно тамъ были оба короля. Впрочемъ, Лессингъ не держался хронологической точности *); въ одномъ изъ примѣчаній къ первоначальному плану пьесы, онъ этого самъ не скрываетъ. Вѣрный положенію, высказанному еще въ «Гамбургской драматургіи», Лессингъ держался того мнѣнія, что историческая драма не требуетъ строгой исторической вѣрности—и по той только мѣрѣ можетъ быть интересна, по какой она современна, то-есть по какой мѣрѣ основные мотивы ея отвѣчаютъ современной жизни. Историческій сюжетъ берется только для болѣе рѣзкаго широкаго очертанія человѣческихъ характеровъ, ихъ столкновеній, или, какъ въ «Натанѣ», основной идеи. «Исторія, — говорилъ Лессингъ, — для драматурга только средство, а не цѣль» — и онъ воспользовался этимъ средствомъ чрезвычайно удачно. Крестовые походы представляютъ именно такое время, когда были наиболѣе въ ходу религіозные вопросы, доводившіе людей до самыхъ крайнихъ проявленій, то вѣры, то суевѣрія и безвѣрія, — то терпимости, то злобы, ненависти и фанатизма. Война за гробъ Христа, начатая въ пылу религіознаго энтузіазма, во имя Бога, людьми, далеко не крѣпкими въ своихъ вѣрованіяхъ, ни къ чему иному привести не могла, какъ именно къ этой смѣси религіозныхъ настроеній. Съ другой стороны, Лессингъ вполнѣ справедливо указываетъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ предисловія къ «Натану», что гуманности, развитія и терпимости было тогда значительно больше въ му-

*) Пьеса въ самомъ началѣ предполагаетъ только что окончившимся перемиріе между Саладиномъ и Ричардомъ Львиное-Сердце, — стало-быть, дѣйствіе должно быть отнесено къ 1192-му году, когда французскій король Филиппъ-Августъ уже не былъ въ Палестинѣ, а, слѣдовательно, и патріархъ іерусалимскій не могъ быть съ нимъ въ переинскѣ, что поминается въ «Натанѣ». Еще большій анахронизмъ относительно Дайи, такъ какъ, если она явилась въ Палестину, какъ сама говоритъ, съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ (Барбароссой), то стало-быть въ 1189 году; а поступила въ домъ Натана, послѣ смерти своего мужа, умершаго вмѣстѣ со своимъ императоромъ въ 1190 году. Когда же бы она успѣла до 1191 или 1192 года воспитать Рэху? (K. Fischer. Lessings «Nathan» 22 S.).

сульманахъ и евреяхъ, чѣмъ въ католикахъ. Еще въ началѣ XI-го столѣтія мы встрѣчаемъ мусульманина, властителя Египта, раздающаго высшія государственныя должности христіанамъ и евреямъ, нисколько не заботясь объ ихъ вѣроисповѣданіи, и даже какая-нибудь шайка разбойничьихъ туркменовъ, ограбившихъ Іерусалимъ въ 1072 году, отнеслась съ уваженіемъ къ іерусалимской церкви и не тронула ея сокровищъ. Особенно выдается это различіе терпимости, если сопоставить взятіе Іерусалима сперва христіанами (Готфридомъ Бульонскимъ), сопровождавшееся самой звѣрской рѣзней,—побѣдители убивали даже грудныхъ младенцевъ,—потомъ мусульманами, съ кроткимъ торжественнымъ въѣздомъ ихъ султана Саладина, который далъ свободный пропускъ изъ города всѣмъ европейцамъ, а сирійскимъ и армянскимъ христіанамъ позволилъ въ немъ остаться жить. Да и послѣ того, вообще отношеніе этого послѣдователя Магомета къ чужому вѣроисповѣданію характеризуется тѣмъ, что въ его правленіе въ Іерусалимѣ допускались свободно всѣ три монотеистическія религіи и пользовались письменно утвержденными правами *).

*) Извѣстно, что пророкъ мусульманъ только въ разгарѣ борьбы ожесточался, но, вообще, славился кротостью, честностью, великодушіемъ и терпимостью. Онъ относился со вниманіемъ къ разговору съ кѣмъ бы то ни было и терпѣливо, не тяготясь, выслушивалъ каждое сужденіе. На Моисея и Христа Магометъ смотрѣлъ съ величайшимъ уваженіемъ, и за религіями ихъ признавалъ божественное происхожденіе. Если кто возбуждалъ въ немъ особенно враждебныя чувства, такъ это идолопоклонники, потому что ихъ вѣрованія обусловливались невѣжествомъ и грубостью нравовъ. На евреевъ же и христіанъ онъ смотрѣлъ миролюбиво. Въ коранѣ Магомета конечно много противорѣчій, потому что коранъ былъ писанъ постепенно въ разное время и сообразно съ возникавшими событіями, но оттого въ немъ часто встрѣчаются и наставленія миролюбія и терпимости. Напримѣръ: «сражайтесь съ врагами въ войнѣ за религію; но не нападайте первые; Богъ ненавидитъ зачинщика ссоры» (Суратъ II). «Говорите не получившимъ писаніе и слѣпцамъ: примите исламизмъ и вы будете просвѣтлены. Если они станутъ противиться, ты долженъ только проповѣдывать; Богъ сумѣетъ различить своихъ слугъ» (С. III). «Между евреями и христіанами тѣ, которые вѣрятъ въ Бога и въ писанія, имъ, какъ и намъ, ниспосланныя, не продаютъ своего ученія за гнусныя выгоды. Они получаютъ награду отъ Вѣчнаго, который праведно взвѣшиваетъ дѣла людскія» (С. III). «Христіане будутъ судимы по евангелію; кто станетъ судить ихъ иначе—вѣроломенъ» (С. V). «Богъ могъ васъ всѣхъ соединить подъ одной религіей; онъ хотѣлъ испытать, будете ли вы вѣрны его различнымъ повелѣніямъ. Старайтесь дѣлать добро, — вы вернетесь къ нему, и онъ покажетъ вамъ, въ чемъ вы ошибались» (С. V). «Не обращайся съ идолами позорно, чтобъ невѣжды не отнеслись такъ же къ Богу» (С. VI). «Не спорьте съ евреями и христіанами иначе, какъ честно и сдержанно. Стыдите тѣхъ изъ нихъ, кто нечестивецъ. Говорите: мы вѣримъ книгамъ, ко-

«Исторически вѣрно и то,—говоритъ К. Газе,—что среди крестовыхъ походовъ, въ этой столѣтней войнѣ двухъ религій по поводу Гроба и господства надъ всѣмъ міромъ, рядомъ съ высочайшей напряженностью церковнаго энтузіазма, конечно, тоже вслѣдствіе частаго соприкосновенія съ честнымъ врагомъ, вслѣдствіе несчастій воиновъ, которые думали, что сражаются за своего Бога, — выработалось мнѣніе, овладѣвшее по преимуществу рыцарями ордена храмовниковъ, которое признавало за враждебной религіей извѣстное право, и могло даже заставить сомнѣваться: Христу ли или Магомету суждено быть владыкою міра. Въ одной жалобной пѣснѣ храмовника того времени разсказываются потери крестоносцевъ, и приписываются онѣ тому, что Богъ покинулъ Свое собственное дѣло. При этомъ ропотъ поэта доходитъ даже до слѣдующаго богохульства: «и не воображайте,—говоритъ онъ,—что Богъ на этомъ остановится;—нѣтъ, онъ открыто поклялся, что ни одинъ вѣрующій во Христа не останется тамъ. Скорѣй готовъ Онъ изъ собора Пресвятой Дѣвы сдѣлать магометанскую мечеть; и такъ какъ это пріятно и Его Сыну, который долженъ бы былъ объ этомъ печалиться, то и для насъ оно должно быть справедливо». Извѣстный стихотворецъ Вальтеръ фон-дер-Фогельвейде, самъ крестоносецъ, пѣлъ: «кто можетъ разрѣшить споръ христіанъ, іудеевъ, язычниковъ, какъ не Богъ, Который создалъ ихъ и всѣ вещи, безъ чьего бы то ни было совѣта *)?»

Начавши войну изъ-за религіи, оба враждующіе лагеря

торыя намъ ниспосланы, и вашимъ писаніямъ. Нашъ Богъ и вашъ—тотъ же самый. Мы мусульмане» (С. XXIX). «Не употребляй насилія, чтобъ заставлять невѣрныхъ принять исламизмъ» (С. L). Мы считали нужнымъ сдѣлать это краткое примѣчаніе, такъ какъ ужъ если ученый нѣмецкій теологъ (Beischlag) основываетъ свое мнѣніе объ исламизмѣ только на томъ, что турки зовутъ иновѣрцевъ собаками, то читателю не-спеціалисту и подавно можетъ придти въ голову подобная же мысль. (О Магометѣ и коранѣ смотри: Mahomet et le Coran, par Bartelemy Saint-Hilaire.—Nöldeke. Das Leben Mahomets.—Того же автора: Geschichte des Korans.—A. Sprenger. Das Leben und die Lehre des Mahomets. 1868-9.—Weil. Mahomet der Prophet.—W. Muir. The Life of Mahomet. На русскій языкъ коранъ переведенъ еще въ прошломъ столѣтіи (1790 и 1792 г.). Новый переводъ его сдѣланъ съ французскаго г. Николаевымъ (1865). Кромѣ того, въ русскомъ переводѣ существуетъ «Жизнь Магомета»—Вашингтона Ирвинга, перев. Кирѣевскаго. Интересная и хорошо разработанная статья о Магометѣ въ книгѣ профес. М. Н. Петрова: изъ всемірной исторіи.)

*) K. Hase. Das geistliche Schauspiel, 251 S.

скоро забыли, какіе мотивы привели ихъ къ борьбѣ, и часто стали высказывать только желаніе помѣряться другъ съ другомъ геройствомъ, силой и отвагой. Люди различныхъ религій перетасовались. Туземные христіане зачастую помогали мусульманамъ и не мало вреда принесли крестоносцамъ. Самъ король Ричардъ обращался съ магометанами гораздо лучше, чѣмъ съ единовѣрцами, и одного изъ родственниковъ Саладина сдѣлалъ рыцаремъ. Бывали и перебѣжчики въ чужой лагерь; напримѣръ, англичанинъ, храмовникъ Робертъ С-тъ-Альбанъ, перешелъ совсѣмъ къ Саладину, женился на его родственницѣ и съ тѣхъ поръ уже сражался противъ крестоносцевъ. Самый проектъ женитьбы брата Саладина, Малекъ-эль-Аделя, на сестрѣ Ричарда, о чемъ султанъ упоминаетъ въ драмѣ Лессинга, есть фактъ исторически-вѣрный. Вообще легкія отношенія къ вѣрованіямъ сдѣлались въ то время такъ обычны, особенно въ средѣ рыцарей ордена храмовниковъ, что еще долго послѣ окончанія крестовыхъ походовъ эти рыцари вызывали у себя на родинѣ своею жизнью упреки въ расколѣ и безвѣріи.

Дни такого религіознаго возбужденія представляли автору наилучшія данныя для его задачи. Конечно, всѣ разговоры и споры о вѣрѣ и терпимости, созидающіе «Натана», могли быть приложимы и къ другому времени, и мѣсту; но тогда они остались бы только разговорами, исключительнымъ явленіемъ небольшого кружка лицъ; здѣсь же, въ Палестинѣ, во время крестовыхъ походовъ, они являются необходимымъ слѣдствіемъ жизни всего общества, такъ какъ разнообразіе и измѣнчивость религіозныхъ убѣжденій и колебаніе успѣха борьбы очень легко могли выработать въ болѣе развитыхъ и гуманныхъ людяхъ мысль о терпимости и уваженіи чужой святыни. Такимъ образомъ, взятая эпоха давала Лессингу полную свободу для развитія его человѣчныхъ идей въ различныхъ характерахъ и жизненныхъ положеніяхъ людей разныхъ вѣроисповѣданій.

Фабула пьесы составляетъ самую слабую, можно сказать, единственную слабую сторону ея. Справедливо замѣчаетъ Куно Фишеръ, что едва ли для драматическаго сочиненія можетъ быть что-нибудь менѣе характеристичное, какъ наружное сход-

ство двухъ лицъ, на чемъ именно и вертится весь ходъ драмы Лессинга. Храмовникъ поразительно похожъ на своего отца (умершаго брата Саладина). Это обстоятельство спасаетъ его отъ казни и въ свою очередь даетъ возможность спасти Рэху; не будь такого сходства, храмовнику отрубили бы голову, и Рэха бы сгорѣла. Это же сходство поражаетъ и Натана, нѣкогда знавшаго отца храмовника, безъ чего Натанъ, пожалуй, за него и отдалъ бы свою пріемную дочь, и братъ женился бы на сестрѣ. О чувствѣ неудовлетворенности, оставляемомъ въ зрителѣ самой развязкою драмы, мы уже сказали выше. Если-бъ «Натанъ» Лессинга,—говоритъ Фишеръ,—былъ не болѣе, какъ обыкновенная семейная драма, если-бъ эта семейная исторія была главнымъ дѣломъ въ произведеніи, оно во многихъ мѣстахъ оказалось бы неудовлетворительнымъ. Но фабула здѣсь только средство, нужное Лессингу для выраженія его идеи, и онъ употребляетъ это средство сообразно требованіямъ идеи, иногда даже во вредъ фабулѣ. Напримѣръ, для идеи драмы и для развитія нѣкоторыхъ характеровъ необходимы: вѣра Рэхи въ спасшаго ее ангела и грубый, рѣзкій характеръ храмовника; но какъ согласить эти два обстоятельства?.. Подъ первымъ впечатлѣніемъ спасенія, Рэха еще могла принять рыцаря за существо безтѣлесное, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена вообще было распространено мнѣніе объ участіи въ битвахъ небесныхъ силъ (Михаила Архангела, Св. Георгія Побѣдоносца); но когда храмовникъ сталъ появляться подъ пальмами и высказывать грубыя замѣчанія Дайѣ, мистическая иллюзія Рэхи должна была исчезнуть сама собой; между тѣмъ Лессингъ оставляетъ ее до разговора Рэхи съ Натаномъ, чтобъ въ этомъ разговорѣ блестящимъ образомъ развить свои идеи о мистической мечтательности, и, въ противоположность ей, о полезномъ трудѣ. Такихъ натяжекъ въ фабулѣ пьесы можно было бы указать нѣсколько, но въ этомъ нѣтъ никакой надобности; онѣ не портятъ общаго впечатлѣнія и исчезаютъ подъ выдающейся отдѣлкой основныхъ мыслей и характеристики лицъ.

Высказанные здѣсь нѣкоторые недочеты въ интригѣ драмы повели къ тому, что въ числѣ многочисленныхъ критиковъ

«Натана» нашлись такіе, которые видятъ въ дѣйствующихъ лицахъ ея только ярлыки для однообразныхъ разсужденій о терпимости *), что̀ обличаетъ значительную слабость ихъ критическаго зрѣнія. Отчетливому изображенію характеровъ не повредили основныя идеи «Натана», а напротивъ помогли. Правда, что всѣ (кромѣ одного) лица драмы болѣе или менѣе вѣротерпимы, но каждый по-своему; и эта своеобразность каждаго обусловливаетъ ихъ столкновенія, служитъ двигателемъ пьесы, побуждающими причинами проповѣди. Это чистые ручейки, текущіе по одному направленію и въ концѣ сливающіеся въ одинъ общій потокъ; каждый изъ нихъ извивается сообразно своимъ собственнымъ берегамъ, стремится сообразно своему собственному обилію воды и уклону дна. Вотъ, между прочимъ, причина, почему «Натана» съ удовольствіемъ смотришь на сценѣ. Самыя прекрасныя идеи сами по себѣ еще не могутъ сильно дѣйствовать на театральную публику; если же драма Лессинга доставляетъ наслажденіе въ исполненіи, то это уже явное доказательство, что характеры ея дѣйствующихъ лицъ представляютъ актеру данныя для сценическаго творчества, что они живы, человѣчны, говорятъ отъ себя, а не повторяютъ только изреченія автора, какъ Стародумы и Милоны нашихъ старинныхъ комедій.

Тщательно разсматривая эти характеры, мы замѣчаемъ, что они распадаются на нѣсколько группъ, своеобразно служащихъ идеѣ драмы. Прежде всего выдаются представители двухъ крайнихъ предѣловъ идеи: съ одной стороны католикъ-патріархъ, какъ личность рѣзко отрицательная, идущая навстрѣчу гуманному направленію всей пьесы; съ другой—Натанъ, дающій направленію главный ходъ. Между этими двумя лицами драмы движется жизнь остальныхъ, отклоняя ихъ вслѣдствіе ихъ характеровъ и солкновеній то къ той, то къ другой сторонѣ; то ко взглядамъ терпимости, любви и труда, то къ нѣкоторому проявленію злобы, ограниченности и эгоизма.

Патріархъ Лессинговой драмы есть лицо историческое,—это былъ католическій патріархъ Гераклій, о которомъ еще самъ

*) Bilz. «Dramatische Studien», 1866.

Лессингъ въ рукописной замѣткѣ говоритъ, что, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности набожный мужъ былъ даже гораздо хуже, чѣмъ онъ выведенъ въ драмѣ. Этотъ священнослужитель былъ въ высшей степени безнравственный человѣкъ, жилъ въ самыхъ предосудительныхъ отношеніяхъ съ королевой Сибиллой Іерусалимской; онъ умѣлъ извлекать изъ религіознаго настроенія массъ личныя эгоистическія выгоды, но въ минуту опасности оставилъ и крестъ, и воодушевляемое имъ войско, трусливо спасаясь отъ враговъ. Такимъ онъ выставленъ и у Лессинга. Куно Фишеръ, дѣлая сопоставленіе этого типа съ Тартюфомъ Мольера, замѣчаетъ, что эгоизмъ Тартюфа принимаетъ внѣшній видъ религіозной святости съ полнымъ сознаніемъ маскировки, что, напротивъ того, эгоистъ драмы Лессинга дѣйствуетъ хуже, такъ какъ онъ совершенно серьезно считаетъ себя божьимъ человѣкомъ и свои цѣли угодными Богу. «Здѣсь вѣра не маска, — говоритъ Куно Фишеръ, — а какъ бы панцырь, и въ немъ эгоизмъ пріютился, какъ въ крѣпости, увѣренно, пріятно, недостижимо даже обличенію, передъ которымъ лицемѣръ всегда остороженъ, и котораго онъ побаивается». Намъ кажется, это не совсѣмъ правильно. Гдѣ вѣра не маска, гдѣ человѣкъ свою ложь считаетъ правдой и не сознаетъ, что она ложь и упрямо держится лжи, тамъ уже являются черты фанатизма, чувства грубаго, тупого, невѣжественнаго, все-таки основаннаго на убѣжденіи, и потому скорѣй достойнаго оправданія, чѣмъ лицемѣріе. У Лессинга эгоистъ совсѣмъ не таковъ; онъ дѣйствительно злостный лицемѣръ, и нравственно ниже мольеровскаго, только не оттого, что вѣритъ въ свою правоту, а оттого, что другихъ заставляетъ вѣрить въ нее и не видитъ надобности быть осторожнымъ. Лицемѣріе Тартюфа обусловливается нѣкоторой совѣстливостью, оно хотя наружнымъ образомъ идетъ объ руку съ понятіями о добрѣ и злѣ наиболѣе развитыхъ людей, оно можетъ подкупить даже и хорошаго человѣка; тутъ ужъ одна боязнь, что сорвутъ съ тебя маску, служитъ примирительнымъ началомъ. Въ лицемѣрѣ Лессинга нѣтъ ничего примирительнаго: это — откровенное безстыдство, крѣпко основавшееся на почвѣ человѣческаго невѣжества, фанатизма и ненависти.

Когда лицемѣръ нагло выдаетъ свою безчеловѣчность за добродѣтель, его обличить невозможно. Вы станете ему доказывать, что его поступки низки и гнусны, а онъ отвѣтитъ вамъ, что они ведутъ ко благу человѣчества. Тутъ тоже притворство и лицемѣріе: эгоистъ знаетъ, что лжетъ, что его плутни ведутъ только къ его собственному благу, къ удовлетворенію его грубыхъ страстей; но онъ смѣло провозглашаетъ свое звѣрство святостью только оттого, что люди, отъ которыхъ онъ зависитъ, достаточно глупы, трусливы, или сами такъ же низки, что ему потакаютъ. Среди такихъ людей лицемѣру нечего заботиться, чтобы его маска была особенно тонко отдѣлана, производила бы пріятное впечатлѣніе; для тупого, общественнаго стада довольно и того, что она пугаетъ, и подъ грубой, уродливой маской можно обдѣлывать ловко свои дѣлишки. Лицемѣру Лессинговой драмы до всего есть дѣло, всюду онъ втирается, отовсюду надѣется вымыслить себѣ какую-нибудь гнусную сласть, и чутко присматривается, гдѣ и насколько наглость его можетъ быть пущена въ ходъ. Какъ только онъ замѣчаетъ, что сила не на его сторонѣ, тотчасъ перемѣняетъ тонъ, повертываетъ оглобли и отказывается отъ своихъ собственныхъ словъ и поступковъ. Этотъ типъ *), выставленный Лессингомъ, какъ крайность, до которой доводитъ религіозная нетерпимость и суевѣріе, свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ развитія среды, ихъ вырабатывающей. У такихъ людей нѣтъ ничего святого, кромѣ своей личной страсти, хотя они постоянно твердятъ о своей святости; никакое даже призрачное понятіе о чести имъ недоступно, хотя они о ней много говорятъ. Не только одного человѣка, цѣлое поколѣніе людей способны они хладнокровно губить на удовлетвореніе хоть бы только своего мелкаго тщеславія, и, видя эту гибель,

*) Нетерпимость, съ которой велъ противъ Лессинга свою полемику пасторъ Гёце, дала поводъ указывать на него, какъ на прототипъ этого дѣйствующаго лица, что имѣетъ нѣкоторое основаніе въ виду иныхъ выраженій, прямо взятыхъ изъ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, замѣчаніе:

> Я къ театру отсылаю васъ,
> Гдѣ могутъ этакія pro et contra
> Съ успѣхомъ представляться...

намекаетъ на подобное же выраженіе Гёце въ его полемикѣ.

они спокойно будутъ увѣрять несчастное невѣжественное общество, давшее имъ волю, что въ этомъ-то и заключается прогрессъ человѣчества.

Въ драмѣ Лессинга съ художественной полнотой обрисованы всѣ эти черты въ личности, какъ выражается храмовникъ, румянаго, толстаго, веселенькаго прелата, въ этой темной фигурѣ, прелестно оттѣняющей свѣтлую группу остальныхъ лицъ пьесы. Подъ властью хоть и вѣротерпимаго султана, хоть и при обезпеченныхъ письменными обязательствами правахъ, католическому патріарху драмы все-таки не такъ привольно жить, какъ въ оное время во главѣ суевѣрныхъ, покорныхъ его святости рыцарей. Нѣтъ ему ни того почета, ни той власти, ни тѣхъ выгодъ; и вотъ онъ высматриваетъ, какъ бы помочь крестоносцамъ снова завоевать Іерусалимъ; для этого онъ и шпіонствуетъ, даже готовъ составить заговоръ съ цѣлью убійства Саладина, и все, яко бы, во имя Божіе и ко благу церкви и религіи. Для передачи такихъ порученій онъ употребляетъ добраго, но ограниченнаго служку монастырскаго, и нѣкоторые критики считаютъ это маленькою несообразностью, промахомъ въ пьесѣ. Но такое распоряженіе совершенно отвѣчаетъ хитрому и эгоистическому характеру патріарха. Довѣряемая имъ тайна слишкомъ важна и опасна для него самого; онъ бы поставилъ себя въ зависимость, если бы довѣрилъ ее человѣку хитрому и лукавому, какъ онъ самъ,—а такъ, имѣя подъ рукой невѣжественнаго, вѣрующаго въ правоту всякой іерархіи, служку, можно, въ случаѣ опасности, всегда отказаться отъ своихъ словъ, можно всегда спутать посланнаго, утверждая, что онъ переврал и не такъ понялъ порученіе,—ограниченный служка не сумѣлъ бы отстоять себя. Единственная маленькая сцена четвертаго дѣйствія, въ которой патріархъ является своей собственной особой, окончательно очерчиваетъ этотъ характеръ. Злостный прелатъ совершенно спокойно и хладнокровно готовъ сжечь еврея *), чтобы упрочить

*) Такія черты узкой религіозной ненависти, доходящей до звѣрства, хорошо были знакомы Лессингу и изъ его прежнихъ теологическихъ работъ. Такъ, въ его защитѣ Адама Нейбера, Лессингъ указывалъ, между прочимъ, на знаменитое восклицаніе рьянаго судьи: «Сперва голову долой!—улучшенія потомъ найдутся, если Богу будетъ угодно». Это восклицаніе очень аналогично съ приведенными словами патріарха въ «Натанѣ».

свое значеніе, чтобы вселить боязнь всѣмъ, отъ него зависящимъ. Онъ уже собирается хлопотать объ этомъ, и, будь его власть, Натана непремѣнно бы сожгли; но рьяный изувѣръ чуетъ, что тутъ ему наглость не поможетъ, что онъ рискуетъ самъ попасться и, встрѣчая отпоръ въ храмовникѣ, тотчасъ обращаетъ весь разговоръ въ шутку и говоритъ:

О! знаю,
Что вы снискали милость Саладина.
Прошу васъ, у него припоминайте
Вы обо мнѣ хорошее одно.
Мной только ревность къ Богу руководитъ,
И если дѣлаю я слишкомъ много,
Такъ для него же. Взвѣсьте это, рыцарь...
Помянутый же случай про еврея—
Не правда ли, была проблема? да?..

Совершенную противоположность этому характеру составляетъ герой драмы, спокойный, великодушный, прямой, честный Натанъ *). Въ немъ сосредоточены въ полной мѣрѣ принципы,

*) Р. Гоше въ своемъ журналѣ «Jahrbücher für Literaturgeschichte» (1 В. 1865. S. 199) дѣлаетъ предположеніе, что это имя Лессингъ тоже заимствовалъ у Боккаччіо, именно изъ новеллы о честномъ Натанѣ (X. 3), въ характерѣ котораго будто бы есть черты, общія съ Натаномъ Лессинга, также какъ и въ другомъ лицѣ новеллы черты характера храмовника. Проф. Каро, какъ мы уже говорили, повторяетъ это предположеніе уже съ нѣкоторой увѣренностью. Что касается до заимствованія имени, то объ этомъ спорить нечего, тѣмъ болѣе, что рѣшительно все равно: изъ библіи ли, изъ Боккаччіо, или изъ родословной какого-нибудь еврея оно взято; но въ характерахъ Натана у Боккаччіо и Лессинга есть громадная и существенная разница. Новелла Боккаччіо вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ: Нѣкій богачъ Натанъ живетъ на перепутьи большой дороги и зазываетъ къ себѣ всѣхъ, по ней проходящихъ, угощая ихъ въ своемъ домѣ и щедро одѣляя всякаго встрѣчнаго-поперечнаго своимъ богатствомъ. Завидуя его славѣ, молодой человѣкъ, Митриданъ, начинаетъ дѣлать то же самое; но, замѣтивъ какой-то старухѣ, которая 15 разъ сряду подходила къ нему за милостыней, что надо же этому положить и конецъ, получаетъ въ отвѣтъ, что Натанъ бы такого замѣчанія не сдѣлалъ. Это приводитъ завистливаго Митридана въ отчаяніе, и онъ рѣшается идти убить Натана, чтобы не слышать болѣе о его славѣ. Натанъ, случайно узнавъ объ этомъ, не только не дѣйствуетъ противъ, но даже самъ устраиваетъ такъ, что встрѣчается съ молодымъ человѣкомъ съ глазу на глазъ, въ уединенномъ мѣстѣ, чтобы дать ему возможность безопаснѣе исполнить свое намѣреніе. Удивленному Митридану онъ замѣчаетъ, что славу свою пріобрѣлъ, стараясь давать всякому именно то, что тотъ желалъ; а такъ какъ Митриданъ желаетъ его жизни, то онъ и пришелъ ее отдать. Эти слова обезоруживаютъ молодого человѣка, и оба благодѣтеля продолжаютъ жить во взаимномъ согласіи. Принципъ новеллы, какъ видите, совершенно ложный; не всѣ человѣческія желанія безвредны, и съ этимъ софизмомъ можно придти Богъ знаетъ къ какому безобразію. Если въ комъ-нибудь изъ лицъ драмы Лессинга можно видѣть хоть нѣчто, нѣсколько подобное этому, то скорѣе въ расточительномъ Саладинѣ, чѣмъ въ Натанѣ, который

составляющіе основу пьесы. Ему главнымъ образомъ поручаетъ авторъ передавать свои задушевныя мысли, что однако не мѣшаетъ ему быть живымъ лицомъ, художественнымъ характеромъ. Нѣмецкіе критики не разъ высказывали предположеніе, что, создавая личность Натана, Лессингъ имѣлъ въ виду своего друга Мендельсона, и Штраусъ не совсѣмъ справедливъ, отрицая это, говоря, что скорѣе въ Натанѣ можно видѣть самого Лессинга,

М. Мендельсонъ.

чѣмъ его пріятеля — еврея. Конечно, принципы и проповѣди Натана, какъ бы ни былъ съ ними солидаренъ Мендельсонъ, явились плодомъ творчества ихъ автора, но та форма, въ которой они выразились, тотъ характеръ дѣйствующаго лица, которому они приданы, носятъ на себѣ отпечатокъ совсѣмъ не лессинговской типичности. Лессингъ, хотя иногда и маскировалъ основной

умѣетъ добывать и сберегать богатство «*на милосердье мудрое*». Что касается Митридана и храмовника, то въ нихъ только одна черта общая—горячность характера.

смыслъ своихъ словъ, въ виду неразвитости иныхъ читателей, давая имъ случай самимъ добраться до сути, все-таки рѣчь его была всегда рѣзка, энергична, безпощадна къ врагамъ и невѣжеству. Въ Натанѣ онъ сумѣлъ быть настолько объективнымъ, что представилъ своего героя, при всѣхъ его прекрасныхъ качествахъ, при всемъ непреклонномъ стремленіи къ добру, человѣкомъ кроткимъ, угодливымъ, вообще сохранившимъ внѣшнія черты своего племени, и въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ тихаго, миролюбиваго Мендельсона *). Штраусъ очень остроумно замѣчаетъ,—что слова храмовника въ третьемъ дѣйствіи:

Что за жидъ!?
И хочетъ такъ простымъ жидомъ казаться—

составляютъ тонкій намекъ для артиста, исполняющаго роль Натана. Конечно, не въ коверканьи рѣчи извѣстнымъ акцентомъ должна сказываться эта типичность, а въ нѣкоторомъ лукавствѣ и хитрости, съ которой Натанъ умѣетъ обставить свои доводы такъ, что съ ними нельзя не согласиться; въ нѣкоторомъ самоуничиженіи, хотя всюду съ прекрасною цѣлью. Во всѣхъ его рѣчахъ, съ начала до конца пьесы, не встрѣчаешь ни одного мало-мальски рѣзкаго слова: все осторожно, мягко, а между тѣмъ передъ нимъ въ прахъ разрушаются и мелочное коварство прихотливаго султана, и взбалмошная грубость храмовника, и напускная мечтательность Рэхи. Натанъ самъ почти никого не осуждаетъ: онъ только своей ловкой критикой чужихъ поступковъ, всей постановкой разговора, вызываетъ самообличеніе и покаяніе другихъ. «Вотъ давеча твой ангелъ, — говоритъ Рэха своей воспитательницѣ,—

Какой-было меня онъ глупой сдѣлалъ.
Я вздора этого и до сихъ поръ
Стыжусь передъ отцомъ.»

«Я стыжусь, — говоритъ храмовникъ, — что могъ въ васъ оши-

*) Самый способъ отвѣта Натана Саладину на его вопросъ о религіяхъ напоминаетъ уклончивый отвѣтъ Мендельсона Лафатеру, когда этотъ ревностный и безтактный пасторъ, скорбя о томъ, что такой прекрасный еврей не принимаетъ христіанства, печатно требовалъ отъ него или креститься или доказать преимущество своей религіи. Разумѣется, Натанъ не есть портретъ Мендельсона, но весьма вѣроятно, что иныя черты еврейскаго философа схвачены въ той мѣрѣ, въ которой всякій художественно созданный характеръ исходитъ отъ живыхъ лицъ, подмѣченныхъ авторомъ въ дѣйствительности.

баться». И когда, закончивъ сказку свою обѣщаніемъ, что черезъ сотни тысячъ лѣтъ придетъ судья и рѣшитъ, чье кольцо неподдѣльное, Натанъ лукаво прибавляетъ:

Султанъ,
Коль ты себя считаешь этимъ мудрымъ
Обѣщаннымъ судьей...

Саладину ничего не остается больше сказать, какъ:

Я?.. Я ничто...
Я прахъ...

Примѣры разсыпаны по всей книгѣ. Эта нѣсколько скрытная и какъ бы самоуниженная манера общенія съ людьми, заимствованная Натаномъ у своей національности, у него остается только внѣшнею формой и вовсе не имѣетъ того внутренняго смысла, который ее породилъ; въ Натанѣ нѣтъ и тѣни еврейской увѣренности въ своемъ превосходствѣ, въ своей принадлежности къ народу «избранному у Бога», презирающему иногда другіе до того, что никакое униженіе передъ ними не оскорбительно, что всякій обманъ позволителенъ, если они только выгодны; — и именно въ виду этой увѣренности особенно знаменательно, что Натанъ сдѣланъ евреемъ: его гуманные и вѣротерпимые взгляды выдаются еще выпуклѣе. Эти взгляды въ немъ выработаны жизнью, его даровитой природой и любовью къ человѣчеству, и потому все узкое, невѣжественное, нетерпимое его религіи на него не вліяетъ. Ему достаточно, чтобы человѣкъ назывался человѣкомъ, въ его сношеніяхъ религія всегда остается въ сторонѣ, и онъ дѣлается помощникомъ всѣхъ, стало-быть и другомъ всѣхъ. Такимъ образомъ, богатство свое онъ добываетъ не притѣсненіемъ и эксплуататорствомъ: оно является слѣдствіемъ его трудолюбія, дарованій, довѣрія и участія къ нему людей, имѣющихъ съ нимъ дѣло. Эти черты его личности составляютъ его силу и счастье, съ ними онъ всегда будетъ богатъ, что бы у него ни отняли; оттого роскошь не прельщаетъ его, деньгами своими онъ не дорожитъ, но это не дѣлаетъ его безпечнымъ расточителемъ, онъ знаетъ цѣну богатству, знаетъ, какую пользу можетъ, благодаря богатству, приносить людямъ, и изъ своего ве-

ликодушія не дѣлаетъ лести тщеславію, какъ Саладинъ, разыгрывающій, по словамъ Ал-Гафи, Бога—

Который въ милосердьи безъ различья
Дождемъ и солнцемъ надѣляетъ равно
Цвѣтущій лугъ и голую пустыню.

Милосердіе Натана «мудрое», онъ честно, разумно умѣетъ пользоваться тѣмъ, что̀ добываетъ своимъ неустаннымъ трудомъ. Такое отношеніе къ своей дѣятельности, къ столкновеніямъ жизни, дѣлаетъ его вполнѣ свободнымъ и независимымъ. Онъ ни въ комъ не заискиваетъ и ни отъ кого не прячется, никого не избѣгаетъ. Какъ въ первомъ свиданіи съ Ал-Гафи Натанъ нисколько не высказываетъ желанія знакомиться съ султаномъ, такъ во второмъ, когда дервишъ предвидитъ неизбѣжность этого знакомства и, какъ слѣдствіе его, разореніе Натана, мудрый еврей нисколько этого не страшится. Натанъ самъ предлагаетъ деньги и готовъ поддержать дружбу съ султаномъ, встрѣтивъ въ немъ добрыя черты, способныя развиться и принести пользу. Свобода Натана доводитъ его даже до такого величія нравственной независимости, что на пепелищѣ своихъ сыновей, сожженныхъ христіанами, онъ, проклиная ихъ звѣрство, силою характера сдерживаетъ свою ненависть при видѣ передаваемаго въ его руки христіанскаго малютки, привязывается къ дѣвочкѣ, какъ къ родной дочери, и значительную долю своей жизни посвящаетъ ея воспитанію. Каковы бы ни были потери Натана, какъ бы горе ни тяготѣло на немъ, нравственныя силы его всегда найдутъ исходъ въ своихъ привязанностяхъ, въ своей полезной дѣятельности, и, если-бъ потомъ отняли у него даже эту Рэху, въ которой онъ сосредоточилъ горячую любовь къ своимъ семерымъ сыновьямъ, онъ будетъ защищать свою пріемную дочь, можетъ-быть, съ опасностью жизни, но, потерявъ, не придетъ въ малодушное отчаяніе, не перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Тутъ проявленіе той громадной живучести человѣка, которая его дѣлаетъ свободнымъ и сильнымъ подъ гнетомъ какихъ угодно цѣпей,—Лессингъ самъ обладалъ ею въ полной мѣрѣ, и съ этой стороны драма носитъ отблескъ характера автора. Ко всѣмъ такимъ результатамъ, составляющимъ основу человѣческаго счастья,

вело прилежное, полное любви изученіе жизни, строгое, безпристрастное отношеніе къ различному развитію людей, участливая терпимость; и къ этому способна всякая здоровая натура человѣка, къ какой бы религіи, къ какому бы культу онъ ни принадлежалъ.

Оттого до крайности наивными, чтобъ не сказать другого слова, кажутся тѣ ревностные критики, которые, признавая за принципами Натана нравственныя достоинства, стремятся утверждать, что только человѣкъ въ христіанской религіи могъ ихъ выработать и что еврейство не даетъ къ тому ровно никакого матеріала. Мы бы, конечно, могли совсѣмъ обойти это замѣчаніе, ставши на точку зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ пьесу, потому что и еврею, и христіанину жизнь даетъ одинаковый матеріалъ для нравственнаго развитія; но въ виду того, что читающая публика вообще довольно мало знакома съ жизнью евреевъ и правилами ихъ религіи, что наибольшее впечатлѣніе производятъ на насъ тѣ, поистинѣ гнусныя эксплуататорскія проявленія невѣжественныхъ и развращенныхъ кружковъ еврейскаго племени, отъ которыхъ съ отвращеніемъ долженъ отвернуться всякій честный еврей, отвѣтимъ въ нѣсколькихъ словахъ только-что помянутымъ критикамъ. Вотъ постановка вопроса: такъ какъ правила религіи не могутъ не вліять на правила нравственности, выясненныя жизнью, то очень естественно, что этимъ послѣднимъ легче сдѣлаться наилучшими тамъ, гдѣ религія будетъ давать къ тому основанія, и, наоборотъ, слишкомъ трудно пріобрѣсть въ жизни такого рода принципы нравственности, которые будутъ идти совсѣмъ наперекоръ ученію вѣры. Отсюда спрашивается: имѣетъ ли религія еврейская данныя, не противорѣчащія проповѣдямъ Натана или нѣтъ?—Помянутые критики утверждаютъ, что нѣтъ,—и въ доказательство приводятъ тамъ и здѣсь зря выхваченныя изреченія изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ и другихъ книгъ библіи, забывая или стараясь забыть, какъ писались и составлялись эти книги *).

*) Такъ, напримѣръ, теологъ-критикъ Бейшлагъ (Beischlag. Lessings «Nathan der Weise»), разбирая великодушный поступокъ Натана, принимающаго къ себѣ и воспитывающаго дитя своихъ враговъ-христіанъ, говоритъ, что на это способенъ только христіа-

Еврейская религія сложилась во времена древнѣйшія, среди полудикихъ народовъ, исповѣдовавшихъ многобожіе. Ученіе первыхъ еврейскихъ учителей, начиная съ Моисея и до той эпохи, когда секты іесеніянъ и фарисеевъ приблизились къ гуманнымъ принципамъ, провозглашеннымъ Христомъ, не могли не идти объ руку съ грубыми, неразвитыми нравами первыхъ евреевъ. Если и теперь, говоря о дѣлахъ совѣсти и убѣжденія, приходится часто примѣняться къ собесѣднику, то тѣмъ болѣе это было необходимо въ тѣ дни, когда до того шаткими и неустановившимися были правила нравственности, что зачастую безчеловѣчныя дѣянія считались добродѣтелью. Моисей самъ заявляетъ, что ему приходилось въ своихъ писаніяхъ мѣстами подчиняться недовольству народа, извѣстному въ библіи подъ именемъ народнаго ропота. Изъ этого ясно, что священныя еврейскія книги не составляютъ для народа, или по крайней мѣрѣ для лучшихъ его представителей—законченнаго и непреложнаго кодекса нравственности. Уважая эти книги, еврей относится къ нимъ съ разумной критикой, которая и породила множество толкованій библіи, Талмудъ и другія сочиненія ученыхъ евреевъ, почитаемыя ихъ единовѣрцами не менѣе древнихъ писаній *). Итакъ, если въ библіи и встрѣчаются таковыя, совершенно отжившія изреченія, то, во-первыхъ, они не имѣютъ обязательнаго значенія для нравственной жизни евреевъ; во-вторыхъ, не надо забывать, что рядомъ съ ними, въ той же

нинъ, а не еврей, и въ подтвержденіе сопоставляетъ 137 псаломъ (именно слова плача о плѣненіи вавилонскомъ: «благо тому, кто тебѣ отплатитъ, какъ ты поступилъ съ нами; благо тому, кто дѣтей твоихъ возьметъ и раздробитъ ихъ о скалы!») съ изреченіемъ Іисуса Христа: «любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, дѣлайте добро тѣмъ, кто васъ обидитъ, кто будетъ преслѣдовать васъ». Читатель усмотритъ въ этомъ, конечно, только хитрую уловку, недостойную ученаго теолога; еврейскую религію еще не составляетъ какой-нибудь одинъ псаломъ, вырванный изъ множества другихъ книгъ и выражающій стонъ безвыходнаго горя, а не ученіе нравственности. Судить такимъ образомъ о религіи—все равно, что судить о евреяхъ вообще, какъ выражается Лессингъ, только по той развратной сволочи, которая шныряетъ по ярмаркамъ.

*) Одинъ изъ еврейскихъ защитниковъ Натана, какъ еврея, говоритъ, что и вообще въ евреяхъ крайне развитъ духъ критики, по которому они рѣдко что̀ принимаютъ на вѣру и потому, будто бы, ни къ кому болѣе, чѣмъ къ евреямъ, не примѣнимы слова Лессинга: «буква еще не есть духъ, и библія еще не есть религія». «Lessings Verdienste um das Judenthums», von Samuel Modlinger. 1869.—32.

библіи есть и совершенно противоположныя имъ наставленія, полныя широкой любви къ человѣчеству и самыхъ гуманныхъ принциповъ. Не надо быть теологомъ, не надо заниматься подробнымъ изученіемъ еврейскихъ священныхъ книгъ, чтобы ужъ по одной аналогіи предполагать, что оно такъ и должно быть. Монастырскій служка въ «Натанѣ», при всей своей наивности—и тотъ сознаетъ, что

Христіане
Ужъ какъ-то слишкомъ стали забывать,
Что самъ Господь Спаситель былъ евреемъ.

Эти двѣ строки слѣдовало бы помнить всѣмъ, обсуждающимъ, насколько художественно вѣрно, что Лессингъ сдѣлалъ своего Натана евреемъ. Могла ли религія, взрастившая христіанство, не носить въ себѣ тѣхъ зародышей любви къ человѣчеству, которые легли въ основу ученія Іисуса Христа. Читатель, ищущій въ книгахъ еврейскихъ учителей не слабыя стороны, а сильнѣйшія и наилучшія, найдетъ, что имъ знакомы правила: не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобъ дѣлали тебѣ; люби ближняго, какъ самого себя, — и наставленія милосердія, справедливости, миролюбія; въ библіи можно даже встрѣтить цѣликомъ перифразы нагорной проповѣди *). Точно такъ же и въ складѣ жизни, въ исторіи развитія еврейскихъ общинъ много сходнаго съ общинами первыхъ христіанъ. Что за важность, что одинъ текстъ священныхъ книгъ противорѣчитъ другому, когда время и развитіе устанавливаетъ, который изъ нихъ болѣе примѣнимъ къ жизни, когда среди массы разнообразныхъ изреченій есть поученія, ведущія къ самому высокому нравственному

---

*) Die Sittenlehre des Judenthums von Grünebaum, 1867.—S. 144. О томъ же смотри: Theologische Briefe an die Gebildeten der Deutschen Nation, von Richard von der Alm. 3 Band. 7 Brief. A. Бодекъ въ статьѣ, озаглавленной: «Почему Натанъ еврей приводитъ мнѣнія различныхъ писателей по этому вопросу, и между прочимъ выписываетъ слѣдующія изреченія изъ Библіи: «Если упадетъ твой врагъ, не радуйся этому, если низвергнется, не ликуй, ибо Господь видитъ это и оно Ему будетъ не угодно»; «Если твой врагъ голодаетъ, накорми его, если испытываетъ жажду, напой его,—и Господь тебѣ воздастъ за это»; и изъ Талмуда: «Кто герой?—тотъ, кто врага превращаетъ въ друга» и проч. (Lessing—Mendelsohn—Gedenkbuch. 1879).

развитію. Въ средніе вѣка, когда религія Христа попала въ руки невѣжественнымъ звѣрскимъ рыцарямъ и лицемѣрному эгоистическому духовенству, сдѣлавшимъ ее орудіемъ ненависти, особенно выдавались среди еврейскаго племени неоднократные примѣры строгаго гуманнаго образованія, нравственной силы и самоотреченія. Такъ въ лицѣ раввина Ябеца, въ XV-мъ столѣтіи, мы видимъ живой типъ той сдержанности и великодушія, которыми надѣленъ Натанъ Лессинга. Изгнанный изъ Испаніи фанатизмомъ христіанъ, лишенный дорогого ему отечества, гдѣ онъ выросъ и воспитался, Ябецъ продолжаетъ называть христіанъ братьями и относиться къ нимъ съ любовью, человѣчностью, забывая всякую ненависть къ врагамъ. Ни къ кому, однако, изъ историческихъ лицъ такъ близко не подходитъ герой драмы Лессинга, какъ къ знаменитому еврейскому ученому Моисею бенъ-Маймону, болѣе извѣстному подъ именемъ Маймонида. Самая жизнь этого ученаго, совпадающая со временемъ дѣйствія Натана (XII столѣтія) — его скитанія (онъ бѣжалъ изъ Испаніи въ Египетъ), его дружба съ султаномъ Саладиномъ, невольно наводятъ на мысль, что Лессингъ могъ и его имѣть въ виду прототипомъ своего Натана. Трудолюбивый и даровитый врачъ Маймонидъ былъ знатокъ древней языческой литературы, и всѣ писанія его имѣютъ цѣлью дать ученіе нравственности, основанное на разумномъ критическомъ разборѣ поступковъ человѣка, а не на подчиненіи мертвой буквѣ священныхъ книгъ. Въ первомъ сочиненіи Маймонида вырабатываются, между прочимъ, правила нравственной жизни по Аристотелю и въ то же время доказывается общность ихъ съ законами еврейства. Въ библіи многія выраженія, касающіяся Бога, Маймонидъ принимаетъ за метафорическія, отвѣчающія жизненнымъ нравственнымъ понятіямъ. Чудеса, сверхъестественное имъ не признаются, — свѣтъ, по его мнѣнію, существуетъ на основаніи правильныхъ законовъ, и то, что кажется сверхъестественнымъ, совершается тоже по этимъ законамъ, а не вопреки имъ; только исключительность случаевъ дѣлаетъ ихъ чудесными. Воскрешеніе мертвыхъ пророками Иліей и Елисеемъ Маймонидъ объясняетъ тѣмъ, что то не были мертвые, а таковыми только казались окружающимъ,

и пророки относительно ихъ дѣйствовали какъ врачи, вылѣчивъ больныхъ *).

Еврейство не помѣшало придти ко всѣмъ этимъ умозаключеніямъ даровитому и серьезно образованному человѣку, еврейство не помѣшало ему искать хорошее вездѣ, гдѣ сказывалась дѣятельность разума человѣческаго, и потому являться безпристрастнымъ, полезнымъ и вѣротерпимымъ, какъ Натанъ. Критическое отношеніе къ своему собственному Священному Писанію заставляетъ еврея такъ же критически смотрѣть и на чужія ученія, выдѣляя изъ-подъ ихъ вліянія добрые нравы и честныя правила жизни, которыя такимъ образомъ должны внушать ему полное сочувствіе и уваженіе независимо отъ всякой религіи. На этомъ основанъ, по словамъ новѣйшаго еврейскаго писателя, одинъ изъ главныхъ принциповъ еврейства, именно, что человѣкъ избавляется отъ грѣховъ силой собственной благой дѣятельности, а не божественнымъ вмѣшательствомъ, — почему въ глазахъ лучшихъ еврейскихъ ученыхъ даже язычникъ добродѣтельный и кроткій можетъ быть поставленъ на ряду хотя бы съ первосвященникомъ **). Чтобъ не быть ложно понятыми, считаемъ нужнымъ добавить сказанное — оговоркой. Священныя книги евреевъ, представляя различнаго рода ученія и изреченія, какъ могутъ способствовать развитію гуманныхъ началъ, такъ тоже могутъ быть и злоупотреблены, налагая на невѣжественныя массы оковы узкой сухой догматики и обрядности; оттого такъ многоразличны по нравамъ, обычаямъ, воззрѣніямъ, даже по церковнымъ обрядамъ современныя еврейскія общины. Въ настоящемъ случаѣ вопросъ не въ томъ: къ чему вообще ведетъ еврейство, и гдѣ, и какъ оно проявляется? а только въ томъ: можетъ ли оно помѣшать порожденію личности въ родѣ Натана? Очень вѣроятно, какъ и замѣчаютъ нѣкоторые изъ нѣмецкихъ критиковъ, что передъ лицомъ иного фанатическаго еврейскаго общества Натанъ покажется вольнодумцемъ и плохимъ евреемъ, но этому причиной будетъ, конечно, не еврейская религія, а

*) Das Judenthum und seine Geschichte v. Abraham Geiger. Breslau, 1865. 2 Abtheil, S. 137.

**) Die Sittenlehre des Judenthums, S. 140.

невѣжество такого общества. Болѣе развитые евреи хорошо понимаютъ, что принципы Натана не идутъ въ разрѣзъ съ ихъ вѣрованіями, и въ Германіи они давно отвели книгѣ Лессинга самое почетное мѣсто въ своей библіотекѣ.

Жизнью выработаны въ Натанѣ его нравственныя правила, жизнью хотѣлъ бы онъ ихъ выработать и въ дорогой дочери своей, въ миломъ пріемышѣ-Рэхѣ. Не сухою книжной ученостью развиваетъ онъ ее, не заучиваніемъ догматовъ, а разумнымъ обсужденіемъ честной пользы и добра. Но дѣвушка еще молода, кругъ ея опыта не великъ, умъ ея жадно хватается за все поэтичное, и потому она нѣсколько поддается вліянію Дайи. Отсюда эта двойственность, эта нервность характера Рэхи. Любо ей лелѣять въ себѣ милую мечтательность, пока Натанъ не показалъ ей во-очію весь вредъ и все зло такой наклонности Одинъ маленькій урокъ второй сцены перваго дѣйствія дѣлаетъ Рэху снова бодрой и крѣпкой въ своихъ убѣжденіяхъ, и твердымъ отпоромъ встрѣчаетъ она заискивающія пророчества Дайи, такъ ревностно желающей выдать ее за христіанина. Сцена свиданія Рэхи съ храмовникомъ полна тонкой граціи: вдвойнѣ оскорбленная юношей, который не хотѣлъ взглянуть на нее и подвергъ ее глупой мечтательности, Рэха встрѣчаетъ его нѣсколько самоуниженной колкостью, горькимъ упрекомъ, совершенно во вкусѣ своего наставника Натана. Потомъ разговоръ ея съ храмовникомъ такъ простъ, такъ искрененъ, словно она не въ первый разъ говоритъ съ нимъ, а встрѣтилась со старымъ милымъ другомъ, котораго только давно не видала. Искренность и честность составляютъ главную особенность характера Рэхи; въ ней ни передъ кѣмъ нѣтъ ничего скрытнаго, ничего лживаго. Она до крайности проста въ обращеніи, потому что ей нѣтъ надобности казаться лучше, чѣмъ она есть, какъ это нужно людямъ, которые, заботливо потакая своимъ слабостямъ, должны скрывать ихъ подъ личиной лицемѣрнаго искусственнаго приличія и напускного долга. Ея ошибки безсознательны, оттого она ихъ не таитъ и, сознавши, тотчасъ отъ нихъ отказывается. Она дѣйствуетъ такъ, какъ она думаетъ, и одинаково ровна и естественна со всѣми: и съ Дайей, и съ Зиттой, и съ Салади-

номъ, и съ храмовникомъ. Эти черты въ значительной степени даны Рэхѣ воспитаніемъ; она чуетъ благотворную силу получаемаго развитія и, еще не окрѣпши въ немъ, страстно привязывается къ своему воспитателю, Натану. Привычка выводить свои отношенія къ людямъ изъ жизни сдѣлала для нея Натана самымъ дорогимъ родственникомъ, истиннымъ отцомъ,—и никакой человѣкъ, никакое увлеченіе не въ состояніи разрушить эту близость, — дѣвушкѣ, какъ она сама говоритъ, даже подумать страшно что-нибудь скрыть отъ такого отца. Оттого Натанъ не придаетъ важности вліянію Дайи; онъ держитъ ее у себя, какъ добрую, хорошую женщину, какъ преданную няньку, не опасную при томъ единствѣ, которое существуетъ между нимъ и его дочерью; и упрекъ критики, замѣчавшей, что умный Натанъ не могъ поручить воспитаніе Рэхи ограниченной Дайѣ, несправедливъ. Въ концѣ пьесы, ужасъ, съ которымъ Рэха узнаетъ, что у нея есть еще другіе родные, что Натанъ не отецъ ей, весьма характеренъ. Она слишкомъ счастлива своими человѣчными воззрѣніями, понимая все-таки, что они еще не вполнѣ крѣпко вкоренились въ ней, — и страхъ беретъ, что у нея отнимутъ источникъ ея счастья. Она даже не спрашиваетъ, кто ея новые родные, каковы они, и съ рыданіемъ твердитъ только одну просьбу, чтобъ у нея отца не отнимали.

Юноша-храмовникъ, вслѣдствіе добрыхъ чертъ характера, данныхъ ему природой, среди ожесточенной борьбы изъ-за вѣрованій, позналъ несостоятельность религіозныхъ пристрастій, крайняго ихъ проявленія, нетерпимости,—и въ душѣ отъ всего этого отстранился. Но, какъ въ молодомъ и увлекающемся человѣкѣ, такой поворотъ въ немъ совершился быстро, скорѣй подъ вліяніемъ страстныхъ порывовъ, чѣмъ по обдуманному, зрѣлому размышленію. Поэтому хоть онъ и говоритъ, что въ странѣ обѣтованной отрѣшился отъ многихъ предразсудковъ, они еще таятся въ немъ, невидимо для него самого. Онъ легко готовъ заподозрить другихъ въ томъ, что ему стало ненавистно; онъ враждебно и презрительно относится ко всѣмъ, кто не глядитъ на дѣло совѣсти его глазами, онъ не даетъ себѣ даже труда обдумать: что тому причиной?.. Монастырскій служка съ трепетомъ и не-

охотно пересказываетъ ему порученія патріарха; внутреннія чувства этого собесѣдника рыцарю не видны, онъ слышитъ только злое порученіе и негодуетъ на служку, на человѣка совершенно неповиннаго. Встрѣчая Дайю, съ ея глупыми бабьими сѣтованіями на униженіе ея христіанскаго достоинства службой у еврея, храмовникъ возмущается такой чепухой, и этого ему уже достаточно, чтобъ грубо и желчно сторониться отъ всей семьи Натана и вообразить его узкимъ, заклятымъ жидомъ. Потомъ и близкое знакомство съ Натаномъ не спасаетъ отъ этой подозрительности пылкаго юношу; влюбившись въ Рэху, онъ снова, не задумавшись, отдается нетерпимости и недовѣрію, снова видитъ вражду еврейства къ своимъ религіознымъ воззрѣніямъ только вслѣдствіе одного извѣстія, что Рэха не рождена еврейкой, да потому, что Натанъ медлитъ согласіемъ на бракъ. Тутъ, подъ гнетомъ страсти, презрѣніе обращается въ злобу, и храмовникъ, не чуя, что измѣняетъ именно тѣмъ принципамъ, которые возбудили его негодованіе, самъ дѣлается нетерпимымъ, самъ готовъ на вражду во имя религіи. Попавши впросакъ у патріарха и услышавъ упрекъ Саладина, храмовникъ успокоивается и, обдумывая наединѣ свое поведеніе, приходитъ къ тому, съ чего долженъ былъ начать. Ходъ мыслей его, высказываемыхъ въ одномъ изъ блестящихъ монологовъ драмы, приблизительно таковъ: «я разсердился на Натана за то, что онъ медлитъ отдать за меня Рэху, которую я люблю; но за что я люблю ее?—главнымъ образомъ за совокупность достоинствъ, данныхъ ей воспитаніемъ; а воспитаніе это дано Натаномъ, — какъ же такая любовь могла придти къ такой ненависти?» Анализъ поступка не надолго приводитъ рыцаря къ сознанію его вины. Терпимость его сложилась не зрѣло, и потому горячая любовь продолжаетъ возбуждать его подозрительность до той самой минуты, когда онъ, наконецъ, узнаетъ, что Рэха ему сестра. Храмовникъ—честный, прямой, открытый характеръ, но слишкомъ часто наталкивался онъ на обманъ и лицемѣріе, слишкомъ страстно и молодо ихъ ненавидитъ, а такая ненависть обоюдуострое оружіе,—она слишкомъ нетерпима и такъ же можетъ вести къ великимъ ошибкамъ, какъ и къ великимъ подвигамъ.

Памятникъ Лессингу въ Берлинѣ, въ Тиргартенѣ. Сооруженъ въ 1890 г.
по проекту художника Отто Лессинга, правнука знаменитаго писателя, со стороны его брата.

Итакъ, вотъ два характера, Рэха и храмовникъ, которые въ юношескомъ зародышѣ являютъ данныя, полно и благодатно развившіяся въ зрѣлой сознательной личности Натана. Съ одной стороны мужество, энергія, сила, самоотреченіе; съ другой—мягкость, снисходительность, кротость; что все вмѣстѣ въ такомъ чудномъ сочетаніи проявляется въ принципахъ, составляющихъ основу драмы. Если однѣ черты, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ вызвать порывы злобной нетерпимости, другія— бездѣйственную, лѣнивую мечтательность, то здѣсь эти отклоненія отъ добраго пути, по которому идетъ Натанъ, порождаются молодостью и страстью.

Въ монастырскомъ служкѣ, Бонафидѣ, его столкновенія съ людьми, его жизненный опытъ, при мягкихъ добрыхъ наклонностяхъ характера, выработали тоже нѣчто въ родѣ натановской терпимости и исповѣдованіе нравственныхъ началъ помимо религіозныхъ вѣрованій; но служка — человѣкъ слабый, умственно неразвитый, и всѣ эти добрыя проявленія дѣлаются въ немъ вполнѣ безсознательно. У него нѣтъ ни своей воли, ни своихъ воззрѣній, да онъ ихъ и не хочетъ имѣть. Онъ всю жизнь былъ рабомъ, дѣйствовалъ, какъ ему прикажутъ, и такъ сжился съ этимъ, что даже боится не имѣть надъ собой господина. Жизнь военная, походы, сраженія были чужды его миролюбивой, кроткой душѣ; потерявъ въ бою своего любимаго господина, онъ рѣшилъ идти въ монахи, при чемъ только перешелъ изъ рукъ одной власти въ руки другой. Свою религію онъ принялъ на вѣру и потому, не разсуждая, подчиняется всякому приказу, полученному отъ своего начальника-патріарха. Брата Бонафида тяготятъ навязываемыя ему злыя порученія, его добрая душа не выноситъ ихъ, и оттого они ему никогда не удаются. Бѣднякъ мечтаетъ о жизни пустынника, чтобы вовсе ужъ не вмѣшиваться въ житейскія дѣянія, но, пока передъ нимъ власть, онъ не смѣетъ ея ослушаться, онъ не хочетъ взять на себя отвѣтственность въ дѣлѣ, онъ даже не ясно сознаетъ, кто болѣе правъ: внутренній ли его голосъ или повелѣнія высшихъ чиновъ іерархіи. Когда (въ четвертомъ дѣйствіи) храмовникъ приходитъ къ патріарху, служка предвидитъ, что изъ этого можетъ выйти кое-

что нехорошее, и хоть знаетъ, что въ его волѣ остановить рыцаря, уже готоваго высказать ему свои мысли, свое волненіе,— смиренный братъ боится сдѣлать что-нибудь самобытно: такъ рабство исказило эту добрую, честную натуру, что онъ спокойно допускаетъ зло, только чтобы не быть лицомъ отвѣтственнымъ. «Нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше»,—говоритъ онъ храмовнику,—

Зачѣмъ? вы ошибаетесь во мнѣ.
Кто много знаетъ, у того и много
Заботъ, а я лишь на одну заботу
Обрёкъ себя.

Одинъ разъ только онъ не рѣшается сдѣлать то, что ему приказано, это относительно Натана. Слишкомъ ужъ безобразнымъ предполагается результатъ порученія. Трусливый Бонафидъ знаетъ, что этимъ результатомъ можетъ быть казнь прекраснаго человѣка, котораго онъ уважаетъ, и казнь за очевидно доброе, хорошее дѣло; служка вѣритъ, что это дѣйствительно во власти его церковнаго начальника. Случай слишкомъ поразительно выдается, Бонафидъ рѣшается ослушаться, скрыть тайну, и тутъ же неудержимой радостью встрѣчаетъ слова Натана: «если Провидѣнье изъ рукъ моихъ потребуетъ Рэху, я покорюсь, я отдамъ ее роднымъ». Служка видитъ въ такомъ исходѣ дѣла успокоительную сдѣлку со своей совѣстью. Онъ не знаетъ, каковы будутъ новые родственники Рэхи; онъ твердо убѣжденъ, что лучшаго отца, чѣмъ Натанъ, ей не нажить, и все-таки торопится способствовать разысканію, разъясненію ея семейныхъ связей; потому что такимъ образомъ Рэха будетъ отнята у еврея, и этимъ хоть нѣсколько искупится вина молчанія и скрытности... и очень вѣроятно, что, сдѣлавъ по внутреннему побужденію доброе дѣло, набожный монахъ будетъ молить Господа Бога, чтобы этотъ грѣхъ добраго дѣла былъ ему прощенъ *).

У Дайи подобнаго же рода терпимость, къ которой примѣшиваются только другія черты, гораздо худшія: узкое мѣщанство и мелочной личный интересъ. Вѣра Дайи, какъ очень мѣтко

*) Штаръ въ своемъ сочиненіи «Годъ въ Италіи» — разсказываетъ, что онъ среди итальянскихъ монаховъ встрѣтилъ одного, живо напоминавшаго ему служку драмы Лессинга; такъ правдиво и типично очерчена эта личность въ «Натанѣ».

замѣчаетъ Куно Фишеръ, остановилась на той степени развитія, когда на религію человѣкъ смотритъ какъ на нѣкую собственность, которой можно щеголять, какъ какой-нибудь вещью, и, какъ вещь, подарить ее другому. Ясно, что съ такимъ воззрѣніемъ всегда идетъ объ руку стремленіе навязывать свою святыню тѣмъ, къ кому особенно привязанъ. Это — религія невѣжества. Любовь Дайи къ ея воспитанницѣ Рэхѣ, усилившаяся еще болѣе отъ извѣстія, что Рэха рождена отъ христіанъ, вызываетъ въ ревностной нянькѣ горячее и исключительное желаніе вернуть любимую дѣвушку въ лоно христіанской церкви. Дайа, однако, никому, ни даже самой Рэхѣ не выдаетъ тайны ея рожденія, и этому есть своя причина. Если Дайа, скрѣпя сердце, мирится со своей обстановкой и подчиняется Натану, такъ это не потому, что уважаетъ его принципы, а просто потому, что чувствуетъ свое безсиліе для борьбы съ нимъ. Она пригрѣлась въ богатой семьѣ еврея, она понимаетъ, что ея нескромность можетъ лишить и ее самоё, и дорогую ей Рэху привольной мѣщанской обстановки, и потому молчитъ. Невѣжественная религіозность Дайи или то, что она называетъ своей совѣстью, все-таки, не перестаетъ ее мучить; она постоянно ворчитъ объ этомъ передъ Натаномъ, который очень хорошо знаетъ, чѣмъ зажать ей ротъ:

Бери мои подарки такъ радушно,
Какъ я тебѣ даю ихъ, и молчи.—

говоритъ онъ ей, — и она слушается. Тѣмъ не менѣе она исподволь готовится къ борьбѣ; она разсказываетъ Рэхѣ о своей родинѣ, о своей религіи, о своихъ святыхъ, и давно бы прямо начала обращать дѣвушку къ своей вѣрѣ, но Натанъ всегда зорко слѣдилъ за развитіемъ Рэхи, а выросши, она и сама сумѣетъ отстоять себя. Появленіе христіанина храмовника и его любовь къ Рэхѣ дѣлаютъ Дайю смѣлѣе. Ей кажется, что насталъ часъ исполненія ея завѣтной мысли, и вотъ причина той рьяной предупредительности, съ которой она старается свести между собой молодыхъ людей; она въ своей ревности забываетъ даже, что рыцарь — храмовникъ, что, поступая въ орденъ, онъ

далъ монашескій обѣтъ безбрачія; ее манитъ только одна мысль: такъ или иначе сдѣлать Рэху христіанкой. Ради этой мысли Дайа способна забыть даже все добро, испытанное въ домѣ Натана, и едва не подвергаетъ его большой непріятности своею болтливостью. При этомъ она однако себя не забываетъ; выдавая своего благодѣтеля и предчувствуя, что борьба можетъ разыграться не на шутку, она говоритъ храмовнику:

Когда потомъ вы Рэху увезете
Въ Европу, ужъ меня вы не оставьте.

Къ такого рода унизительному поведенію приводитъ ее только невѣжественное религіозное рвеніе; и не будь она поставлена въ такое исключительное положеніе, будь Натанъ христіанинъ, Дайа была бы самой честной слугой, надѣленной въ избыткѣ всѣми будничными добродѣтелями.

Такимъ образомъ, въ служкѣ и Дайѣ врожденныя добрыя черты характера испорчены низкимъ уровнемъ ихъ развитія, отсутствіемъ въ нихъ разумной критики своихъ поступковъ. Здѣсь отклоненіе отъ основныхъ принциповъ драмы совершаетъ рабство, невѣжество, узкій, близорукій, мѣщанскій взглядъ на счастье людское,—привычка глядѣть на вещи исключительно чужими глазами.

Къ тому же приводитъ и нѣчто противоположное, именно: привычка постоянно видѣть передъ собой рабство, трепетъ и страхъ, привычка навязывать другимъ свои взгляды, не встрѣчая ни прекословія, ни спора. Эта сторона въ драмѣ отличаетъ характеры мусульманскаго султана, Саладина, и сестры его, Зитты. Мы не будемъ входить въ подробности о томъ, насколько султанъ, выведенный въ драмѣ Лессинга, отвѣчалъ дѣйствительному историческому лицу. Лессингъ не стѣснялся подробностями исторической правды, и очень можетъ быть, что настоящій Саладинъ, хотя и велъ себя вообще разумнѣе и великодушнѣе всѣхъ современныхъ ему воителей за религію, далеко не былъ такимъ вѣротерпимымъ и мягкимъ, какимъ онъ представленъ въ драмѣ. Во всякомъ случаѣ, художникъ придалъ своему султану черты вполнѣ отвѣчающія даннымъ его жизни и развитія; живые оттѣнки, характеризующіе его и его сестру Зитту, основаны на

исключительности ихъ положенія и отношеній къ другимъ людямъ. Саладинъ—султанъ, обладающій широкою безпрекословною властью, къ тому же онъ еще и завоеватель, людская кровь ему знакома; Зитта — балованная сестра этого владыки. Нѣмецкіе критики, до сихъ поръ носящіе въ себѣ ядъ романтизма, которымъ были зачумлены въ началѣ нынѣшняго столѣтія, особенно плѣняются характеромъ Саладина, восхваляя его рыцарскія доблести, его прямоту, рыцарскую честность, презрѣніе къ мірскимъ благамъ, — и дѣйствительно Лессингъ сдѣлалъ его въ полномъ смыслѣ рыцаремъ, до мелкихъ подробностей обработалъ эту сторону характера, на которую однако никакъ нельзя смотрѣть, какъ на особенную добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ, что такое эти хваленыя рыцарскія достоинства?—прямота, храбрость, выдержка, вѣрность слову, принципу, человѣку. Но если прямота состоитъ въ томъ, чтобы оскорблять людей въ ихъ завѣтнѣйшихъ убѣжденіяхъ, презирать то, что имъ дорого, такъ она обращается въ тупую грубость. Если храбрость тратится на то, чтобы налагать цѣпи рабства на родъ человѣческій, то право лучше быть трусомъ. Вѣрность принципу — вещь вредная, если самъ принципъ нечестный, и что толку, если какой-нибудь ненасытный воитель дастъ себѣ слово, во имя своей прекрасной дамы, не снимать доспѣховъ, пока не покоритъ врага?—Что толку, если онъ и вѣренъ своему слову и проливаетъ потъ въ своихъ латахъ? какая доблесть въ этой нечистоплотности? — да еще если, избирая служеніе всегда посторонней дамѣ, рыцарь колотитъ свою собственную жену, то, право, лучше бы такой рыцарской вѣрности не существовало. Всѣ помянутыя двигательныя силы души человѣческой только тогда достойны сочувствія, когда онѣ ведутъ къ добру,—въ иномъ же случаѣ, они позоръ и отвращеніе. Исходя отъ фразы, которую приписываютъ историческому Саладину, повторяемой и въ драмѣ Лессинга: «Что нужно мнѣ?—мечъ, коня, одежду — и Бога!» — исходя отъ этой фразы, служащей какъ бы девизомъ характера султана, мы въ ней еще не видимъ привлекательности. Конечно, судя по ней, потребности Саладина не велики, но вѣдь и у дикаря потребности не велики; главное дѣло въ томъ, каковы онѣ. Саладину прежде

всего нуженъ мечъ и конь, — для чего же, какъ не для того, чтобы удовлетворить своей жаждѣ рѣзни, своей звѣрской храбрости? ему нуженъ и Богъ, чтобы оправдать въ своихъ глазахъ это звѣрство. Султанъ бьется во имя Бога и воображаетъ, что Богъ ему помогаетъ, Богъ направляетъ руку его, Богъ убиваетъ людей, а онъ только орудіе Божіе, — какъ будто дѣйствительно Богу нуженъ этотъ разгулъ буйныхъ наклонностей. Приведенное изреченіе Саладина есть только лаконическое выраженіе всѣхъ такихъ разсужденій и оправданій; тѣмъ не менѣе оно очень плѣняетъ нѣмецкихъ критиковъ, не исключая и К. Фишера, видящихъ тутъ доблестное самоотреченіе. Мы этого самоотреченія вовсе не цѣнимъ и не находимъ въ немъ ничего хорошаго: это не есть самоотреченіе работника, готоваго во всемъ себѣ отказать ради успѣха полезнаго труда,—это не болѣе какъ фантазія необузданнаго властителя. Такимъ дѣйствительно и выставленъ Саладинъ у Лессинга. Первое, что мы о немъ слышимъ въ драмѣ, есть помилованіе храмовника. Султанъ присутствовалъ при казни семнадцати молодыхъ людей, хотя бы и заклятыхъ враговъ его, но уже плѣнныхъ, безоружныхъ; онъ смотрѣлъ какъ текла ихъ горячая, молодая кровь по плахѣ, онъ вглядывался въ ихъ молодыя лица за мгновенье до ихъ смерти. Черты одного изъ плѣнныхъ, какъ бы живымъ упрекомъ въ этомъ звѣрскомъ убійствѣ ближняго, напомнили Саладину его брата, и это спасло храмовника, уже готоваго къ казни. Тѣмъ и кончилось участіе Саладина, онъ тотчасъ и забылъ о спасенномъ храмовникѣ, пока не напомнилъ о немъ Натанъ. Что могло привести Саладина къ такого рода помилованію? — Одно изъ двухъ: или капризъ владыки, или суевѣрный страхъ; ни то, ни другое не почтенно. Далѣе мы узнаемъ, что Саладину нужны деньги; почему и для чего? Оставляя въ сторонѣ издержки войны, въ которыхъ еще можно его нѣсколько оправдать, такъ какъ не онъ ее затѣялъ и вообще не одинъ онъ въ ней виноватъ,—остановимся только на издержкахъ его благотворительности. Что такое его милосердіе, какъ не капризъ человѣка, не имѣющаго понятія о цѣнѣ труда, о нуждахъ его подданныхъ. Онъ соритъ деньгами, вырванными, можетъ-быть, со слезами и горемъ на подать у рабочаго чело-

вѣка, и соритъ ими направо-налѣво всякому, кто понаглѣе, да польстивѣе. Посмотрите, какъ рельефна крошечная сценка въ началѣ пятаго дѣйствія, гдѣ мамелюки прибѣгають сообщить Саладину, что пришелъ транспортъ съ податями изъ Египта; какъ за глупую остроту султанъ даетъ мамелюку лишній мѣшокъ золота; прислушайтесь, какъ дервишъ Ал-Гафи въ первомъ дѣйствіи характеризуетъ его подаяніе—и вы безспорно признаете все это милосердіе капризомъ и тщеславіемъ. Саладину нужны деньги, и онъ узнаетъ, что въ Іерусалимѣ живетъ богатый еврей Натанъ; конечно, обладая рыцарскими качествами, султанъ могъ бы обыкновеннымъ разбойническимъ образомъ отнять накопленныя деньги, — его останавливаетъ тщеславіе: онъ хочетъ оправдать въ своихъ глазахъ такой поступокъ и соглашается на предложеніе сестры разставить ловушку еврею. Манера, какъ султанъ къ этому приступаетъ, какъ бы нехотя и сваливая вину на другого, на сестру, проявляетъ черты тоже крайне живыя, человѣчныя, ловко подмѣченнныя авторомъ и еще ярче выставленныя въ другомъ его произведеніи, въ лицѣ другого повелителя, въ драмѣ «Эмилія Галотти». Вообще характеръ выдержанъ прекрасно. Каждая рѣчь султана дышитъ увѣренностью, не привыкшей слышать противорѣчія; въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ движеніи его виденъ человѣкъ, сознающій свою силу и который могъ бы сдѣлаться весьма дурнымъ и принести много вреда, если бы въ самой природѣ его не было хорошихъ чертъ горячей любви, великодушія, честности. Саладинъ страстно любилъ своего брата, иначе бы память о немъ не воскресла такъ живо при видѣ храмовника, и тщеславіе султана все-таки направлено на милосердіе, на желаніе сохранить добрую славу. Во всемъ этомъ видна какая-то совѣстливость, составляющая свѣтлую сторону этого характера. Въ этомъ даже сказывается человѣкъ, который самъ прошелъ школу житейской борьбы, гнета, преслѣдованій, и не успѣлъ еще въ конецъ испортиться военнымъ успѣхомъ, лестью, самодурнымъ властолюбіемъ *). Оттого онъ и слушаетъ

*) Извѣстно, что Саладинъ былъ сынъ простого курдскаго воина и провозгласилъ себя султаномъ уже въ Египтѣ, куда былъ посланъ, какъ военачальникъ во главѣ войска, отправленнаго султаномъ Нуреддиномъ.

терпѣливо проповѣдь Натана и не остается къ ней глухъ. Надолго ли и въ какой мѣрѣ черты великодушія и добра пересилятъ дурныя стороны характера, пріобрѣтенныя вмѣстѣ съ положеніемъ — это сюда не идетъ; наше дѣло только показать, что тѣ и другія черты существуютъ и подъ какимъ вліяніемъ тѣ и другія болѣе проявляются.

Не менѣе ловко очерчена и маленькая роль сестры султана, Зитты; она такъ же великодушна и нетребовательна, но не на доброе дѣло идетъ ея великодушіе; она только потакаетъ капризамъ брата, отдавая ему, тайнымъ образомъ, чрезъ казнохранителя, всѣ пріобрѣтенныя отъ него же деньги. Она покупаетъ невольницъ, хотя, очень можетъ быть, обращается съ ними, по добротѣ своей, очень хорошо; она придумываетъ брату ловушку для еврея и умѣетъ даже оправдать ее. Пятое явленіе четвертаго дѣйствія особенно характеризуетъ въ Зиттѣ привычку видѣть подчиненіе и не встрѣчать отказа въ своихъ требованіяхъ. Храмовникъ только-что вышелъ, онъ только-что разсказалъ, что влюбленъ въ Рэху, что Рэха не дочь Натана, и что Натанъ не согласенъ отдать дѣвушку влюбленному юношѣ. Зитта со всей страстью дѣвицы уже не первой молодости заинтересовалась любовною интрижкой. Она знаетъ очень хорошо, что Натанъ — человѣкъ съ большими достоинствами, что онъ выше религіозныхъ предразсудковъ, и, несмотря на это, она охотно отдается подозрительности пылкаго юноши, и послѣ первыхъ же его словъ готова осудить Натана, готова дѣйствовать противъ честнаго еврея. Она даже поспѣшно и безжалостно предлагаетъ брату взять дѣвушку къ себѣ, хотя и оправдывается словами:

Любопытство милое мнѣ шепчетъ
Такой совѣтъ. Меня иной мужчина
Вотъ такъ и подстрекаетъ знать скорѣй,
Какую дѣвушку онъ любитъ.

И Саладинъ соглашается послать за Рэхой, нисколько не заботясь о томъ, что такое приглашеніе можетъ перепугать и ее, и Натана, и всѣхъ имъ близкихъ.

Вотъ какъ необузданное властительство, встрѣчающее только трепетъ и подчиненіе, не провѣряющее себя чужимъ сужденіемъ,

испортило два въ основѣ своей хорошихъ характера. Ихъ терпимость, ихъ нравственные принципы уже не тѣ, что у Натана; они до тѣхъ поръ и человѣчны, пока жизнь не соприкасается съ ихъ повелительными, султанскими привычками.

Намъ еще остается сказать нѣсколько словъ о дервишѣ Ал-Гафи, который въ драмѣ стоитъ особнякомъ, такъ какъ не принимаетъ никакого участія въ религіозныхъ столкновеніяхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и уже со второго дѣйствія сходитъ со сцены. Въ сторонѣ отъ вопросовъ вѣры онъ служитъ какъ бы для того, чтобы рельефнѣе выказать правила житейской мудрости и добрыхъ началъ, не предписанныхъ законами религіи, а выработанныхъ жизнью и опытомъ. Ал-Гафи — прежде всего дитя свободы; честный, правдивый малый, которому его независимость дороже всѣхъ благъ міра, и вотъ онъ бродитъ нищимъ дервишемъ подъ полуденнымъ небомъ Палестины, питаясь тѣмъ, что посылаетъ ему природа, да играя въ шахматы. Несмотря на это, онъ тоже человѣкъ жизни; онъ еще не успѣлъ заковать себя въ мертвый мистицизмъ отшельника, у него есть свои привязанности—другъ Натанъ; дервишъ зорко видитъ житейскія невзгоды ближнихъ, онъ живетъ ихъ жизнью, страдаетъ ихъ горемъ. Приглашеніе султана, быть его казнохранителемъ, прельщаетъ Ал-Гафи; дервишъ воображаетъ, что многимъ можетъ помочь, онъ мечтаетъ о пользѣ всѣмъ несчастнымъ и угнетеннымъ и мѣняетъ свое нищенское рубище на платье прислужника Саладина. Съ первой же минуты Ал-Гафи долженъ разочароваться; онъ видитъ, что вся эта исторія благодѣяній—пустая, шутовская комедія, что для благодѣянія горсти пришлыхъ прихлебателей надо душить цѣлый народъ. Его возмущаетъ это пошлое тщеславное милосердіе, забывающее, откуда и какъ достались деньги, которыми оно вызываетъ себѣ восторги и похвалы. Онъ видитъ, что все притворство и ложь въ этой придворной жизни: Саладинъ выигрываетъ и платитъ сестрѣ двойной ея проигрышъ; Зитта притворяется, что беретъ деньги, а сама содержитъ ими прислугу брата; даже съ любимой потѣхой дервиша, съ шахматной игрой, обходятся съ какимъ-то упрямымъ притворствомъ: Саладинъ утверждаетъ, что проигралъ,

когда еще могъ выиграть... Все это ложь и шутовство, все это невыносимо для Ал-Гафи, и онъ убѣгаетъ къ своему Гангу, надѣясь тамъ встрѣтить правду и свободу. Найдетъ ли ихъ дервишъ? будетъ ли счастливъ?—сомнѣваемся. Въ немъ крѣпко пріютился этотъ гуманный разладъ презрѣнья къ людямъ и любви къ нимъ, дѣлающій безлюдную пустынническую жизнь невозможной. Внутренній міръ Ал-Гафи постоянно преслѣдуетъ борьба за людскія страданія; онъ не вынесетъ одиночества, и даже, только еще собираясь идти, уже зоветъ съ собой Натана, единственнаго человѣка, по его мнѣнію, достойнаго жить у Ганга.

Такимъ образомъ, личность Ал-Гафи, которая съ перваго взгляда кажется только эпизодомъ, почти лишнимъ въ драмѣ, служитъ источникомъ новаго развитія основныхъ мыслей ея, переходнымъ звеномъ къ новому потоку гуманныхъ проповѣдей. До сихъ поръ Натанъ и другія лица драмы во-очію рѣшали вопросъ о томъ, что не слѣдуетъ святость религіи низводить въ повседневную жизнь, что нравственные принципы, ведущіе человѣка къ счастью, должны слагаться этой жизнью: дервишу предстоитъ рѣшить, какъ именно это должно совершаться. Вотъ что, кажется, и хотѣлъ высказать Лессингъ въ своемъ эпилогѣ «Дервишъ», — который былъ настолько отработанъ его творчествомъ, что Лессингъ неоднократно говорилъ о немъ, какъ о законченной вещи, которую остается только напечатать, и которую онъ напечатаетъ при второмъ изданіи «Натана». Дюнцеръ, вѣроятно, на основаніи какого-нибудь дошедшаго до него разсказа современниковъ Лессинга, полагаетъ, что содержаніемъ этого эпилога должно было быть возвращеніе дервиша изъ пустыни Ганга снова на дѣятельную и трудолюбивую жизнь въ Іерусалимѣ. Ал-Гафи, вѣроятно, долженъ былъ столкнуться у Ганга со своими учителями, о которыхъ упоминаетъ въ первомъ дѣйствіи; ихъ узкія догматическія требованія оттолкнули бы его отъ нихъ, и онъ вернулся бы къ поборнику нравственной независимости Натану. Я думаю, Лессингу еще шире представлялся его эпилогъ: не къ одному Натану вернется его дервишъ. Очутившись въ пустынѣ, почти всегда наединѣ съ природой, не

слыша стоновъ іерусалимской черни, не видя ея слезъ и трудового пота, Ал-Гафи почувствуетъ себя одинокимъ; его существованіе покажется ему безцѣльнымъ, и онъ вернется дѣлить тяжелую нищенскую жизнь съ другими. Ему слишкомъ близка жизнь массы, онъ слишкомъ сросся съ ней, чтобъ безвредно отъ нея оторваться. Только жалкій эгоизмъ и презрѣніе къ человѣчеству можетъ быть независимымъ тамъ, гдѣ его близкіе коснѣютъ въ рабствѣ и нуждѣ. Честная, здоровая натура человѣка не можетъ спокойно и безучастно глядѣть, какъ больное человѣчество тащитъ безобразную колесницу жизни, и не впрячься въ нее самому, сторониться отъ ея грязныхъ колесъ и еще похваляться тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не сидишь на облучкѣ и не подталкиваешь пинками запряженныхъ тружениковъ. Честный человѣкъ всѣ свои силы направитъ на то, чтобъ помочь имъ, чтобъ уничтожить тяготѣющее надъ ними невѣжество, въ надеждѣ, что наступитъ время, когда всѣ будутъ счастливы; потому-что общее счастье — его счастье, и безъ общаго счастья онъ счастливымъ быть не можетъ. Въ этомъ совмѣстномъ трудѣ найдетъ онъ миръ и успокоеніе, что такъ необходимо его внутренней борьбѣ, его жаждѣ свободы и невозможности ее удовлетворить.

Лессингъ не дожилъ до второго изданія «Натана», онъ не написалъ «Дервиша». Дорогія мысли, долженствовавшія развить передъ нами проповѣдь полезнаго труда и взаимной помощи, погребены вмѣстѣ съ авторомъ, — позоръ невѣжественной злобѣ и равнодушію, которыя были тому причиной.

Итакъ, Лессингъ, этотъ цѣльный лучшій представитель XVIII-го столѣтія, такъ сильно двинувшаго человѣчество впередъ, Лессингъ, главными чертами всей своей дѣятельности, отразился въ драмѣ «Натанъ Мудрый» и въ то же время сдѣлалъ ее произведеніемъ, возбуждающимъ дальнѣйшее развитіе ея богатыхъ основныхъ идей. То прямымъ обсужденіемъ, то характеромъ, или фактомъ, намекомъ — авторъ даетъ въ драмѣ источникъ самаго полезнаго обдумыванія жизненныхъ отношеній человѣка. Такъ какъ главнымъ мотивомъ движенія всего XVIII

Памятникъ Лессингу въ Гамбургѣ, по проекту Ф. Шапера; сооруженъ въ 1881 г.

столѣтія, а потому и главнымъ мотивомъ дѣятельности Лессинга, было отстаиваніе свободы совѣсти, свободы изслѣдованія, ведущаго къ независимости и счастью въ жизни, — то это же сдѣлалось и главнымъ мотивомъ драмы. Безъ терпимости такая свобода совѣсти немыслима, безъ этой свободы немыслимо мирное соглашеніе нравственныхъ началъ въ человѣкѣ, вырабатываемыхъ жизнью, — и конечный результатъ всего этого — жизнь для людей, жизнь интересами человѣчества, какъ зародышъ извѣстнаго стремленія, который, если и не высказался вполнѣ оттого, что эпи-

логъ драмы остался не написаннымъ, то все-таки въ намекахъ чувствуется въ самой драмѣ. Рядомъ съ этими основными чертами драма откликнулась и на многія, такъ сказать, детальныя проявленія жизни, соприкасающіяся съ главнымъ мотивомъ и обусловливающія его; таковы вопросы: родственности, системы воспитанія, системы благотворительности, вытекающаго изъ этого вопроса о трудѣ, и другіе... Какъ конечный результатъ первыхъ завоеваній цивилизаціи прошлаго столѣтія, какъ произведеніе конца семьсотъ-семидесятыхъ годовъ, стоящее на рубежѣ новой политической и общественной жизни, драма «Натанъ Мудрый» во всѣхъ помянутыхъ вопросахъ служитъ исходной точкой дальнѣйшей ихъ разработки. Разумѣется, мы этимъ не говоримъ, что она создала ихъ,—она только отразила въ себѣ всѣ лучшія стремленія своего времени. «Натанъ» былъ какъ бы побѣднымъ возгласомъ въ борьбѣ разума съ невѣжествомъ, — возгласомъ, прославляющимъ то, что уже сдѣлано, прорицающимъ то, что предстоитъ сдѣлать,—и потому въ заключеніе нашего изслѣдованія, мы не можемъ не помѣстить прекрасныхъ словъ, которыми заканчиваетъ свою статью о «Натанѣ» Куно Фишеръ: «По справедливости названо это стихотвореніе «Натанъ Мудрый»; оно въ истинномъ и глубокомъ смыслѣ слова книга мудрости, которой Лессингъ имѣлъ полное право дать эпиграфомъ изреченіе глубокомысленнѣйшаго изъ древнихъ философовъ:—«войдите!—и здѣсь боги».

В. К.

Печать Лессинга по оттиску на письмѣ, отъ 22 января 1768 г.

НАТАНЪ МУДРЫЙ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Готгольда Эфраима Лессинга.

(1779 г.)

Introite, nam et heic dii sunt!
Apud Gellium.

НАТАНЪ МУДРЫЙ

ЛИЦА.

САЛАДИНЪ, султанъ.

ЗИТТА, его сестра.

НАТАНЪ, богатый еврей въ Іерусалимѣ.

РЭХА, его пріемная дочь.

ДАЙА, христіанка, живущая въ домѣ еврея Натана, какъ собесѣдница Рэхи.

МОЛОДОЙ ХРАМОВНИКЪ, рыцарь ордена храмовниковъ (Темпліеровъ).

ДЕРВИШЪ.

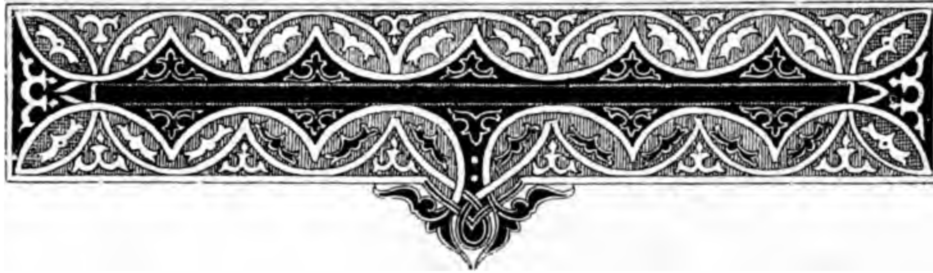
ПАТРІАРХЪ Іерусалимскій.

МОНАСТЫРСКІЙ СЛУЖКА.

ЭМИРЪ и **МАМЕЛЮКИ** Саладина.

Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Сѣни въ домѣ Натана.

НАТАНЪ, только что вернувшійся изъ путешествія. **ДАЙА** его встрѣчаетъ.

Дайа.

Такъ! онъ и есть! ну, слава Богу, Натанъ,
Что наконецъ-то возвратились вы.

Натанъ.

Да, слава Богу, Дайа; но зачѣмъ же
Ты прибавляешь—наконецъ-то? развѣ
Хотѣлъ я, развѣ могъ вернуться раньше?
Вѣдь отъ Іерусалима къ Вавилону
Двѣ сотни миль, навѣрно, надо сдѣлать,
Когда приходится, какъ мнѣ, съ дороги
Направо и налѣво заѣзжать.
Да и собрать долги—задача тоже
Не легкая, и сразу не дается.

Дайа.

А между тѣмъ какимъ несчастнымъ, Натанъ,
Вы сдѣлаться могли! вашъ домъ...

Натанъ.

Я знаю:
Мой домъ горѣлъ. Я слышалъ, и дай Богъ,
Чтобъ больше нѣчего мнѣ было слышать.

Дайа.

Едва до тла онъ не сгорѣлъ.

Натанъ.

Что-жъ, Дайа!
Мы новый бы построили себѣ,
И даже болѣе удобный.

Дайа.

Правда!
Но вѣдь едва съ нимъ не сгорѣла Рэха!
Она была на волосокъ отъ смерти.

Натанъ.

Сгорѣла? Рэха? дочь моя сгорѣла?
Нѣтъ, этого я не слыхалъ. Тогда-бъ мнѣ
Не нужно было никакого дома.
На волосокъ отъ смерти! ты скрываешь!
Ея ужъ нѣтъ! она совсѣмъ сгорѣла!
Высказывай, высказывай мнѣ прямо:
Убей меня, но долѣе не мучь.
Она сгорѣла?

Дайа.

Если-бъ такъ случилось,
Не отъ меня бы вы узнали это.

Натанъ.

Зачѣмъ же ты меня пугаешь? — Рэха!
Моя родная Рэха!

Дайа.

Рэха — ваша?

Натанъ.

О! если-бъ снова отвыкать пришлось мнѣ
Отъ мысли называть ее своею!

Дайа.

Итакъ своимъ считаете вы все,
Чѣмъ вы владѣете, съ такимъ же правомъ?

Натанъ.

Ничѣмъ я съ бо̀льшимъ правомъ не владѣю.
Все остальное даръ природы, счастья,
Но тутъ я добродѣтели обязанъ.

Дайа.

Какъ дорого приходится платиться
За вашу доброту; и доброта ли,
Что̀ дѣлаютъ съ подобной цѣлью?

Натанъ.

Съ цѣлью?
Съ какой же?

Дайа.

Совѣсть у меня...

Натанъ.

Постой
Сперва дай разсказать тебѣ...

Дайа.

Про совѣсть
Мою я говорю вамъ.

Натанъ.

Ну, какую
Матерію купилъ я въ Вавилонѣ
Тебѣ на платье! чудо, какъ богато,

Да и со вкусомъ. Врядъ ли даже Рэхѣ
Я лучшую привезъ.

Дайа.

Такъ что же въ этомъ?
Разъ навсегда я вамъ должна сказать,
Что дольше совѣсть усыплять не въ силахъ.

Натанъ.

Хотѣлось бы мнѣ видѣть, какъ тебѣ
Понравятся мои подарки, Дайа.
Я выбралъ для тебя въ Дамаскѣ серьги,
Кольцо, цѣпочку, пряжку.

Дайа.

Вотъ какой вы!
Вамъ только бы дарить, дарить бы только!

Натанъ.

Бери мои подарки такъ радушно,
Какъ я тебѣ даю ихъ, и молчи.

Дайа.

Молчи!--Да кто же сомнѣвался, Натанъ,
Что честны вы, что вы великодушны?
И все-таки...

Натанъ.

И все-таки я жидъ.
Вѣдь это ты сказать хотѣла? правда?

Дайа.

Вамъ лучше знать, что̀ я сказать хотѣла.

Натанъ.

Такъ и молчи.

Дайа.

Молчу. А что грѣховнѣй
Отъ этого случится, и чего

Перемѣнить, чему сопротивляться
Я не могу, не въ силахъ,—то падетъ
На васъ же!

Натанъ.

На меня!—Но гдѣ же Рэха?
Да правду-ль говоришь ты?—Ей извѣстно,
Что я вернулся?

Дайа.

Разъясните сами:
Еще она отъ страха не очнулась,
И ей огонь рисуется во всемъ,
Чѣмъ занято ея воображенье.
Во время сна въ ней бодрствуетъ душа,
Въ минуту пробужденья засыпаетъ.
Она подчасъ безпомощнѣй ягненка,
Подчасъ сильнѣе ангела.

Натанъ.

Бѣдняжка!
И что̀ мы,—люди?

Дайа.

Нынче вотъ лежала
Она съ закрытыми глазами долго,
Какъ мертвая; но вдругъ приподнялась
И закричала: «Чу! идутъ верблюды!
Чу! милый голосъ моего отца!»
Потомъ глаза опять закрылись, руки
Поддерживать головку перестали,
И снова на постель она упала.
Я поскорѣй бѣгу къ дверямъ—и что же?
Гляжу, вы въ самомъ дѣлѣ возвратились.
Но что мудренаго? ея душа
Была все это время только съ вами,
Да съ нимъ.

Натанъ.

Да съ нимъ? а съ кѣмъ же это?

Дайа.

Съ нимъ,
Который спасъ ее.

Натанъ.

Но кто онъ? гдѣ онъ?
Кто спасъ мнѣ Реху?

Дайа.

Молодой храмовникъ.
Онъ плѣннымъ привезенъ сюда недавно,
И Саладинъ помиловалъ его.

Натанъ.

Храмовникъ, и султаномъ не казненный? —
Такъ меньшимъ чудомъ не могло спастись
Мое дитя? о, Господи!

Дайа.

И если-бъ
Онъ не рѣшился жертвовать отважно
Своею жизнью, только что спасенной,
Ея не стало бы.

Натанъ.

Но гдѣ онъ, Дайа?
Мой честный рыцарь! гдѣ? веди меня
Къ его ногамъ. Вѣдь вы на первый случай
Все отдали ему, что изъ сокровищъ
Вамъ оставалось здѣсь? вы обѣщали
Гораздо больше?

Дайа.

Какъ могли мы?

Храмовникъ спасаетъ Рэху (1 д. 1 явл.).

Натанъ.

Нѣтъ?

Дайа.

Явился онъ—откуда?—неизвѣстно.
Ушелъ онъ, а куда?—никто не знаетъ.
Слѣдя за крикомъ, призывавшимъ насъ
На помощь, онъ, не зная дома, смѣло,
Едва плащомъ прикрывшись отъ огня,
Ворвался въ комнаты сквозь дымъ и пламя.
Ужъ мы его погибшимъ называли,
Какъ вдругъ онъ очутился передъ нами,
Держа ее въ рукахъ. На наши крики
Глубокой благодарности, спокойно—
Холодный, безучастный—положилъ онъ
Свою добычу и исчезъ въ толпѣ.

Натанъ.

Не навсегда, надѣюсь!

Дайа.

Мы встрѣчали
Его потомъ гуляющимъ у пальмъ,
Гдѣ гробъ Спасителя. Къ нему съ восторгомъ
Я подошла, его благодарила;
Потомъ, то требуя, то умоляя,
Просила я, чтобъ онъ хоть только разъ
Пришелъ взглянуть на чистое созданье,
Которое не можетъ быть покойно,
Пока у ногъ его и со слезами
Не выскажетъ признательность свою.

Натанъ.

Ну что же?

Дайа.

Глухъ онъ былъ къ моленьямъ нашимъ,

Да горько издѣвался, особливо
Все надо мной.

Натанъ.

И напугалъ?

Дайа.

Нисколько!
Я снова каждый день его просила
И слушала насмѣшки каждый день.
Чего не вытерпѣла я? чего бы
Охотно я не вынесла еще?
Но вотъ ужъ много дней, какъ не приходитъ
Онъ къ пальмамъ, осѣняющимъ гробницу
Спасителя Христа. Никто не знаетъ,
Куда онъ скрылся. Вы удивлены?
Задумались?

Натанъ.

Меня взяло раздумье:
Какое впечатлѣнье это все
Должно произвести на разумъ Рэхи.
Какъ принимать презрѣнье отъ того,
Кого цѣнить такъ высоко обязанъ?
Какъ чувствовать невольное влеченье
Къ тому, кто васъ отталкиваетъ?—право,
Разсудокъ съ сердцемъ тутъ должны бороться.
Что̀ побѣдитъ? унынье и печаль?
Иль ненависть къ людскому роду?—часто
Ни то не побѣждаетъ, ни другое;
Въ борьбу вмѣшается воображенье
И явится мечтательность, въ которой
То голова порой замѣнитъ сердце,
То сердце голову. Плохой обмѣнъ!
И еже ли я въ ней не ошибаюсь,
Такъ и она къ послѣднему придетъ:
Она мечтаетъ.

Дайа.

Но вѣдь такъ пріятно,
Благочестиво.

Натанъ.

Все-таки мечтаетъ

Дайа.

Ей особливо очень дорога
Одна —причуда, если вы хотите:
Она считаетъ неземнымъ созданьемъ
Храмовника и думаетъ, что ангелъ,
Котораго защитѣ съ юныхъ лѣтъ
Любила довѣрять свое сердечко,
Въ огнѣ, сокрытый облакомъ, надъ нею
Парилъ и вдругъ храмовникомъ явился.
Смѣетесь вы? кто знаетъ! но оставьте
Вы ей, по крайней мѣрѣ, бредъ, въ которомъ
Слились въ одно еврей и христіанинъ,
И мусульманинъ,—сладкій бредъ!

Натанъ.

И мнѣ
Онъ сладокъ. Ну, ступай, ступай же, Дайа;
Взгляни, что̀ Рэха дѣлаетъ; узнай,
Могу-ль съ ней говорить?—А тамъ отправлюсь
Я ангела-хранителя искать,
Причудливаго дикаря. И если
Ему еще угодно по землѣ
У насъ бродить и рыцарствовать грубо,
Такъ я найду его и приведу
Сюда.

Дайа.

Вы много на себя берете.

Возвращеніе Натана изъ путешествія (1 д. 2 явл.). Съ картины А. Бендемана.

Натанъ.

Тогда пускай же этотъ сладкій бредъ
Уступитъ мѣсто сладкой правдѣ. Дайа,
Повѣрь мнѣ: человѣкъ для человѣка
Милѣе ангела,—и ты пенять
Не будешь на меня, какъ исцѣлится
Отъ ангеловъ мечтательница наша.

Дайа.

Вы такъ добры, но зла въ васъ тоже много'
Иду, иду. Да вотъ она сама.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же и РЭХА.

Рэха.

Такъ это правда? это вы, отецъ мой!
Я думала, что выслали впередъ
Вы только голосъ вашъ. Чего-жъ вы ждете?
Какія горы, рѣки и пустыни
Теперь насъ разлучаютъ?—Какъ? ужъ въ домѣ,
И не спѣшите вы въ объятья Рэхи,
Которая горѣла здѣсь безъ васъ?
Почти горѣла, не пугайтесь —только
Почти.... О! отвратительная смерть
Совсѣмъ сгорѣть.

Натанъ.

Дитя мое родное!
Безцѣнное дитя!

Рэха.

Вамъ приходилось
Переѣзжать чрезъ Іорданъ, Евфратъ
И Тигръ, Богъ знаетъ, чрезъ какія воды.

Какъ часто, до пожара, я объ этомъ
Со страхомъ и тревогой вспоминала.
Съ тѣхъ поръ же, какъ въ огнѣ я побыла,
Мнѣ кажется, что смерть въ водѣ спасенье.
Въ ней такъ свѣжо, отрадно. Но вѣдь вы
Не утонули, я вѣдь не сгорѣла;
Такъ будемъ рады и восхвалимъ Бога.
Невидимо Онъ по волнамъ коварнымъ
Переносилъ и васъ, и вашу лодку
На крыльяхъ ангеловъ, и въ то же время
Онъ повелѣлъ, чтобъ ангелъ мой хранитель
Явился видимый ко мнѣ и вынесъ
Меня на бѣлыхъ крыльяхъ изъ огня.

Натанъ—про себя.

На бѣлыхъ крыльяхъ?—Да! онъ ей набросилъ
Свой бѣлый плащъ.

Рэха.

Чтобъ видимый онъ вынесъ,
Чтобъ онъ развѣялъ крыльями огонь.
Итакъ, мнѣ ангела пришлось увидѣть,
Лицомъ къ лицу, и моего.

Натанъ.

Ты, Рэха,
Была бъ достойна этого, и онъ
Тебѣ не показался бы прекраснѣй,
Чѣмъ ты ему.

Рэха—усмѣхнувшись.

Кому отецъ мой льститъ?
Себѣ иль ангелу?

Натанъ.

Но если-бъ даже
Тебѣ услугу эту оказалъ

Обыкновенный человѣкъ, какими
Насъ каждый день природа надѣляетъ,
То для тебя онъ ангелъ. Такъ должно быть,
Такъ было бы.

Рэха.

Нѣтъ, ангелъ не такой,
А настоящій; право настоящій.
Не сами-ль вы учили про возможность
Существованья ангеловъ на свѣтѣ?
Про то, что Богъ для любящихъ Его
И чудо можетъ сдѣлать? такъ вѣдь я же
Люблю Его.

Натанъ.

Тебя Онъ тоже любитъ,
И для тебя, и для тебѣ подобныхъ,
Свершаетъ ежедневно чудеса.
Свершилъ ихъ даже до начала вѣка
Для насъ.

Рэха.

Вотъ это мнѣ пріятно слушать.

Натанъ.

Какъ? неужели, если спасъ тебя
Простой храмовникъ, это не должно бы
Считаться чудомъ только потому,
Что кажется весьма обыкновеннымъ?
Вѣдь чудо величайшее ужъ въ томъ,
Что истинно чудесное и можетъ,
Да и должно обыкновеннымъ быть.
Безъ этого всеобщаго-то чуда
Наврядъ бы мыслящій чудеснымъ назвалъ,
Что чудомъ звать одни должны бы дѣти,
Которыхъ только новость поражаетъ,
Необычайность случая.

Дайа—Натану.

Вы вѣрно
Хотите, чтобъ отъ тонкостей такихъ
И безъ того ужъ тронутый разсудокъ
Ея совсѣмъ бы помѣшался.

Натанъ.

Дайа,
Оставь меня!—Да развѣ мало чуда
Для Рэхи въ томъ, что спасъ ее храмовникъ,
Который прежде самъ спасенъ былъ чудомъ?
Не малымъ чудомъ, потому-что кто же
Не знаетъ, что храмовникамъ донынѣ
Пощады не было отъ Саладина,
Что никогда храмовникъ и не ждалъ,
Не требовалъ пощады? что не больше,
Какъ развѣ только кожаный свой поясъ
И много если мечъ свой за нее
Онъ предлагалъ?

Рэха.

Тутъ подтвержденье мнѣ же,
Отецъ. Вѣдь потому и не былъ это
Храмовникъ, а казался только имъ.
Является ль иначе, какъ не на смерть,
Храмовникъ плѣнникомъ въ Іерусалимѣ?
Гуляетъ ли по городу свободно
Хоть кто-нибудь изъ нихъ?—такъ какъ же могъ
Храмовникъ, ночью и по доброй волѣ,
Меня спасти?

Натанъ.

Гляди, какъ остроумно!
Ну, Дайа, объясняй. Вѣдь ты сказала,
Что плѣнникомъ его сюда прислали;
Но вѣрно ты и больше знаешь.

Дайа.

Да,
Такъ говорятъ. Еще болтаютъ, будто
Храмовникъ пощаженъ былъ оттого,
Что Саладинъ нашелъ въ немъ сходство съ братомъ,
Когда-то имъ особенно любимымъ.
Но такъ какъ брата этого лѣтъ двадцать
Ужъ нѣтъ въ живыхъ,—не знаю, что съ нимъ сталось
И какъ онъ назывался,—это все
Звучитъ такъ странно, такъ невѣроятно,
Что весь разсказъ навѣрно пустяки.

Натанъ.

Ну почему невѣроятно, Дайа?
Ужъ не затѣмъ ли, какъ оно бываетъ,
Чтобъ лучше что-нибудь самой придумать
Еще невѣроятнѣй?—Отчего же
Не могъ султанъ любить во дни былые
Особенной любовью брата, если
Онъ и теперь къ роднѣ своей привязанъ?
Какъ? развѣ невозможно сходство лицъ?
Какъ? развѣ впечатлѣнье дней минувшихъ
Съ годами пропадаетъ навсегда?
Съ какихъ же поръ и почему же будетъ
Одно и то же дѣйствовать не такъ же?
Что жъ тутъ невѣроятнаго?—Но это,
Для мудрой Дайи, было бы не чудо;
Конечно, только чудеса ея
Нуждаются—нѣтъ, я хотѣлъ сказать—
Достойны вѣры.

Дайа.

Вы смѣетесь, Натанъ!

Натанъ.

Да вѣдь и ты смѣешься надо мной
Но все-таки твое спасенье, Рэха,

Чудесно, и возможно лишь Тому,
Кто слабою причиной отклоняетъ
Неукротимыя предначертанья,
Строжайшія рѣшенія царей,
Кому они игрушка.

Рэха.

Ахъ, отецъ мой!
Вы знаете, что я сама не рада
Моимъ невольнымъ заблужденьямъ.

Натанъ.

Больше,—
Ты рада наставленіе принять.
Взгляни: вотъ лобъ, онъ такъ иль такъ построенъ;
Вотъ носъ, очерченъ больше такъ, чѣмъ этакъ;
Вотъ брови на кости тупой иль острой;
Вотъ пятнышко, изгибъ, одна морщинка:
Ничтожная черта въ лицѣ суровомъ
У европейца—въ Азіи тебя
Изъ пламени спасаетъ! развѣ это
Не чудо?—Такъ чего же вы хотите?
На что еще вамъ ангела тревожить?

Дайа.

Но, Натанъ, если смѣю говорить,
Кому тутъ вредъ, коль намъ пріятнѣй думать,
Что насъ не человѣкъ спасалъ, а ангелъ?
Не будемъ ли отъ этого мы ближе
Къ первоначальной и непостижимой
Причинѣ чуднаго спасенья?

Натанъ.

Гордость!
Ничто, какъ гордость! да. Котелъ чугунный
Хлопочетъ, чтобы вынули его
Изъ пламени серебрянымъ ухватомъ,
Чтобъ самому серебрянымъ казаться.

Кому тутъ вредъ? ты спрашиваешь, Дайа.
Кому тутъ польза? могъ бы я спросить.
Ты говоришь, мы будемъ ближе къ Богу;
Но это глупость или богохульство.
Однако, есть и вредъ въ мечтаньяхъ этихъ.
Навѣрно вредъ. Послушайте. Не правда-ль?
Тому, кто спасъ тебя, и будь онъ ангелъ
Иль человѣкъ, желали бы вы обѣ,
И особливо ты, насколько можно,
Услугой отплатить твое спасенье?
Какую же великую услугу
Вы ангелу способны оказать?
Благодарить его, вздыхать, молиться,
Съ восторгомъ преклоняться передъ нимъ,
Въ день праздника его поститься или
Почтить его дѣлами милосердья?
Но это все ничто! себѣ всѣмъ этимъ
И ближнему приносите вы пользу,
А не ему. Не будетъ онъ богаче
Отъ вашей милостыни и тучнѣе
Отъ вашего поста. Не будетъ онъ
Славнѣй, прекраснѣй отъ восторговъ вашихъ
И мощнѣе отъ вашихъ упованій.
Неправда ли?—тогда какъ человѣкъ...

Дайа.

Конечно, человѣкъ бы далъ намъ больше
Возможности услугу отплатить.
И знаетъ Богъ, какъ мы того желали.
Ни въ чемъ онъ не нуждался, ничего
Онъ не хотѣлъ, и такъ самимъ собою
Въ себѣ самомъ довольствовался онъ,
Какъ только ангелы одни бываютъ,
Какъ ангелы одни и могутъ быть.

Рэха.

И наконецъ, когда совсѣмъ исчезъ онъ...

Натанъ.

Исчезъ! но какъ?—что подлѣ пальмъ ужъ больше
Не появлялся? или вы искали
Его еще въ другихъ мѣстахъ?

Дайа.

Ну нѣтъ.

Натанъ.

Нѣтъ? Дайа, нѣтъ? вотъ видишь вредъ? вотъ видишь?
Жестокія мечтательницы вы!
Чтó если боленъ сдѣлался вашъ ангелъ?

Рэха.

Онъ боленъ!

Дайа.

Боленъ? врядъ ли!

Рэха.

Дайа! Дайа!
Я чувствую: меня бросаетъ въ дрожь,
Мнѣ страшно стало!

Натанъ.

Что-жъ? онъ иностранецъ,
Ему нашъ климатъ жаркій непривыченъ,
Онъ молодъ, и впервые, вѣроятно,
Приходится испытывать ему
Тяжелый трудъ храмовника, и голодъ,
И рядъ ночей безсонныхъ.

Рэха.

Боленъ! боленъ!

Дайа.

Вѣдь только такъ предполагаетъ Натанъ.

Натанъ.

И вотъ лежитъ онъ! ни друзей, ни денегъ,
Чтобъ хоть купить себѣ друзей!

Рэха.

Отецъ мой!

Натанъ.

Лежитъ безъ попеченій, безъ совѣта,
Одинъ, добычею болѣзни, смерти!

Рэха.

Гдѣ?

Натанъ.

Онъ, который кинулся въ огонь
Для дѣвушки, не виданной ни разу
И вовсе неизвѣстной,—все равно:
Для человѣка,—

Дайа.

Натанъ, пощадите
Ее!

Натанъ.

Который не хотѣлъ ни видѣть,
Ни знать спасеннаго, чтобъ не заставить
Благодарить.

Дайа.

О! пощадите! Натанъ!

Натанъ.

Который и не требовалъ свиданья;
Ужъ развѣ, если-бъ снова нужно было
Спасать ее,—чтобъ снова человѣка
Спасти.

Дайа.

Да перестаньте! поглядите!

Натанъ.

Которому и при смерти-то нѣтъ
Иного облегченья, какъ сознанье
Вотъ этого поступка.

Дайа.

Сжальтесь! вы
Ее убьете.

Натанъ.

Ты его убила.
Могла убить. Нѣтъ, Рэха, я даю
Тебѣ лѣкарство, а не ядъ. Не бойся,
Приди въ себя. Онъ живъ, не боленъ даже.

Рэха.

Навѣрно? и не умеръ, и не боленъ?

Натанъ.

Не умеръ онъ навѣрно, потому-что
Господь за добродѣтели земныя
И награждаетъ на землѣ. Пойми же,
Насколько легче набожно мечтать,
Чѣмъ поступать и честно, и разумно.
Такъ вялый, неразвитый человѣкъ
Съ любовью набожно мечтаетъ, только
Чтобъ не посмѣть,—подчасъ не сознавая
Причины этой самъ,—чтобъ не посмѣть
На дѣлѣ быть хорошимъ человѣкомъ.

Рэха.

Ахъ, мой отецъ, не оставляйте больше
Вы вашу Рэху никогда одну!
Онъ, можетъ-быть, куда-нибудь уѣхалъ?
Не правда ли?

Натанъ.

Ступайте!—Безъ сомнѣнья.
Я вижу, мусульманинъ на моихъ
Навьюченныхъ верблюдовъ засмотрѣлся.
Вы знаете его?

Дайа.

Вашъ дервишъ.

«Ахъ, мой отецъ, не оставляйте больше вы вашу Рэху никогда одну!» (1 д. 2 явл.).

Натанъ.

Кто?

Дайа.

Вашъ дервишъ, шахматный игрокъ.

Натанъ.

Ал-Гафи?

Вонъ тотъ?

Дайа.

Теперь султанъ его назначилъ
Своимъ казнохранителемъ.

Натанъ.

Ал-Гафи?
Не бредишь ли ты снова? — Онъ и есть!
Идетъ сюда. Скорѣе уходите!
Ну что-то мнѣ придется услыхать?

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНІЕ.

НАТАНЪ и ДЕРВИШЪ.

Дервишъ.

Раскройте же глаза, какъ можно больше!

Натанъ.

Какъ? -это ты? иль нѣтъ? въ такомъ роскошномъ
Нарядѣ? дервишъ!

Дервишъ.

Отчего же нѣтъ?
Что-жъ? развѣ дервишъ ни на что не годенъ?
И ровно ни на что?

Натанъ.

Нѣтъ, очень годенъ;
Я только думалъ, дервишъ настоящій
Не захотѣлъ бы сдѣлаться пригоднымъ.

Дервишъ.

Клянусь пророкомъ! можетъ-быть и правда,
Что я не настоящій; но когда
Бываешь принужденъ....

Натанъ.

И дервишъ? дервишъ?
Никто не принужденъ быть принужденнымъ,
А дервишъ былъ-таки! но въ чемъ же?

Дервишъ.

Въ томъ,
О чемъ его старательно просили
И что онъ самъ считаетъ добрымъ; вотъ въ чемъ.

Натанъ.

Какъ святъ нашъ Богъ, сказалъ ты правду!—Дай же
Обнять тебя, ты все еще мнѣ другъ.

Дервишъ.

И вы сперва не спросите, чѣмъ сталъ я?

Натанъ.

Мнѣ все равно.

Дервишъ.

А ну, какъ получилъ
Я должность, при которой наша дружба
Вамъ будетъ неудобна?

Натанъ.

Если сердцемъ
Ты прежній дервишъ, я рискну дружиться.
Вѣдь должность только платье.

Дервишъ.

И оно
Нуждается въ почетѣ. Угадайте!
Чѣмъ былъ бы я, служа у васъ?

Натанъ.

Ты былъ бы
Не болѣе, какъ дервишемъ. Пожалуй,
Вдобавокъ—поваромъ.

Дервишъ.

Чтобъ загубить
Мои таланты!—Поваромъ! прекрасно!
Ужъ не слугой ли?—Согласитесь, Натанъ,
Что Саладинъ меня получше знаетъ.
Я у него казнохранитель.

Натанъ.

Ты?
И у него?

Дервишъ.

Поймите: я хранитель
Сокровищъ небольшихъ, казны домашней;
Большой казной, какъ прежде, заправляетъ
Его отецъ.

Натанъ.

Ну, домъ его великъ.

Дервишъ.

И больше, чѣмъ вы думаете, Натанъ.
Къ нему всѣхъ нищихъ надобно причислить.

Натанъ.

Но Саладинъ такъ нищихъ ненавидитъ..

Дервишъ.

Что хочетъ всѣхъ ихъ извести, хотя бы
Для этого пришлось и самому
Стать нищимъ.

Натанъ.

Славно!—это я и думалъ.

Дервишъ.

Да онъ и такъ ужъ нищій. Ежедневно
Теперь его казна къ закату солнца
Становится пустѣе пустоты,
И что потокъ ни принесетъ поутру,
Глядь, все до капли въ полдень уплыло.

Натанъ.

Да, многое каналы поглощаютъ,
Которыхъ невозможно ни наполнить,
Ни запрудить.

Дервишъ.

Вотъ именно.

Натанъ.

Понятно.

Дервишъ.

Конечно, плохо, ежели властитель
На подданныхъ своихъ глядитъ, какъ коршунъ
На падаль; но ужъ если самъ онъ падаль,
А коршуны они, такъ сто разъ хуже.

Натанъ.

Нѣтъ, дервишъ.

Дервишъ.

Хорошо вамъ говорить!
Хотите ли, я уступлю вамъ мѣсто?
Вы много ли дадите за него?

Натанъ.

А что оно тебѣ приноситъ?

Дервишъ.

Мало;
Но вамъ большую прибыль можетъ дать.
Въ казнѣ отливъ бываетъ часто; тотчасъ
Свои вы шлюзы можете открыть
И брать потомъ процентъ какой угодно.

Натанъ.

А тамъ процентъ съ процента?

Дервишъ.

Ужъ конечно.

Дервишъ и Натанъ. «Но объяснимся» (1 д. 3 явл).

Натанъ.

До той поры, когда весь капиталъ
Я сдѣлаю процентами?

Дервишъ.

Какъ видно,
Васъ это не прельщаетъ. Такъ пишите
Разводную и нашей дружбѣ. Право,
Я сильно вѣдь разсчитывалъ на васъ.

Натанъ.

По правдѣ, дервишъ? какъ же такъ?

Дервишъ.

Что вы мнѣ
Поможете мой долгъ исполнить съ честью.
Что ваша касса будетъ для меня
Всегда открыта. Нѣтъ?

Натанъ.

Но объяснимся.
Тутъ есть различье. Если для тебя,
Такъ отчего же нѣтъ?—Ал-Гафи, дервишъ,
Я все, что въ состояньи, для него
Исполню; но прислужникъ Саладина,
Ал-Гафи, для котораго, который...

Дервишъ.

Не угадалъ я этого? всегда вы
Добры, какъ и умны, умны, какъ мудры.
Но подождите; чѣмъ теперь Ал-Гафи
Вы отличаете, исчезнетъ скоро.
Вотъ платье, данное мнѣ Саладиномъ,
Какъ знакъ отличья. Прежде, чѣмъ оно
Повыцвѣтетъ, износится въ лохмотья,
Чтобъ дервишу служить, оно ужъ будетъ
Висѣть въ Іерусалимѣ на гвоздѣ,
И снова, босоногій, я отправлюсь
Скитаться по горячему песку
Съ учителями нашими у Ганга.

Натанъ.

На это ты способенъ.

Дервишъ.

Да засяду
За шахматы.

Натанъ.

Въ нихъ все твое богатство.

Дервишъ.

Подумайте-ка, чѣмъ меня прельстили!
Что пересталъ я нищенствовать самъ,
Что богачомъ предъ нищими являюсь,
Что превратить богатство нищеты
Могу я мигомъ въ нищету богатства?

Натанъ.

Не этой же возможностью, конечно.

Дервишъ.

Но кое-чѣмъ пошлѣе: я впервые
Себя польщеннымъ чувствовалъ; я былъ
Польщенъ добросердечнымъ заблужденьемъ
Султана.

Натанъ.

Именно?

Дервишъ.

«Что только нищій
И знаетъ, каково быть нищимъ; будто,
Что только нищій и сумѣетъ нищихъ
Какъ должно надѣлять». Онъ говорилъ мнѣ:
«Предмѣстникъ твой, по мнѣ, былъ слишкомъ жостокъ
И холоденъ, давалъ такъ неохотно,
Такъ неотвязчиво разузнавалъ
Все, что просителя касалось; мало,
Что зналъ нужду, вывѣдывалъ причину
Нужды, чтобъ, съ ней сообразуясь, скупо
Помочь несчастному. Такимъ не будетъ
Ал-Гафи, и, въ его лицѣ, султанъ
Такимъ немилосердо-милосердымъ
Не явится. Ал-Гафи не напомнитъ
Собою засоренную трубу,

Которая струю воды чистѣйшей
Выбрасываетъ мутною. Ал-Гафи
И думаетъ, и чувствуетъ, какъ я».
Свистокъ ловца звучалъ такъ сладко, нѣжно,
Пока снѣгирь таки попался въ сѣти!
Я —шутъ шута!

Натанъ.

Ну, полно, успокойся,
Мой дервишъ!

Дервишъ.

Эхъ! да что! не шутовство ли,
Что другомъ человѣчества являться
Онъ хочетъ на глазахъ у горсти нищихъ,
А тамъ по сотнямъ тысячъ душитъ, грабитъ,
Гнететъ и истощаетъ родъ людской?
Не шутовство-ль разыгрывать намъ Бога,
Который въ милосердьи безъ различья
Дождемъ и солнцемъ надѣляетъ равно
Цвѣтущій лугъ и голую пустыню,
На это не имѣя Божьихъ рукъ
Неистощимо щедрыхъ?—Ну, скажите,
Не шутовство?

Натанъ.

Довольно! перестань!

Дервишъ.

Постойте, дайте мнѣ еще напомнить,
Какого я шута играю. Какъ?
Не шутовство: все это знать—и все же
Тутъ сторону хорошую искать?
И въ этомъ шутовствѣ принять участье
Изъ-за нея? неправда?

Натанъ.

Постарайся
Ты поскорѣе снова воротиться

Въ свою пустыню. Я боюсь, Ал-Гафи,
Что именно среди людей ты здѣсь
Разучишься быть человѣкомъ.

Дервишъ.

Правда.
И самъ я этого боюсь. Прощайте.

Натанъ.

Куда спѣшить? Ал-Гафи, погоди!
Не убѣжитъ твоя пустыня!—Слушай!
Ал-Гафи! эй!—Ушелъ. А мнѣ хотѣлось
Про нашего храмовника спросить.
Его онъ вѣрно знаетъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ДАЙА—входитъ поспѣшно. НАТАНЪ.

Дайа.

Натанъ! Натанъ!

Натанъ.

Ну, что случилось?

Дайа.

Онъ опять явился!
Опять явился онъ.

Натанъ.

Кто, Дайа?

Дайа.

Онъ.

Натанъ.

Онъ! онъ!—Когда же онъ не появлялся!
Ахъ да, вѣдь только вашъ зовется такъ
Не надо бы являться, даже если-бъ
Онъ былъ и ангеломъ.

Дайа.

Онъ снова бродитъ
Подъ пальмами, рветъ финики...

Натанъ.

И ѣстъ ихъ?
И видъ храмовника онъ принялъ снова?

Дайа.

Не мучьте вы меня. Она его
Ужъ угадала жаднымъ взоромъ въ чащѣ
Густого ряда пальмъ, и неотступно
Теперь слѣдитъ за нимъ. Она васъ проситъ,
Она васъ умоляетъ, чтобъ сейчасъ
Вы шли къ нему. Скорѣе! торопитесь!
Она въ окно показывать вамъ будетъ,
Въ какую сторону онъ повернетъ.
Ступайте же!

Натанъ.

Едва сойдя съ верблюда?
Годится ль это? —Нѣтъ. Пойди сама.
Спѣши! скажи ему, что я вернулся.
Смотри, что честный малый, не желая
Въ моемъ отсутствіи въ мой домъ являться,
По приглашенію отца, охотно
Придетъ. Ступай, скажи, что я прошу,
Что искренно прошу его.

Дайа.

Напрасно.
Онъ не пойдетъ къ вамъ. Словомъ, не пойдетъ
Къ еврею.

Натанъ.

Такъ ступай, ступай скорѣе,
Чтобъ удержать его по крайней мѣрѣ,

Чтобъ издали за нимъ слѣдить. Ступай.
Вслѣдъ за тобой и я приду сейчасъ же.

Натанъ поспѣшно входитъ во внутреннія комнаты; Дайя выходитъ изъ дому.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Площадь съ пальмами, подъ которыми **ХРАМОВНИКЪ** гуляетъ взадъ и впередъ. **МОНАСТЫРСКІЙ СЛУЖКА** слѣдуетъ за нимъ въ сторонѣ на нѣкоторомъ разстояніи, безпрестанно порываясь съ нимъ заговорить.

Храмовникъ.

Нѣтъ, онъ слѣдитъ за мной не отъ бездѣлья.
Онъ на руки косится. Добрый братъ!
Но, можетъ-быть, отцомъ васъ называютъ?

Служка.

Нѣтъ, братомъ. Такъ. Я служка монастырскій.
Къ услугамъ вашимъ.

Храмовникъ.

Добрый братъ мой, если-бъ
Хоть что-нибудь имѣлъ я!—видитъ Богъ,
Что ничего.

Служка.

И все-таки спасибо!
Подай вамъ Боже въ тысячу разъ больше,
Чѣмъ сами вы хотѣли бы подать.
Въ готовности весь подвигъ милосердья,
Не въ томъ, что подается. И прислали
Меня къ вамъ не затѣмъ.

Храмовникъ.

Однако, васъ
Прислали?

Служка.

Изъ монастыря.

Храмовникъ.

Въ который
Я только что ходилъ, надѣясь тщетно,
Что мнѣ дадутъ поѣсть?

Служка.

Столы ужъ были
Всѣ заняты; но если вамъ угодно
Со мной туда опять пойти...

Храмовникъ.

Зачѣмъ?
Давно мнѣ мяса ѣсть не приходилось.
Что за бѣда? вѣдь финики созрѣли.

Служка.

О, будьте осторожны съ ними. Много
Ихъ ѣсть нельзя. Они сгущаютъ кровь
И могутъ меланхоликомъ васъ сдѣлать.

Храмовникъ.

А ежели мнѣ самому пріятно
Быть меланхоликомъ?—Но васъ ужъ вѣрно
Сюда не съ этимъ предостереженьемъ
Прислали?

Служка.

Нѣтъ. Я долженъ васъ узнать;
Узнать какъ можно покороче.

Храмовникъ.

Это
Мнѣ самому въ глаза вы говорите?

Служка.

Да почему же нѣтъ?

Храмовникъ—про себя.

Монахъ прехитрый!

Служкѣ.

А много васъ такихъ въ монастырѣ?

Служка.

Не знаю. Я повиноваться долженъ.

Храмовникъ.

И тутъ вы повинуетесь, конечно,
Безъ дальнихъ размышленій.

Служка.

А иначе
Вѣдь это бъ не было повиновенье.

Храмовникъ—про себя.

Такъ простота всегда права бываетъ.
Служкѣ.
Но вѣрно вы мнѣ можете открыть:
Кто пожелалъ узнать меня короче?
Что вамъ самимъ до этого нѣтъ дѣла,
Готовъ я клясться.

Служка.

Могъ ли я? какая
Мнѣ польза въ томъ?

Храмовникъ.

Кто-жъ могъ? кому полезно
Такое любопытство?

Служка.

Надо думать,
Что патріарху; потому-что онъ
Меня прислалъ къ вамъ.

Храмовникъ.

Патріархъ?—Такъ развѣ
Не знаетъ онъ, что значатъ бѣлый плащъ
И красный крестъ.

Служка.

И мнѣ извѣстно это.

Храмовникъ.

Ну! братъ мой, ну! такъ что же?—Я храмовникъ,
И плѣнный. Да прибавьте: въ плѣнъ попался
При крѣпостцѣ Тебнинѣ. Мы явились
Туда по окончаньи перемирья,
Чтобъ ближе было на Сидонъ напасть.
Я взятъ въ числѣ осьмнадцати, и только
Одинъ изъ всѣхъ помилованъ султаномъ.
Вотъ все, что патріарху нужно знать,
И болѣе чѣмъ нужно.

Служка.

Врядъ ли больше,
Чѣмъ то, что онъ ужъ знаетъ. Но еще
Ему хотѣлось бы узнать причину:
За что одни лишь вы пощажены
Султаномъ?

Храмовникъ.

Развѣ самъ я это знаю?
Ужъ я на плащъ колѣна преклонилъ,
Открывши шею, ожидалъ удара,
Вдругъ—Саладинъ взглянулъ, подходитъ ближе,
Махнулъ рукой,—я поднятъ, я раскованъ,
Хочу благодарить—и вижу слезы
Въ его глазахъ. Безмолвенъ онъ, я тоже.
Но молча онъ ушелъ, и я остался.
Какъ это все сплелось, пускай рѣшаетъ
Самъ патріархъ.

Служка.

Тутъ знаменье онъ видитъ,
Что васъ Господь Создатель сохранилъ
Для дѣлъ великихъ.

Храмовникъ.

Для великихъ, правда:
Чтобъ вынести жидовку изъ огня,

Да любопытнымъ богомольцамъ гору
Синай показывать— и въ этомъ родѣ.

Служка.

Еще придетъ. Пока и то не худо.
И, можетъ-быть, у патріарха есть
Для васъ занятье поважнѣе

Храмовникъ.

Вотъ какъ!
Вы думаете?—онъ, пожалуй, далъ
Вамъ кое-что замѣтить?

Служка.

Да, конечно!
Но прежде долженъ я узнать васъ ближе:
Такой ли человѣкъ вы...

Храмовникъ.

Узнавайте.
Про себя.
Хотѣлъ бы знать, какъ этотъ узнаетъ.

Служка.

Я думаю всего короче будетъ,
Когда я вамъ открою напрямикъ
Желанье патріарха.

Храмовникъ.

И прекрасно.

Служка.

Онъ письмецо вамъ поручить желалъ бы.

Храмовникъ.

Что я за вѣстникъ?—Это-то занятье,
По вашему, славнѣе, чѣмъ спасти
Жидовку? да?

Служка.

Должно-быть, потому-что,
Сказалъ нашъ патріархъ, письмо такое
Большую пользу можетъ принести
Всѣмъ христіанамъ. Кто его доставитъ,
Сказалъ нашъ патріархъ, получитъ въ небѣ
Вѣнецъ совсѣмъ особенный отъ Бога
Въ награду. И никто такъ не достоинъ
Того вѣнца, по мнѣнью патріарха,
Какъ вы.

Храмовникъ.

Какъ я?

Служка.

Затѣмъ, что тотъ вѣнецъ,
Сказалъ нашъ патріархъ, другой кто врядъ ли
Сумѣетъ такъ искусно заслужить,
Какъ вы.

Храмовникъ.

Какъ я?

Служка.

Вы здѣсь свободны. Всюду
И все вамъ можно осмотрѣть; притомъ
Вы знаете, какъ охраняютъ городъ,
И какъ его штурмуютъ; вы вѣрнѣе
Оцѣните, сказалъ нашъ патріархъ,
И чѣмъ сильна, и чѣмъ слаба ограда,
Которую недавно Саладинъ
Построилъ, и толковѣе все это
Опишете, сказалъ нашъ патріархъ,
Поборникамъ Христа.

Храмовникъ.

Но, добрый братъ мой,
Могу ль я содержанье письмеца
Узнать подробнѣе?

Служка.

Конечно. Самъ я
Еще его не знаю хорошенько;
Но письмецо къ Филиппу королю.
Нашъ патріархъ... Не разъ ужъ я дивился,
Какъ этакій святой, который больше
Живетъ небеснымъ, въ то же время можетъ
Настолько нисходить, чтобъ узнавать
Все, что творится на землѣ. Вѣдь это
Претрудно.

Храмовникъ.

Ну, такъ патріархъ?

Служка.

Все знаетъ,
И знаетъ достовѣрно: гдѣ и какъ,
Съ которой стороны, съ какою силой,
Начнетъ свой приступъ Саладинъ, коль снова
Откроется война.

Храмовникъ.

Все это знаетъ?

Служка.

И извѣстить объ этомъ онъ хотѣлъ бы
Филиппа короля, чтобъ тотъ заранѣ
Обдумать могъ: дѣйствительно-ль опасность
Такъ велика, что ужъ нельзя никакъ
Рѣшиться уничтожить перемирье,
Которое нарушилъ такъ отважно
Вашъ орденъ.

Храмовникъ.

Что за патріархъ!—Такъ вотъ какъ!
Любезный, храбрый мужъ желаетъ сдѣлать
Не вѣстника простого изъ меня,
А просто-на-просто шпіона!.. Ну, такъ

Скажите патріарху, добрый братъ мой,
Что я, насколько вы меня узнали,
Къ такому дѣлу вовсе не способенъ.
Еще себя считать я долженъ плѣннымъ.
Притомъ же долгъ храмовника сражаться,
А не шпіонить.

Служка.

Я вѣдь то же думалъ.
Вы, господинъ, не гнѣвайтесь, прошу васъ.
Однако, лучшее еще не въ этомъ.
Нашъ патріархъ узналъ, гдѣ на Ливанѣ
Находится и какъ зовется крѣпость,
Куда заботливый отецъ султана
Сложилъ большія денежныя суммы.
Изъ нихъ онъ платитъ жалованье войску
И всѣ военныя издержки. Время
Отъ времени окольными путями
Къ отцу въ ту крѣпость ходитъ Саладинъ
Почти совсѣмъ безъ провожатыхъ. Что же?
Вы поняли, въ чемъ дѣло тутъ?

Храмовникъ.

Нисколько.

Служка.

Чего же легче было бы при этомъ
Напасть на Саладина и покончить
Съ нимъ разомъ?—Вы боитесь? о, у насъ
Ужъ вызвались на то два маронита,
Богобоязливые люди, если
Ихъ поведетъ отважный человѣкъ.

Храмовникъ.

И этого отважнаго во мнѣ же
Усматриваетъ патріархъ?

Служка.

Онъ думалъ,
Что въ этомъ дѣлѣ королю Филиппу
Легко помочь намъ изъ Птоломанды.

Храмовникъ.

Мнѣ? братъ мой, мнѣ?—Вы слышали, конечно,
Хоть только слышали: чѣмъ я обязанъ
Султану?

Служка.

Да.

Храмовникъ.

И все-таки рѣшились?

Служка.

По мнѣнью патріарха, это все
Прекрасно, но Господь и орденъ...

Храмовникъ.

Вѣрно
Поступка не измѣнятъ и не станутъ
Предписывать разбойничьей продѣлки!

Служка.

Навѣрно!—Но, по мнѣнью патріарха,
Кого разбойникомъ считаютъ люди,
Тотъ не всегда разбойникъ передъ Богомъ.

Храмовникъ.

Какъ? я обязанъ Саладину жизнью,
И жизнь его отнять я долженъ?

Служка.

Низко!
Безчестно!—Но, по мнѣнью патріарха,
Врага въ султанѣ видитъ христіанство,
И потому онъ не имѣетъ права
Разсчитывать на вашу дружбу.

Храмовникъ.

Дружбу?
Я только не хочу быть негодяемъ,
Неблагодарнымъ, гнуснымъ.

Служка.

Ни за что.
Однако,—полагаетъ патріархъ,—
Отъ благодарности ужъ мы свободны,
Свободны передъ Богомъ и людьми,
Когда не ради насъ самихъ услугу
Намъ оказали. И, какъ всюду слышно,
Сказалъ нашъ патріархъ, что Саладиномъ
Пощажены вы были оттого,
Что вы ему лицомъ своимъ и станомъ
Напоминали брата...

Храмовникъ.

Какъ? и это
Извѣстно патріарху? -и онъ думалъ?...
Но будь все это правда?—Саладинъ!
Какъ? неужели, если ужъ природа
Въ мою наружность хоть одну черту
Родного брата твоего вложила,
Въ душѣ моей ничто ей не отвѣтитъ?
А если и отвѣтитъ, такъ обязанъ
Я подавить въ угоду патріарху?
Природа такъ не можетъ обмануть!
Не можетъ Богъ Себѣ противорѣчить
Въ Своихъ созданьяхъ! нѣтъ!—Ступайте, братъ мой!
Не возмущайте желчь мою! ступайте!

Служка.

Иду, охотнѣй, чѣмъ пришелъ. Простите.
Мы, слуги монастырскіе, должны
Повиноваться старшимъ.

Служка

Изданіе и собств. А. Ф. Маркса

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ХРАМОВНИКЪ и ДАЙА; она нѣкоторое время слѣдила за нимъ и теперь къ нему подходитъ.

Дайа.

Этотъ служка
Его оставилъ, кажется, не въ добромъ
Расположеньи духа. А должна
Я все-таки рѣшиться.

Храмовникъ.

Превосходно!
Ну вотъ, не справедлива-ль поговорка,
Что баба и монахъ—монахъ и баба—
Двѣ лапы чорта. Онъ меня сегодня
Бросаетъ изъ одной въ другую.

Дайа.

Васъ ли
Я вижу, благородный рыцарь? васъ?
Сто тысячъ разъ благодаренье Богу!
Да гдѣ же вы такъ долго пропадали?
Надѣюсь, что вы не были больны?

Храмовникъ.

Нѣтъ.

Дайа.

Стало-быть, здоровы?

Храмовникъ.

Да.

Дайа.

Мы много
Объ васъ тревожились все время.

Храмовникъ.

Будто?

Дайа.

Вы вѣрно уѣзжали?

Храмовникъ.

Да.

Дайа.

И только
Сегодня вы вернулись?

Храмовникъ.

Нѣтъ, вчера.

Дайа.

И къ нашей Рэхѣ тоже возвратился
Ея отецъ сегодня. Такъ могла бы
Она теперь надѣяться...

Храмовникъ.

На что?

Дайа.

О чемъ такъ часто васъ просила. Скоро
Придетъ отецъ ея, чтобъ неотступно
Васъ приглашать. Изъ Вавилона онъ
Вернулся и привелъ съ собою двадцать
Навьюченныхъ верблюдовъ. Сколько тутъ
Душистыхъ травъ и камней драгоцѣнныхъ,
Матерій и всего, чѣмъ такъ богаты
И Персія, и Индія, и страны,
Лежащія за ними.

Храмовникъ.

Ничего я
Не покупаю.

Дайа.

Онъ своимъ народомъ
Повсюду уважаемъ, какъ властитель.
Хоть часто удивлялась я, что прозванъ
Онъ мудрымъ На̀таномъ, а не богатымъ.

Храмовникъ.

Въ устахъ его народа, можетъ-быть,
Богатый значитъ то же, что и мудрый.

Дайа.

Скорѣй всего его прозвать бы добрымъ.
Вѣдь вы не можете себѣ представить,
Какой онъ добрый. О! чего-бъ не сдѣлалъ,
Чего-бъ онъ вамъ не отдалъ въ ту минуту,
Какъ услыхалъ, что Рэху вы спасли.

Храмовникъ.

Неужли?

Дайа.

Испытайте. Приходите
Взглянуть.

Храмовникъ.

На что? какъ скоро миновала
Минута?

Дайа.

Развѣ я бы оставалась
Такъ долго у него, когда бъ онъ не былъ
Такъ добръ. Вы думаете, не цѣню я,
Чего достойна я, какъ христіанка?
И мнѣ никто не напророчилъ въ дѣтствѣ,
Что только для того я въ Палестину
Съ моимъ супругомъ потащусь, чтобъ тамъ
Воспитывать еврейскаго ребенка?
Любезный мой супругъ былъ честный конюхъ,
Онъ въ войскѣ императорскомъ служилъ —
Въ походѣ Фридриха...

Храмовникъ.

Швейцарецъ родомъ
Который въ тотъ походъ добился чести
И счастья утонуть въ одной рѣкѣ
Съ его величествомъ. Ужъ сколько разъ вы
Все это говорили мнѣ! когда же
Вы перестанете меня повсюду
Преслѣдовать?

Дайа.

Преслѣдовать!

Храмовникъ.

Да, да,
Преслѣдовать. Я не хочу васъ больше
Ни видѣть и ни слышать: не хочу,
Чтобъ вы мнѣ безпрестанно поминали
Случайный и безумный мой поступокъ,
Который, какъ подумаю объ немъ,
Мнѣ самому становится загадкой.
Я-бъ не хотѣлъ жалѣть о томъ что̀ сдѣлалъ;
Но, видите, коль что-нибудь такое
Опять со мной случится, такъ ужъ вы,—
Вы будете виною, если быстро
Я дѣйствовать не стану, если прежде
Начну справляться и въ огнѣ оставлю
Все, что горитъ.

Дайа.

О! Боже сохрани!

Храмовникъ.

Я васъ теперь прошу, какъ одолженья,
Хоть съ этихъ поръ не знайте вы меня,
И отъ отца отъ этого избавьте.
Кто жидъ—тотъ жидъ. Я неуклюжій швабъ.
И если образъ дѣвушки являлся
Когда-нибудь въ душѣ моей, такъ снова
Давно исчезъ.

Дайа.

Да вашъ-то не исчезъ
Въ ея душѣ.

Храмовникъ.

Такъ что же въ томъ?

Дайа.

Кто знаетъ!

Вѣдь не всегда всѣ люди таковы,
Какими кажутся.

Храмовникъ.

Но рѣдко лучше.

Онъ идетъ.

Дайа.

Куда же вы? постойте!

Храмовникъ.

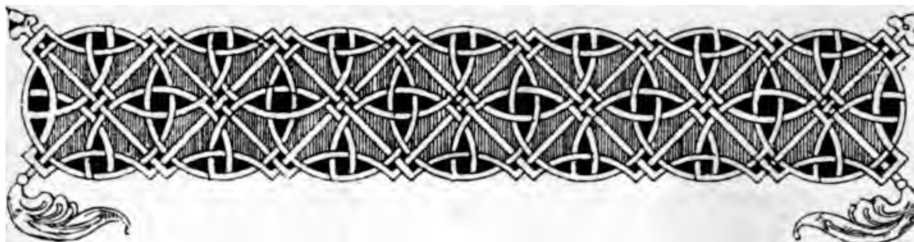
Отойдите!
Не дѣлайте мнѣ ненавистнымъ мѣсто
Подъ пальмами, гдѣ было такъ пріятно
Прогуливаться.

Дайа.

Ну, такъ убирайся!
Медвѣдь нѣмецкій!—Все-таки слѣдъ звѣря
Мнѣ изъ виду не надобно терять.

Она издали слѣдуетъ за нимъ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Во дворцѣ султана.

САЛАДИНЪ и **ЗИТТА** играютъ въ шахматы.

Зитта.

Да гдѣ ты? какъ играешь ты сегодня?

Саладинъ.

Не хорошо? а мнѣ-таки казалось...

Зитта.

И для меня едва ли было-бъ сносно.
Возьми свой ходъ назадъ.

Саладинъ.

А почему бы?

Зитта.

Коня ты открываешь.

Саладинъ.

Справедливо.
Ну, такъ!

Зитта.

Возьму слона.

Саладинъ.

И то. Ну шахъ!

Зитта.

Что толку? я пойду сюда, и снова
Ты остаешься съ тѣмъ, что было.

Саладинъ.

Вижу,
Что изъ тисковъ не вырвусь безъ потери.
Пускай! бери коня.

Зитта.

Онъ мнѣ не нуженъ.
Я прохожу впередъ.

Саладинъ.

Ты ничего
Мнѣ этимъ не даришь; такое мѣсто
Тебѣ дороже моего коня.

Зитта.

Быть-можетъ.

Саладинъ.

Рано пташечка запѣла.
Смотри-ка!—Что?—Поспорить я готовъ,
Ты этого никакъ не ожидала.

Зитта.

Конечно, нѣтъ. Могла-ль я ожидать,
Что будешь ты такъ сильно тяготиться
Своей же королевой.

Саладинъ.

Королевой?

Зитта.

Ну, видно, тысячу динаръ, не больше,
Я выиграть должна сегодня.

Саладинъ.

Какъ?

Зитта.

Да, спрашивай еще!—Ты такъ прилежно,
Стараешься нарочно проиграть.
А это мнѣ невыгодно ни мало.
Не только потому, что такъ играть
Не занимательно, но тоже—развѣ,
Когда тебѣ проигрывала я,
Не въ большемъ выигрышѣ оставалась?
Ты мнѣ всегда дарилъ двойную ставку,
Чтобъ я утѣшилась.

Саладинъ.

Смотри! пожалуй,
Когда проигрывала ты, сестрица,
Ты это дѣлала всегда нарочно.

Зитта.

По крайней мѣрѣ, мой любезный братецъ,
Коль я играть не научилась лучше,
Такъ этому виной твоя же щедрость.

Саладинъ.

Мы отступаемъ отъ игры. Кончай.

Зитта.

Ты оставляешь ходъ?—Такъ: шахъ! и даже
Двойной.

Саладинъ.

Да, этого я не предвидѣлъ.
Приходится разстаться съ королевой.

Зитта.

А развѣ было чѣмъ еще помочь?
Посмотримъ.

Fr. Pecht gez.

Сулейманъ

Изданіе т-ва А. Ф. Маркса

Саладинъ.

Нѣтъ,—бери и королеву.
Мнѣ съ этой шашкой вѣчное несчастье.

Зитта.

И только съ шашкой?

Саладинъ.

Прочь ее! мнѣ это
Не повредитъ. Вотъ, видишь, все опять
Защищено.

Зитта.

У брата я училась,
Насколько обращенье съ королевой
Должно быть вѣжливо.

Она оставляетъ шашку.

Саладинъ.

Бери ее
Иль не бери, ужъ я ее не трону.

Зитта.

Зачѣмъ же брать?—Шахъ!—шахъ!

Саладинъ.

Ну дальше!

Зитта.

Шахъ!
И шахъ!

Саладинъ.

И матъ.

Зитта.

Нѣтъ, не совсѣмъ: ты можешь
Конемъ заставить, или—какъ сумѣешь.
Но все равно...

Саладинъ.

Ты выиграла. Да.
И я плачу. Позвать сюда Ал-Гафи!
Отчасти, Зитта, ты была права:
Я невнимательно игралъ сегодня,
Разсѣянно. И кто всегда приноситъ
Намъ эти шашки гладкія, въ которыхъ
Фигуры ничего не представляютъ?
Съ Имамомъ, что ли, я игралъ?—Но полно!
Я оправдать мой проигрышъ хочу:
Не шашки, нѣтъ, меня твое искусство
Заставило сегодня проиграть,
Твой взглядъ спокойный, быстрый.

Зитта.

Этимъ тоже
Ты только притупить хотѣлъ бы жало
Убытка моего. Ну, словомъ, правда,
Ты былъ разсѣянъ болѣе, чѣмъ я.

Саладинъ.

Чѣмъ ты?—а что̀ тебя могло разсѣять?

Зитта.

Конечно, не разсѣянность твоя.
Ахъ, Саладинъ! когда-то намъ придется
Прилежно поиграть съ тобой, какъ прежде.

Саладинъ.

Тѣмъ больше страсти въ этакой игрѣ.
Ахъ, да! ты вспомнила о томъ, что снова
Готовится война. Пускай идутъ!
Смѣлѣй! не мною сдѣлано начало.
Я-бъ наше перемиріе охотно
Продолжилъ за̀-ново; да тутъ же Зиттѣ
Хорошаго бы мужа подыскалъ;
И выбралъ бы я Ричардова брата,
Вѣдь Ричарду онъ братъ!

Зитта.

Да, если стоитъ
Твой Ричардъ похвалы.

Саладинъ.

Къ тому же, если-бъ
Женою брату нашему, Мелеку,
Досталась Ричарда сестра! такъ вотъ бы
Семья была!—Изъ всѣхъ семействъ на свѣтѣ,
Изъ лучшихъ лучшая семья была бы.
Какъ видишь, не лѣнюсь я и себя
Расхваливать; надѣюсь, я достоинъ
Моихъ друзей. Вотъ были-бъ люди! вотъ!

Зитта.

Всѣ эти сладкія мечты мнѣ были
Всегда смѣшны!—Ты христіанъ не знаешь,
Не хочешь знать. Ихъ гордость въ томъ, чтобъ только
Быть христіанами, а не людьми.
И даже, что сказалось человѣчнымъ,
Со времени Христа, въ ихъ суевѣрьи,
Они взлюбили не за человѣчность,
А потому, что такъ Христосъ училъ ихъ,
Такъ поступалъ Христосъ. И благо имъ,
Что былъ еще Онъ добрымъ человѣкомъ,
Что прямо добродѣтели Его
Они на вѣру могутъ взять. Да что тамъ!
Не добродѣтели, а имя! имя
Его должно распространяться всюду,
Должно уничтожать, должно позорить
Всѣ имена другихъ людей хорошихъ.
Объ имени вѣдь только и хлопочутъ.

Саладинъ.

Ты думаешь: зачѣмъ же бы иначе
Имъ нужно было требовать отъ васъ,

Чтобъ христіанами вы назывались,
И ты, и Мелекъ, прежде, чѣмъ подумать
Любить ихъ, какъ супруговъ-христіанъ?

Зитта.

Само собой!—Какъ будто христіане
Какъ христіане только и способны
Къ любви, которой надѣлилъ Творецъ
Жену и мужа.

Саладинъ.

Христіане вѣрятъ
Такъ часто вздору, что повѣрить могутъ
И этому. Но все-таки, сестра,
Ты не права: храмовники виновны,
Не христіане; не какъ христіане,
А какъ храмовники, они виновны—
И изъ-за нихъ не выйдетъ ничего.
Теперь они отстаиваютъ Акку,
Которая должна-бъ достаться брату
Въ приданое за Ричарда сестрой,
И, чтобы рыцарство не потеряло
Извѣстныхъ выгодъ, принялись они
Разыгрывать нелѣпѣйшихъ монаховъ.
Въ надеждѣ, что при первой суматохѣ
Хорошій натискъ можетъ быть удастся,
Они едва-едва могли дождаться,
Чтобъ миновало время перемирья.
Прекрасно! продолжайте, господа!
Я самъ доволенъ этимъ, продолжайте.
Лишь было-бъ остальное все въ порядкѣ.

Зитта.

Ну, что-жъ еще могло тебя встревожить?
Разстроить?

Саладинъ.

Что всегда меня приводитъ
Въ разстройство. Снова былъ я на Ливанѣ
У нашего отца: его совсѣмъ
Заботы одолѣли.

Зитта.

Бѣдный!

Саладинъ.

Просто
Не справится никакъ. Повсюду плохо,
То здѣсь, то тамъ недостаетъ.

Зитта.

Чего?

Саладинъ.

Чего-жъ, какъ не того, что я едва ли
Названья удостоиваю! что,
Когда имѣю, кажется мнѣ лишнимъ,
Когда же нѣтъ, необходимымъ. —Гдѣ-же
Ал-Гафи? кто пошелъ его позвать?
Недостаетъ проклятыхъ, гнусныхъ денегъ!
Ал-Гафи! наконецъ-то ты явился.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ДЕРВИШЪ АЛ-ГАФИ, САЛАДИНЪ и ЗИТТА.

Ал-Гафи.

Знать изъ Египта деньги намъ прислали?
Побольше-бъ ихъ.

Саладинъ.

Ты получилъ извѣстье?

Ал-Гафи.

Я?—Нѣтъ. Я думалъ здѣсь принять ихъ надо.

Саладинъ—задумчиво прохаживаясь взадъ и впередъ.

Ты выдай Зиттѣ тысячу динаръ.

Ал-Гафи.

Все: выдай—вмѣсто: получи. Прекрасно!
Вѣдь это менѣе, чѣмъ ничего.
Опять проиграно, и снова Зиттѣ?
Все въ шахматы? и вонъ она игра
Еще стоитъ.

Зитта.

Ты радъ, что я счастлива?

Ал-Гафи—разсматривая игру.

Что радъ? когда—вы знаете...

Зитта—дѣлая ему знаки.

Ст! Гафи!

Ал-Гафи—все глядя на игру.

Вы сами-то порадуйтесь сперва.

Зитта.

Ал-Гафи, ст!

Ал-Гафи—Зиттѣ.

Вы бѣлыми играли?
И дѣлаете—шахъ?

Зитта.

Какое счастье,
Что онъ не слышалъ.

Ал-Гафи.

Ходъ теперь его?

Зитта—подойдя къ нему ближе.

Ну, что же ты не скажешь мнѣ, что деньги
Могу я получить.

Ал-Гафи—все еще прикованный къ игрѣ.

Ну, да. Вы ихъ
Получите, какъ прежде получали.

Зитта.

Что? что? въ умѣ ли ты?

Ал-Гафи.

Игра не ваша.
Вы, Саладинъ, еще не проиграли.

Саладинъ—едва слушая.

Я проигралъ!—плати! плати!

Ал-Гафи.

Плати!
Но посмотрите, ваша королева...

Саладинъ.

Не значитъ ничего. Она къ игрѣ
Ужъ больше не принадлежитъ

Зитта.

Скажи же,
Что я за деньгами могу прислать.

Ал-Гафи - все еще углубленный въ игру.

Понятно!—какъ всегда. Но если даже
И ничего не значитъ королева,
Вамъ все-таки не матъ.

Саладинъ—подходитъ и опрокидываетъ шашки.

Мнѣ матъ; довольно.
Я такъ хочу.

Ал-Гафи.

Что-жъ? какова игра,
Таковъ и выигрышъ; и такъ же будемъ
Платить

Саладинъ—Зиттѣ.

Что говоритъ онъ? что?

Зитта—время отъ времени дѣлая знаки Ал-Гафи.

Ты знаешь,
Онъ любитъ поупрямиться, заставить
Себя упрашивать. Немножко даже
Завистливъ онъ.

Саладинъ.

Но не къ тебѣ же, Зитта?
Къ моей сестрѣ? Ал-Гафи, что я слышу?
Завистливъ, ты завистливъ?

Ал-Гафи.

Можетъ быть!
Я-бъ самъ не прочь имѣть ея разсудокъ
И доброту.

Зитта.

Но, несмотря на то,
Онъ до сихъ поръ всегда платилъ исправно.
Заплатитъ и теперь. Оставь его.
Ступай себѣ, Ал-Гафи; я сегодня
За деньгами пришлю.

Ал-Гафи.

Такъ нѣтъ!—не стану
Я больше притворяться. Вѣдь узнать же
Когда-нибудь онъ долженъ.

Саладинъ.

Кто?—и что?

Зитта.

Такъ вотъ какъ обѣщаешь ты, Ал-Гафи?
Такъ вотъ какъ слово держишь ты?

Ал-Гафи.

Кто-жъ думалъ,
Что нашъ обманъ пойдетъ такъ далеко!

Саладинъ.

Ну? ничего я не узнаю?

Зитта.

Гафи,
Прошу тебя, будь скроменъ.

Саладинъ.

Это странно!
Объ чемъ упрашивать могла бы Зитта
Такъ горячо, торжественно чужого
И дервиша, скорѣе чѣмъ меня,
Родного брата?—Я теперь, Ал-Гафи,
Приказываю: дервишъ, говори!

Зитта.

Мой братъ, не надо придавать значенье
Бездѣлицѣ, не стоящей того.
Ты знаешь, у тебя такую-жъ сумму
Выигрывать случалось мнѣ не разъ,
Но какъ теперь я въ деньгахъ не нуждаюсь,
А у Ал-Гафи ихъ пока не много,
То долгъ я не брала. Не безпокойся;
Я не намѣрена его дарить
Ни въ кассу, ни тебѣ, и ни Ал-Гафи.

Ал-Гафи.

Да, если-бъ только это было, это!

Зитта.

Такой же вздоръ: я не брала тѣхъ денегъ,
Которыя ты мнѣ назначилъ прежде.
Съ недавнихъ поръ я только не брала.

Ал-Гафи.

И тутъ еще не все.

Саладинъ.

Не все? Ал-Гафи,
Ты скажешь ли?

Ал-Гафи.

Съ тѣхъ поръ, какъ изъ Египта
Мы денегъ ждемъ, она...

Зитта—Саладину.

Не стоитъ слушать.

Ал-Гафи.

Не только ничего не получила,
Но...

Саладинъ.

Добрая моя!—еще пожалуй
Меня ссужала?—Нѣтъ?

Ал-Гафи.

Но содержала
Весь дворъ; одна платила всѣ издержки.

Саладинъ—обнимая ее.

А! въ этомъ узнаю мою сестру!

Зитта.

Мой братъ, вѣдь ты мнѣ далъ мое богатство,
Изъ-за тебя могла я это сдѣлать.

Ал-Гафи.

И снова приведетъ васъ къ нищетѣ,
Какъ и себя привелъ онъ.

Саладинъ.

Я-то нищій?
Я? братъ ея!—Когда-жъ имѣлъ я больше,
Когда же меньше?—Мечъ, коня, одежду
И Бога. Что же больше нужно мнѣ?
Когда-жъ мнѣ въ этомъ будетъ недостатокъ?
Но все-таки, Ал-Гафи, я бы могъ
Съ тобой поссориться.

Зитта.

Не ссорься, братъ мой.
Ахъ! если бы и нашему отцу
Могла я также облегчить заботы!

Саладинъ.

И этимъ вдругъ ты снова разрушаешь
Мое веселье. Мнѣ и для меня
Не можетъ быть, не будетъ недостатка;
Ему недостаетъ, а съ нимъ и всѣмъ намъ.
Скажите, что мнѣ дѣлать?—Изъ Египта,
Быть-можетъ, намъ пришлютъ еще не скоро.
Богъ вѣдаетъ, какая тутъ причина!
Вѣдь тамъ еще спокойно все. Я радъ бы
Стѣсниться, усчитать, сберечь во всемъ,
Что одного меня касаться можетъ—
И гдѣ другой никто не пострадаетъ,
Но этимъ не поможешь! мнѣ же нужны
Одежда, мечъ и конь. У Бога тоже
Мнѣ нечего урвать; и такъ ужъ Онъ
Довольствуется малымъ: только сердцемъ
Моимъ. Ал-Гафи, я таки вполнѣ
Разсчитывалъ на твой остатокъ кассы.

Ал-Гафи.

Остатокъ?—Согласитесь сами: вы бы
Велѣли на колъ посадить меня,

Велѣли-бъ удавить, по меньшей мѣрѣ,
Когда-бъ въ моей казнѣ нашли остатокъ.
Утаивать! осмѣлься только!

Саладинъ.

Что же
Мы станемъ дѣлать?—Будто ужъ нигдѣ
Не могъ занять ты прежде, чѣмъ у Зитты.

Зитта.

Да развѣ я позволю, что-бъ меня
Такого преимущества лишилъ онъ?
Я и теперь стою на томъ. Пока
Я далеко еще не обнищала.

Саладинъ.

Недоставало только обнищать!
Ступай, Ал-Гафи, дѣлай какъ умѣешь:
Займи, гдѣ можешь, обѣщай, что хочешь.
Но только, Гафи, не проси у тѣхъ,
Кто мной обогащенъ; иначе это
Считалось бы, что требую обратно.
Ступай къ скупѣйшимъ; мнѣ они дадутъ
Охотнѣй всѣхъ другихъ; вѣдь имъ извѣстно,
Какъ хорошо ихъ деньги нарастаютъ
Въ моихъ рукахъ.

Ал-Гафи.

Я этакихъ не знаю.

Зитта.

Мнѣ только-что сейчасъ пришло на память:
Я слышала, Ал-Гафи, что вернулся
Твой другъ.

Ал-Гафи.

Мой другъ?—Кто-жъ могъ бы это быть?

Зитта.

Твой высоко-хваленый жидъ.

Ал-Гафи.

Хваленый—
И жидъ? и мною высоко-хваленый?

Зитта.

Который Богомъ,—я еще прекрасно
Могу припомнить, какъ объ немъ когда-то
Ты выразился мнѣ,—который Богомъ
Своимъ въ полнѣйшей мѣрѣ надѣленъ
Отъ высшихъ и отъ низшихъ благъ вселенной.

Ал-Гафи.

Я такъ сказалъ?—что-жъ это означало?

Зитта.

Ты низшимъ благомъ называлъ богатство,
А высшимъ: мудрость.

Ал-Гафи.

Какъ? и про жида
Я такъ сказалъ вамъ?

Зитта.

Развѣ не сказалъ ты
Мнѣ этого про Натана?

Ал-Гафи.

Ахъ, да!
Вы про него! про Натана!—Вотъ кто мнѣ
На умъ не приходилъ. Такъ въ самомъ дѣлѣ
Вернулся онъ? ну, стало-быть дѣла
Его идутъ недурно. Правда, правда!
Его народъ когда-то назвалъ мудрымъ,
Богатымъ тоже.

Зитта.

Болѣе чѣмъ прежде
Народъ теперь зоветъ его богатымъ,
Весь городъ говоритъ про драгоцѣнность
Сокровищъ, привезенныхъ имъ сюда.

Ал-Гафи.

Ну, если онъ попрежнему богатый,
То вѣрно онъ попрежнему и мудрый.

Зитта.

Какъ думаешь, Ал-Гафи, если-бъ ты
Къ нему толкнулся?

Ал-Гафи.

Для чего бы это?
Не занимать ли? вотъ такъ угадали!
Онъ дастъ взаймы!—да въ томъ его вся мудрость,
Что никому взаймы онъ не дастъ.

Зитта.

Но ты его описывалъ мнѣ прежде
Совсѣмъ иначе.

Ал-Гафи.

Въ случаѣ нужды
Товаромъ онъ ссудитъ; но денегъ! денегъ
Не дастъ вамъ никогда. Хотя, конечно,
Такихъ жидовъ, какъ онъ, встрѣчаешь рѣдко:
Въ немъ много смыслу, онъ умѣетъ жить,
И превосходно въ шахматы играетъ.
Но и въ дурномъ, не меньше чѣмъ въ хорошемъ,
Онъ не похожъ на всѣхъ другихъ жидовъ.
Нѣтъ, на него разсчитывать не стоитъ.
Онъ, правда, часто помогаетъ бѣднымъ,
И, можетъ-быть, какъ Саладинъ, даетъ,
Хотя не такъ же много, но съ такой же

Готовностью и безъ лицепріятья:
Еврей ли, христіанинъ, мусульманинъ,
Огнепоклонникъ,—всѣ ему равны.

Зитта.

И у такого...

Саладинъ.

Какъ могло случиться,
Что никогда объ немъ я не слыхалъ?

Зитта.

И денегъ въ долгъ не дастъ онъ Саладину?
Тому не дастъ, кто только для другихъ
Нуждается, не для себя?

Ал-Гафи.

Вотъ въ этомъ
Сейчасъ опять вы видите жида,
Обыкновеннаго жида; повѣрьте.
Въ благодѣяньи онъ ревнивъ, завистливъ,
Хотѣлъ бы такъ, чтобъ одному ему
Всѣ нищіе на свѣтѣ говорили:
«Спаси васъ Богъ за ваше милосердье!»
Затѣмъ-то онъ и не дастъ взаймы,
Чтобъ къ подаянью быть всегда готовымъ,—
И, такъ какъ сказано ему въ законѣ
Про милосердіе, а не услугу,
То для того, чтобъ милосердымъ быть
Онъ самый неуслужливый товарищъ.
Мы съ нѣкоторыхъ поръ таки не ладимъ,
Другъ съ другомъ; не подумайте, однако,
Что я за то къ нему несправедливъ.
Онъ добръ на все, но только не на это;
Повѣрьте, не на это. Я сейчасъ
Пойду просить кого-нибудь другого.
Мнѣ помнится, здѣсь жилъ богатый мавръ;
Онъ очень скупъ; пойду-ка попытаюсь.

Зитта.

Зачѣмъ спѣшить?

Саладинъ.

Оставь его, оставь!

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНІЕ.

ЗИТТА. САЛАДИНЪ.

Зитта.

Спѣшитъ онъ, словно только избѣгаетъ
Разспросовъ. Что же это? точно-ль самъ онъ
Ошибся, или только хочетъ насъ
Онъ обмануть?

Саладинъ.

Могу ли я отвѣтить?
Вѣдь мнѣ едва извѣстно про кого
Вы говорите. Я сегодня слышу
Объ этомъ вашемъ Натанѣ впервые.

Зитта.

Возможно-ль, чтобъ совсѣмъ ты не слыхалъ
Про человѣка, о которомъ всюду
Молва твердитъ, что будто разыскалъ онъ
Гробницы Соломона и Давида,
Что ихъ печати можетъ разрѣшать
Всесильнымъ тайнымъ словомъ и выноситъ,
Отъ времени до времени, оттуда
Несмѣтныя сокровища, которыхъ
Источникъ меньшій дать не въ состояньи.

Саладинъ.

Ну, если изъ гробницъ его богатство,
Такъ вѣрно не Давидъ, не Соломонъ,
А дураки лежатъ въ гробницахъ этихъ.

Fr. Pecht

Зимма

Издание и собств. А. Ф. Маркса

Зитта.

Не-то злодѣи. И притомъ источникъ
Его богатствъ гораздо изобильнѣй,
Неистощимѣе сокровищъ всякой
Гробницы.

Саладинъ.

Вы сказали: онъ торгуетъ?

Зитта.

Онъ въ пристаняхъ имѣетъ корабли
Вездѣ и вьючный скотъ его гоняютъ
По всѣмъ дорогамъ и пустынямъ. Это
Мнѣ самъ Ал-Гафи говорилъ когда-то.
Восторженно разсказывалъ онъ мнѣ:
Какъ этотъ другъ его умѣетъ честно,
Великодушно пользоваться тѣмъ,
Что̀ добывать съ умомъ, трудолюбиво,
Онъ не считаетъ слишкомъ мелкимъ дѣломъ;
Разсказывалъ, какъ чуждъ онъ предразсудковъ,
Какъ сердце и душа его открыты
Для всякой добродѣтели, всему
Прекрасному доступны.

Саладинъ.

А сегодня
Объ немъ Ал-Гафи говорилъ такъ сухо,
Такъ неувѣренно.

Зитта.

Скорѣй смѣшавшись;
Какъ будто похвалить его считаетъ
Опаснымъ, и не хочетъ безъ причины
Его бранить. Какъ? неужели правда,
Что даже лучшій человѣкъ не можетъ
Отстать вполнѣ отъ племенныхъ привычекъ?
И что Ал-Гафи съ этой стороны

Стыдился друга?—Но пускай, какъ знаетъ,
Пусть больше или меньше въ немъ еврейства,
Но онъ богатъ, намъ этого довольно.

Саладинъ.

Вѣдь ты же не захочешь у него
Насильно отнимать его богатство?

Зитта.

Что называешь ты: отнять насильно?
Огнемъ? мечемъ?—нѣтъ, нѣтъ! въ борьбѣ со слабымъ
И слабости его одной довольно.
Какое тутъ насиліе!—Пойдемъ-ка
Покамѣстъ въ мой гаремъ послушать пѣнье
Невольницы, мной купленной вчера.
Я между тѣмъ придумаю, быть-можетъ,
Какъ приступить намъ къ Натану ловчѣй.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Передъ домомъ Натана въ той сторонѣ, которая соприкасается съ пальмами. **РЭХА** и **НАТАНЪ** выходятъ изъ дому; имъ навстрѣчу **ДАЙА**.

Рэха.

Вы очень позамѣшкались, отецъ мой,
Теперь его застанете едва ли.

Натанъ.

Ну, если не подъ пальмами, не здѣсь,
Такъ гдѣ-нибудь да сыщемъ, будь покойна.
Не Дайа ли идетъ сюда? смотри-ка.

Рэха.

Знать, потеряла изъ виду его.

Натанъ.

Ну, вѣрно нѣтъ.

Рэха.

Тогда бы шла скорѣе.

Натанъ.

Должно-быть насъ еще не увидала.

Рэха.

Ну вотъ и видитъ.

Натанъ.

И спѣшитъ. Смотри!
Да будь же ты спокойна.

Рэха.

Вы хотите,
Чтобъ ваша дочь спокойна тутъ была?
Чтобъ не заботилась о томъ, кто отдалъ
Своимъ благодѣяніемъ ей жизнь,
Любимую за то, что этой жизнью
Вы первый обязали?

Натанъ.

Я хотѣлъ бы
Чтобъ ты была такой, какая есть.
И если бы я даже зналъ, что душу
Твою волнуетъ кое-что другое,
Еще совсѣмъ другое...

Рэха.

Что? отецъ мой!

Натанъ.

Меня спросила ты? меня? такъ робко?
Природа и невинность порождаютъ
Все то, что совершается въ тебѣ.
Ты этимъ не тревожься. Я спокоенъ.
Но только обѣщай мнѣ, что, когда
Тебѣ яснѣй желанья сердца будутъ,
Ты отъ меня ни одного не скроешь.

Рэха.

Скрывать отъ васъ?—Мнѣ даже и подумать
Объ этомъ страшно!

Натанъ.

Такъ ни слова больше.
Разъ навсегда мы это порѣшили.
А вотъ и Дайа. Ну?

Дайа.

Еще гуляетъ
Онъ тутъ подъ пальмами. Сейчасъ онъ выйдетъ,
Вонъ изъ-за той стѣны. Смотрите: вонъ онъ!

Рэха.

И словно самъ не знаетъ какъ идти:
Налѣво ли, направо, иль вернуться.

Дайа.

Нѣтъ, онъ не разъ обходитъ монастырь.
Бьюсь объ закладъ, что здѣсь пройти онъ долженъ.

Рэха.

Да. Такъ и есть. Ты говорила съ нимъ?
Каковъ онъ нынче?

Дайа.

Какъ всегда.

Натанъ.

Такъ станьте
Подальше, чтобъ не могъ онъ васъ замѣтить.
А лучше, если вы совсѣмъ уйдете.

Рэха.

Еще хоть разъ взглянуть!—Нѣтъ! у меня
Его опять укралъ заборъ.

Дайа.

Пойдемте!
Отецъ вашъ правъ: бѣда вамъ, если онъ
Увидитъ васъ, сейчасъ назадъ вернется.

Рэха.

Ахъ, Господи! заборъ.

Натанъ.

Но если рыцарь
Изъ-за него появится внезапно,
Такъ онъ не можетъ не увидѣть васъ.

Дайа.

Пойдемте же! я знаю тамъ мѣстечко,
Гдѣ изъ окна мы ихъ подсмотримъ.

Рэха.

Да?

Обѣ входятъ въ домъ.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

НАТАНЪ, и вскорѣ потомъ ХРАМОВНИКЪ.

Натанъ.

Почти страшитъ чудакъ, почти смущаетъ
Суровой добродѣтелью своей.
И надо-жъ человѣку—человѣка
Въ такое затрудненье приводить.
Идетъ.—И юноша, а смотритъ мужемъ!
Люблю я этотъ добрый, дерзкій взглядъ
И смѣлый шагъ. Подъ горькой скорлупою
Навѣрно не такое же ядро.
Но гдѣ черты подобныя встрѣчалъ я?..
Простите, честный рыцарь...

Храмовникъ.

Что?

Натанъ.

Позвольте...

Храмовникъ.

Въ чемъ дѣло, жидъ?

Натанъ.

Осмѣлиться мнѣ съ вами
Заговорить.

Храмовникъ.

Могу-ль я помѣшать?
Но все-таки короче.

Натанъ.

Извините,—
И не спѣшите проходить такъ гордо,
Съ такимъ презрѣньемъ мимо человѣка,
Котораго къ себѣ вы привязали
Навѣки.

Храмовникъ.

Какъ?—Но чуть ли я не понялъ:
Вы...

Натанъ.

Натаномъ зовутъ меня. Мнѣ ваше
Великодушье дочь спасло, и я
Пришелъ...

Храмовникъ.

Не съ благодарностью-ль?—избавьте.
И такъ ужъ благодарности довольно
Мнѣ выстрадать пришлось за этотъ вздоръ,
И вы мнѣ не обязаны нисколько.
Я и не зналъ, что вашу дочь спасалъ.
Храмовникамъ ихъ долгъ велитъ бросаться
На помощь всякому, кто призываетъ.
Притомъ же въ ту минуту жизнь моя
И безъ того была мнѣ слишкомъ въ тягость;

Я ухватился съ радостью за случай,
Дававшій мнѣ возможность этой жизнью
Порисковать, чужую жизнь спасая,—
Хотя бы жизнь какой-нибудь жидовки!

Натанъ.

Какъ отвратительно—и какъ велико!
Я понимаю цѣль подобныхъ словъ:
За этой отвратительною рѣчью
Себя величье скромное скрываетъ,
Чтобъ удивленья избѣжать. Но если
Ему противны жертвы удивленій,
Какая жертва въ немъ встрѣчаетъ меньше
Презрѣнья?—Рыцарь, я бы не спросилъ
Такъ прямо, если-бъ не были вы плѣннымъ,
Чужимъ у насъ. Скажите, прикажите:
Чѣмъ я могу служить вамъ?

Храмовникъ.

Вы?—ничѣмъ.

Натанъ.

Но я богатъ.

Храмовникъ.

Ни разу жидъ богатый
Мнѣ не казался лучшимъ.

Натанъ.

Развѣ это
Мѣшаетъ вамъ воспользоваться тѣмъ,
Что онъ имѣетъ лучшаго? богатствомъ
Его воспользоваться?

Храмовникъ.

Хорошо.
Объ этомъ я не стану много спорить;

Не стану ради моего плаща.
Когда онъ весь износится, не будетъ
Ни лоскутка надежнаго, пожалуй
Я къ вамъ приду занять сукна иль денегъ,
Чтобъ новый сшить. Вы, впрочемъ, не печальтесь:
Теперь пока вамъ нечего бояться,
Онъ далеко еще не истрепался.
Вы видите, вѣдь онъ еще изряденъ.
Вотъ только скверное пятно въ углу.
Должно-быть, прожжено, какъ на пожарѣ
Я несъ чрезъ пламя вашу дочь.

Натанъ—схвативши край плаща и разсматривая его.

Какъ странно.
Что этотъ опаленный край плаща,
Что гадкое пятно о человѣкѣ
Свидѣтельствуетъ лучше, чѣмъ онъ самъ.
Позвольте мнѣ, пятно я поцѣлую...
Простите! это ненарочно.

Храмовникъ.

Что?

Натанъ.

Слеза упала на него.

Храмовникъ.

Пустое!—
Одною каплей больше.

Про себя.

Этотъ жидъ
Меня въ смущенье, наконецъ, приводитъ.

Натанъ.

О! если бы вы были такъ добры
И къ дочери моей, хоть на минутку,
Прислали этотъ плащъ.

Храмовникъ и Натанъ. (2 д, 5 явл.).
Съ картины Бендемана.

Храмовникъ.

На что онъ нуженъ?

Натанъ.

Чтобъ и она могла прижать къ губамъ
Его пятно, когда ужъ такъ напрасно
Надѣется обнять у васъ колѣни.

Храмовникъ.

Но, жидъ,—васъ Натаномъ зовутъ? но, Натанъ,
Вы вашу рѣчь слагаете прекрасно,
Остро и ловко. Я смущенъ. Конечно...

Натанъ.

Старайтесь притворяться, какъ угодно.
Я васъ и тутъ пойму: вы слишкомъ честны,
Добры, чтобъ вѣжливѣе быть. Вы знали,
Какъ много чувства ожидать могли
Въ спасенной вами дѣвушкѣ, какъ много
Готовности могли найти въ слугѣ;
Отецъ былъ далеко—и ваше имя
Отъ нареканья вы оберегали.
Боясь ее подвергнуть испытанью,
Боясь побѣды, вы бѣжали, рыцарь.
Спасибо вамъ.

Храмовникъ.

Я долженъ согласиться,
Что вамъ извѣстно, какъ обязанъ думать
Храмовникъ.

Натанъ.

Все-таки храмовникъ только?
И какъ обязанъ? только потому,
Что орденъ такъ велитъ ему? —Я знаю,
Какъ думаетъ хорошій человѣкъ.
Я знаю, что повсюду можно встрѣтить
Людей хорошихъ.

Храмовникъ.

Но съ различьемъ тоже,
Надѣюсь.

Натанъ.

Да, съ различьемъ въ цвѣтѣ кожи,
Въ сложеніи, въ одеждѣ.

Храмовникъ.

И при этомъ
Въ одной странѣ ихъ больше, чѣмъ въ другой.

Натанъ.

Ну, тутъ еще не велико различье.
Большому кораблю повсюду нужно
Большое плаванье—и, если много
Большихъ деревьевъ близко насажать,
Ихъ вѣтви станутъ сохнуть и ломаться.
Нѣтъ, по-просту, какъ мы, людей хорошихъ
Во всѣхъ странахъ вы встрѣтите не мало.
Но только надо, чтобъ одинъ другого
Не порицалъ, чтобъ терпѣливо наросль
Корявый сукъ сносила, чтобъ верхушка
Не вздумала гордиться, что она
Одна изъ-подъ земли не вырастала.

Храмовникъ.

Прекрасно сказано!—Но вѣрно тоже
Вы знаете, какой народъ впервые
Сталъ порицать другіе? вамъ извѣстно.
Какой народъ впервые называлъ
Себя народомъ избраннымъ у Бога?
Что-жъ если ненависти не питаю
Я къ этому народу, если все же
Я не могу сдержаться, чтобъ его
Не презирать за гордость?—эту гордость,
Которую онъ передалъ въ наслѣдство

Какъ мусульманамъ, такъ и христіанамъ:
Считать за истиннаго Бога только
Лишь своего?—Вамъ странно, что храмовникъ,
Что христіанинъ это говоритъ?
Когда-жъ и гдѣ въ такомъ ужасномъ видѣ,
Какъ здѣсь, какъ въ наше время, проявлялось
Благочестивое безумство—думать,
Что Бога наилучшаго позналъ,
И потому навязывать насильно
Его, какъ лучшаго, и всей вселенной.
Кто здѣсь? кто въ наше время не прозрѣетъ?
Но будь слѣпымъ кто хочетъ! позабудьте
Мои слова!—Оставьте вы меня.

Хочетъ идти.

Натанъ.

А!—вы не знаете насколько крѣпче
Меня теперь къ себѣ вы привязали.
Постойте, мы должны друзьями быть.
Народъ мой презирайте, какъ хотите:
Не мы себѣ народъ свой выбирали
И мы еще народъ не составляемъ.
Да что народъ!—евреи, христіане,—
Но прежде-то всего они вѣдь люди.
Ахъ, если-бъ мнѣ и въ васъ пришлось найти
Хотя однимъ бы человѣкомъ больше,
Которому довольно и того,
Что носитъ онъ названье человѣка.

Храмовникъ.

Да! видитъ Богъ, что вы нашли такого.
Да, Натанъ, вашу руку!—я стыжусь,
Что на мгновенье могъ въ васъ ошибаться.

Натанъ.

Я этимъ гордъ. Вѣдь рѣдко ошибешься
Въ обыкновенномъ только.

Храмовникъ.

И не скоро
Забудешь рѣдкое. Вы правы, Натанъ,
Должны мы быть друзьями.

Натанъ.

Мы друзья.
Какъ рада будетъ Рэха—и какую
Я будущность прекрасную предвижу.
Узнайте только дочь мою!

Храмовникъ.

Всей силой
Души я этого желаю. Кто-то
Выходитъ изъ дому у васъ. Не Дайа?

Натанъ.

Она. Какъ робко!

Храмовникъ.

Можетъ, съ нашей Рэхой
Случилось что-нибудь!

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же и ДАЙА—входитъ поспѣшно.

Дайа.

Ахъ! Натанъ!

Натанъ.

Ну?

Дайа.

Простите, честный рыцарь, что должна я
Прервать васъ...

Натанъ.

Что тамъ?

Храмовникъ.

Что случилось, Дайа?

Дайа.

Султанъ прислалъ; султанъ къ себѣ зоветъ васъ.
Ахъ, Господи! султанъ!

Натанъ.

Меня?—султанъ?
Онъ вѣрно хочетъ посмотрѣть новинки,
Мной привезенныя. Поди, скажи,
Что мы еще товаръ не разобрали.

Дайа.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ ничего не хочетъ видѣть,
Ему угодно съ вами говорить,
И лично съ вами, и скорѣй какъ можно.

Натанъ.

Сейчасъ приду. Ступай, ступай!

Дайа.

Ужъ вы
Не гнѣвайтесь на насъ, мой строгій рыцарь.
Ахъ, Господи, мы всѣ въ такой тревогѣ:
На что султанъ васъ можетъ звать?

Натанъ.

Увидимъ.
Ступай!

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ.

Храмовникъ.

Такъ вы не знаете его?
Я разумѣю: лично.

Натанъ.

Саладина?—
Я не искалъ, хоть и не избѣгалъ
Знакомства съ нимъ. Молва объ немъ такъ много
Хорошаго твердитъ, что лучше вѣрить,
Чѣмъ видѣть. Но теперь, когда бы даже
Неправду говорили, такъ одна
Пощада вашей жизни...

Храмовникъ.

Правду, правду,
Навѣрно. Жизнь моя—его подарокъ.

Натанъ.

Которымъ вдвое, втрое жизнь и мнѣ
Онъ подарилъ,—и это между нами
Мѣняетъ все, накинуло мнѣ петлю,
Которой вѣчно буду я отнынѣ
Къ нему привязанъ. Съ нетерпѣньемъ жду
Я первыхъ приказаній Саладина.
Я ко всему готовъ; готовъ сознаться,
Что ради васъ ему настолько преданъ.

Храмовникъ.

Я самъ, хотя и часто съ нимъ встрѣчался,
Еще не могъ его благодарить.
Мгновенно произвелъ я впечатлѣнье—
И вновь оно мгновенно миновало.
Кто знаетъ, помнитъ ли онъ обо мнѣ.
А все-таки еще придется вспомнить
Хоть разъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ рѣшить
Мою судьбу. Вѣдь мало, что живу я
По волѣ, по приказу Саладина,
Въ его рукахъ и будущность моя.

Натанъ.

Не иначе; тѣмъ больше я спѣшу.

Быть-можетъ, выдастся еще словечко
И мы заговоримъ объ васъ. Прощайте.
Позвольте, извините, тороплюсь я.
Когда же у себя мы васъ увидимъ?

Храмовникъ.

Когда позволите.

Натанъ.

Когда хотите.

Храмовникъ.

Сегодня.

Натанъ.

Ваше имя?

Храмовникъ.

Было прежде—
Меня зовутъ фонъ-Штауфенъ, Курдъ фонъ-Штауфенъ.

Натанъ.

Фонъ-Штауфенъ? Штауфенъ?

Храмовникъ.

Что васъ удивляетъ?

Натанъ.

Фонъ-Штауфенъ?—такъ!—изъ вашего семейства
Ужъ многіе...

Храмовникъ.

Бывали здѣсь! еще бы!
Останки многихъ догниваютъ здѣсь.
Мой дядя даже, то-есть нѣтъ, отецъ мой,
Хотѣлось мнѣ сказать... Но отчего
Вы на меня такъ пристально глядите?

Натанъ.

О ничего! могу ли я на васъ
Довольно наглядѣться?

Храмовникъ.

Потому-то
Я первый оставляю васъ. Нерѣдко
Взглядъ испытующій находитъ больше,
Чѣмъ хочетъ; я таки его боюсь.
Пускай же насъ не любопытство, Натанъ,
А время понемногу познакомитъ.

Уходитъ.

Натанъ—*изумленный глядитъ ему вслѣдъ.*

«Взглядъ испытующій находитъ больше,
Чѣмъ хочетъ»!—Словно мысль мою прочелъ.
Да, это можетъ и со мной случиться.
Не только ростъ, походка, голосъ Вольфа.
Тоть-въ-точь какъ Вольфъ, онъ носитъ мечъ у локтя.
Какъ Вольфъ, рукой проводитъ по бровямъ,
Скрывая жгучій взглядъ. Какъ Вольфъ, бывало,
Закидываетъ голову назадъ.
Такъ иногда спокойно дремлютъ въ насъ
Когда-то сердцу близкія картины,
Покамѣстъ слово, звукъ какой-нибудь
Ихъ не разбудитъ. Штауфенъ—да! конечно;
Фонъ-Фильнекъ и фонъ-Штауфенъ—да. Я скоро
Подробнѣе узнаю это все.
Но прежде къ Саладину. Кто тамъ?—Дайа?
Опять зачѣмъ-то крадется. Иди.

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ДАЙА. НАТАНЪ.

Натанъ.

Ну что?—опять сердца въ васъ истомились
Желаньемъ знать, но не объ томъ, что нужно
Султану.

Дайа.

Какъ винить ее за это?

Вы только-что довѣрчивѣе стали
Съ нимъ разговаривать, какъ насъ пугнуло
Посланіе султана отъ окна.

Натанъ.

Ты ей скажи, чтобъ каждую минуту
Она ждала его.

Дайа.

Навѣрно?

Натанъ.

Дайа,
Могу ли на тебя я положиться?
Прошу тебя, будь осторожна съ нимъ.
Ты въ этомъ не раскаешься,—и даже
Сведешь ты счеты съ совѣстью своей.
Смотри же, только планъ мой не испорти.
Въ разсказахъ и разспросахъ будь скромна,
Умѣрена.

Дайа.

Нашли что поминать!
Иду. И вы ступайте. Вонъ, глядите:
Еще другой къ вамъ посланный султана,
Ал-Гафи вашъ?

Уходитъ.

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

НАТАНЪ. АЛ-ГАФИ.

Ал-Гафи.

А я шелъ къ вамъ опять.

Натанъ.

Такъ дѣло спѣшное? чего онъ хочетъ?

Ал-Гафи.

Кто?

Натанъ.

Саладинъ. Иду, иду.

Ал-Гафи.

Куда?
Къ султану?

Натанъ.

Развѣ ты ко мнѣ не присыланъ
Султаномъ?

Ал-Гафи.

Нѣтъ. Такъ онъ ужъ присылалъ?

Натанъ.

Конечно.

Ал-Гафи.

Ну, понятно.

Натанъ.

Что̀ понятно?

Ал-Гафи.

Но, видитъ Богъ, я тутъ не виноватъ.
Чего-чего про васъ не говорилъ я,
Чего не лгалъ, чтобъ только отклонить.

Натанъ.

Что отклонить?

Ал-Гафи.

Онъ васъ теперь назначитъ
Своимъ казнохранителемъ. Мнѣ жаль васъ;
Но видѣть этого я не намѣренъ.
Я ухожу сейчасъ же. А куда?
Вы слышали, дорога вамъ извѣстна.
Не нужно-ль, по пути, послать со мною
Чего-нибудь? скажите, я къ услугамъ.

Конечно, только что голякъ тащить
Съ собою можетъ. Говорите живо.
Я ухожу.

Натанъ.

Ал-Гафи, образумься.
Вѣдь я еще не знаю ничего.
О чемъ ты говоришь?

Ал-Гафи.

Вы ихъ возьмете
Съ собой сейчасъ, мѣшки?

Натанъ.

Мѣшки?

Ал-Гафи.

Ну, деньги,
Которыя дадите въ долгъ султану.

Натанъ.

И только?

Ал-Гафи.

Мнѣ смотрѣть, какъ онъ день-за-день
Васъ до послѣдней нитки оберетъ?
Какъ занимать, и занимать онъ будетъ
На мотовство, покамѣстъ даже мыши
Не околѣютъ съ голоду въ амбарахъ,
Гдѣ много добраго всегда хранилось
На милосердье мудрое?—Постойте!
Вы, можетъ-быть, еще вообразили,
Что тотъ, кто золото у васъ беретъ,
Послѣдуетъ и вашему совѣту?—
Совѣту? онъ? когда же Саладинъ
Совѣта слушалъ?— Знаете ли, Натанъ,
Что только-что онъ сдѣлалъ?

Fr. Fecht gr.

. . Ali – . Тафи.

Изданiе и собств. А. Ф. Маркса

Натанъ.

Ну?

Ал-Гафи.

Къ нему
Являюсь я. А до меня съ сестрою
Онъ въ шахматы игралъ. Она умѣетъ
Порядочно играть. Еще стояла
Игра неконченною на доскѣ;
Но онъ рѣшилъ, что выиграла Зитта.
Гляжу: ну, нѣтъ; еще игру далеко
Нельзя назвать проигранною.

Натанъ.

Ба!
Да это для тебя была находка.

Ал-Гафи.

Онъ долженъ былъ, подвинувъ короля,
Прикрыться пѣшкой. Если-бъ можно было
Вамъ показать...

Натанъ.

О! я и такъ повѣрю.

Ал-Гафи.

Такъ открывалъ онъ ходъ слону, и Зитта
Погибла бы навѣрно. Я хотѣлъ ужъ
Ему все это ясно доказать.
Зову его—и что-жъ?

Натанъ.

Онъ не согласенъ?

Ал-Гафи.

Онъ и не слушаетъ. Онъ опрокинулъ
Презрительно всѣ шашки.

Натанъ.

Быть не можетъ!

Ал-Гафи.

Сказалъ: «Мнѣ матъ, я такъ хочу!»—Онъ хочетъ!
Что-жъ это за игра?

Натанъ.

Игра игрою.

Ал-Гафи.

Во всякомъ случаѣ, игра такая
И скорлупы орѣховой не стоитъ.

Натанъ.

Грѣхъ не великъ, что деньгами соритъ онъ,
Но что тебя не выслушалъ, что въ дѣлѣ
Подобной важности не слушалъ вовсе,
Что твой орлиный взглядъ не оцѣненъ!—
Вотъ это ужъ взываетъ къ мести! такъ ли?

Ал-Гафи.

Ахъ, что?—Я говорю объ этомъ только,
Чтобъ знали вы, что онъ за голова.
Ну, словомъ, жизнь мнѣ съ нимъ невыносима.
Вотъ шляюсь я ко всякимъ грязнымъ маврамъ
И ихъ прошу, не дастъ ли кто взаймы.
Я!—я, который для себя ни разу
Руки не протянулъ за подаяньемъ,—
Я для другихъ обязанъ занимать.
А, право, занимать не многимъ лучше
Выпрашиванья милостыни; такъ же,
Какъ въ долгъ давать, съ расчетомъ на проценты,
Не многимъ лучше, чѣмъ украсть. У Ганга,
Гдѣ съ Парсами живу я, это все
Не нужно мнѣ. У Ганга я не долженъ
Служить орудіемъ такимъ продѣлкамъ,
И только тамъ людей встрѣчаешь. Здѣсь же
Изъ всѣхъ, кого я знаю, вы одни
Достойны жить у Ганга. Не хотите-ль?

Пойдемте вмѣстѣ. Бросьте вы ему
Весь этотъ хламъ, которымъ онъ такъ занятъ.
Вѣдь понемногу все отниметъ, все!
А этакъ вы, по крайней мѣрѣ, разомъ
Отъ всей возни избавитесь. Пойдемте,
Я васъ одѣну дервишемъ.

Натанъ.

Я думалъ,
Что это сдѣлать мы всегда успѣемъ.
Но все-таки я поразмыслю, Гафи.
Постой...

Ал-Гафи.

Въ такихъ дѣлахъ не размышляютъ.

Натанъ.

Дай мнѣ сходить къ султану. Дай проститься.

Ал-Гафи.

Кто хочетъ размышлять, тотъ ищетъ поводъ,
Чтобъ не посмѣть рѣшиться. Кто не можетъ
Рѣшиться разомъ жить, какъ хочетъ самъ,
Тотъ будетъ вѣчно жить рабомъ другого.
Какъ знаете!—Ну, будьте же счастливы,
Пока вамъ это кажется возможнымъ.
Моя дорога тамъ, а ваша здѣсь.

Натанъ.

Вѣдь ты сперва провѣрить счеты долженъ?

Ал-Гафи.

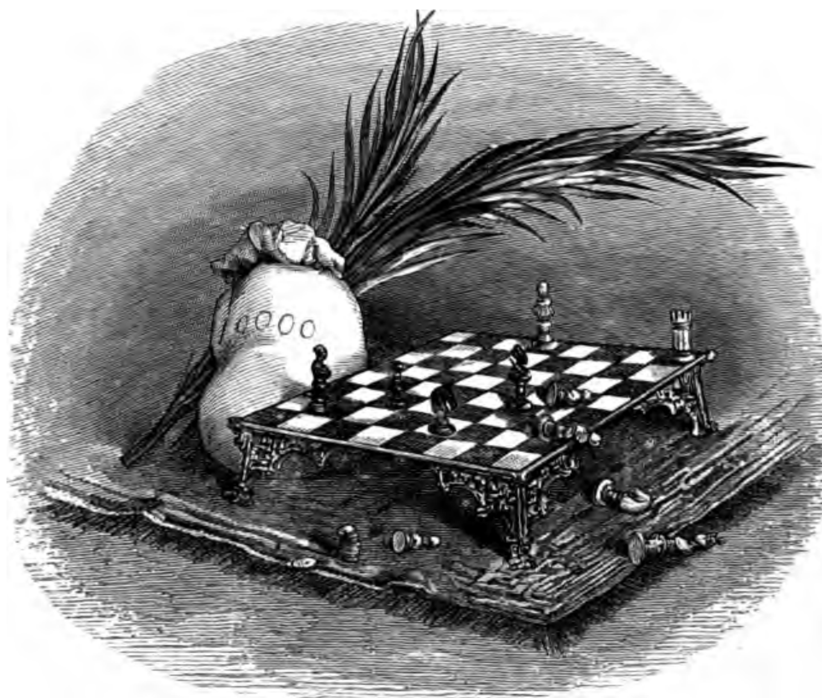
Эхъ! пустяки. Не стоитъ и считать
Остатокъ кассы. А что счеты вѣрны,
Въ томъ вы поручитесь; не вы, такъ Зитта.
Желаю счастья вамъ.

Уходитъ.

Натанъ.

Я поручусь.
Ты! дикій, добрый, честный,—какъ его мнѣ
Назвать?—Вѣдь только настоящій нищій
Единственный и настоящій царь!

Уходитъ въ другую сторону.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Въ домѣ Натана.

РЭХА и ДАЙА.

Рэха.

Какъ, Дайа, какъ сказалъ тебѣ отецъ мой:
«Чтобъ каждую минуту ждать его?»
Вѣдь это значитъ, что придетъ онъ скоро;
А между тѣмъ, ужъ множество минутъ
Прошло!—Пускай! что думать о прошедшемъ?
Нѣтъ, лучше каждой будущей минутой
Я стану жить; придетъ-таки одна
И принесетъ его.

Дайа.

Проклятый случай!
Посольство отъ султана. Не оно бы,
Такъ Натанъ непремѣнно бы теперь же
Привелъ его съ собою.

Рэха.

Но когда
Минута эта, наконецъ, наступитъ,

Когда исполнится мое желанье
Горячее, сильнѣйшее изъ всѣхъ,
Тогда-то что же?

Дайа.

Что тогда?—Надѣюсь,
Тогда исполнится и то, что я
Желаю горячо.

Рэха.

Я такъ привыкла
Имѣть одно, сильнѣйшее желанье.
Когда его не будетъ, что-жъ тогда
Его замѣнитъ мнѣ?—ничто? мнѣ страшно.

Дайа.

Мое желанье, слышишь ли, мое
Заступитъ мѣсто прежняго: желанье
Въ Европѣ увидать тебя, въ рукахъ
Тебя достойныхъ.

Рэха.

Нѣтъ, ты въ заблужденьи.
Не то же-ль самое, что заставляетъ
Тебя мечтать объ этомъ, не допуститъ,
Чтобъ и мои желанья были тѣ же?
Тебя манитъ на родину твою,
А я свою безъ сожалѣнья брошу?
Картины твоего воспоминанья
Должны сильнѣе дѣйствовать, чѣмъ то,
Что я могу сама здѣсь видѣть, слышать,
И осязать?

Дайа.

Упорствуй сколько хочешь.
Господень путь—есть путь Господень. Что же,

Коль рыцарь твой у Бога своего,
У Бога, за Котораго онъ бьется,
На то и выбранъ именно, чтобъ ты
Была отвезена къ другимъ народамъ,
Въ тѣ страны, для которыхъ ты родилась?

Рэха.

Ну что опять ты говоришь мнѣ? право
Вѣдь у тебя престранныя понятья:
У Бога своего! у своего!
И—за Котораго онъ бьется!—Дайа!
Кто можетъ Бога называть своимъ?
Какой же Богъ есть собственность людская?
Какому Богу нужно, чтобы люди
Изъ-за Него другъ друга убивали?
И почему мы знаемъ, для какого
Клочка земли мы рождены на свѣтъ,
Когда не для того, гдѣ мы родились?
Ну если бы отецъ мой это слышалъ?
Что сдѣлалъ онъ тебѣ? зачѣмъ всегда
Какъ можно дальше отъ него ты ищешь
Мнѣ счастья?—что тебѣ онъ сдѣлалъ, Дайа,
Что ты мѣшаешь съ сорною травой,—
Съ цвѣтами родины твоей любезной,
То сѣмя разума, которымъ душу
Такъ чисто мнѣ засѣялъ мой отецъ?
О милая! онъ наконецъ не хочетъ,
Чтобъ пестрые цвѣты твои росли
На почвѣ моего разсудка. Знаешь,
И я сама должна тебѣ признаться,
Что хоть они блестящи и красивы,
Но истощаютъ силы молодыя
И запахъ ихъ удушливъ и тяжелъ.
Твой мозгъ къ нимъ болѣе привыченъ, Дайа...
Не стану осуждать я въ этомъ нервы,
Которые выносятъ этотъ запахъ;

Но только онъ меня-то одуряетъ.
Вотъ, напримѣръ, хоть давеча, твой ангелъ!
Какой было меня онъ глупой сдѣлалъ!
И до сихъ поръ мнѣ стыдно предъ отцомъ
За этотъ вздоръ.

Дайа.

Скажите! вздоръ! какъ будто
Встрѣчаешь умныхъ только въ здѣшнемъ домѣ.
О! если бы я смѣла говорить.

Рэха.

А развѣ ты не смѣешь?—Да когда-жъ я
Не слушала со всѣмъ вниманьемъ все,
Что̀ ты мнѣ говорила о герояхъ
Твоей религіи? и развѣ я
Не удивлялась ихъ дѣламъ и жизни?
Не плакала объ ихъ тяжелыхъ мукахъ?
Въ нихъ, правда, наиболѣе геройскимъ
Считала я не вѣру; но тѣмъ больше
Мнѣ было утѣшительно ученье:
Что не зависитъ отъ мечтаній нашихъ
О Богѣ, наша преданность Ему.
Какъ часто намъ говаривалъ объ этомъ
Отецъ мой, и сама ты, Дайа, часто
Съ нимъ соглашалась; такъ зачѣмъ же снова
Стараешься разрушить, что, бывало,
Съ нимъ вмѣстѣ строила?—Мы не должны бы
Объ этомъ спорить въ ожиданьи друга.
А впрочемъ, для меня оно и кстати:
Какъ безконечно бы хотѣлось мнѣ,
Чтобъ тоже онъ... Чу! слышала ты, Дайа?
Къ намъ, кажется, вошли?—Ахъ! если-бъ это
Былъ онъ!

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

РЭХА, ДАЙА и ХРАМОВНИКЪ, которому кто-то отворилъ дверь, говоря:

Войдите.

Рэха — вздрагиваетъ, но сдерживаетъ себя и хочетъ упасть передъ нимъ на колѣни.

Онъ!—О мой спаситель!

Храмовникъ.

Чтобъ этого избѣгнуть, медлилъ я
Сюда идти—и все-таки...

Рэха.

Простите.
Я передъ этимъ гордымъ человѣкомъ,
У ногъ его, хочу еще хоть разъ
Благодарить, но не его, а Бога.
Не хочетъ человѣкъ, чтобъ я его
Благодарила, какъ ведро не хочетъ,
Работавшее съ пользой на пожарѣ.
Нальютъ его водой и выльютъ снова,
Оно того не чувствуетъ. Онъ тоже
Случайно только брошенъ былъ въ огонь;
Потомъ къ нему я на руки попала,
Какъ искра, налетѣвшая на плащъ,
И, наконецъ, не знаю чтò оттуда
Обоихъ вмѣстѣ выбросило насъ.
За что же тутъ благодарить?—въ Европѣ
Иной разъ, подъ вліяніемъ вина,
И не такіе подвиги творятся.
Храмовники должны такъ поступать;
Должны, какъ тѣ ученыя собаки,
Которыя и отъ огня спасаютъ
И изъ воды выносятъ.

Храмовникъ — который все время глядѣлъ на Рэху съ удивленіемъ и безпокойствомъ.

Дайа, Дайа!

Я знаю, что тебя я оскорблялъ
Въ минуту раздраженія и горя;
Но для чего же ей передавать
Всѣ глупости, которыя срывались
Въ то время съ языка?—вѣдь это значитъ,
Что слишкомъ зло ты мстила за обиду.
Быть-можетъ, Дайа, ты теперь словечко
Замолвишь за меня.

Дайа.

Мой добрый рыцарь,
Не думаю, чтобъ колкость вашихъ словъ,
Затронувши сердечко Рэхи, много
Вамъ повредила въ немъ.

Рэха.

Вы были въ горѣ?
И вашимъ горемъ вы скупились больше,
Чѣмъ вашей жизнью.

Храмовникъ.

Доброе дитя!
Моя душа двоится передъ вами:
Смотрѣть ли мнѣ, иль слушать, самъ не знаю.
Нѣтъ, нѣтъ! не эту дѣвочку я вынесъ
Изъ пламени!—кто сталъ бы ждать меня?
Кто могъ бы знать ее—и въ то же время
Не броситься въ огонь ее спасти?
Но, впрочемъ, страхъ мѣняетъ человѣка.

Молчаніе. Онъ какъ бы забывается, любуясь ею.

Рэха.

А я васъ нахожу еще все тѣмъ же.

Опять молчаніе, которое она прерываетъ, чтобъ прекратить его задумчивое созерцаніе.

Ну, разскажите, рыцарь, гдѣ вы были
Такъ долго?—Я почти могу спросить:
Теперь-то гдѣ вы?

Храмовникъ.

Тамъ, гдѣ, можетъ статься,
Не слѣдуетъ мнѣ быть.

Рэха.

А гдѣ вы были?
Опять гдѣ вамъ не слѣдовало быть?
Не хорошо.

Храмовникъ.

Я былъ на той горѣ...
Ну, какъ бишь?—на Синаѣ.

Рэха.

На Синаѣ?
Прекрасно. Наконецъ, я достовѣрно
Узнаю...

Храмовникъ.

Что?—дѣйствительно ли видно
То мѣсто, гдѣ когда-то Моисей
Стоялъ предъ Богомъ?...

Рэха.

Только ужъ не это.
Гдѣ онъ стоялъ, тамъ онъ стоялъ предъ Богомъ;
И я достаточно объ этомъ знаю.
Нѣтъ. Правда ли, хотѣла я спросить,
Что будто бы всходить на эту гору
Гораздо легче, чѣмъ съ нея сходить?
Что до меня,—мнѣ сколько ни случалось
Взбираться на горы, всегда бывало
Наоборотъ. Ну, рыцарь?—Что?—Зачѣмъ же
Вы отвернулись? на меня глядѣть
Вы не хотите?

Храмовникъ.

Я хочу васъ слушать.

Рэха.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Храмовникъ.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Рэха.

Что сказать вамъ?
[illegible]

Храмовникъ.

«[illegible]!»
Мнѣ говорилъ про васъ отецъ вашъ.

Дайа.

Развѣ
Не то же говорила вамъ и я?

Храмовникъ.

Но гдѣ же онъ? отецъ вашъ. Неужели
Онъ у султана до сихъ поръ?

Рэха.

Конечно.

Храмовникъ.

Все тамъ еще?—Нѣтъ, нѣтъ! какъ я забывчивъ!
Онъ врядъ ли тамъ. Онъ вѣрно ждетъ меня
Внизу, у монастырскихъ стѣнъ. Мы въ этомъ,
Какъ помнится, условились. Его
Я приведу. Позвольте...

Дайа.

Это дѣло
Мое. Останьтесь, рыцарь; я сейчасъ
За нимъ схожу.

Храмовникъ.

Меня онъ хочетъ видѣть—
Не васъ. Притомъ—кто знаетъ? онъ легко
Могъ у султана—могъ легко смутиться.
Вѣдь вы не знаете султана. Вѣрьте,
Тутъ есть опасность. Мнѣ необходимо
Идти.

Рэха.

Опасность?

Храмовникъ.

Для меня, для васъ,
И для него опасность, если тотчасъ
Я не уйду.

Уходитъ.

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНІЕ.

РЭХА и ДАЙА.

Рэха.

Такъ скоро!—Дайа, что̀ же
Все это значитъ? что̀ его сразило?
Что̀ выгнало его?

Дайа.

Пускай себѣ.
Я думаю, что это знакъ хорошій.

Рэха.

Какой же?

Дайа.

Кое-что въ немъ происходитъ:
Оно внутри кипитъ и не должно
Перекипѣть. Пускай! за вами дѣло.

Рэха.

За мной? — и ты становишься, какъ онъ,
Мнѣ непонятной.

Дайа.

Скоро можно будетъ
Вамъ поплатиться съ нимъ за безпокойство,
Которымъ онъ васъ мучилъ. Только вы
Не будьте слишкомъ мстительны и строги.

Рэха.

Ну, понимай сама свои намёки.

Дайа.

Такъ вы опять совсѣмъ спокойны?

Рэха.

Да.
Да, я спокойна.

Дайа.

Но, по крайней мѣрѣ,
Сознайтесь: вамъ пріятно видѣть въ немъ
Такое безпокойство? и спокойны
Вы оттого, что не спокоенъ онъ.

Рэха.

Мнѣ это совершенно непонятно.
Одно еще, въ чемъ я могу сознаться,
Такъ это въ томъ, что я сама дивлюсь,
Какъ, тотчасъ послѣ бурнаго волненья,
Мнѣ стало вдругъ такъ тихо и отрадно.
Его слова, его пріятный взглядъ
Меня...

Дайа.

Пресытили?

Рэха.

О, нѣтъ, конечно,
Нѣтъ, далеко не то.

Дайа.

Такъ первый голодъ
Поутолили?

Рэха.

Если хочешь—да.

Дайа.

Ну, я-то не хочу.

Рэха.

Онъ вѣчно будетъ
Мнѣ дорогъ, онъ останется мнѣ вѣчно
Дороже жизни, хоть теперь ужъ больше
При имени его не бьется сердце
Во мнѣ сильнѣе. Не вздыхаю грустно,
Когда задумаюсь объ немъ. Да что я
Болтаю?.. Дайа, милая, пойдемъ
Опять къ окну, гдѣ можно видѣть пальмы.

Дайа.

Такъ, стало-быть, еще и первый голодъ
Не заморенъ?

Рэха.

Теперь и пальмы тоже
Я буду видѣть, а не одного
Его подъ пальмами.

Дайа.

Холодность эта
Ведетъ къ началу новой лихорадки.

Рэха.

Холодность?—я не холодна. И право
Не съ меньшимъ наслажденьемъ вижу то,
На что могу смотрѣть я безъ волненья.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Аудіенцъ-зала во дворцѣ Саладина.

САЛАДИНЪ и ЗИТТА.

Саладинъ —входя, говоритъ въ дверь.

Когда придетъ еврей, его сейчасъ же
Ввести сюда. Какъ видно, не привыкъ
Онъ торопиться.

Зитта.

Вѣрно, не былъ дома,
И скоро не могли его найти.

Саладинъ.

Сестра! сестра!

Зитта.

Ты, право, словно къ битвѣ
Готовишься.

Саладинъ.

Притомъ, такимъ оружьемъ,
Которымъ и владѣть я не умѣю.

Я долженъ сѣть разставить, притворяться,
Обманывать, лукавить. Гдѣ же мнѣ
Все это знать? и для чего все это?
Чтобъ деньги выудить, чтобъ деньги страхомъ
Сорвать съ жида. Неужли, наконецъ,

Зитта ободряетъ Саладина въ его рѣшеніи испытать Натана. (3 д., 4 явл.)

Мнѣ мелочною хитростью придется
Добыть мельчайшую изъ мелочей?

Зитта

И мелочью пренебрегать не надо,
И мелочь можетъ мстить.

Саладинъ.

Къ несчастью, да.

А если этотъ жидъ и въ самомъ дѣлѣ
Хорошій и разумный человѣкъ,
Какъ прежде говорилъ о немъ Ал-Гафи?

Зитта.

Что нужды въ томъ? вѣдь западню разставишь
Ты только для жида, который скупъ,
И бояздивъ, и недовѣрчивъ. Если-жъ
Онъ точно добрый, мудрый человѣкъ,
Такъ нашимъ будетъ онъ и безъ обмана.
При этомъ ты еще себѣ вдобавокъ
Доставишь удовольствіе узнать:
Какъ смѣло, какъ разумно онъ отвѣтитъ;
Какъ сѣть твою онъ разомъ перерветъ,
Иль осторожно обойдетъ опасность.

Саладинъ.

Да, да. Я буду радъ его послушать.

Зитта.

Такъ больше вѣдь и нечѣмъ затрудняться.
Ужъ вѣрно, если онъ одинъ изъ многихъ,
И только жидъ, какъ жидъ,—не станешь ты
Стыдиться, что ему такимъ являлся,
Какими онъ считаетъ всѣхъ. И больше:
Кто захотѣлъ бы лучшимъ показаться,
Ему покажется шутомъ и глупымъ.

Саладинъ.

По-твоему, чтобъ человѣкъ дурной
Не думалъ дурно обо мнѣ, и самъ я
Обязанъ дурно поступать.

Зитта.

Пожалуй,
Когда считаешь ты дурнымъ поступкомъ
Умѣнье пользоваться всякой вещью,
Сообразуясь съ ней.

Саладинъ.

Когда-жъ бывало,
Чтобъ женскій мозгъ да не сумѣлъ украсить
Свое изобрѣтеніе?

Зитта.

Украсить?

Саладинъ.

Боюсь я, эта тонкая вещица,
Съ моей неловкостью, въ моей рукѣ,
Какъ разъ сломиться можетъ. Тутъ бы нужно
И дѣйствовать, какъ выдумано было:
Хитро и ловко. Ну! пускай себѣ!
Я пропляшу, какъ знаю. Хоть, конечно,
Я радъ бы лучше дурно проплясать,
Чѣмъ хорошо.

Зитта.

Не будь къ себѣ ты только
Такъ недовѣрчивъ. Если ты захочешь,
Ручаюсь за тебя. Но это страсть
Людей тебѣ подобныхъ: увѣрять насъ,
Что до всего они добились только
Однимъ мечемъ. Хоть льву, конечно, стыдно
Гоняться за лисицей; но стыдится
Лисицы онъ, не хитрости ея.

Саладинъ.

И вотъ какъ любитъ женщина понизить
Мужчину въ уровень съ собой. Ступай.
Я думаю, что выполнить сумѣю
Урокъ свой.

Зитта.

Мнѣ уйти?

Саладинъ.

А ты хотѣла
Остаться здѣсь?

Зитта.

Ну, хоть не здѣсь, но рядомъ,
Въ сосѣдней комнатѣ.

Саладинъ.

Подслушать?—нѣтъ.
И тамъ нельзя, сестра: чтобъ не мѣшать мнѣ.
Ступай, ступай! коверъ заколыхался.
И не подслушивать! я все увижу.

Въ то время, какъ Зитта выходитъ въ одну дверь, въ другую входитъ Натанъ, и Саладинъ сѣлъ.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

САЛАДИНЪ и НАТАНЪ.

Саладинъ.

Смѣлѣе, жидъ! смѣлѣе подходи.
Сюда, поближе!—ближе. Безъ боязни.

Натанъ.

Внушай ее врагу.

Саладинъ.

Ты Натанъ?

Натанъ.

Да.

Саладинъ.

И Натанъ мудрый?

Натанъ.

Нѣтъ.

Первый приходъ Натана къ Саладину. (3 д., 5 явл.)

Саладинъ.

Я понимаю,
Что самъ себя ты такъ не называешь;
Но твой народъ.

Натанъ.

Да, можетъ-быть, народъ.

Саладинъ.

Не думай, что съ презрѣньемъ говорю я
О голосѣ народа. Мнѣ давно ужъ
Хотѣлось знать того, кому народъ
Дастъ названье мудраго.

Натанъ.

А если
Я прозванъ такъ въ насмѣшку? если мудрый,
Въ устахъ народа, значитъ только умный?
А умный тотъ, кто выгоду свою
Умѣетъ соблюдать?

Саладинъ.

Предполагая
Тутъ истинную выгоду.

Натанъ.

Тогда
Своекорыстный всѣхъ умнѣй; а мудрость
И умъ одно и то же.

Саладинъ.

Этимъ ты
Доказываешь то, что опровергнуть
Стараешься. Народу неизвѣстно,
Въ чемъ истинная выгода людей;
Но ты узналъ ее; по крайней мѣрѣ,
Узнать старался, размышлялъ. За это
Одно ты въ правѣ называться мудрымъ.

Натанъ.

Какимъ себя считаетъ всякій.

Саладинъ.

Полно!
Противно видѣть постоянно скромность,
Гдѣ ждешь сухого разума. Ну, къ дѣлу.

Встаетъ

Но только искреннимъ ты долженъ быть,
И искреннимъ вполнѣ.

Натанъ.

Я постараюсь
Тебѣ настолько услужить, что буду
И впредь достоинъ твоего вниманья.

Саладинъ.

Какъ услужить?

Натанъ.

Ты отъ меня получишь
Все лучшее и по дешевымъ цѣнамъ.

Саладинъ.

Про что ты говоришь? не про товаръ ли?
Съ моей сестрой ты будешь торговаться.

Про себя.

Пускай подслушаетъ.

А мнѣ купецъ
Не нуженъ.

Натанъ.

Такъ навѣрно ты хотѣлъ бы
Развѣдать, что въ дорогѣ я подмѣтилъ
Насчетъ враговъ твоихъ?—Они опять
Повсюду поднялись. Сказать по правдѣ...

Саладинъ.

И не туда къ тебѣ я направляюсь.
Я знаю все, что знать мнѣ нужно. Словомъ...

Натанъ.

Приказывай, султанъ.

Саладинъ.

Я о другомъ,
Совсѣмъ другомъ хотѣлъ бы слышать, Натанъ,
Твое сужденье. Такъ какъ ты здѣсь мудрымъ
Слывешь у всѣхъ, скажи мнѣ откровенно:
Какую вѣру и ея законы
Ты лучшими считаешь?

Натанъ.

Но, султанъ,
Ты знаешь, я еврей.

Саладинъ.

Я мусульманинъ,
И христіанинъ между нами средній.
Но вѣдь одна изъ этихъ трехъ религій
Должна быть истинной, и человѣкъ,
Такой, какъ ты, не можетъ оставаться
При томъ, куда случайно онъ заброшенъ
Своимъ рожденьемъ. Если-жъ остается,
То у него на это есть причины,
То это выборъ зрѣлаго сознанья.
Такъ подѣлись же имъ и объясни
Причины, до которыхъ допытаться
Мнѣ самому не приходилось. Дай мнѣ
Узнать твой выборъ и его основы,
Чтобъ я и самъ принять ихъ могъ. Понятно,
Что это между нами будетъ. Какъ?
Ты удивленъ? ты смотришь такъ пытливо?
Да, можетъ-быть, султану въ первый разъ
Пришла на умъ подобная причуда.
Надѣюсь, что она не унижаетъ
Султана. Что-жъ? не такъ ли? говори!
Иль хочешь ты съ минутку поразмыслить.

Ну, хорошо, даю тебѣ ее.

Про себя.

Подслушиваетъ ли сестра? посмотримъ.
Спрошу ее: довольна ли началомъ?

Натану.

Обдумай, но скорѣй! я не замедлю,
Я тотчасъ ворочусь.

Уходитъ въ дверь, въ которую вышла и Зитта.

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Натанъ—одинъ.

Гм! гм!.. Чудесно!
Но какъ же это? но чего же хочетъ
Султанъ?—Я ждалъ, что спроситъ денегъ, онъ же—
Онъ правды требуетъ, онъ хочетъ правды!
Притомъ наличной, ясной, какъ монета.
Еще добро бы старая монета,
Которую по вѣсу оцѣняли;
Но эта новая, что выдается
По счету; новая, которой цѣну
Мы только по чекану узнаемъ,—
Такой монетой правда не бываетъ.
Какъ золото въ мѣшокъ, онъ хочетъ разомъ
И правду загребать себѣ въ разсудокъ.
Да кто-жъ тутъ жидъ? неужли я? не онъ ли?
Но точно ли о правдѣ онъ хлопочетъ?
Что, если онъ изъ правды хочетъ сдѣлать
Ловушку?—Нѣтъ! какое подозрѣнье!
Вѣдь это было-бъ слишкомъ мелко... Мелко?
Что мелко для великаго?—да, да:
Онъ въ домъ рванулся, не предупреждая.
Вѣдь постучать, прислушаться бы можно.
Когда подходятъ другомъ,—окликаютъ.
Я буду остороженъ. Какъ же? какъ?
Быть этакимъ евреемъ нетерпимымъ

Не слѣдуетъ; тѣмъ больше не годится
Мнѣ вовсе отъ еврейства отказаться.
Понятно, что тогда спросить онъ можетъ:
Зачѣмъ не мусульманинъ я?.. Да вотъ!
Меня легко спасти могло бы это.
Вѣдь не одни ребята жадны къ сказкамъ.
Идетъ. Добро пожаловать! прекрасно.

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

САЛАДИНЪ и НАТАНЪ.

Саладинъ—про себя.

Ну, поле тутъ очищено.

Натану.

Что-жъ? Натанъ,
Вѣдь я не слишкомъ скоро воротился?
Ты все успѣлъ обдумать? говори.
Никто не слышитъ насъ.

Натанъ.

Пускай услышитъ
Хоть цѣлый міръ.

Саладинъ.

Такъ ты въ себѣ увѣренъ?
Вотъ это называю я быть мудрымъ:
Кто правды не скрываетъ никогда,
Кто ради правды жертвовать рѣшится
Имѣньемъ, счастьемъ, жизнью!

Натанъ.

Если нужно,
И есть въ томъ польза,—да!

Саладинъ.

Теперь я смѣю

Надѣяться, что я по праву буду
Носить мой громкій титулъ: улучшитель
Законовъ и вселенной.

Натанъ.

Славный титулъ!
Но прежде, чѣмъ я выскажусь открыто,
Позволь мнѣ сказку разсказать, султанъ.

Саладинъ.

Пожалуй! почему же нѣтъ?—я сказки
Всегда любилъ, когда мнѣ хорошо
Разсказывали ихъ.

Натанъ.

Ну, этимъ врядъ ли
Могу я похвалиться.

Саладинъ.

Униженье
Тутъ паче гордости. Но къ дѣлу, къ дѣлу!
Разсказывай.

Натанъ.

Во дни давно былые
Жилъ на востокѣ нѣкій человѣкъ,
Который изъ любимыхъ рукъ,—въ подарокъ,—
Владѣлъ кольцомъ цѣны необычайной.
Въ кольцо былъ вставленъ камень драгоцѣнный,
Игравшій ярко множествомъ цвѣтовъ
И силу тайную имѣвшій: дѣлать
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми
Того, кто съ твердой вѣрой въ эту силу
Носилъ кольцо. Не мудрено, конечно,
Что не снималъ его съ своей руки
Восточный житель никогда, что даже
Задумалъ сохранить его навѣки

Въ своемъ потомствѣ,—именно вотъ такъ:
Кольцо свое оставилъ онъ въ наслѣдство
Любимѣйшему сыну, завѣщая,
Чтобъ этотъ сынъ опять его бы отдалъ
Тому изъ сыновей своихъ, который
Заслужитъ наибольшую любовь,
И чтобъ всегда любимый сынъ былъ первымъ
Въ своей семьѣ, чтобъ, несмотря на лѣта,
Однимъ значеніемъ кольца онъ всѣми
Былъ уважаемъ, какъ глава и князь.
Понятно ли, султанъ?

Саладинъ.

Понятно; дальше.

Натанъ.

Итакъ, переходя отъ сына къ сыну,
Кольцо досталось одному отцу,
Имѣвшему трехъ сыновей, въ которыхъ
Онъ послушанье равное встрѣчалъ,
А потому и самъ любилъ ихъ равно.
Порой одинъ, порой другой иль третій
Ему казался болѣе достойнымъ
Кольца, и съ кѣмъ изъ нихъ наединѣ
Онъ оставался, тотъ его любовью
И пользовался въ ту минуту больше,
Чѣмъ братья. Въ этой слабости сердечной
Отецъ всѣмъ тремъ пообѣщалъ кольцо.
Такъ дѣло шло, пока могло тянуться;
Но наконецъ подходитъ время смерти.
Старикъ приходитъ въ затрудненье. Больно
Двухъ сыновей обидѣть въ ихъ довѣрьи
Отцовскимъ обѣщаньемъ. Что тутъ дѣлать?
Онъ посылаетъ къ мастеру тайкомъ
Свое кольцо, и поручаетъ сдѣлать
Другія два по образцу его.
Онъ проситъ не жалѣть труда и денегъ.

Чтобъ только вышли совершенно схожи
Всѣ три кольца. И это удалось.
Когда къ отцу ихъ принесли, такъ даже
Онъ самъ свое кольцо не могъ узнать.
Довольный и счастливый призываетъ
Старикъ по одиночкѣ сыновей,
Благословляетъ ихъ по одиночкѣ,
Дастъ имъ по кольцу—и умираетъ.
Ты слушаешь, султанъ?

Саладинъ—смущенный, отвернувшись отъ него.

Я слышу, слышу!
Кончай скорѣе сказку,—ну?

Натанъ.

Я кончилъ.
Что слѣдуетъ, само собой понятно.
Едва скончался онъ, приходитъ каждый
Съ своимъ кольцомъ и каждый хочетъ быть
Главою дома. Смотрятъ кольца, спорятъ,
Хотятъ судиться. Тщетно все; не можетъ
Никто изъ нихъ представить доказательствъ
Въ защиту своего кольца.

После молчанія, во время котораго онъ ждетъ отъ султана отвѣта.

Почти-что
Какъ нѣтъ вѣдь доказательствъ и у насъ
Въ защиту правой вѣры.

Саладинъ.

Какъ? и это
Отвѣтъ на мой вопросъ?

Натанъ.

Нѣтъ, это только
Хотѣлось мнѣ представить въ извиненье,
Что различать я не рѣшаюсь колецъ,
Которыя отецъ велѣлъ поддѣлать,
Чтобъ различить ихъ было невозможно.

Саладинъ.

Какія кольца? не играй словами...
Я думаю, что есть-таки различье
Въ религіяхъ, мной названныхъ тебѣ;
Различье даже въ пищѣ и одеждѣ!

Натанъ.

Но только въ ихъ основахъ нѣтъ различья.
Вѣдь всѣмъ исторія, основой служитъ,
Дошедшая издревле къ намъ изустно
Иль письменно; исторію же мы
Должны на вѣру принимать. Не такъ ли?
Къ кому же мы съ сомнѣньемъ наименьшимъ
Относимся, какъ не къ своимъ роднымъ?
Не къ тѣмъ, чья кровь и въ насъ течетъ?—кто съ дѣтства
Свою любовь доказывалъ намъ часто?
Кто не обманывалъ насъ никогда?
И развѣ только, чтобъ принесть намъ пользу.
Какъ можетъ кто-нибудь изъ насъ скорѣе
Чужимъ отцамъ повѣрить, чѣмъ своимъ?
Какъ можно требовать, чтобъ нашихъ предковъ
Во лжи мы уличали для того,
Чтобъ соглашаться въ мнѣніяхъ съ чужими?
Для христіанъ не то же-ль будетъ?—нѣтъ?

Саладинъ—про себя.

Клянусь Творцомъ, что говоритъ онъ правду—
И я невольно долженъ замолчать.

Натанъ.

Но возвратимся снова къ нашимъ кольцамъ.
Какъ сказано: судиться стали братья
И каждый поклялся судьѣ, что прямо
Изъ рукъ отца свое кольцо имѣетъ,—
Оно вѣдь такъ и было,—что отецъ
Исполнилъ этимъ только обѣщанье,
Которое давно насдинѣ

Ему давалъ,—что тоже такъ и было.
«Отецъ не могъ», такъ каждый увѣрялъ,
«Не могъ бы обмануть меня—и въ этомъ
Я милаго отца не заподозрю.
Скорѣй я ожидать могу отъ братьевъ
Такой продѣлки, хоть они казались
Мнѣ до сихъ поръ хорошими людьми.
Но я найти обманщика сумѣю!
Сумѣю разсчитаться за обманъ».

Саладинъ.

Ну что-жъ судья?—мнѣ любопытно слышать,
Какъ ты судью заставишь говорить.

Натанъ.

Судья сказалъ: «Коль вы сію минуту
Ко мнѣ отца не приведете, всѣхъ васъ
Спроважу вонъ. Не думаете-ль вы,
Что долженъ я вамъ разрѣшать загадки?
Иль ждать, чтобъ неподдѣльное кольцо
Само заговорило?—Но, постойте!
Я слышалъ: то кольцо имѣетъ силу
Владѣльца своего любимымъ дѣлать,
Пріятнымъ передъ Богомъ и людьми.
Пусть это все рѣшитъ: въ поддѣльныхъ кольцахъ
Вѣдь силы нѣтъ. Кто-жъ больше всѣхъ изъ васъ
Любимъ двумя другими? говорите.
Какъ? вы молчите?—значитъ ваши кольца
Обратно дѣйствуютъ на васъ?—и только
На васъ, а для другихъ они безсильны?
И каждый любитъ больше всѣхъ себя?
О! если такъ, всѣ три кольца поддѣльны!
Обманщики обманутые вы!
А неподдѣльное кольцо, конечно,
Потеряно. Чтобъ скрыть ловчѣй потерю,
Отецъ велѣлъ взамѣнъ его вамъ сдѣлать
Другія три».

Саладинъ.

Прелестно! Превосходно!

Натанъ.

«Такъ если ждете вы, сказалъ судья,
Рѣшенья моего, а не совѣта,
Ступайте прочь. Но мой совѣтъ таковъ:
Останьтесь вы при томъ, что есть. Пусть каждый
Свое кольцо считаетъ неподдѣльнымъ,
Коль отъ отца его онъ получилъ.
Отецъ, быть-можетъ, думалъ уничтожить
Въ своей семьѣ то право старшинства,
Которое кольцомъ пріобрѣталось.
Навѣрно васъ отецъ любилъ всѣхъ равно,
И не хотѣлъ двоихъ изъ васъ обидѣть,
Давая предпочтенье одному.
Такой любви пусть каждый соревнуетъ:
Любви безъ предразсудковъ, неподкупной;
Пускай наперерывъ стремится каждый
Явить всю силу своего кольца.
Пусть миролюбіемъ ее докажетъ
И кротостью, и добрыми дѣлами,
И искреннею преданностью Богу!
И ежели вліянье вашихъ колецъ
Въ потомствѣ вашемъ скажется, то снова,
Чрезъ сотни тысячъ лѣтъ, я васъ зову.
Тогда другой судья сидѣть здѣсь будетъ
На этомъ стулѣ,—онъ мудрѣй меня,
И онъ отвѣтитъ вамъ. Ступайте».—Вотъ что
Сказалъ судья.

Саладинъ.

О Господи!

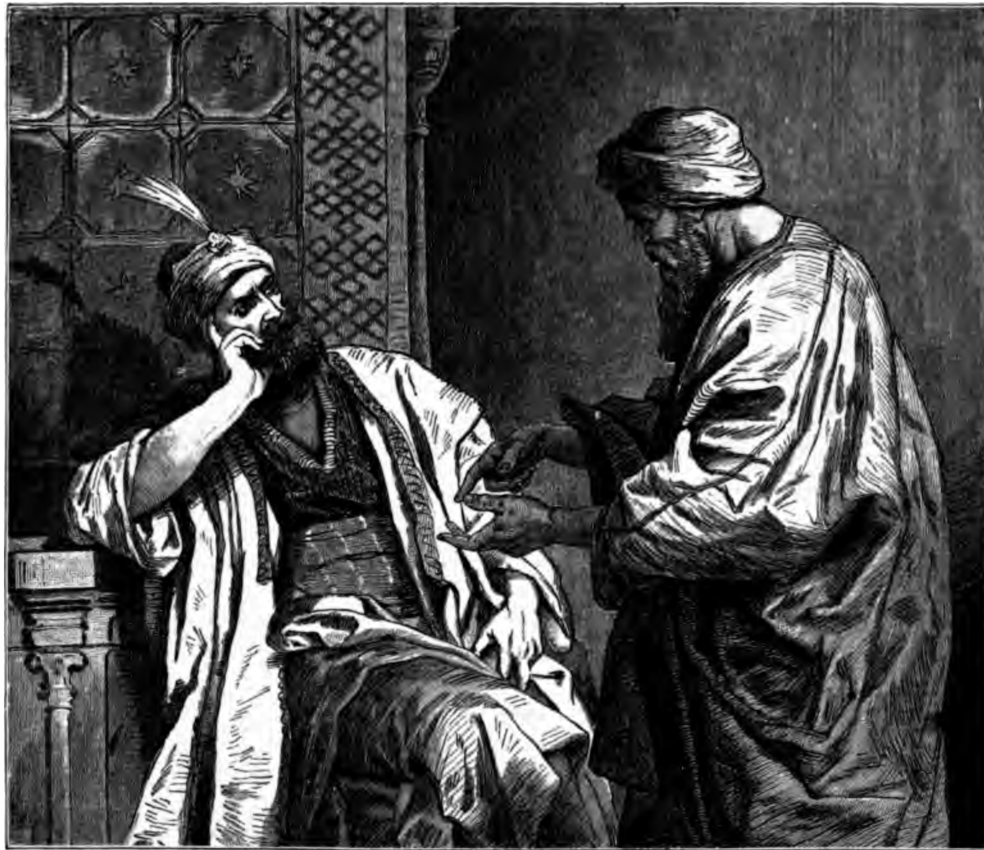
Натанъ.

Султанъ.

Коль ты себя считаешь этимъ мудрымъ,
Обѣщаннымъ судьей...

Саладинъ—оживленно схватываетъ его за руку
и не отпускаетъ ее до конца сцены.

Я?—я ничто.
Я прахъ.

Натанъ разсказываетъ сказку о трехъ кольцахъ. (3 д., 7 явл.)

Натанъ

Султанъ, что сдѣлалось съ тобою?

Саладинъ.

Нѣтъ, добрый Натанъ, сотни тысячъ лѣтъ,
Твоимъ судьей предсказанныя братьямъ,
Еще не миновали, и на креслѣ

Его судейскомъ возсѣдать не мнѣ.
Ступай. Но будь мнѣ другомъ, Натанъ.

Натанъ.

Какъ?
И больше ничего ты не желаешь
Мнѣ сообщить?

Саладинъ.

Нѣть

Натанъ.

Ничего?

Саладинъ.

Ну да.
А что?

Натанъ.

Такъ я при случаѣ хотѣлъ бы
Тебя просить...

Саладинъ.

Какъ будто нуженъ случай
Для просьбы?—говори.

Натанъ.

Я только нынче
Вернулся изъ далекихъ странъ. Дорогой
Я пособралъ долги и у меня
Едва-ль не слишкомъ много накопилось
Наличныхъ денегъ. Наши времена
Становятся сомнительны. Я, право,
Не знаю, какъ бы мнѣ вѣрнѣй пристроить
Мой капиталъ, и вотъ я думалъ: можетъ,
Захочешь ты воспользоваться имъ.
Того гляди война опять начнется,
И деньги вѣрно будутъ нужны.

Саладинъ—пристально глядя ему въ глаза.

Натанъ,
Я спрашивать не стану: заходилъ ли
Къ тебѣ Ал-Гафи? не намѣренъ я
Разузнавать, твое ли подозрѣнье
Заставило тебя мнѣ предложить...

Натанъ.

Какое подозрѣнье?

Саладинъ.

Но я сто́ю
Его. Прости мнѣ. И къ чему скрывать?
Я долженъ все-таки тебѣ сознаться,
Что я хотѣлъ...

Натанъ.

Не денегъ же съ меня
Потребовать?

Саладинъ.

Конечно, денегъ! денегъ!

Натанъ.

Такъ это намъ обоимъ очень кстати!
Я, правда, не могу доставить все,
Что̀ на лицо имѣю; прежде долженъ
Я выплатить значительную сумму
Храмовнику, котораго ты знаешь.

Саладинъ.

Храмовнику?—Вѣдь не захочешь ты
Поддерживать своимъ богатствомъ злѣйшихъ
Моихъ враговъ?

Натанъ.

Про одного сказалъ я,
И жизнь его тобой пощажена.

Саладинъ.

Ахъ! что ты мнѣ напоминаешь, Натанъ.
Объ немъ совсѣмъ забылъ я. Такъ его
Ты знаешь? гдѣ онъ?

Натанъ.

Развѣ не слыхалъ ты,
Какъ много счастья отъ твоей пощады
Мнѣ чрезъ него досталось? ты не знаешь,
Что дочь мою онъ вынесъ изъ огня,
Съ опасностью едва спасенной жизни?

Саладинъ.

Онъ это сдѣлалъ?—онъ такимъ былъ съ виду.
Иначе бы не поступилъ и братъ мой,
Съ которымъ у него такъ много сходства.
Онъ развѣ здѣсь еще? такъ приведи
Его ко мнѣ. Я говорилъ такъ часто
Моей сестрѣ объ этомъ нашемъ братѣ,
Ей вовсе неизвѣстномъ, что ужъ надо
И двойника его ей показать.
Ступай, зови храмовника!—И вотъ какъ
За добрымъ дѣломъ, хоть бы только страсть
Къ нему насъ побуждала, идутъ слѣдомъ
Другія добрыя дѣла!—Ступай.

Натанъ—оставляя руку Саладина.

Сейчасъ. Но ты вѣдь и на то согласенъ
О чемъ мы прежде говорили?

Уходитъ.

Саладинъ.

Жаль мнѣ,
Что не далъ я сестрѣ подслушать насъ.
Ну какъ теперь ей разсказать все это?

Уходитъ въ другую сторону.

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Подъ пальмами, вблизи монастыря, гдѣ **ХРАМОВНИКЪ** поджидаетъ Натана.

Храмовникъ—ходитъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи, потомъ вдругъ останавливается и начинаетъ говорить.

Усталый звѣрь, на жертву обреченный,
Остановись!—Ну да! я не хочу
Подробно разбирать, что̀ происходитъ
Теперь въ моей душѣ; я не хочу
Заранѣ предугадывать, что̀ будетъ...
И словомъ: я напрасно убѣжалъ.
Но больше ничего не могъ я сдѣлать,
Какъ убѣжать?—Ну! будь себѣ, что будетъ!
Ударъ, котораго я избѣгалъ
Такъ долго, поразилъ внезапно, быстро,
И я посторониться не успѣлъ.
Ее увидѣть,—что такъ мало прежде
Казалось мнѣ заманчивымъ,—увидѣть
И въ тотъ же мигъ рѣшиться никогда
Не разставаться съ ней... рѣшиться? такъ ли?
Рѣшенье есть обдуманный поступокъ,
А я тутъ былъ страдательнымъ лицомъ.
Ее увидѣть было въ то же время
Мгновеннымъ чувствомъ близости какой-то,
Слiянья съ ней,—и тѣмъ же остается.
Немыслимо мнѣ жить въ разлукѣ съ ней;
Мнѣ это было-бъ смертью,—смертью даже
И тамъ, гдѣ послѣ смерти будемъ мы.
Коль это есть любовь, такъ вѣдь, конечно,
Храмовникъ любитъ,—да; конечно тоже
И христiанинъ любитъ дочь еврея.
Ну что-жъ? вѣдь я не мало предразсудковъ
Отбросилъ здѣсь, въ странѣ обѣтованной,
За то и мной прославленной всегда.

Чтò нужно ордену?—храмовникъ умеръ.
Для ордена я умеръ съ той минуты,
Какъ плѣнникомъ попался Саладину
И голова, подаренная имъ,
Не прежняя. Ей чуждо все, что прежней
Отъ дѣтства натолковано насильно,
Что прежнюю стѣсняло. Эта лучше—
И родственнѣй отеческому небу.
Я это чувствую: вѣдь здѣсь впервые
Я начинаю мыслить, какъ отецъ мой
Когда-то мыслилъ здѣсь, коль про него
Не сказку мнѣ разсказывали. Сказку?
Но очень вѣроятную, и ей
Я никогда не вѣрилъ, какъ ей вѣрю
Теперь, когда и мнѣ здѣсь угрожаетъ
Опасность поскользнуться, гдѣ онъ палъ.
Но я скорѣе пасть готовъ со взрослымъ,
Чѣмъ устоять съ дѣтьми. За одобренье
Отца поручится его примѣръ,
А больше отъ кого-жъ оно мнѣ нужно?
Отъ Нàтана?—не только онъ одобритъ,
Онъ вѣрно поощритъ. Какой еврей!
И такъ старается казаться только
Простымъ евреемъ.—Вотъ онъ! какъ спѣшитъ!
Съ лицомъ довольнымъ. Кто отъ Саладина
Иначе возвращался?—Натанъ! Натанъ!

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ.

Натанъ.

Какъ? это вы?

Храмовникъ.

Позадержались долго
Вы у султана.

Натанъ.

Такъ себѣ, не очень.
Я на ходьбѣ замѣшкался. Ну, Курдъ,
Онъ стóитъ славы, про него гремящей,
И слава только тѣнь его. Но прежде
Всего я долженъ сообщить вамъ...

Храмовникъ.

Что?

Натанъ.

Онъ хочетъ съ вами говорить, онъ хочетъ,
Чтобъ вы немедленно къ нему пришли.
Зайдемте же ко мнѣ домой; мнѣ надо
Сперва кой-что ему поприготовить;
А тамъ къ нему.

Храмовникъ.

Нѣтъ, Натанъ, въ домъ вашъ больше
Я не войду; пока...

Натанъ.

Такъ вы ужъ были
У насъ? вы говорили съ ней?—Ну что же?
Скажите, какъ понравилась вамъ Рэха?

Храмовникъ.

О! выше всякихъ выраженій, Натанъ!
Но никогда я снова,—никогда
Съ ней не увижусь, если вы сейчасъ же
Не обѣщаете, что я могу
Всегда съ ней видѣться.

Натанъ.

Какъ понимать васъ?

Храмовникъ—послѣ минутнаго молчанія, внезапно обнимая его.

Отецъ мой!

Натанъ.

Юноша!

Храмовникъ —такъ же внезапно оставляя его.

Не сынъ?—Ахъ, Натанъ!
Прошу васъ!

Натанъ.

Добрый юноша!

Храмовникъ.

Не сынъ?
Прошу васъ, Натанъ! заклинаю ради
Первѣйшихъ узъ природы!—Позабудьте
Позднѣйшія оковы нашей жизни,
Довольствуйтесь быть человѣкомъ, Натанъ,
И отъ себя меня не оттолкните.

Натанъ.

Мой милый другъ.

Храмовникъ.

И сынъ вашъ?—нѣтъ? не сынъ?
И даже если къ сердцу вашей Рэхи
Ужъ для любви проложена дорога
Признательностью? если оба чувства,
Чтобъ слиться воедино, лишь отъ васъ
Намёка ждутъ,—и то не буду сыномъ?

Натанъ.

Вы, рыцарь, озадачили меня.

Храмовникъ.

Я озадачилъ васъ? передавая
Вамъ ваши собственныя мысли, Натанъ?

Вы ихъ не узнаете оттого,
Что я ихъ высказалъ?

Натанъ.

Я прежде долженъ
Узнать, который Штауфенъ былъ отецъ вашъ?

Храмовникъ.

Какъ? что вы говорите? неужели
Подобная минута возбуждаетъ
Въ васъ только любопытство?

Натанъ.

Потому-что
Я тоже Штауфена знавалъ когда-то.
Онъ назывался Конрадомъ.

Храмовникъ.

А если
И моего отца такъ называли?

Натанъ.

И вашего?

Храмовникъ.

Я названъ по отцу
Вѣдь Курдъ—есть Конрадъ.

Натанъ.

Все-таки же не былъ
Мой Конрадъ вашъ отецъ. Онъ былъ храмовникъ,
Какъ вы, онъ не былъ никогда женатъ.

Храмовникъ.

Такъ что же?

Натанъ.

Какъ?

Храмовникъ.

О! это не причина!
И все-таки онъ могъ мнѣ быть отцомъ.

Натанъ.

Вы шутите.

Храмовникъ.

А вы такъ, право, слишкомъ
Придирчивы. Что-жъ, если бы и такъ?
Ну, незаконный сынъ! и ихъ породу
Нельзя считать презрѣнной. Но оставимъ
Въ покоѣ нашихъ предковъ. Я и тѣни
Сомнѣнья вамъ не заявлю, повѣрьте,
На вашу родословную таблицу.
Избави Боже!—вы могли бы смѣло
Ее писать, хоть вплоть до Авраама;
А дальше такъ и самъ ее я знаю,
И даже самъ поклясться въ ней готовъ.

Натанъ.

Вы злы становитесь. Но заслужилъ ли
Я это? развѣ я вамъ отказалъ?
Я только не хотѣлъ бы такъ поспѣшно
Связать васъ словомъ, больше ничего.

Храмовникъ.

И только? правда?—если такъ, простите.

Натанъ.

Пойдемте.

Храмовникъ.

Съ вами? въ домъ вашъ?—тамъ пылаетъ!
Нѣтъ, нѣтъ, я лучше здѣсь васъ подожду.
Ступайте. Если суждено мнѣ снова

Съ ней видѣться—успѣю наглядѣться;
А если нѣтъ,—такъ я и безъ того
Глядѣлъ ужъ слишкомъ много.

Натанъ.

Постараюсь
Управиться, какъ можно поскорѣй.

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ХРАМОВНИКЪ, и вскорѣ потомъ ДАЙА.

Храмовникъ.

—И больше, чѣмъ довольно!—Умъ нашъ можетъ
Такъ безконечно много обнимать—
И все-таки иной разъ вдругъ бываетъ
Такъ совершенно полонъ—и одною
Мельчайшей мыслью полонъ. Ничего,
Пускай онъ будетъ полонъ, чѣмъ угодно,—
Терпѣнье нужно. На больное тѣло
Подѣйствуетъ душа, найдетъ просторъ,
И быстро свѣтъ и строй мнѣ возвратятся.
Впервые что ли я люблю? иль то,
Что прежде за любовь мной принималось,
Любовью вовсе не было и только
Теперь я это чувство познаю?

Дайа—подкравшаяся со стороны.

Тсс! рыцарь!

Храмовникъ.

Кто зоветъ меня?—А! Дайа.

Дайа.

Я передъ нимъ украдкой проскользнула;
Но все-таки онъ можетъ насъ увидѣть
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоите вы. Идите
За дерево, сюда, поближе.

Храмовникъ.

Что тамъ?
Таинственность какая!—что случилось?

Дайа.

Да, ради тайны я сюда пришла.
И больше: ради двухъ еще пожалуй.
Одна изъ нихъ извѣстна только мнѣ,

Дайа окрываетъ храмовнику тайну рожденія Рэхи. (3 д., 10 явл.)

Другая только вамъ. Давайте, рыцарь,
Мѣняться. Вы довѣрьте мнѣ свою,
А я мою довѣрю вамъ.

Храмовникъ.

Извольте,

Какъ только будетъ мнѣ извѣстно: что вы
Считаете моимъ. Но, вѣроятно,
Изъ вашей тайны это объяснится.
Такъ начинайте.

Дайа.

Вотъ какой вы?—нѣтъ;
Вы прежде; я потомъ. Вамъ безполезно
Мое довѣріе, покамѣстъ я
Не знаю вашей тайны. Ну, скорѣе!
Вѣдь что сама я выспрошу, не буду
Считать довѣріемъ—и, вашу тайну
Мнѣ высказавъ, моей вамъ не узнать.
Ахъ, бѣдный рыцарь!—вотъ вѣдь вы, мужчины,
Вообразили, что отъ насъ, отъ женщинъ,
Вы можете имѣть такую тайну!

Храмовникъ.

Которой часто не подозрѣваемъ
Мы сами.

Дайа.

Можетъ-быть,—и потому,
Конечно, я должна сама по дружбѣ
Васъ познакомить съ ней. Скажите, чѣмъ бы
Намъ объяснить, что вдругъ вы убѣжали?
Что такъ внезапно бросили вы насъ?
Что съ Натаномъ теперь не воротились?
Иль Рэха вамъ понравилась такъ мало?
Иль можетъ-быть такъ много? а? такъ много?
Давайте, взглянемъ: какъ трепещетъ птичка,
Попавшаяся въ сѣть?—Короче: рыцарь,
Сознайтесь мнѣ сейчасъ, что влюблены вы,
Что до безумства влюблены въ нее
И я кой-что скажу вамъ.

Храмовникъ.

До безумства
Какъ вижу въ этомъ дѣлѣ вы знатокъ.

Дайа.

Сознайтесь только хоть въ любви; безумство
Я уступлю вамъ.

Храмовникъ.

Такъ какъ ужъ оно
Само собой понятно: я, храмовникъ,
Люблю еврейку!

Дайа.

Да, оно безумнымъ
Казалось бы; но вѣдь иныя вещи,
Частехонько, имѣютъ больше смыслу,
Чѣмъ мы предполагаемъ; и притомъ
Не такъ неслыханно, что нашъ Спаситель
Насъ направляетъ на пути къ Себѣ,
Которыхъ самъ собою даже умный
Легко не отыскалъ бы никогда.

Храмовникъ.

Торжественно!

Про себя.

Но ставя осторожность
Взамѣнъ Спасителя, тутъ есть и правда.

Дайѣ.

Вы заставляете меня невольно
Быть любопытнѣй, чѣмъ бывать случалось
Когда-либо.

Дайа.

О! здѣсь страна чудесъ.

Храмовникъ—про себя.

Страна чудеснаго. Да не иначе:

Весь міръ столпился здѣсь.

Дайѣ.

Положимъ, Дайа,
На требованье ваше, я сознаюсь,
Что Рэху я люблю, что не пойму я
Какъ буду жить я безъ нея, что мнѣ...

Дайа.

Такъ это правда?—Дайте же мнѣ клятву
Къ своимъ ее причислить и спасти,
Спасти для жизни временной и вѣчной.

Храмовникъ.

Но какъ? могу ли я дать клятву въ томъ,
Что не во власти у меня.

Дайа.

Во власти
Оно у васъ, и я единымъ словомъ
Все къ вашей власти сразу приведу.

Храмовникъ.

Что даже и отецъ не будетъ противъ?

Дайа.

Ну вотъ, отецъ! отецъ!—Отецъ ужъ долженъ
Себя принудить.

Храмовникъ.

Какъ принудить? Дайа.
Къ разбойникамъ еще онъ не попалъ.
Принудить онъ себя не долженъ.

Дайа.

Ну такъ—
Желать. Онъ долженъ наконецъ желать,
И съ радостью.

Храмовникъ.

И съ радостью—и долженъ!..
А если я скажу вамъ, что ужъ самъ
Попробовалъ я тронуть эту струнку?

Дайа.

И онъ не вторилъ вамъ?

Храмовникъ.

Его отвѣтъ
Звучалъ нескладно какъ-то и обидно.

Дайа.

Скажите!— Неужели, если вы
Хотя бы тѣнь желанья заявили
Взять Рэху, онъ отъ радости не прыгнулъ?
Онъ холодно отвѣтилъ? затрудненья
Вамъ дѣлалъ?

Храмовникъ.

Въ этомъ родѣ.

Дайа.

Такъ минуты
Я больше не задумаюсь.

Молчаніе.

Храмовникъ.

Однако
Задумались?

Дайа.

Онъ, впрочемъ, очень добръ.
Ему сама обязана я многимъ,
Да вѣдь не слушаетъ!—Ей Богу, сердце
Терзается такъ заставлять его.

Храмовникъ.

Прошу васъ, Дайа, вы меня избавьте
Отъ этой неизвѣстности. Когда же
Самимъ вамъ неизвѣстно: хорошо
Иль дурно, и похвально иль позорно,
Что вы въ виду имѣли,—такъ молчите.
И я готовъ забыть, что есть у васъ
Кой-что, о чемъ молчать вамъ надо.

Дайа.

Это
Не сдержитъ, а скорѣе побудитъ.
Узнайте же, что Рэха не еврейка,
Что Рэха христіанка.

Храмовникъ—холодно.

Дай Богъ счастья!
Ну, не легко на свѣтъ оно явилось.
Но потуги не страшны, вы не бойтесь,
И продолжайте населять усердно
Небесный міръ, ужъ если невозможно
Вамъ это на землѣ.

Дайа.

О рыцарь! какъ?
Заслуживаетъ ли такой насмѣшки
Мое извѣстіе?—Вы христіанинъ,
Храмовникъ, Рэху любите и васъ
Не радуетъ, что Рэха христіанка?

Храмовникъ.

Особенно, что христіанка вашей
Работы.

Дайа.

Такъ вы поняли меня?
Прекрасно!—Нѣтъ, хотѣла бы я видѣть,

Кто сможетъ обратить ее. Давно бы,
Для счастья своего, она должна
Быть тѣмъ, что въ ней испорчено.

Храмовникъ.

Скажите
Яснѣе или уходите.

Дайа.

Рэха
Дитя христовой церкви: и родилась
Отъ христіанъ—и крещена.

Храмовникъ—оживленно.

А Натанъ?

Дайа.

Онъ не отецъ ей.

Храмовникъ.

Не отецъ ей? Натанъ?
Вы знаете, что говорите?

Дайа.

Правду,
Которую оплакивала часто
Я горькими, кровавыми слезами.
Онъ не отецъ ей.

Храмовникъ.

Только воспиталъ
Ее, какъ дочь свою? и христіанку
Онъ воспиталъ еврейкой?

Дайа.

Да, навѣрно.

Храмовникъ.

И этого она сама не знаетъ?

Онъ Рэхѣ никогда не говорилъ,
Что христіанкою, что не еврейкой
Она родилась?

Дайа.

Никогда.

Храмовникъ.

Итакъ,
Не только онъ воспитывалъ въ обманѣ
Ребенка, онъ въ обманѣ оставляетъ
И дѣвушку?

Дайа.

Къ несчастью!

Храмовникъ.

Натанъ! какъ?
И мудрый, добрый Натанъ былъ способенъ
Къ такой поддѣлкѣ голоса природы?
Рѣшился отклонить стремленья сердца,
Которыя иной бы путь избрали,
Когда-бъ не онъ на нихъ вліялъ. Вы, Дайа,
Довѣрили мнѣ, правда, кое-что
Немаловажное. Все это можетъ
Имѣть послѣдствія. Я съ толку сбитъ.
Не знаю, что начать. Уйдите, Дайа.
Мнѣ нужно время. Онъ пройдетъ здѣсь снова,
Еще, пожалуй, насъ вдвоемъ застанетъ.

Дайа.

Тогда хоть умирай!

Храмовникъ.

Теперь совсѣмъ
Не въ силахъ я съ нимъ говорить, такъ если
Вы встрѣтите его, скажите только,
Что онъ меня увидитъ у султана.

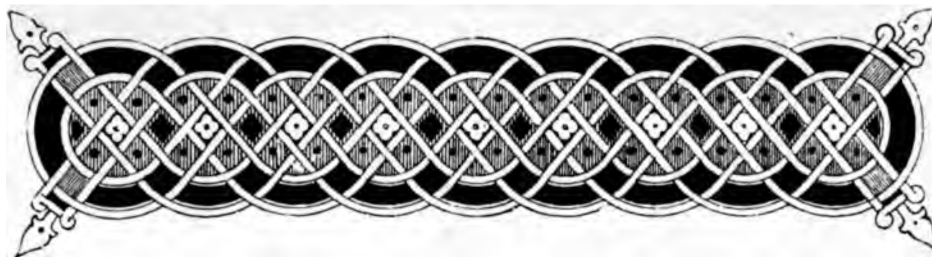
Дайа.

Не дайте-жъ ничего ему замѣтить.
Пусть это будетъ вамъ послѣднимъ средствомъ,
Чтобъ вы могли по отношенью къ Рэхѣ
Отбросить всякое сомнѣнье... Но,
Когда потомъ ее вы увезете
Въ Европу, ужъ меня вы не оставьте.

Храмовникъ.

Увидимъ. Уходите, уходите!

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Въ сводчатыхъ переходахъ монастыря.

СЛУЖКА и вскорѣ потомъ **ХРАМОВНИКЪ**.

Служка.

Да, да! онъ правъ, нашъ патріархъ: конечно,
Изо всего, что онъ мнѣ поручалъ,
Не удавалось многое. Зачѣмъ же
Даетъ онъ мнѣ такія порученья?
Я не хочу быть хитрымъ, не люблю
Оспаривать, совать свой носъ повсюду,
За все про все хвататься. И затѣмъ ли
Я для себя отъ міра удалился,
Чтобъ тутъ-то и запутаться сильнѣе
Въ дѣла мірскія для другихъ?

Храмовникъ—поспѣшно подходя къ нему.

А! вотъ вы!
Мой добрый братъ. Я васъ давно ищу.

Служка.

Вы, господинъ, меня искали?

Храмовникъ.

Развѣ
Ужъ вы меня не узнаете?

Служка.

Да.
О, да, я знаю васъ; я только думалъ,
Что никогда мнѣ не придется снова
Встрѣчаться съ вами; я, какъ передъ Богомъ,
Надѣялся на это; потому что
Извѣстно Господу, какъ непрiятно
Мнѣ было предложенiе, съ которымъ
Меня заставили къ вамъ обратиться.
Извѣстно Господу, желалъ ли я,
Чтобъ выслушали вы меня охотно;
Какъ я былъ радъ, какъ въ глубинѣ души
Былъ радъ, когда, безъ дальнихъ размышленiй,
Вы сразу оттолкнули отъ себя,
Что недостойно рыцаря. И что же,
Вы все-таки приходите; теперь
Оно-таки подѣйствовало, рыцарь!

Храмовникъ.

Ужъ вамъ извѣстно, почему пришелъ я?
Объ этомъ я едва ли знаю самъ.

Служка.

Вы передумали, вы убѣдились,
Что патрiархъ былъ не совсѣмъ не правъ,
Что предпрiятiе его могло бы
Вамъ принести и честь, и деньги? такъ ли?
Что врагъ нашъ все же врагъ, хотя-бъ семь разъ
Намъ ангеломъ онъ былъ. Всѣ эти мысли
Вошли вамъ въ плоть и кровь, и вы пришли,
Чтобъ предложить... Ахъ, Господи!

Храмовникъ.

Утѣшьтесь,
Мой честный братъ, мой добрый; не затѣмъ
Я прихожу сюда, и не объ этомъ
Хочу я съ патрiархомъ говорить.

Еще на этотъ счетъ своихъ воззрѣній
Я не мѣнялъ, и ни за что на свѣтѣ
Мнѣ не хотѣлось бы лишиться мнѣнья
Хорошаго, которымъ удостоилъ
Меня такой прямой, благочестивый
И добрый человѣкъ. Я прихожу,
Чтобъ только кой-о-чемъ спросить совѣта
У патріарха.

Служка—робко оглядываясь.

Вы? у патріарха?
Вы, рыцарь, у попа?

Храмовникъ.

Само-то дѣло
Порядочно поповское.

Служка.

Ну, попъ
Совѣтоваться съ рыцаремъ не станетъ,
Хотя-бъ и рыцарское дѣло было.

Храмовникъ.

Зато скорѣй онъ смѣетъ провиниться;
Но преимуществу такому много
Завидовать иной изъ насъ не будетъ.
Конечно, если-бъ только о себѣ
Я хлопоталъ, когда-бъ я былъ обязанъ
Отчетомъ одному себѣ, не сталъ бы
Справляться съ вашимъ патріархомъ; но,
Въ извѣстныхъ случаяхъ, я поступаю
Скорѣе дурно по чужимъ желаньямъ,
Чѣмъ хорошо, по своему разсудку.
Притомъ, теперь я вижу это ясно,
Религія есть партія; и кто
Себя воображаетъ чуждымъ партій,
Тотъ все-таки, не замѣчая самъ,

Права своихъ отстаиваетъ только.
А если разъ оно ужъ таково,
Такъ, вѣроятно, это справедливо.

Служка.

Я лучше промолчу. Мнѣ, господинъ,
Такія рѣчи не совсѣмъ понятны.

Храмовникъ.

И все-таки...

Про себя.

Да собственно-то что же
Мнѣ нужно? что? совѣтъ иль приговоръ?
Совѣтъ прямой и ясный иль ученый?

Служкѣ.

Спасибо вамъ за добрый вашъ намёкъ,
Мой братъ. Что патріархъ? Нѣтъ, патріархомъ
Мнѣ будьте вы. Вѣдь патріарха больше,
Какъ христіанина хочу спросить я,
Чѣмъ христіанина, какъ патріарха.
Такъ дѣло въ томъ...

Служка.

Нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше.
Зачѣмъ? вы ошибаетесь во мнѣ.
Кто много знаетъ, у того и много
Заботъ; а я лишь на одну заботу
Обрёкъ себя. А! слышите? вотъ кстати!
Смотрите, какъ я счастливъ! вонъ, идетъ онъ.
Останьтесь здѣсь, ужъ онъ замѣтилъ васъ.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ПАТРІАРХЪ—выходитъ изъ сводчатаго перехода, во всемъ великолѣпіи обстановки духовнаго лица, и **ПРЕЖНІЕ.**

Храмовникъ.

Отъ этого я лучше ускользнулъ бы.
Онъ не совѣтчикъ мнѣ. Румяный, толстый,
Веселенькій прелатъ. И что за роскошь!

Патріархъ и храмовникъ.

«Чѣмъ могу вамъ услужить?» (4 д., 2 явл.)

Служка.

Взглянули бы вы на него, когда
Онъ во дворецъ сбирается; теперь же
Ходилъ къ больному.

Храмовникъ.

Какъ тутъ Саладина
Ему не пристыдить!

Патріархъ—подходя ближе, зоветъ служку рукой.

Сюда!—Вѣдь это
Храмовникъ. Что̀ ему?

Служка.

Не знаю.

Патріархъ—подходитъ къ храмовнику, свита и служка отступаютъ въ глубину.

Ну,
Я очень радъ васъ видѣть, храбрый рыцарь,
Ахъ, да еще какой же молодой!
Такъ съ Божьей помощью кой-что могло бы
И выйти изъ того.

Храмовникъ.

Едва ли больше,
Отецъ достопочтенный, чѣмъ ужъ есть.
Скорѣе меньше.

Патріархъ.

Я, по крайней мѣрѣ,
Желаю, чтобъ еще вы долго, долго,
Благочестивый рыцарь, процвѣтали,
На пользу дѣла Божьяго, на славу
И честь любезнаго намъ христіанства.
И если только мужество младое
Совѣтамъ зрѣлымъ старости съ умѣньемъ
Послѣдуетъ,—надѣюсь, такъ и будетъ.
Но чѣмъ могу вамъ услужить?

Храмовникъ.

Тѣмъ самымъ,
Въ чемъ молодость нуждается: совѣтомъ.

Патріархъ.

Я очень радъ! да примутъ ли совѣтъ мой?

Храмовникъ.

Не слѣпо.

Патріархъ.

Кто же это говоритъ?
Конечно, долженъ пользоваться всякій
Разсудкомъ, даннымъ Господомъ, но тамъ,
Гдѣ слѣдуетъ. Всегда ли онъ умѣстенъ?
Примѣрно: если Богъ, чрезъ одного
Изъ ангеловъ Своихъ,—въ лицѣ, ну скажемъ:
Служителя Его святого слова,—
Насъ удостоиваетъ знать то средство,
Которымъ процвѣтанье нашей церкви
И благо христіанства мы могли бы
Упрочить, укрѣпить, какимъ-нибудь
Особымъ способомъ,—тогда кто смѣетъ
Изслѣдовать разсудкомъ произволъ
Того, Кѣмъ созданъ былъ разсудокъ? кто
Осмѣлится, по правиламъ ничтожнымъ
Какой-то чести суетной, провѣрить
Законъ небеснаго величья? вѣчный
Законъ?—Но будетъ съ насъ объ этомъ. Въ чемъ же
Вы требуете нашего совѣта?

Храмовникъ.

Положимъ, праведный отецъ, что есть
Дитя единственное у еврея,
Что это дѣвушка, что съ величайшей
Заботливостью воспиталъ еврей
Ее на все прекрасное, что любитъ

Ее онъ больше жизни, что она
Ему любовью кроткой отвѣчаетъ.
И вотъ, кому-нибудь изъ насъ доносятъ,
Что эта дѣвушка не дочь еврея,
Что будто онъ ее еще младенцемъ
Нашелъ, купилъ, похитилъ,—что хотите!
И знаютъ, будто, что она родилась
Отъ христіанъ и крещена, а только
Еврей ее воспитывалъ еврейкой,
И до сихъ поръ еврейкой оставляетъ,
Какъ дочь свою. Отецъ достопочтенный,
Скажите, что тутъ дѣлать?

Патріархъ.

Я сраженъ!
Но прежде объяснитесь: этотъ случай
Гипотеза иль фактъ? сказать иначе:
Все это такъ лишь вами, господинъ,
Сочинено иль точно совершилось
Оно и продолжаетъ совершаться?

Храмовникъ.

Я думалъ: если хочешь только мнѣнье,
Отъ вашего святѣйшества, узнать,
Такъ это все равно.

Патріархъ.

Равно?—Смотрите,
Какъ можетъ гордый разумъ человѣка
Въ духовномъ дѣлѣ ошибаться. Нѣтъ!
Коль вамъ угодно только забавляться
Игрою остроумія, не стоитъ
Труда серьезно говорить объ этомъ,
И я къ театру отсылаю васъ,
Гдѣ могутъ этакія pro et contra
Съ успѣхомъ представляться. Но когда
Не шутку театральную въ насмѣшку

Вы разсказали мнѣ, и этотъ случай
Есть фактъ, который совершился даже
Въ любезномъ нашемъ Іерусалимѣ,
Въ епархіи у насъ,—тогда...

Храмовникъ.

Ну, что же?

Патріархъ.

Жида сейчасъ подвергнуть наказанью,
Которымъ, за такое святотатство
И злодѣяніе, велятъ казнить
Законы императора и папы.

Храмовникъ.

Такъ вотъ что?

Патріархъ.

А помянутымъ закономъ
Повелѣно жечь на кострѣ еврея,
Коль христіанина онъ совращаетъ
Въ религіи.

Храмовникъ.

Такъ вотъ оно?

Патріархъ.

Тѣмъ больше
Еврея, оторвавшаго насильно
Младенца христіанскаго отъ церкви,
Съ которой связанъ онъ своимъ крещеньемъ
И что-жъ, какъ не насиліе все то,
Что дѣлаютъ съ безпомощнымъ младенцемъ?
Ну, такъ сказать, конечно, исключая
Того, что церковь дѣлаетъ.

Храмовникъ.

А если-бъ

Средь бѣдствій нищеты дитя погибло,
Когда-бъ надъ нимъ не сжалился еврей?

Патріархъ.

Вздоръ! ничего не значитъ! сжечь еврея.
Затѣмъ, что лучше въ бѣдствіяхъ погибнуть,
Чѣмъ къ вѣчному грѣху спастись. Притомъ же,
Къ чему еврей предупреждаетъ Бога?
Захочетъ Богъ, спасетъ и безъ него.

Храмовникъ.

И вопреки ему, какъ надо думать,
Богъ можетъ дать и вѣчное блаженство?

Патріархъ.

Не значитъ ничего—еврея сжечь.

Храмовникъ.

Мнѣ это тѣмъ больнѣе, что, по слухамъ,
Еврей ее воспитывалъ не столько
Въ своей, какъ вовсе безо всякой вѣры;
О Богѣ же не больше и не меньше
Онъ говорилъ, какъ только то, чѣмъ разумъ
Довольствоваться можетъ.

Патріархъ.

Все равно,
Еврея сжечь. Да за одно за это
Онъ долженъ быть сожженъ три раза. Что?
Безъ всякой вѣры вырастить ребенка?
Не научить его святѣйшей нашей
Обязанности вѣровать?—Ну, нѣтъ!
Ужъ это слишкомъ. Удивляюсь, рыцарь,
Какъ сами вы...

Храмовникъ.

Честнóй отецъ, коль Богу

Угодно будетъ, такъ объ остальномъ
На исповѣди.

Хочетъ идти.

Патріархъ.

Что? не дать мнѣ даже
Отчета? не назвать жида злодѣя?
Его ко мнѣ не привести?—Но знаю,
Что сдѣлать. Я сейчасъ иду къ султану.
Султанъ обязанъ охранять насъ въ силу
Капитуляціи, въ которой клятву
Онъ далъ—во всѣхъ правахъ насъ охранять,
Во всѣхъ ученіяхъ, какія только
Причислить смѣемъ къ нашей пресвятѣйшей
Религіи. Увидимъ. Слава Богу,
Оригиналъ у насъ, и мы имѣемъ
Печать его и подпись. Да притомъ,
Я объяснить ему легко сумѣю,
Какъ и для государства самого
Безвѣріе опасно, какъ всѣ узы
Гражданскія порвутся и погибнутъ,
Коль ни во что не будутъ вѣрить люди.
Прочь! прочь! съ подобнымъ святотатствомъ!

Храмовникъ.

Жаль,
Что недосугъ мнѣ дольше насладиться
Прекраснымъ поученьемъ. Къ Саладину
Я позванъ.

Патріархъ.

Да?—Итакъ, тогда, конечно...

Храмовникъ.

Коль вашему святѣйшеству угодно,
Султана приготовлю я.

Патріархъ.

О! знаю,

Что вы снискали милость Саладина.
Прошу васъ, у него припоминайте
Вы обо мнѣ хорошее одно.
Мной только ревность къ Богу руководитъ,
И если дѣлаю я слишкомъ много,
Такъ для Него же. Взвѣсьте это, рыцарь.
Помянутый же случай объ евреѣ,
Не правда ли, была проблема? да?
И, такъ сказать...

Храмовникъ.

Проблема.

Уходитъ.

Патріархъ—про себя.

Но въ которой
Я долженъ глубже разыскать основы.
И это будетъ снова порученье
Для брата Бонафида.

Служкѣ.

Слушай, сынъ мой...

Уходитъ, разговаривая со служкой.

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНІЕ.

Комната во дворцѣ Саладина, куда рабы приносятъ множество мѣшковъ и ставятъ ихъ на полъ одинъ подлѣ другого.

САЛАДИНЪ, и вскорѣ потомъ **ЗИТТА.**

Саладинъ—входя.

Ну, право, и конца имъ нѣтъ. А много
Еще осталось?

Рабъ.

Больше половины.

Саладинъ.

Такъ отнесите остальное Зиттѣ.
Да гдѣ-жъ Ал-Гафи? пусть возьметъ онъ деньги.

Патріархъ.

Изданіе и собств. А. Ф. Маркса

Иль отослать ихъ лучше всѣ къ отцу?
Здѣсь все-таки сквозь пальцы ихъ пропустишь.
Хоть, правда, станешь черствымъ наконецъ;
Теперь придется быть весьма искуснымъ,
Чтобъ у меня порядкомъ поживиться.
Справляйся бѣдность какъ себѣ желаетъ!
Пока, по крайней мѣрѣ, изъ Египта
Не пришлютъ денегъ. Только сбыть бы съ рукъ
Раздачу подаянія у гроба!
Паломниковъ не отпустить съ пустыми
Руками, только-бъ я...

Зитта.

Что это значитъ?
Мнѣ деньги принесли?

Саладинъ.

Ты заплати
Себѣ изъ нихъ мой долгъ, а остальное
Оставь въ запасѣ.

Зитта.

Натанъ и храмовникъ
Еще не приходили?

Саладинъ.

Натанъ ищетъ
Его вездѣ.

Зитта—показывая ему маленькій рисунокъ.

Смотри, что я нашла,
Перебирая старыя вещицы.

Саладинъ.

Мой братъ!—Таковъ онъ!—Ахъ! такимъ онъ былъ!
О милый, храбрый юноша, какъ рано
Я потерялъ тебя! чего-бъ мы вмѣстѣ,

Другъ подлѣ друга, не свершили?—Зитта,
Оставь рисунокъ мнѣ. Я помню, братомъ
Онъ подаренъ былъ нашей Лиллѣ, старшей
Сестрѣ твоей, когда однажды утромъ
Она упорно изъ своихъ объятій
Не соглашалась отпустить Ассада.
Въ послѣдній разъ онъ выѣхалъ,—одинъ,
И я позволилъ!—Умерла отъ горя
Сестра, и никогда мнѣ не простила,
Что одного его я отпустилъ.
Онъ не вернулся.

Зитта.

Бѣдный братъ!

Саладинъ.

Довольно!
Когда-нибудь и всѣхъ насъ здѣсь не будетъ.
Къ тому-жъ, кто знаетъ? юношу такого,
Какъ онъ, не смерть одна съ пути сбиваетъ.
Враги его безчисленны, и часто
Изнемогаетъ сильный, какъ и слабый.
Объ немъ довольно. Я хочу сравнить
Съ храмовникомъ его изображенье.
Посмотримъ, много ли я былъ обманутъ
Моимъ воображеньемъ.

Зитта.

Я затѣмъ-то
Портретъ и принесла. Но дай сюда.
Объ этомъ я скажу тебѣ,—на это
Нѣтъ глазъ пригоднѣй женскихъ.

Саладинъ—входящему привратнику.

Кто? храмовникъ?—
Впустить.

Зитта.

Чтобъ любопытствомъ не смущать,
Чтобъ не мѣшать вамъ...

Садится въ сторонѣ на диванъ и опускаетъ покрывало.

Саладинъ.

Хорошо. Послушать,
Каковъ-то голосъ?—вѣдь и голосъ брата,
Пожалуй, спитъ еще въ моей душѣ.

Саладинъ разсматриваетъ портретъ Ассада, принесенный Зиттой. (4 д, 3 явл)

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ХРАМОВНИКЪ и САЛАДИНЪ.

Храмовникъ.

Я, плѣнникъ твой, султанъ.

Саладинъ.

Мой плѣнникъ?—нѣтъ.
Кому я жизнь дарю, тому могу ли
Не подарить свободы.

Храмовникъ.

Что тебѣ
Пристало дѣлать, мнѣ пристало слушать,
Не предугадывать. Но не согласно
Съ моимъ характеромъ и положеньемъ,
Чтобъ я тебя сталъ увѣрять, султанъ,
Что я необычайно благодаренъ
За жизнь; во всякомъ случаѣ отнынѣ
Она опять къ твоимъ услугамъ.

Саладинъ.

Только
Не пользуйся ты сю мнѣ во вредъ!
Хоть я врагамъ моимъ отдамъ охотно
Двѣ лишнія руки, но тяжело бы
Мнѣ было имъ отдать такое сердце.
Мой храбрый юноша, я не ошибся
Въ тебѣ: ты мой Ассадъ душой и тѣломъ.
Я даже могъ бы, кажется, спросить:
Куда ты пропадалъ все это время?
Въ какой пещерѣ спалъ? въ какой чудесной
Странѣ, какой волшебницею доброй
Такой цвѣтокъ такъ сохраненъ прекрасно?
Я могъ бы пожелать тебѣ напомнить:
Что здѣсь и тамъ мы вмѣстѣ совершали.
Поссориться съ тобою могъ бы я
За то, что отъ меня имѣлъ ты тайну,
И приключенье скрылъ. Я могъ бы, если-бъ
Съ тобою рядомъ я себя не видѣлъ.
Пускай! и въ этой сладостной мечтѣ
Настолько правды все-таки найдется,
Что мнѣ приходится на осень жизни

Опять Ассада увидать цвѣтущимъ.
Вѣдь ты доволенъ этимъ, рыцарь?

Храмовникъ.

Все,
Что для меня рѣшается тобою,
Что-бъ ни было оно, въ моей душѣ
Хранилось, какъ желанье.

Саладинъ.

Такъ давай же
Мы это испытаемъ. Ты-бъ остался
Здѣсь у меня? остался бы при мнѣ?
Какъ христіанинъ или мусульманинъ,
Мнѣ все равно. Въ твоемъ плащѣ съ крестомъ,
Иль въ нашемъ платьѣ, въ шляпѣ ли, въ чалмѣ ли,
Какъ хочешь, все равно. Я никогда
Не требовалъ, чтобъ всѣ деревья всюду
Росли бы съ одинаковой корой.

Храмовникъ.

Иначе ты бы не былъ тѣмъ, что есть:
Герой, которому пріятнѣй было-бъ
Садовникомъ для Господа служить.

Саладинъ.

Ну, если я кажусь тебѣ не хуже,
То мы почти поладили.

Храмовникъ.

Совсѣмъ.

Саладинъ—протягивая руку.

И слово?

Храмовникъ—ударяя по рукѣ.

Мужа—честно. Съ этимъ больше

Получишь ты, чѣмъ взялъ бы у меня:
Я твой душой и тѣломъ.

Саладинъ.

Слишкомъ много
Мнѣ прибыли для нѣсколькихъ часовъ.
А онъ? съ тобой онъ не пришелъ?

Храмовникъ.

Кто?

Саладинъ.

Натанъ.

Храмовникъ.

Нѣтъ, я одинъ пришелъ.

Саладинъ.

Какой прекрасный
Поступокъ твой! какая мудрость въ счастьи,
Что выпалъ же такой поступокъ въ пользу
Такого человѣка.

Храмовникъ.

Правда, правда.

Саладинъ.

Такъ холодно? нѣтъ, рыцарь, если Богъ
Чрезъ насъ добро являетъ, не должны мы
Не только быть холодными, но даже
Изъ скромности холодными казаться.

Храмовникъ.

Вѣдь вотъ на свѣтѣ въ каждомъ дѣлѣ сыщешь
Такія стороны, что часто вовсе
Нельзя понять: что общаго въ нихъ есть.

Саладинъ.

Всегда старайся лучшаго держаться

И Бога восхваляй. Онъ знаетъ, что
Въ нихъ общаго. Но ежели ты будешь
Придирчивъ, такъ и мнѣ съ тобой придется
Быть осторожнымъ; и во мнѣ найдутся,
Къ несчастью, стороны, которыхъ часто
На взглядъ нельзя порядкомъ согласить.

Храмовникъ.

Какъ это больно слушать!—я такъ мало
Страдаю подозрительностью.

Саладинъ.

Ну,
Разсказывай же, кто ее внушаетъ?
Казалось, будто Натанъ. Какъ? ты можешь
Подозрѣвать его? такъ объяснись,
И докажи, что ты мнѣ довѣряешь.

Храмовникъ.

Я Натана ни въ чемъ не обвиняю.
Я на себя сержусь.

Саладинъ.

И почему?

Храмовникъ.

Что сдуру бредилъ, будто есть возможность
Еврею разучиться быть жидомъ,
Что бредилъ на-яву.

Саладинъ.

Да въ чемъ же дѣло?

Храмовникъ.

У Натана есть дочь, объ ней ты знаешь.
Что сдѣлано мной для нея, я сдѣлалъ—
Ну—потому, что сдѣлалъ. Слишкомъ гордъ,
Чтобъ пожинать признательность, гдѣ вовсе

Ея не сѣялъ, я все уклонялся
Отъ новой встрѣчи съ дѣвушкой. А Натанъ
Былъ далеко. Онъ пріѣзжаетъ, слышитъ,
Меня сыскалъ, меня благодаритъ,
Онъ хочетъ, чтобы дочь мнѣ полюбилась,
Болтаетъ про надежды, про веселье
Грядущихъ дней. Я болтовнѣ поддался;
Иду къ нему, гляжу, и вижу, точно,
Что дѣвушка... Стыдиться долженъ я!

Саладинъ.

Стыдиться?—не того-ль, что впечатлѣнье
Произвела еврейка на тебя?
О, никогда!

Храмовникъ.

Что молодое сердце,
Плѣняясь болтовней отца, такъ мало
Противилось такому впечатлѣнью.
Я въ пламя снова бросился, безумецъ!
Я сватался—и тутъ ужъ я съ отказомъ
Ушелъ.

Саладинъ.

Съ отказомъ?

Храмовникъ.

Мудрый Натанъ, правда,
Не отказалъ мнѣ начисто, но прежде
Онъ долженъ разузнать и пообдумать...
О, непремѣнно!—Я вѣдь такъ же дѣлалъ!
Разузнавалъ, обдумывалъ вѣдь тоже,
Когда она кричала изъ огня!
Поистинѣ, ей-Богу, это нѣчто
Прекрасное, настолько мудрымъ быть
И разсудительнымъ.

Саладинъ.

Ну, будь немножко
Поснисходительнѣе къ старику.
Не можетъ онъ отнѣкиваться долго.
Не станетъ же онъ требовать, чтобъ ты
Евреемъ сдѣлался?

Храмовникъ.

Кто знаетъ?

Саладинъ.

Знаетъ,
Кто лучше съ этимъ Натаномъ знакомъ.

Храмовникъ.

Вѣдь суевѣріе, въ которомъ съ дѣтства
Мы выросли, еще не потеряетъ
Надъ нами власти только оттого,
Что мы его признаемъ, и не всякій
Свободенъ, кто смѣется надъ своими
Цѣпями.

Саладинъ.

Замѣчанье очень здраво,
Но ты...

Храмовникъ.

И худшее изъ суевѣрій:
Считать свое терпимѣй всѣхъ.

Саладинъ.

Пожалуй!
Но Натана...

Храмовникъ.

И только *своему*
Тупое человѣчество довѣрить,

Пока оно привыкнетъ къ свѣтлымъ днямъ
Безспорной правды.

Саладинъ.

Да, но эту слабость
Не встрѣтишь въ Натанѣ.

Храмовникъ.

Я такъ же дума.
Что-жъ, если этотъ образецъ людей
Не что иное, какъ еврей завзятый,
Сбирающій младенцевъ христіанскихъ,
Чтобъ ихъ жидами дѣлать? что тогда?

Саладинъ.

Кто въ этомъ упрекнетъ его?

Храмовникъ.

И даже
Та дѣвушка, которой заманилъ онъ
Меня, и съ радостью, казалось, думалъ,
Надеждой на нее мнѣ отплатить
За все, что будто бы не даромъ сдѣлалъ
Я для нея,—та дѣвушка ему
Совсѣмъ не дочь: пріемышъ! христіанка!

Саладинъ.

И все-таки не хочетъ онъ отдать
Ее тебѣ.

Храмовникъ.

Не хочетъ или хочетъ,
Но онъ открытъ, болтунъ вѣротерпимый!
И я сумѣю напустить собакъ,
Подъ философскою бараньей шкурой,
На волка хищнаго жидовской крови;
Онѣ его взъерошатъ.

Саладинъ.

Христіанинъ!
Спокойнѣй!

Храмовникъ.

Христіанинъ? что? спокойнѣй?—
Когда свое отстаиваетъ жидъ
И мусульманинъ, только христіанинъ
Не смѣетъ христіаниномъ являться?

Саладинъ.

Спокойнѣй, христіанинъ!

Храмовникъ.

Саладинъ!
Я въ этомъ словѣ чувствую всю тяжесть
Упрека твоего. Ахъ, если-бъ зналъ я,
Какъ поступилъ бы тутъ Ассадъ! Ассадъ!

Саладинъ.

Немногимъ лучше и навѣрно съ той же
Горячностью. Но гдѣ ты научился
Такъ подкупать меня, какъ онъ, бывало,
Единымъ словомъ?—Да, конечно, если
Все вышло такъ, какъ ты мнѣ разсказалъ,
Я Натана и самъ не понимаю.
Покамѣстъ онъ мнѣ другъ—и не должны
Мои друзья сердиться другъ на друга.
Дай разъяснить себѣ. Будь остороженъ.
Не подвергай его сейчасъ гоненью
Мечтателей народа твоего.
Смолчи о томъ, съ чѣмъ ваше духовенство
Ко мнѣ пристало бы, ему отмщая.
Не стой за христіанство только на̀-зло
Жиду иль мусульманину.

Храмовникъ.

Почти

Мнѣ это поздно было бы. Спасибо,
Что очень кровожаденъ патріархъ;
Служить ему орудіемъ ужасно.

Саладинъ.

Ты былъ у патріарха? ты?—и прежде,
Чѣмъ у меня.

Храмовникъ.

Въ волненьи страсти бурной!
Прости. Боюсь я, что теперь ужъ больше
Ты не захочешь узнавать во мнѣ
Черты Ассада твоего.

Саладинъ.

Ихъ можно
Замѣтить и въ самой такой боязни.
Мнѣ кажется, я знаю, изъ какихъ
Ошибокъ вырастаетъ добродѣтель;
Объ ней заботься впредь, такъ ужъ онѣ
Въ моихъ глазахъ тебѣ вредить не станутъ.
Ступай. Ищи мнѣ Натана, какъ онъ
Искалъ тебя, и оба приходите.
Я долженъ вмѣстѣ вразумить васъ. Если
Ты искренно объ дѣвушкѣ хлопочешь,
Она твоя, не безпокойся. Мы
И Натана почувствовать заставимъ,
Что вырастить дерзнулъ онъ безъ свинины
Ребенка христіанскаго. Ступай.

Храмовникъ уходитъ и Зитта встаетъ съ дивана.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

САЛАДИНЪ и ЗИТТА.

Зитта.

Какъ странно!

Саладинъ.

Ну, сестра! Ассадъ мой не былъ
Прекрасный, храбрый юноша?

Зитта.

Коль былъ онъ
Такимъ, и тутъ, въ его изображеньи,
Сказался больше онъ, а не храмовникъ.
Но какъ забылъ ты выспросить, кто были
Его родители?

Саладинъ.

И особливо
Про мать его? была ли здѣсь она
Когда-нибудь? не правда ли?

Зитта.

Хорошъ ты!

Саладинъ.

Возможнѣе нѣтъ ничего. Ассада
Красотки христіанскія любили,
И самъ онъ былъ до нихъ настолько падокъ,
Что даже какъ-то рѣчь была... Но полно,
Я не люблю объ этомъ говорить.
Теперь онъ снова мой, и мнѣ онъ дорогъ,
Со всѣми недостатками, со всѣми
Причудами души прекрасной, мягкой.
О! Натанъ долженъ дѣвушку отдать
Ему. Какъ думаешь?

Зитта.

Отдать?—оставить.

Саладинъ.

Конечно. Если Натанъ не отецъ ей,
Какое право на нее имѣетъ?..

Въ права того, кто далъ ей жизнь, вступаетъ
Лишь тотъ одинъ, кто такъ ей сохранить
Могъ эту жизнь.

Зитта.

А если-бъ ты сейчасъ же,
Отнявъ у незаконнаго владѣльца,
Взялъ дѣвушку къ себѣ?

Саладинъ.

Да нужно-ль это?

Зитта.

Оно не то что нужно, да одно
Ужъ любопытство милое мнѣ шепчетъ
Такой совѣтъ. Меня иной мужчина
Вотъ такъ и подстрекаетъ знать скорѣй,
Какую дѣвушку любить онъ можетъ.

Саладинъ.

Пошли за ней.

Зитта.

Позволишь, братъ?

Саладинъ.

Но только
Ты Натана щади мнѣ. Онъ никакъ
Не долженъ думать, что хотятъ насильно
Ихъ разлучить.

Зитта.

Не безпокойся.

Саладинъ.

Я же
Пойду взглянуть, куда Ал-Гафи дѣлся.

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Сѣни въ домѣ Натана, какъ въ первомъ явленіи перваго дѣйствія. Часть товара разобрана изъ тюковъ; объ немъ и идетъ рѣчь.

НАТАНЪ и ДАЙА.

Дайа.

Ахъ, это все прелестно! превосходно!
Такъ только вы умѣете дарить.
Серебряная ткань-то дорога ли?
Гдѣ дѣлаютъ ее?—вотъ это можно
Назвать вѣнчальнымъ платьемъ. Королевѣ
Не нужно лучшаго.

Натанъ.

А почему бы
Вѣнчальнымъ?

Дайа.

Ну, конечно, вы объ этомъ
Не думали, когда вы покупали;
Но, право, именно вотъ эта ткань,
Какъ по заказу, платье для невѣсты:
Тутъ поле бѣлое изображаетъ
Невинность, а побѣги золотые,
Разсыпанные по полю,—богатство.
Премило. Посмотрите.

Натанъ.

Остроумно.
А для какой невѣсты расписала
Ты символы такъ мудро? развѣ ты
Невѣста?

Дайа.

Я?

Натанъ.

Да кто же?

Дайа.

Я? Творецъ мой!

Натанъ.

Кто-жъ больше? чье тутъ свадебное платье?
Вѣдь это все тебѣ принадлежитъ.

Дайа.

Все это мнѣ? мое? а не для Рэхи?

Натанъ.

Что̀ я привезъ для Рэхи, уложилъ я
Въ другомъ тюкѣ. Бери и уноси
Свои богатства.

Дайа.

Искуситель!—Нѣтъ же,
Будь это всѣ сокровища вселенной,
Я все-таки не трону ничего,
Покамѣстъ вы мнѣ не дадите клятвы
Воспользоваться случаемъ, какого
Другой разъ небо не пошлетъ вамъ, Натанъ.

Натанъ.

Воспользоваться случаемъ?—какимъ?

Дайа.

Не знаете? не притворяйтесь. Словомъ:
Храмовникъ любитъ Рэху; такъ отдайте
Ему ее и прекратите грѣхъ,
Который дольше я скрывать не въ силахъ.
Пускай она вернется къ христіанамъ
И будетъ тѣмъ, что̀ есть и чѣмъ была.
Тогда на вашу голову сберутся
Не уголья горящіе одни
За все добро, которымъ вы такъ много
Насъ обязали.

Натанъ.

Старая погудка
На новый ладъ. Боюсь я, чтобъ она
Въ разладъ не зазвучала.

Дайа.

Какъ?

Натанъ.

Храмовникъ
Годился бы, и никому на свѣтѣ
Не отдалъ бы я Рэхи такъ охотно,
Но... Будемъ терпѣливы.

Дайа.

Терпѣливы?
Вотъ это ваша старая погудка.

Натанъ.

Еще немного дней терпѣнья... Кто тамъ
Идетъ? смотри-ка! служка монастырскій!
Поди спроси, что надобно ему?

Дайа.

Извѣстно, что за надобность!

Натанъ.

Подай же,
И прежде, чѣмъ попроситъ.

Она идетъ спросить служку.

Если-бъ только
Я приступить къ храмовнику сумѣлъ,
Не высказавъ причины любопытства
Сказать ему?—а если подозрѣнье
Неосновательно? тогда напрасно
Запутаю отца я въ это дѣло.

Дайѣ.

Ну что?

Дайа.

Онъ хочетъ съ вами говорить.

Натанъ.

Зови-жъ его и уходи покамѣстъ.

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

НАТАНЪ и СЛУЖКА.

Натанъ—про себя.

Съ какимъ бы счастьемъ, Рэха, я остался
Твоимъ отцомъ. Но развѣ не могу я
Остаться имъ, когда я перестану
Имъ называться?—Ты сама, узнавши
Какъ горячо я этого хочу,
Меня отцомъ считать не перестанешь.

Служкѣ.

Чѣмъ я могу служить вамъ, братъ честнóй?

Служка.

Не то чтобъ многимъ. Радуюсь душевно,
Что господина Натана я вижу
Еще благополучнымъ.

Натанъ.

Такъ меня
Вы знаете?

Служка.

Да кто же васъ не знаетъ?
Не одному изъ насъ вы ваше имя
Сумѣли втиснуть въ руку, и моей
Оно давно знакомо.

Натанъ—хватаясь за кошелекъ.

Такъ давайте,
Мы память освѣжимъ.

Служка.

Благодарю васъ.
Я это у бѣднѣйшаго укралъ бы;
Не надо ничего. Позвольте вамъ
Поосвѣжить мое мірское имя.
Я тоже вѣдь похвастаться могу,
Что кое-что, чѣмъ вы не погнушались,
Вамъ въ руки положилъ.

Натанъ.

Скажите, что?
Простите! я стыжусь, я отплачу вамъ
Мой долгъ съ избыткомъ.

Служка.

Слушайте сперва,
Какъ самъ сегодня только я припомнилъ
Объ этомъ вамъ довѣренномъ закладѣ.

Натанъ.

Закладѣ? мнѣ довѣренномъ?

Служка.

Недавно
Я жилъ еще отшельникомъ смиреннымъ
Близъ Іерихона въ Карантанѣ. Тамъ
Пришли толпой разбойники-арабы,
Снесли мою часовенку и келью
И за собой меня угнали. Къ счастью,
Я спасся, и бѣжалъ я къ патріарху,
Чтобъ выпросить себѣ другое мѣсто,
Гдѣ могъ бы я, до праведной кончины,
Въ уединеньи Господу служить.

Натанъ.

По это пытка, добрый братъ. Кончайте
Скорѣй. Закладъ! довѣренный закладъ!

Служка.

Сейчасъ. Ну, патріархъ пообѣщалъ мнѣ,
Что поселитъ меня онъ на Ѳаворѣ,
Какъ только тамъ очистится мѣстечко,
А между тѣмъ, велѣлъ остаться служкой
Въ монастырѣ. Вотъ, господинъ, теперь
Я здѣсь живу, и въ день сто разъ навѣрно
Вздыхаю по Ѳаворѣ. Патріархъ
Мнѣ поручаетъ многое, къ чему я
Питаю отвращенье. Напримѣръ...

Натанъ.

Прошу васъ!

Служка.

Мы подходимъ къ дѣлу. Кто-то
Ему шепнулъ сегодня, будто здѣсь
Живетъ еврей, который христіанку
Воспитываетъ, какъ родную дочь.

Натанъ.

Что?

Служка.

Выслушайте. Этимъ святотатствомъ
Онъ сильно былъ разгнѣванъ; онъ призналъ
Въ немъ настоящій грѣхъ противу Духа
Святого. Мы считаемъ этотъ грѣхъ
Важнѣе всѣхъ грѣховъ, хотя порядкомъ
Не знаемъ сами, слава Богу, въ чемъ
Онъ состоитъ. Такъ патріархъ велѣлъ мнѣ
Гдѣ-бъ ни было, но выслѣдить сейчасъ же
Того еврея. Тутъ внезапно совѣсть
Моя проснулась: мнѣ пришло на умъ,
Что я и самъ способствовалъ когда-то
Такому непростительно большому
Грѣху. Скажите, восемнадцать лѣтъ

Fr. Pecht sc.

Hamann

Изданiе и собств. А. Ф. Маркса

Назадъ, не приносилъ ли нѣкій конюхъ
Вамъ дѣвочку недѣль шести?

Натанъ.

Но какъ же?
Конечно! безъ сомнѣнья.

Служка.

Такъ вглядитесь
Въ меня получше: этотъ конюхъ—я.

Натанъ.

Вы?

Служка.

Господинъ, приславшій къ вамъ младенца
Былъ, помнится, фонъ-Фильнекъ? Вольфъ
фонъ-Фильнекъ?

Натанъ.

Да.

Служка.

Такъ какъ незадолго передъ этимъ
Скончалась мать и долженъ былъ случайно
Отецъ спѣшить, мнѣ думается, въ Гаццу,
Куда съ собой малютку взять не могъ;
Онъ къ вамъ ее послалъ. Я не въ Дарунѣ-ль
Засталъ васъ?

Натанъ.

Такъ.

Служка.

Хоть не было бы чуда,
Когда-бъ меня и обманула память;
Такъ много я имѣлъ господъ отважныхъ,
А этому служилъ я слишкомъ мало:

Онъ вскорѣ палъ въ бою при Аскалонѣ,
А впрочемъ былъ прекрасный господинъ.

Натанъ.

Прекрасный! да! ему я много, много
Обязанъ самъ, не разъ изъ-подъ меча
Онъ вырывалъ меня.

Служка.

О, превосходно!
Такъ вамъ тѣмъ болѣе пріятно было
Заботиться объ дочери его.

Натанъ.

Вы это можете понять.

Служка.

Ну, гдѣ же
Она? не умерла?—О, нѣтъ! пусть лучше
Не умерла. Коль кромѣ насъ объ этомъ
Никто не знаетъ, вы не бойтесь.

Натанъ.

Такъ ли?

Служка.

Довѣрьтесь мнѣ. Вотъ видите ли, Натанъ,
Я полагаю такъ: когда къ добру,
Которое хочу я сдѣлать, близко
Граничитъ что-нибудь весьма дурное,
Добра такого я не стану дѣлать.
Дурное мы довольно вѣрно знаемъ,
Но доброе далеко нѣтъ. Понятно,
Что если дѣвочку какъ можно лучше
Вы воспитать хотѣли, то ее,
Какъ дочь свою родную воспитали.
Вы это сдѣлали со всей любовью,
Со всею вѣрностью, и отплатить вамъ

Такой наградой!—это непонятно.
Конечно, вы умнѣй бы поступили,
Когда бы христіанку христіанкой
Воспитывали чрезъ вторыя руки;
Но вами не былъ бы тогда любимъ
Ребенокъ друга вашего, а дѣтямъ,
Въ ихъ нѣжномъ возрастѣ, по мнѣ, любовь—
Хоть звѣря дикаго любовь—нужнѣе,
Чѣмъ христіанство. Для него всегда
Еще найдется время. Если только
Дитя взросло здоровымъ, благонравнымъ,
Предъ вашими очами, такъ ужъ вѣрно
Предъ Божьими оно осталось тѣмъ же,
Чѣмъ было. Да и все-то христіанство
Основано не на еврействѣ развѣ?
Частенько я-таки сердился, много
Я пролилъ слезъ объ томъ, что христіане
Ужъ какъ-то слишкомъ могутъ забывать,
Что самъ Господь Спаситель былъ евреемъ.

Натанъ.

Вы, добрый братъ, ходатаемъ мнѣ будьте,
Коль на меня вражда и лицемѣрье
Подымутся за мой поступокъ!—Вы
Одни должны узнать объ немъ, но послѣ
Его съ собой въ могилу схороните.
Еще ни разу суетность меня
Не побуждала разсказать объ этомъ
Кому-нибудь другому. Вамъ однимъ
Я разскажу; я буду откровененъ
Съ одной лишь простотой благочестивой.
Она одна пойметъ, въ какихъ дѣлахъ
Мы въ состояньи, съ преданностью къ Богу,
Одерживать побѣду надъ собой.

Служка.

Вы тронуты? вы плачете?

Натанъ.

Въ Дарунѣ
Вы отдали мнѣ дѣвочку; но вѣрно
Не знаете, что въ Гатѣ христіане
Предъ этимъ незадолго всѣхъ евреевъ,
Съ дѣтьми и женщинами, истребили.
Не знаете, что въ томъ числѣ погибли
Моя жена и семь цвѣтущихъ, бодрыхъ,
И много обѣщавшихъ сыновей,
Что въ домѣ брата, гдѣ я ихъ припряталъ,
Они всѣ вмѣстѣ были сожжены.

Служка.

Творецъ мой правосудный!

Натанъ.

Какъ пришли вы,
Три дня, три ночи, я въ золѣ, во прахѣ
Предъ Богомъ пролежалъ, проплакалъ.—Плакалъ!
Я Бога укорялъ!—въ негодованьи,
Въ ожесточеньи проклиналъ себя
И цѣлый міръ! я клялся къ христіанству
Въ непримиримой ненависти!

Служка.

А!
Я этому повѣрю.

Натанъ.

Понемногу
Вернулся мнѣ разсудокъ; онъ отрадно
Шепнулъ мнѣ: «все-таки есть Богъ! и все,
Что̀ сдѣлано,—Его опредѣленье.
Итакъ, иди, свершай, что̀ ты постигъ
Давно; что совершить, когда захочешь,
Навѣрно не труднѣе, чѣмъ постичь.
Возстань!»—И всталъ я, къ Господу взывая:

«Хочу! хочу! была бы только воля
Твоя на то, чтобъ я хотѣлъ!»—Тогда-то
Явились вы, и, съ лошади сойдя,
Мнѣ передали милаго ребенка,
Завернутаго въ плащъ. Что̀ я сказалъ вамъ,
Что̀ вы мнѣ говорили, я не помню.
Я знаю только то, что, взявъ дитя,
Я снесъ его къ себѣ, и на колѣняхъ,
Рыдая, цѣловалъ мою малютку:
«О, Господи! изъ семерыхъ дѣтей
Хотя одно возвращено мнѣ!»

Служка.

Натанъ!
Вы христіанинъ! христіанинъ, Натанъ!
И лучшаго на свѣтѣ не бывало.

Натанъ.

Да! благо намъ! въ чемъ видите во мнѣ
Вы христіанина, въ томъ я въ васъ вижу
Еврея. Но довольно намъ другъ друга
Растрогивать. Теперь тутъ нужно дѣло!
И хоть въ семь разъ сильнѣйшая любовь
Меня давно ужъ привязала къ этой
Одной, чужой мнѣ дѣвушкѣ, хотя
Мнѣ даже мысль убійственна, что снова
Семь сыновей моихъ я долженъ буду
Въ ней потерять; но если Провидѣнье
Изъ рукъ моихъ потребуетъ ее,
Я покорюсь.

Служка.

Теперь вы христіанинъ
Вполнѣ!—я это именно и думалъ
Вамъ посовѣтовать, да подсказала
Совѣтъ мой ваша добрая душа.

Натанъ.

Но не позволю я, чтобъ первый встрѣчный
Задумалъ у меня ее отнять.

Служка.

Конечно, нѣтъ.

Натанъ.

Кто на нее не можетъ
Представить права большаго, чѣмъ я,
Пусть болѣе давнишнее докажетъ,
По меньшей мѣрѣ.

Служка.

Несомнѣнно!

Натанъ.

Право
Природы, крови.

Служка.

Я согласенъ съ вами.

Натанъ.

Такъ только назовите мнѣ скорѣй
Кого-нибудь, кто братъ ей или дядя,
Иль вообще ея родной, и я
Удерживать себѣ ее не стану;
Ее, которая сотворена,
Которая взросла на украшенье
Любой семьи и вѣры. Я надѣюсь,
Что вамъ объ этомъ вашемъ господинѣ
И объ его семьѣ извѣстно больше,
Чѣмъ мнѣ.

Служка.

Ну, это врядъ ли, добрый Натанъ.

Вѣдь вы ужъ слышали, что я служилъ
Недолго у него.

Натанъ.

По крайней мѣрѣ,
Не знаете ли вы, къ какому роду
Принадлежала мать ея? не къ Штауфенъ?

Служка.

Возможно; да, мнѣ кажется.

Натанъ.

У ней
Былъ братъ храмовникъ? назывался Конрадъ
Фонъ-Штауфенъ?

Служка.

Если я не ошибаюсь...
Постойте! вспомнилъ: у меня осталась
Отъ господина книжечка. Ее
Я снялъ съ груди его при Аскалонѣ,
Во время похоронъ.

Натанъ.

Ну?

Служка.

Въ ней молитвы.
Мы требникомъ ее зовемъ. Она,
Подумалъ я, Христову человѣку
Еще послужитъ. Хоть не мнѣ, конечно,
Я не читаю.

Натанъ.

Что же въ этомъ? къ дѣлу.

Служка.

Въ той книжечкѣ, такъ сказывали мнѣ,
Въ началѣ и въ концѣ собственноручно

Мой господинъ записывалъ родныхъ
Супруги и своихъ.

Натанъ.

Исходъ желанный!
Ступайте поскорѣй! несите книжку!
Я на̀ вѣсъ золота готовъ у васъ
Купить ее! сто разъ скажу спасибо.
Бѣгите же! спѣшите!

Служка.

Радъ служить вамъ.
Но господинъ писалъ въ ней по-арабски.
Уходитъ.

Натанъ.

Давайте! все равно!—О, Боже! если-бъ
Я могъ еще себѣ оставить Рэху,
И этимъ прикупить такого зятя!
Едва ли!—ну, пусть будетъ, какъ угодно.
Но кто бы это былъ, кто патріарху
Донесъ?.. Я долженъ разспросить объ этомъ.
Что, если Дайа разглашаетъ?

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ДАЙА и НАТАНЪ.

Дайа—входя поспѣшно, взволнованная.

Натанъ!
Подумайте!

Натанъ.

Ну?

Дайа.

Бѣдное дитя
Совсѣмъ перепугалось. Присылаетъ...

Далила

Изданіе и собств. А. Ф. Маркса

Натанъ.

Не патріархъ ли?

Дайа.

Нѣтъ. Сестра султана,
Принцесса Зитта.

Натанъ.

А не патріархъ?

Дайа.

Нѣтъ,—Зитта! слышите?—принцесса Зитта
За ней прислала. Требуетъ къ себѣ.

Натанъ.

За Рэхой? Зитта къ намъ за ней прислала?
Ну, еже ли зоветъ ее принцесса,
Не патріархъ...

Дайа.

Какъ вспомнился онъ вамъ?

Натанъ.

Такъ ничего объ немъ ты не слыхала,
Не такъ давно?—Навѣрно?—Ничего ты
Ему не доносила?

Дайа.

Я? ему?

Натанъ.

Гдѣ посланные?

Дайа.

Ждутъ въ передней.

Натанъ.

Надо
Ихъ изъ предосторожности спросить
Мнѣ самому. И только-бъ тутъ не крылось

Чего-нибудь отъ патріарха.

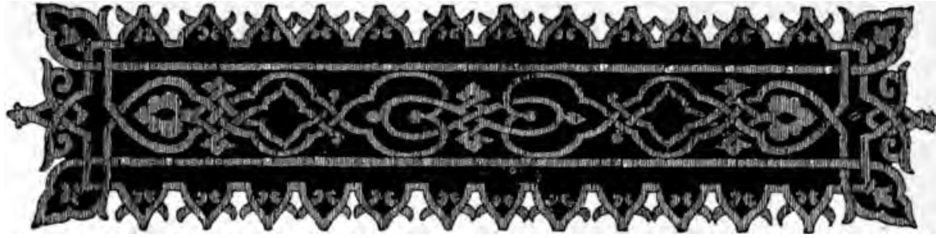
Уходитъ.

Дайа.

Я же
Боюсь еще другого: спорить буду,
Что мнимая единственная дочь
Такого богатѣйшаго еврея
И мусульманину годится. Мигомъ
Ее храмовникъ потеряетъ, если
Я не рѣшусь второго шага сдѣлать,
И ей самой открыть ея рожденье.
Смѣлѣй! смѣлѣй! для этого мнѣ надо
Воспользоваться первой же минутой,
Когда я съ ней одна, а это будетъ
Пожалуй-что теперь, какъ провожать
Ее пойду. По крайней мѣрѣ, первый
Намекъ дорогой повредить не можетъ.
Да, да! смѣлѣй! теперь иль никогда.

Уходитъ вслѣдъ за нимъ.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Комната во дворцѣ Саладина, въ которую принесены мѣшки съ деньгами. Онѣ еще лежатъ на прежнемъ мѣстѣ.

САЛАДИНЪ и вскорѣ потомъ разные **МАМЕЛЮКИ.**

Саладинъ—входя.

А деньги все еще лежатъ; никто
Не можетъ дервиша сыскать, и вѣрно
Онъ гдѣ-нибудь за шахматной доской
Забылъ себя и всѣхъ; не мудрено,
Что и меня забылъ. Ну что-жъ, потерпимъ.
Что новаго?

Мамелюкъ.

Желанное извѣстье,
Султанъ! и радость!—къ намъ благополучно
Явился изъ Каира караванъ,
И за семь лѣтъ намъ подать присылаетъ
Богатый Нилъ.

Саладинъ.

Прекрасно, Ибрагимъ!
Поистинѣ ты вѣстникъ мнѣ пріятный.
А! наконецъ-то, наконецъ! спасибо
За доброе извѣстье.

Мамелюкъ—дожидаясь, про себя.

Ну? кончай.

Саладинъ.

Чего ты ждешь? ступай себѣ.

Мамелюкъ.

И только?
И вѣстнику пріятному не будетъ
Ужъ больше ничего?

Саладинъ.

Чего же больше?

Мамелюкъ.

Не дать на хлѣбъ за доброе извѣстье?
Такъ, научился, наконецъ, султанъ,
На мнѣ на первомъ, награждать словами.
И этимъ можно славиться! я первый,
Съ которымъ онъ скупится.

Саладинъ.

Такъ возьми
Одинъ изъ тѣхъ мѣшковъ.

Мамелюкъ.

Теперь не надо,
Хотя-бъ ты мнѣ дарилъ ихъ всѣ.

Саладинъ.

Упрямецъ!
Вотъ два, бери же!—Не шутя, уходитъ!
Да онъ великодушнѣе меня:
Отказываться для него навѣрно
Не такъ легко, какъ для меня дарить.
Эй! Ибрагимъ!—Съ чего и я-то вздумалъ,
Теперь, такъ незадолго передъ смертью,
Желать совсѣмъ и сразу измѣниться.

Ужъ если Саладиномъ умереть
Не хочетъ Саладинъ, такъ Саладиномъ
Не долженъ былъ и жить.

Второй мамелюкъ.

Султанъ! султанъ!

Саладинъ.

Коль ты приходишь извѣстить...

Второй мамелюкъ.

Что транспортъ
Явился изъ Египта.

Саладинъ.

Я ужъ знаю.

Второй мамелюкъ.

Я опоздалъ-таки.

Саладинъ.

А почему?
Возьми себѣ, за доброе желанье,
Вонъ тамъ мѣшокъ иль два.

Второй мамелюкъ.

Такъ значитъ три.

Саладинъ.

Пожалуй, если сосчитать сумѣешь.
Бери.

Второй мамелюкъ.

Придетъ еще и третій, если
Онъ сможетъ дотащиться.

Саладинъ.

Какъ?

Второй мамелюкъ.

Пожалуй,
Себѣ сломалъ онъ шею. Мы тамъ трое.
Какъ только разузнали достовѣрно,
Что прибылъ транспортъ, мигомъ поскакали.
Передній съ лошади упалъ; и такъ
До города переднимъ оставался
Все время я; но тутъ ужъ Ибрагиму,
Гулякѣ, лучше улицы знакомы.

Саладинъ.

А тотъ, упавшій? что съ нимъ? ахъ, несчастный!
Скачи къ нему навстрѣчу.

Второй мамелюкъ.

Поскачу,
И ежели онъ живъ, то половину
Твоей награды я отдамъ ему.

Уходитъ.

Саладинъ.

Смотрите, что за добрый, честный малый!
Кто можетъ похвалиться лучшей стражей?
И, стало-быть, кто запретитъ мнѣ думать,
Что мой примѣръ такими сдѣлалъ ихъ?
Такъ прочь же мысль, чтобъ напослѣдокъ я же
Къ другимъ примѣрамъ сталъ ихъ пріучать.

Третій мамелюкъ.

Султанъ!

Саладинъ.

Не ты-ль упавшій?

Третій мамелюкъ.

Нѣтъ. Я только
Докладываю, что эмиръ твой, Мансоръ,

Прибывшій изъ Каира съ караваномъ,
Слѣзаетъ съ лошади.

Саладинъ.

Зови его!
Скорѣй!—да вотъ онъ.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ЭМИРЪ МАНСОРЪ, САЛАДИНЪ.

Саладинъ.

Мой привѣтъ эмиру!
Ну, какъ идутъ дѣла?—Ахъ Мансоръ, Мансоръ!
Ты долго насъ заставилъ дожидаться.

Мансоръ.

Изъ этого письма узнаешь ты,
Какіе безпорядки въ Ѳиваидѣ
Смирить пришлось Абулкассему, прежде,
Чѣмъ смѣли мы отправиться. Потомъ
Я ускорялъ, насколько можно было,
Передвиженья наши.

Саладинъ.

Вѣрю, Мансоръ.
Возьми же, добрый мой, возьми сейчасъ же,
Но только, если сдѣлаешь охотно,
Возьми прикрытье свѣжее сейчасъ
И дальше поѣзжай. Изъ этихъ денегъ
Ты долженъ на Ливанъ, къ отцу, доставить
Часть наибольшую.

Мансоръ.

Охотно.

Саладинъ.

Только
Смотри, чтобъ не было прикрытье слабо.

Теперь не такъ надежно вкругъ Ливана.
Ты слышалъ ли? храмовники опять
Придвинулись. Будь очень остороженъ.
Пойдемъ-ка! гдѣ остановился транспортъ?

Мансоръ и Саладинъ. «Изъ этого письма узнаешь ты...» и т. д. (5 д., 2 явл.)

Я на него хочу взглянуть и всѣмъ
Распорядиться самъ.
Обращаясь къ стражѣ, стоящей въ глубинѣ.
Потомъ я къ Зиттѣ!

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНІЕ.

Пальмы передъ домомъ Натана. Храмовникъ ходитъ взадъ и впередъ.

Храмовникъ.

Нѣтъ, въ домъ я не пойду. Вѣдь, наконецъ,
Онъ долженъ выйти самъ. Меня, бывало,

Такъ скоро, такъ охотно замѣчали.
Пожалуй, доживу и до того,
Что онъ попроситъ перестать усердно
Показываться передъ этимъ домомъ.
Гм! Все-таки я слишкомъ золъ и желченъ.
За что я на него такъ разсердился?
Онъ мнѣ еще ни въ чемъ не отказалъ.
И Саладинъ взялся его настроить.
Какъ? неужли дѣйствительно гнѣздится
Во мнѣ гораздо глубже христіанство,
Чѣмъ въ немъ еврейство?—Кто вполнѣ сумѣетъ
Понять себя?—Иначе, какъ же могъ я
Оспаривать ничтожную добычу,
Которую отнять у христіанъ
Ему такъ лестно было?—О! конечно,
Созданье чудное добыча эта.
Но чье созданье? вѣрно, не раба,
Который глыбу мрамора забросилъ
На бѣдный, на пустынный берегъ моря
Житейскаго и скрылся тотчасъ; нѣтъ,
Скорѣй художника, который даже
И въ камнѣ брошенномъ задумалъ образъ
Божественный и выполнилъ его.
Пускай отъ христіанъ родилась Рэха,
Но истинный отецъ ея навѣки
Останется еврей. Когда-бъ я видѣлъ
Въ ней христіанку, только христіанку,
Безо-всего, что могъ ей дать одинъ
Такой еврей, какъ этотъ,—сердце! сердце!
Скажи мнѣ, что-жъ бы въ ней тебя плѣняло?
Ничто, бездѣлица! улыбка даже
Являлась бы однимъ красивымъ, нѣжнымъ
Движеньемъ мускуловъ, и было-бъ то,
Что вызвало улыбку, недостойно
Всей прелести, украсившей ее;
Улыбка даже не плѣняла-бъ. Часто

И болѣе красивую видалъ я,
Когда ее насмѣшка, пустословье,
И лесть, и любострастье расточали;
Обворожала ли она меня?
Выманивала ли во мнѣ желанье
Всю жизнь мою согрѣть въ ея лучахъ?
Нѣтъ,—никогда. И все-таки сердился
Я на того, кто далъ одинъ ей это
Великое достоинство? но какъ?
Но почему?—что если, въ самомъ дѣлѣ,
Я заслужилъ насмѣшку Саладина?
Ужъ дурно то, что могъ онъ это думать.
Какимъ ничтожнымъ и какимъ презрѣннымъ
Я долженъ былъ ему казаться. Кто же
Всему причиной?—дѣвушка! Курдъ, Курдъ!
Не хорошо. Вернись. Быть-можетъ, Дайа
Мнѣ насказала кое-что, чему
Едва ли доказательства отыщешь?..
А! наконецъ-то изъ дому онъ вышелъ!
Какъ углубился въ разговоръ. И съ кѣмъ же?
Мой служка монастырскій?—А! такъ вѣрно
Онъ знаетъ все; пожалуй, патріарху
Ужъ выданъ! что надѣлалъ я, безумецъ!
Какъ сильно сжечь могла разсудокъ мой
Единственная искра этой страсти.
Рѣшай скорѣе, что теперь начать!
Я пережду въ сторонкѣ здѣсь; быть-можетъ,
Его оставитъ служка.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

НАТАНЪ и СЛУЖКА.

Натанъ.

Такъ еще разъ
Большое вамъ спасибо, добрый братъ.

Служка.

И вамъ спасибо.

Натанъ.

Мнѣ? отъ васъ? за что же?
Не за упрямство ли, съ которымъ я
Навязывалъ вамъ то, что вамъ не нужно.
Да, если-бъ вы мнѣ уступили, если-бъ
Насильно не хотѣли быть богаче
Меня...

Служка.

И безъ того вѣдь эта книжка
Не мнѣ, а дочери принадлежитъ;
И безъ того для дочери осталась
Единственнымъ наслѣдствомъ отъ отца.
Да что!.. вѣдь вы всегда при ней. Но только
Дай Богъ, чтобъ никогда вамъ не пришлось
Раскаяться, что для нея такъ много
Вы сдѣлали.

Натанъ.

Могу ли?—Никогда!
Не безпокойтесь.

Служка.

Ну, а патріархи,
Храмовники...

Натанъ.

Не въ силахъ сдѣлать мнѣ
Такого зла, чтобъ я, не только въ этомъ,
Но въ чемъ-нибудь раскаиваться сталъ бы.
Такъ вы вполнѣ увѣрены, что тутъ
Храмовникъ натравляетъ патріарха?

Служка.

Едва ли кто другой. Съ нимъ незадолго

Передо мной бесѣдовалъ храмовникъ,
И, что я слышалъ, было въ этомъ родѣ.

Натанъ.

Да вѣдь теперь во всемъ Іерусалимѣ
Одинъ храмовникъ, и его я знаю,
Съ нимъ друженъ: юноша открытый, честный.

Служка.

Онъ, онъ и есть. Но то, чѣмъ мы бываемъ,
И чѣмъ приходится намъ быть на свѣтѣ,
Одно съ другимъ согласно не всегда.

Натанъ.

Къ несчастью. Впрочемъ, дѣлай кто бы ни былъ
И худшее, и лучшее свое:
Я съ вашей книжкой всѣмъ пренебрегаю,
И съ ней прямымъ путемъ иду къ султану.

Служка.

Въ часъ добрый! ну, я васъ теперь оставлю.

Натанъ.

И даже не взглянули на нее!
Такъ приходите снова, да скорѣе,
И чаще. Если только патріархъ
Еще сегодня не узнаетъ... Впрочемъ,
Скажите хоть сегодня патріарху,
И что хотите.

Служка.

Нѣтъ, не я. Прощайте

Уходитъ.

Натанъ.

Смотрите же, не забывайте насъ.
О, Господи! Зачѣмъ сейчасъ же, здѣсь же,
Я не могу колѣна преклонить

Передъ Тобой подъ этимъ чистымъ небомъ.
Какъ самъ собою вдругъ распутанъ узелъ,
Которымъ я тревожился такъ часто!
Какъ мнѣ легко, что болѣе на свѣтѣ
Мнѣ нечего скрывать, что предъ людьми
Я наконецъ могу ступать свободно,
Какъ предъ Тобою, Боже!—Ты одинъ
Не судишь человѣка по поступкамъ;
Ты знаешь, какъ они бываютъ рѣдко
Его дѣяньями.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ, который идетъ къ нему навстрѣчу со стороны.

Храмовникъ.

Постойте, Натанъ.
Возьмите и меня съ собой.

Натанъ.

Кто кличетъ?
А, рыцарь!—это вы?—Да гдѣ-жъ вы были,
Что у султана я не встрѣтилъ васъ?

Храмовникъ.

Мы съ вами вѣрно разошлись дорогой.
Ужь не посѣтуйте.

Натанъ.

О, я нисколько,
Но Саладинъ.

Храмовникъ.

Вы только-что ушли...

Натанъ.

Такъ все-таки и вы съ нимъ говорили?
Ну, это хорошо.

Храмовникъ.

Но онъ желаетъ
Обоихъ вмѣстѣ видѣть насъ.

Натанъ.

Тѣмъ лучше.
И такъ я шелъ къ нему. Пойдемте оба.

Храмовникъ.

Позвольте мнѣ спросить васъ, Натанъ, кто
Сейчасъ прощался съ вами?

Натанъ.

Вы, конечно,
Его не знаете?

Храмовникъ.

Не онъ ли это,
Тотъ добрый малый, служка монастырскій,
Которымъ пользуется патріархъ
Для дѣлъ ищейки.

Натанъ.

Можетъ-быть. Онъ служитъ
Во всякомъ случаѣ у патріарха.

Храмовникъ.

Уловка недурная поручать
Невинной простотѣ свой первый приступъ
Къ мошенничеству.

Натанъ.

Глупой простотѣ,
Но не благочестивой.

Храмовникъ.

Патріархи
Въ благочестивую не вѣрятъ.

Натанъ.

Ну,
За этого могу я поручиться,
Что онъ ни въ чемъ порочномъ не поможетъ
Затѣямъ патріарха своего.

Храмовникъ.

Хоть приступаетъ къ нимъ. Но вамъ ни слова
Онъ про меня не говорилъ?

Натанъ.

Про васъ?
Нѣтъ, именно про васъ—ни слова. Врядъ ли
Онъ знаетъ ваше имя.

Храмовникъ.

Врядъ ли.

Натанъ.

Правда,
Онъ мнѣ разсказывалъ про одного
Храмовника.

Храмовникъ.

И что?

Натанъ.

Въ чемъ заподозрить
Ужъ васъ-то невозможно никогда.

Храмовникъ.

Кто знаетъ? что же?

Натанъ.

Будто патріарху
Храмовникъ жаловался на меня.

Храмовникъ.

На васъ? и жаловался?—Ну, какъ хочетъ,

Но это лгалъ онъ. Выслушайте, Натанъ!—
Не мнѣ отнѣкиваться въ чемъ-нибудь:
Что сдѣлалъ я, то сдѣлалъ; не изъ тѣхъ я,
Кто всѣ свои поступки пожелалъ бы
Отстаивать, какъ добрыя дѣла.
Зачѣмъ стыдиться мнѣ ошибки? развѣ
Я не хочу вполнѣ ее исправить?
И развѣ я не знаю, до чего
Насъ можетъ довести желанье это?
Такъ слушайте: навѣрно я—храмовникъ,
Который, по словамъ монаха, Натанъ,
На васъ пожаловался патріарху.
Вы знаете, что взорвало меня,
И отъ чего вся кровь моя вскипѣла.
Безумецъ! я пришелъ, чтобъ всей душой,
Всѣмъ существомъ вамъ броситься въ объятья...
Какъ холодно вы встрѣтили меня,
Какъ безучастно,—а вѣдь это хуже
Холодности,—какъ отъ меня старались
Разсчитанно отдѣлаться, какими
Ненужными вопросами хотѣли
Отвѣтить мнѣ,—объ этомъ и подумать
Едва ли смѣю, если я спокойнымъ
Хочу остаться. Слушайте, я былъ
Взволнованъ, золъ,—какъ вдругъ подкралась Дайа
И въ голову мнѣ заронила тайну,
Которой объяснялось, такъ я думалъ,
Загадочное ваше обращенье.

Натанъ.

Но какъ же это?

Храмовникъ.

Выслушайте все.
Вообразилось мнѣ, что, вѣроятно,
Какъ христіанину, вы не хотите
Мнѣ уступить похищенное вами

Fr Pecht gez.

Храмовникъ.

Изданіе и собств. А. Ф. Маркса

У христіанъ. Я вздумалъ хорошенько
Къ вамъ тотчасъ приступить съ ножомъ къ груди.

Натанъ.

И хорошенько? какъ же такъ? что-жъ въ этомъ
Хорошаго?

Храмовникъ.

Послушайте! согласенъ:
Я былъ не правъ. Тутъ вы не виноваты,
И вѣрно Дайа глупая не знаетъ,
Что говоритъ. Вы ненавистны ей,
Такъ васъ она старается запутать
Въ дурное дѣло. Можетъ, можетъ быть!
Я сумасбродъ, всегда все только крайность
Въ моихъ мечтахъ, всегда я поступаю
То слишкомъ ревностно, то слишкомъ вяло.
И это можетъ быть!—простите, Натанъ.

Натанъ.

Конечно, если такъ вы говорите...

Храмовникъ.

Ну, словомъ: да, я былъ у патріарха;
Но васъ не называлъ я; это ложь!
Я только вообще ему про случай
Разсказывалъ, чтобъ знать его сужденье,
Хотя и въ этомъ не было нужды.
Какъ будто ужъ не зналъ я патріарха,
Какъ негодяя? развѣ я не могъ
Сейчасъ же прямо съ вами объясниться?
И развѣ нужно было, чтобы Реху
Я подвергалъ опасности разстаться
Съ такимъ отцомъ?—Однако, что же въ этомъ?
Вовѣки неизмѣнное себѣ,
Жестокое пронырство патріарха
Заставило меня, путемъ ближайшимъ,

Опять одуматься. Прошу васъ, Натанъ,
Прошу васъ, выслушайте все!—Положимъ,
Онъ знаетъ ваше имя; что же больше?
Ну что же больше? дѣвушку отнять
У васъ онъ можетъ, если только ваша
Она и болѣе ничья; вѣдь только
Изъ дома вашего ее увлечь
Онъ можетъ въ монастырь. Итакъ отдайте,
Отдайте мнѣ ее; тогда пускай
Приходитъ онъ. Увидимъ, какъ посмѣетъ
Онъ у меня отнять мою жену.
Отдайте мнѣ ее, сейчасъ отдайте!
И будь она вамъ дочерью иль нѣтъ,
Еврейкой, христіанкой, чѣмъ угодно—
Мнѣ все равно! я ни теперь, ни послѣ,
Ни разу въ жизни не спрошу объ этомъ.
Какъ будетъ, такъ и будь.

Натанъ.

Вы, вѣроятно,
Считаете, что правду мнѣ скрывать
Необходимо?

Храмовникъ.

Будь, какъ будетъ, Натанъ.

Натанъ.

Но я ни вамъ, ни всякому другому,
Кому объ этомъ подобаетъ знать,
Не отрицалъ, что Рэха—христіанка,
Что мнѣ она пріемышъ, а не дочь.
А если ей самой я не открылся,
Такъ въ этомъ только передъ ней и долженъ
Я оправдаться.

Храмовникъ.

Нѣтъ, и передъ ней
Вы не должны. Вы все-таки желайте,

Чтобъ никогда на васъ она другими
Глазами не глядѣла; отъ такого
Открытія ее вы сберегите.
Еще покамѣстъ ею вы одни
Располагаете, итакъ отдайте,
Отдайте мнѣ ее, прошу васъ, Натанъ,
Вѣдь я одинъ спасти ее для васъ
Могу вторично—и хочу.

Натанъ.

Могли бы,
Но только не теперь,—теперь ужъ поздно.

Храмовникъ.

Ужъ поздно? какъ?

Натанъ.

Спасибо патріарху...

Храмовникъ.

Ему спасибо? патріарху? чѣмъ же
Онъ нашу благодарность заслужилъ?
За что спасибо?

Натанъ.

Что теперь мы знаемъ
Ея родныхъ, что знаемъ мы, въ чьи руки
Ее надежно можемъ передать.

Храмовникъ.

Пускай благодаритъ его за это,
Кто благодаренъ будетъ за другое.

Натанъ.

Изъ этихъ рукъ должны вы получить
Ее, не изъ моихъ.

Храмовникъ.

Бѣдняжка Рэха!

Чего-чего не испытала ты!
Что для другихъ сиротъ бываетъ счастьемъ,
Твоимъ несчастьемъ будетъ. Гдѣ они,
Ея родные?

Натанъ.

Гдѣ?

Храмовникъ.

И кто такіе?

Натанъ.

Пока одинъ лишь братъ ея сыскался.
Вы у него посватаетесь.

Храмовникъ.

Братъ?
Но кто онъ, этотъ братъ? духовный? воинъ?
Послушаемъ, чего я смѣю ждать?

Натанъ.

Я думаю, ни то и ни другое;
А можетъ и обоихъ онъ не чуждъ.
Я хорошо и самъ его не знаю.

Храмовникъ.

Но вообще?

Натанъ.

Онъ честный человѣкъ,
И Рэхѣ у него не будетъ худо.

Храмовникъ.

Но христіанинъ. Не сердитесь, Натанъ,
Я, право, иногда не въ состояньи
Понять васъ. Развѣ не придется ей
Разыгрывать съ родными христіанку?
И развѣ, наконецъ, она не станетъ

Совсѣмъ такой, какую разыграетъ?
Не заглушитъ негодная трава
Пшеницу въ ней, посѣянную вами?
И это васъ такъ мало безпокоитъ?
Вы сами все-таки мнѣ говорите,
Что ей у брата будетъ хорошо?

Натанъ.

Я думаю, надѣюсь. А пришлось бы
Ей въ чемъ-нибудь нуждаться у него,
Такъ вѣдь меня и васъ она имѣетъ.

Храмовникъ.

О! въ чемъ же у него нуждаться ей?
Какъ будто братецъ не снабдитъ обильно
Сестрицу угощеньемъ и одеждой?
Не будетъ лакомить и наряжать?
Что-жъ болѣе сестрицѣ нужно?—правда,
Еще ей нуженъ мужъ. Ну, братецъ сыщетъ
Ко времени и мужа, какъ всегда
Находятъ ихъ: изъ христіанъ вѣрнѣйшій
И лучшій изъ людей. Ахъ, Натанъ! Натанъ!
Какого ангела вы сотворили,
И какъ вамъ исказятъ его другіе!

Натанъ.

Что нужды? все-таки всегда онъ будетъ
Достоинъ нашей искренней любви.

Храмовникъ.

Нѣтъ, про мою любовь не говорите!
Моя не дастъ похитить ничего,
Ни даже самой малости ничтожной,
Ни даже имени!—Постойте! Рэха
Подозрѣваетъ, что̀ съ ней происходитъ?

Натанъ.

Возможно; хоть не знаю я откуда.

Храмовникъ.

Да все равно,—подозрѣваетъ, нѣтъ ли,
Но, отъ меня отъ перваго, она
Должна узнать, что ей судьба готовитъ.
Я не хотѣлъ съ ней говорить, встрѣчаться,
Пока не назову ее моею,—
Я передумалъ—и спѣшу.

Натанъ.

Куда?
Останьтесь.

Храмовникъ.

Къ ней. Я посмотрю, довольно-ль
Въ душѣ дѣвичьей мужества, чтобъ тотчасъ
Рѣшиться на единственный исходъ
Ея достойный.

Натанъ.

А какой?

Храмовникъ.

Ни разу
Ужъ болѣе объ васъ, объ этомъ братѣ
Не спрашивать...

Натанъ.

И?

Храмовникъ.

Слѣдовать за мной,
Хотя бы сдѣлаться пришлось при этомъ
Женою мусульманина.

Натанъ.

Останьтесь!
Теперь вы не застанете ее;
Она у Зитты, у сестры султана.

Храмовникъ.

Зачѣмъ? давно ли?

Натанъ.

Если вы хотите
И брата вмѣстѣ съ нею тамъ застать,
Пойдемте.

Храмовникъ.

Брата Зитты или Рэхи?

Натанъ.

Обоихъ, можетъ-быть; идемте только.

Онъ его уводитъ.

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Въ гаремѣ Зитты.

ЗИТТА и РЭХА бесѣдуютъ между собой.

Зитта.

О милая, какъ рада я тебѣ!
Не будь же такъ застѣнчива, печальна,—
Такъ боязлива,—будь повеселѣй
Довѣрчивѣй!

Рэха.

Принцесса!

Зитта.

Не принцесса!
Нѣтъ, просто Зиттой называй меня,
Своей сестрой, своей подругой, или
Зови меня ты матерью своею.
Вѣдь ты могла бы дочерью мнѣ быть.
Какъ молода! умна! чиста душою!
Чего-чего не прочитала ты?
Чего не знаешь?

Рэха.

Я читала?—Зитта,
Надъ глупенькой сестрою ты смѣешься.
Вѣдь я читать едва могу.

Зитта.

Едва?
Обманщица.

Рэха.

Что мой отецъ напишетъ.
Я думала, ты говоришь про книги.

Зитта.

Про книги, разумѣется.

Рэха.

Ну, ихъ-то
Читать мнѣ трудно.

Зитта.

Ты не шутишь?

Рэха.

Нѣтъ;
Нисколько. Мой отецъ не очень любитъ
Холодную начитанность; она
Безжизненными знаками тѣснится
Въ разсудокъ.

Зитта.

Что̀ ты говоришь?—Но, впрочемъ,
Онъ не совсѣмъ не правъ. Такъ значитъ все,
Что̀ знаешь ты...

Рэха.

Я отъ него узнала.
Про многое могу еще сказать:
И гдѣ, и почему, и какъ училъ онъ.

Зитта.

Конечно, этакъ все усвоить легче,
Тутъ учится всецѣло вся душа.

Рэха.

А Зитта вѣрно тоже очень рѣдко
Читала.

Зитта.

Почему?—Я не горжусь
Начитанностью; но твои основы?
Твои основы? говори мнѣ прямо.

Рэха.

Она такъ справедлива и проста,
Такъ безыскусственна, такъ неизмѣнно
Вѣрна себѣ самой.

Зитта.

Ну?

Рэха.

Книги рѣдко,
Сказалъ отецъ мой, оставляютъ насъ
Такими.

Зитта.

Твой отецъ? вотъ человѣкъ-то!

Рэха.

Не правда ли?

Зитта.

Какъ близко къ цѣли онъ
Всегда попасть умѣетъ.

Рэха.

Да! не правда-ль?
И этого отца...

Зитта.

Но что́ съ тобой,
Дружокъ мой?

Рэха.

Этого отца...

Зитта.

Ты плачешь?

Рэха.

Оно должно же вырваться наружу!
Ахъ! воздухъ нуженъ сердцу моему!
Бросается въ слезахъ передъ ней на колѣни.

Зитта.

Дитя мое, да что съ тобою, Рэха?

Рэха.

И этого отца должна, должна
Лишиться!

Зитта.

Ты? лишиться?—Никогда.
Нѣтъ. Успокойся! встань!

Рэха.

Вѣдь не напрасно
Ты вызвалась мнѣ быть сестрой и другомъ.

Зитта.

Я другъ тебѣ. Но встань же! мнѣ придется
Позвать на помощь.

Рэха— ободренная, встаетъ.

Ахъ! прости, прости,
Что съ горя забывать я стала кто́ ты.
Отчаянье и стонъ предъ Зиттой лишни.
Одинъ холодный и спокойный разумъ

Надъ ней имѣетъ силу. Чьи дѣла
У ней ведутся имъ, тотъ побѣждаетъ.

Зитта.

Ну, говори же.

Рэха.

Нѣтъ, моя сестрица,
Мой другъ, ты никогда не допускай,
Чтобъ навязали мнѣ отца другого.

Зитта.

Тебѣ? отца другого? навязали?
Но кто же, милая, кто могъ бы даже
Тебѣ другого только пожелать?

Рэха.

Моя, и добрая и злая, Дайа
Желать мнѣ это можетъ, и желаетъ,
Чтобъ это можно было. Да, вѣдь ты
Не знаешь этой злой добрѣйшей Дайи?
Прости ей Богъ и награди ее!
Она мнѣ оказала много, много
Добра и зла.

Зитта.

И зла? тебѣ? такъ вѣрно
Въ ней мало добраго?

Рэха.

Нѣтъ, очень много.

Зитта.

Но кто же эта Дайа?

Рэха.

Христіанка.
Съ младенчества она меня взрастила,

Зитта и Рэха. «Воздухъ нуженъ сердцу моему! (5 д., 6 явл.)

И какъ взрастила!—вѣришь ли, она
Мнѣ замѣняла мать!—воздай за это
Господь ей! но не мало отъ нея же
Я вынесла мученій и тревогъ.

Зитта.

Изъ-за чего? и почему?

Рэха.

Бѣдняжка,—
Какъ я тебѣ сказала,—христіанка,
И мучить изъ любви меня должна.
Она изъ тѣхъ мечтательницъ, которымъ
Вообразилось, что онѣ узнали
Единственный и вѣрный, общій путь
Къ престолу Бога.

Зитта.

А! теперь понятно.

Рэха.

И чувствуютъ онѣ необходимость
По этому пути направить всѣхъ,
Кто миновалъ его. Едва ли могутъ
Онѣ иначе дѣлать, потому-что,
Коль точно вѣренъ только этотъ путь,
Нельзя имъ видѣть равнодушно друга,
Идущаго инымъ путемъ на гибель,
На вѣчныя мученья; какъ нельзя
Въ одно и то же время человѣка
Любить и ненавидѣть.—Да не это
И вызываетъ, наконецъ, во мнѣ
Такія жалобы. Охотно-бъ дольше
Я вынесла ея предохраненья,
Мольбы, угрозы; это всякій разъ
Меня на размышленья наводило,
Въ которыхъ есть и польза, и добро.

И для кого же въ сущности не лестно
Почувствовать себя кому-нибудь
Настолько дорогимъ, что даже думать
Ему невыносимо, чтобъ навѣкъ
Отъ насъ пришлось отказываться.

Зитта.

Правда.

Рэха.

Но слишкомъ далеко оно заходитъ!
И этому не въ силахъ ничего
Я противопоставить: ни терпѣнья,
Ни размышленій,—ничего.

Зитта.

Чему?

Рэха.

Что вздумала она открыть, какъ тайну,
Мнѣ только-что.

Зитта.

Теперь открыла?

Рэха.

Да.

Идя сюда, мы проходили мимо
Развалинъ христіанской церкви. Вдругъ
Она остановилась, и, какъ будто
Въ борьбѣ съ собою, взглядывала молча
Глазами влажными то на меня,
То на небо. «Пойдемъ!»—она сказала—
«Чрезъ этотъ храмъ, пойдемъ прямой дорогой»
Она идетъ, я слѣдую за ней,
Среди развалинъ робко озираюсь.

Но вотъ она опять остановилась,
И вижу я себя предъ ступенями
Полуобрушеннаго алтаря.
Такъ посуди же, каково мнѣ было,
Когда она къ ногамъ моимъ упала,
Горячими слезами заливаясь,
Ломая руки...

Зитта.

Доброе дитя!

Рэха.

И ради Божества, Которымъ часто
Молитвы тамъ услышаны бывали
И чудеса свершались, заклинала,
Съ горячимъ, непритворнымъ состраданьемъ,
Чтобъ надъ собой я сжалилась сама.
Чтобъ я, по крайней мѣрѣ, ей простила,
Но что она обязана открыть:
Какое право на меня имѣетъ
Ея религія.

Зитта—про себя.

Ну такъ и есть!
Несчастная!

Рэха.

Что будто я родилась
Отъ христіанъ, и будто крещена.
Что Натану не дочь! не онъ отецъ мнѣ!
О, Боже, не отецъ онъ мнѣ!—Я снова
У ногъ твоихъ...

Зитта.

Ну, полно, Рэха, встань!
Мой братъ идетъ; скорѣе!

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же и САЛАДИНЪ.

Саладинъ.

Что̀ случилось?

Зитта.

Она себя не помнитъ.

Саладинъ.

Кто?

Зитта.

Ты знаешь...

Саладинъ.

Дочь Натана? а что?

Зитта.

Приди въ себя,
Дитя мое, султанъ...

Рэха — подвигаясь къ султану на колѣняхъ и склонивши голову.

Нѣтъ, я не встану.
Нѣтъ, я въ лицо султану не взгляну!
Не буду восхищаться отраженьемъ
И справедливости, и доброты,
Въ его глазахъ и на челѣ...

Саладинъ.

Да встань же!

Рэха.

Пока не обѣщаетъ онъ...

Саладинъ.

Довольно!
Что-бъ ни было оно, я обѣщаю.

Рахиль

Издательство А. Ф. Маркса.

Рэха.

Не больше и не меньше: только то,
Чтобъ у меня отца не отнимали
И чтобъ меня оставили ему!
Еще не знаю, кто другой желаетъ
Мнѣ быть отцомъ, кто можетъ пожелать;
Но не хочу я знать объ этомъ. Развѣ
Права отца даются только кровью?

Саладинъ—поднимая ее.

Я понимаю. Кто-жъ былъ такъ жестокъ,
Что и тебѣ, тебѣ самой въ головку
Вложилъ такія мысли?—Такъ оно
Доказано? оно неоспоримо?

Рэха.

Должно-быть. Мнѣ сказала Дайа, будто
Узнала отъ кормилицы моей.

Саладинъ.

Кормилицы?

Рэха.

Которая скончалась
И, умирая, тайну передать
Считала долгомъ.

Саладинъ.

Даже умирая!
Ужъ не въ бреду ли?—Будь все это правда:
Одною кровью получить нельзя
Отцовскаго значенья; мы, по крови,
Едва у звѣря узнаемъ отца,
И много, если кровь даруетъ право
Намъ первымъ это имя заслужить!
Не бойся же! и знаешь ли, что сдѣлай,
Какъ о тебѣ отцы вдвоемъ заспорятъ,

Оставь обоихъ, третьяго возьми
Меня возьми отцомъ.

Зитта.

О, сдѣлай это!

Саладинъ.

Отцомъ я буду добрымъ, очень добрымъ.
Постой-ка, я придумалъ кое-что
Гораздо лучшее: и вообще-то,
На что тебѣ отцы? умрутъ, пожалуй!
Ты подыщи кого-нибудь заранѣ,
Кто могъ бы спорить съ нами въ дѣлѣ жизни!
Такого нѣтъ?

Зитта.

Смотри, она краснѣетъ.

Саладинъ.

На это я разсчитывалъ, пускай!
Румянецъ украшаетъ и урода,
Такъ тѣмъ прелестнѣй онъ у красоты.
Сейчасъ придетъ сюда отецъ твой, Натанъ,
Я звалъ его, и кое-кто еще.
Не угадала кто?—Сюда; ты, Зитта,
Позволишь?

Зитта.

Братъ!

Саладинъ.

Ну, милая, смотри же,
При немъ изволь краснѣть какъ можно больше.

Рэха.

Краснѣть? при комъ?

Саладинъ.

Плутовка! ну блѣднѣй!

Какъ хочешь и какъ можешь.

Входитъ рабыня и говоритъ съ Зиттой.

Не они ли?

Зитта.

Пускай сюда введутъ ихъ.

Брату.

Да, они.

ПОСЛѢДНЕЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же, НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ.

Саладинъ.

А, добрые друзья мои!—Но прежде
Всего, ты, Натанъ, долженъ знать, что можешь
За деньгами прислать когда угодно.

Натанъ.

Султанъ!

Саладинъ.

Теперь я самъ къ твоимъ услугамъ.

Натанъ.

Султанъ!

Саладинъ.

Къ намъ караванъ пришелъ. Я сталъ
Опять богатъ, какъ я давно ужъ не былъ.
Скажи мнѣ: сколько надобно тебѣ?
Да что-нибудь громадное задумай!
Вѣдь у купца въ наличныхъ деньгахъ тоже
Излишка не бываетъ никогда.

Натанъ.

Теперь ли намъ заботиться и думать
Объ этихъ мелочахъ. Я вижу слезы
И осушить ихъ для меня пока

Важнѣй всего.

Подходитъ къ Рэхѣ.

Ты плакала? объ чемъ же?
Дитя мое, ты все еще мнѣ дочь.

Рэха.

Отецъ мой!

Натанъ.

Мы другъ друга понимаемъ.
Коль сердцемъ ты своимъ еще владѣешь,
Когда другой потери не боишься,
Отца ты не теряешь.

Рэха.

Кромѣ этой,
Я никакой не знаю.

Храмовникъ.

Никакой?
Такъ я ошибся. Что̀ терять не страшно,
Тѣмъ никогда и обладать не думалъ,
Да никогда и не желалъ. Прекрасно!
Прекрасно!—это, Натанъ, все мѣняетъ.
Ты, Саладинъ, прійти намъ приказалъ,
Но я тебя напрасно впуталъ въ дѣло.
Теперь ужъ больше не трудись.

Саладинъ.

Опять
Такъ быстро, юноша. Ты хочешь, вѣрно,
Чтобъ все тебѣ навстрѣчу шло? чтобъ все
Тебя угадывало?

Храмовникъ.

Ты вѣдь слышишь!
Ты видишь самъ, султанъ.

Саладинъ.

Конечно, дурно,
Что больше не былъ ты увѣренъ въ дѣлѣ.

Храмовникъ.

Зато теперь увѣренъ.

Саладинъ.

Кто кичится
Какимъ-нибудь своимъ благодѣяньемъ,
Тотъ самъ беретъ его назадъ. Спасая,
Ты въ собственность еще не получаешь
Спасеннаго; иначе и разбойникъ,
Который загнанъ жадностью въ огонь,
Герой такой же, какъ и ты.

Идетъ къ Рэхѣ, чтобы подвести ее къ храмовнику.

Пойдемъ же,
Прелестная! не будь къ нему строга.
Когда-бъ онъ былъ другимъ, когда бы не былъ
Горячъ и гордъ, не спасъ бы онъ тебя.
Такъ за одно зачти ему другое.
Пойдемъ же, пристыди его, и сдѣлай,
Чтó сдѣлать самъ онъ долженъ былъ давно:
Открой ему свою любовь, свой выборъ!
И если онъ тебя отвергнетъ, если
Забудетъ онъ когда-нибудь о томъ,
Какъ для него неизмѣримо больше
Ты этимъ шагомъ сдѣлала, чѣмъ онъ
Когда-то для тебя... и что онъ сдѣлалъ?
Понюхалъ дыму! велика заслуга!—
Тогда въ немъ никакого сходства нѣтъ
Съ моимъ Ассадомъ, подъ личиной этой
Не бьется сердце брата моего.
Пойдемъ же, милая.

Зитта.

Иди, дружокъ мой,

И все-таки признательность твоя
Еще мала, еще ничтожна будетъ.

Натанъ.

Стой, Саладинъ! стой, Зитта!

Саладинъ.

Какъ? и ты?

Натанъ.

Тутъ кой-кого еще прослушать надо.

Саладинъ.

Кто станетъ отрицать? безспорно, Натанъ,
Такой, какъ ты, ей близкій воспитатель
Имѣетъ голосъ; первый, если хочешь.
Ты видишь, все я знаю.

Натанъ.

Не совсѣмъ.
Я не себя имѣлъ въ виду; далеко,
Далеко не себя. Я попрошу,
Чтобъ вы сперва прослушали другого.

Саладинъ.

Кого же?

Натанъ.

Брата.

Саладинъ.

Брата Рэхи?

Натанъ.

Да.

Рэха.

Такъ есть и братъ, и братъ у вашей Рэхи?

Храмовникъ—слушавшій ихъ мрачно и разсѣянно, внезапно вспыхнулъ.

Да гдѣ-жъ онъ, этотъ братъ? еще не здѣсь?
Мнѣ сказано, что здѣсь его я встрѣчу.

Натанъ.

Терпѣнье.

Храмовникъ.

Онъ отца ей навязалъ,
Такъ отчего же брата не подыщетъ?

Саладинъ.

Недоставало этого! какъ низко
Такое подозрѣнье, христіанинъ!
Оно никакъ бы съ языка Ассада
Не сорвалось. Прекрасно! продолжай!

Натанъ.

Прости ему. Охотно я прощаю.
Кто знаетъ, что̀ подумали бы мы
Въ его лѣта и положеньи.

Дружески подходя къ храмовнику.

Рыцарь!
Конечно, недовѣріе всегда
Рождаетъ подозрительность, и если-бъ
Вы имя настоящее свое
Сказали прямо...

Храмовникъ.

Что?

Натанъ.

Вѣдь вы не Штауфенъ.

Храмовникъ.

Не Штауфенъ? кто же я?

Натанъ.

Вѣдь васъ зовутъ
Не Курдъ фонъ-Штауфенъ?

Храмовникъ.

Какъ же?

Натанъ.

Левъ фонъ-Фильнекъ.

Храмовникъ.

Но...

Натанъ.

Вы удивлены?

Храмовникъ.

Признаться. Кто
Все это заявляетъ?

Натанъ.

Я, и могъ бы
Сказать гораздо больше; хоть во лжи
Я васъ не уличаю.

Храмовникъ.

Нѣтъ?

Натанъ.

Быть-можетъ,
И то, другое имя тоже ваше.

Храмовникъ.

Я думаю!
Про себя.
Отъ Бога это слово.

Натанъ.

Вѣдь ваша мать была изъ рода Штауфенъ;

И воспиталъ васъ братъ ея, вашъ дядя.
Родители васъ отдали ему,
Когда суровый воздухъ ихъ заставилъ
Вернуться изъ Германіи сюда.
Такъ дядю-то и звали Курдъ фонъ-Штауфенъ;
Но можетъ-быть онъ васъ усыновилъ?
Онъ живъ еще? давно вы съ нимъ разстались?

Храмовникъ.

Не знаю, что̀ сказать. Все это правда.
Мой дядя умеръ. И сюда недавно
Пріѣхалъ я, съ послѣднимъ подкрѣпленьемъ
Храмовниковъ. Но, но какое дѣло
До этой родословной брату Рэхи?

Натанъ.

Отецъ вашъ...

Храмовникъ.

Какъ? вы знали и его?

Натанъ.

Онъ былъ мой другъ.

Храмовникъ.

Вашъ другъ? возможно-ль, Натанъ?

Натанъ.

Его мы называли Вольфъ фонъ-Фильнекъ;
Но былъ онъ не германецъ.

Храмовникъ.

Такъ и это
Извѣстно вамъ?

Натанъ.

А только на германкѣ
Онъ былъ женатъ и ѣздилъ не надолго
За вашей матерью въ ея отчизну.

Храмовникъ.

Довольно. Я прошу васъ. Назовите
Мнѣ брата Рэхи: гдѣ онъ? кто онъ?

Натанъ.

Вы!

Храмовникъ.

Я братъ ея?

Рэха.

Мой братъ?

Зитта.

Они родные?

Саладинъ.

Родные?

Рэха— бросаясь къ храмовнику.

Братъ!

Храмовникъ— отступая.

Я братъ ея?

Рэха— останавливается и обращается къ Натану.

О, нѣтъ
Не можетъ быть, иначе сердце брата
Отозвалось бы, знало бы объ этомъ.
О, Господи! обманщики мы всѣ!

Саладинъ—храмовнику.

Обманщики? и могъ ты это думать?
Ты самъ обманщикъ! все въ тебѣ чужое,
Все лживо, все: лицо, походка, голосъ!
Не захотѣть признать такой сестры!
Ступай!

Храмовникъ—спокойно подходя къ нему.

Султанъ!—Зачѣмъ и ты такъ дурно

Толкуешь изумленіе мое!
Ты врядъ ли видѣлъ твоего Ассада
Когда-нибудь въ подобную минуту.
Такъ и во мнѣ, и въ немъ не ошибись.

Натану поспѣшно.

Вы, Натанъ, у меня берете много—
И много мнѣ даете. Нѣтъ, вы больше,
Вы безконечно больше мнѣ даете.

Обнимая Рэху.

Сестра моя! родная!

Натанъ.

Бланда Фильнекъ.

Храмовникъ.

Зачѣмъ же Бланда? Бланда, а не Рэха?
Не ваша Рэха?—Господи?—такъ вы
Хотите оттолкнуть ее? вы снова
Ей имя христіанское даете?
Но если я причиной, почему же
Она должна расплачиваться, Натанъ?

Натанъ.

Да въ чемъ расплачиваться?—О! мои,
Мои вы дѣти оба. Какъ не видѣть
Мнѣ сына въ братѣ дочери моей,
Ужъ если самъ онъ этого желаетъ?

Онъ обнимаетъ ихъ. Саладинъ, взволнованный и удивленный, подходитъ къ своей сестрѣ.

Саладинъ.

Ну что, сестра?

Зитта.

Я тронута до слёзъ.

Саладинъ.

А я почти со страхомъ жду, что больше
Придется намъ растрогаться, и ты,
Насколько можешь, будь къ тому готова?

Зитта.

Но какъ же?

Саладинъ.

На два слова, Натанъ?

Натанъ подходитъ къ Саладину. Зитта отступаетъ къ молодымъ людямъ, чтобъ высказать имъ свое участье. Натанъ и Саладинъ говорятъ тихо.

Слушай:
Вѣдь, кажется, сейчасъ ты между прочимъ
Сказалъ намъ...

Натанъ.

Что̀ такое?

Саладинъ.

Будто не былъ
Германцемъ по рожденью ихъ отецъ.
Но кто-жъ онъ былъ? откуда онъ?

Натанъ.

Объ этомъ
Ни слова отъ него я не слыхалъ,
Онъ никогда мнѣ не хотѣлъ довѣрить.

Саладинъ.

Но вообще не западный?—не франкъ?

Натанъ.

Что онъ имъ не былъ, самъ онъ признавался.
Его языкъ любимый былъ персидскій.

Саладинъ.

Персидскій?!—такъ чего же мнѣ! такъ это
Навѣрно онъ! навѣрно!

Натанъ.

Кто?

Саладинъ.

Мой братъ!
Ассадъ!

Натанъ—подавая ему требникъ.

Ужъ если самъ ты догадался,
Возьми и подтвержденье въ этой книгѣ.

Саладинъ—жадно раскрывая книгу.

Его рука!—его! знакомый почеркъ!

Натанъ.

Они еще не знаютъ ничего,
И отъ тебя отъ одного зависитъ,
Насколько знать о томъ они должны.

Саладинъ—перелистовавъ книгу.

Чтобъ дѣти брата не были мнѣ близки?
Чтобъ за своихъ дѣтей я не призналъ
Племянниковъ? тебѣ ихъ что-ль оставить?
Снова громко.
Да, Зитта, да, они родные наши!
Вотъ сынъ и дочь Ассада моего,
И твоего Ассада!
Спѣшитъ обнять ихъ.

Зитта—слѣдуя за нимъ.

Что я слышу?
Оно могло иначе быть, иначе!

Саладинъ—храмовнику.

Ну, голова упрямая, теперь
Ты долженъ полюбить меня!

Рэхѣ.

Какъ хочешь!
А все-таки же сталъ я, чѣмъ недавно
Себя навязывалъ.

Зитта.

И я!—я тоже!

Саладинъ.

Ты сынъ мнѣ, сынъ Ассада моего!
Ты мой Ассадъ!

Храмовникъ.

Итакъ, одной мы крови?
Итакъ тѣ сны, которыми меня
Баюкали въ дни дѣтства, были больше,
Чѣмъ сны!

Падаетъ къ его ногамъ.

Саладинъ *(поднимая его).*

Смотри! каковъ злодѣй! объ этомъ
Онъ зналъ ужъ кое-что и могъ меня
Своимъ убійцей сдѣлать! погоди же!

Снова общія объятія.

Занавѣсъ падаетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

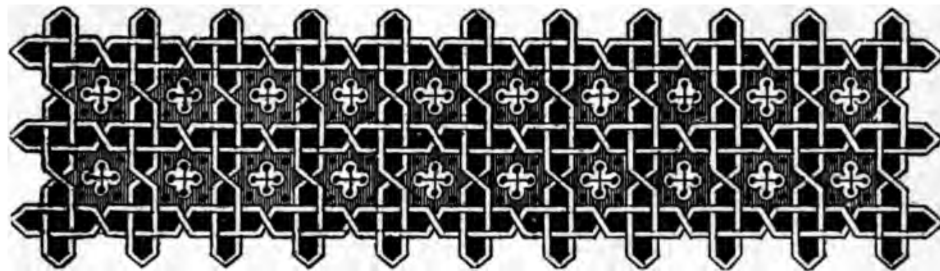
и

библіографическій указатель

къ драматическому стихотворенію

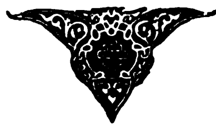
Г. Э. Лессинга

„НАТАНЪ МУДРЫЙ“.

Примѣчанія.

Предлагаемыя примѣчанія дѣлаются съ цѣлью дать занимающемуся нѣмецкой литературой возможность пользоваться переводомъ при чтеніи оригинала. Такимъ образомъ, все въ этомъ отношеніи наиболѣе останавливающее вниманіе читателя мы старались пояснить, слѣдя за ходомъ драмы изъ сцены въ сцену. — Болѣе другихъ при этомъ мы пользовались книгами Нимейера и Дюнцера. Въ началѣ каждаго примѣчанія указаны страница (стрн.) и строки (стрк.), къ которымъ примѣчаніе относится. Строки всегда слѣдуетъ считать сверху страницы, принимая и имена говорящихъ лицъ за цѣлую строку.

Хотя Лессингъ въ большинствѣ своихъ драматическихъ произведеній зрѣлаго періода и не слѣдовалъ господствовавшей въ его время привычкѣ давать дѣйствующимъ лицамъ имена сообразно ихъ характерамъ, но онъ все-таки не вполнѣ отъ этого отрѣшился, и въ его послѣдней драмѣ нѣкоторыя имена прямо вытекаютъ изъ характеровъ лицъ. Такъ, имя *Натанъ*—чисто еврейское и заимствованное, можетъ-быть, у Боккаччіо, значитъ по-еврейски «давать», что̀ отвѣчаетъ щедрому милосердію этого лица. *Дайа* въ первоначальномъ планѣ драмы называлась Диной, но Лессингъ измѣнилъ это имя, когда узналъ, что Дайа по-арабски означаетъ nutrix (кормилица, мамка). Дервишъ названъ Ал-Гафи, что̀ значитъ «босоногій». Монастырскому служкѣ дано имя Бонафида, напоминающее его искреннюю и простодушную набожность. Кромѣ Саладина и другихъ воителей того времени, имя Зитты (Зитт-ал-Шамъ) тоже—историческое; остальныя имена родственниковъ Саладина: Лилла и Ассадъ, вымышлены; послѣднее заимствовано изъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь». Такъ же произвольно взято имя Рэхи. Въ первоначальномъ планѣ она называлась Рахиль; — Мендельсонъ очень возставалъ противъ этого измѣненія, говоря, что Рэха вовсе не еврейское имя и даже на еврейскомъ языкѣ очень не хорошо звучитъ; такъ какъ — созвучное ему слово Рэкъ по-еврейски означаетъ «пустой», «негодный» (Modlinger,—«Lessing's Verdienste um das Judenthum»—и книга Дюнцера о Натанѣ). Имя «На̀танъ» мы въ своемъ переводѣ оставили съ его нѣмецкимъ произношеніемъ и не измѣнили въ болѣе русское «Наѳанъ», потому-что относительно такихъ знаменитыхъ во всеобщей литературѣ личностей всегда охотнѣе держишься произношенія оригинала. Точно такъ же въ переводахъ Шиллерова «Валленштейна» какъ-то не ловко было бы назвать Теклу болѣе русскимъ именемъ Ѳеклы.

Стараясь о томъ, чтобы переводъ былъ сколь возможно ближе къ подлиннику, мы не только сдѣлали его стихотворнымъ, но сохранили и всю витіеватость фразировки, часто встрѣчающуюся въ драмѣ. И то, и другое было сдѣлано Лессингомъ съ цѣлью, а не по одной случайности поэтическаго каприза; другія его драматическія произведенія писаны прозой и значительно болѣе простымъ языкомъ. Лессингъ самъ указываетъ на свою цѣль въ одномъ изъ писемъ къ Рамлеру (18 дек. 1778): «я, право, выбралъ стихотворную форму», говоритъ онъ, «не ради благозвучія, но я думалъ, что восточный тонъ, который все-таки долженъ сказаться здѣсь и тамъ, покажется въ прозѣ немножко страннымъ». Нельзя однако вполнѣ вѣрить такому скромному заявленію поэта. Въ другомъ письмѣ (къ Е. Реймарусъ). Лессингъ говоритъ, что сталъ писать стихами потому, что стихи ему всегда болѣе удавались и работа шла быстрѣе, чѣмъ когда онъ писалъ прозой. — Въ письмѣ къ брату онъ говоритъ: «да, скажешь ты, такими стихами!—но, съ твоего позволенія, они были бы гораздо хуже, если-бъ были лучше». — Вообще Лессингъ никогда не былъ противъ стихотворной формы въ драмѣ, какъ усиливающей выраженіе рѣчи, но, повидимому, его не удовлетворяло тогдашнее драматическое стихотворство, заимствованное у французовъ, съ риѳмованнымъ александринскимъ метромъ. Въ «Натанѣ» Лессингъ дѣлаетъ попытку ввести въ драму англійскій (Шекспира) пятистопный ямбъ, не риѳмованный, съ мужскими и женскими окончаніями.

Съ почина Лессинга всѣ германскіе драматурги стали держаться того же метра, и онъ окончательно завоевалъ себѣ право первенства въ драмѣ. Отъ нѣмецкихъ писателей перешелъ онъ и къ нашимъ.

Способъ обращенія другъ съ другомъ Лессингъ оставилъ тотъ, который существовалъ въ его время въ Германіи; оттого Натанъ говоритъ дочери и прислугѣ «ты» — а онѣ ему «вы»—и т. п. Только при дворѣ мусульманскаго владыки Саладина во всеобщемъ употребленіи еще неиспорченное цивилизаціей «ты»; тѣмъ страннѣе бросается въ глаза обращеніе при этомъ дервиша Ал-Гафи къ Саладину и Зиттѣ съ утонченнымъ «вы».

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Къ первому явленію.

Стрн. 147, стрк. 15—16. Описывая нѣсколько экзальтированное состояніе Рэхи, Дайа, какъ мало развитая женщина, преувеличиваетъ сонный бредъ дѣвушки и ея усталую мечтательность во время бодрствованія. Въ первоначальномъ планѣ драмы Дайа прямо придавала Рэхѣ какую-то силу ясновидящей; такъ, на вопросъ Натана: знаетъ ли Рэха, что онъ пріѣхалъ?—Дайа отвѣчаетъ (по плану):—она и знаетъ; а можетъ-быть и не знаетъ. Въ такомъ положеніи ей кажется, что Рэха то «*менѣе чѣмъ животное*», то-есть, что она существо не способное даже управлять своими чувствами и силами—(мы перевели это словами: «безпомощнѣй ягненка»), то «*болѣе чѣмъ ангелъ*»—то-есть Дайѣ видится тутъ подчасъ обладаніе какими-то сверхъестественными, божественными силами (у насъ: «подчасъ сильнѣе ангела»).

Стрн. 151, стрк. 17 33. Раздумье о состояніи Рэхи, вызываемое помянутымъ разговоромъ, въ Натанѣ не есть желаніе сдѣлать здѣсь философское опредѣленіе мечтательности, чему доказательствомъ служитъ, что Лессингъ въ другихъ мѣстахъ (напр., въ «Воспитаніи рода человѣческаго») дѣлалъ совсѣмъ другое опредѣленіе этого настроенія. Лессингъ едва ли самъ придавалъ большое значеніе этому монологу: авторъ повидимому хотѣлъ только заставить своего Натана, такъ-сказать, поиграть мыслями на восточный ладъ (Düntzer). Одно изъ доказательствъ, что авторъ стремился сдѣлать изъ своего героя объективное лицо, а не воплощеніе своихъ идей.

Ко второму явленію.

Стрн. 155, стрк. 25—29. Натанъ говоритъ Рэхѣ, что ангелъ не нашелъ бы ее прекраснѣе, чѣмъ она—ангела, и тѣмъ самымъ называетъ ее ангеломъ. Рэха на это возражаетъ:

«кому вы льстите?—ангелу (т.-е. ей, Рэхѣ) или себѣ», отцу этого ангела, человѣку, который ее образовалъ такой, что самъ называетъ ее ангеломъ.

Стрн. 155. стрк. 31—32 и стрн. 156, стрк. 1—4. «Если-бъ и простой человѣкъ тебя спасъ,—говоритъ Натанъ,—для тебя онъ долженъ быть ангеломъ»; то-есть, если подразумѣвать подъ названіемъ ангеловъ посланниковъ Бога. вершителей добра человѣку, то спаситель жизни человѣческой имѣетъ полное право на это названіе.

Стрн. 156, стрк. 8—11. Рэха говоритъ о возможности существованія ангеловъ (безтѣлесныхъ духовъ) на свѣтѣ. Лессингъ этимъ напоминаетъ средневѣковыя вѣрованія о личномъ появленіи таковыхъ ангеловъ людямъ (Düntzer, Niemeyer).

Стрн. 156, стрк. 26—32. Относительно чудесъ Натанъ говоритъ: «величайшее чудо въ томъ заключается, что истинно-чудесное (т.-е. вѣчные законы, коими существуетъ міръ) кажется весьма обыкновеннымъ (т.-е. постоянно повторяясь, не обращаетъ на себя вниманія). Безъ этого всеобщаго чуда (т.-е., если-бъ люди не свыклись съ истинно-чудесными законами бытія) наврядъ ли бы мыслящій (человѣкъ) назвалъ чудеснымъ только то, что̀ поражаетъ новизной и необычайностью» (потому-что болѣе поражался бы обычнымъ теченіемъ жизни, и его бы звалъ чудеснымъ, а не то, что идетъ вопреки этому теченію).

Стрн. 157, стрк. 16—18. Натанъ напоминаетъ историческій фактъ замѣчаніемъ, что храмовники, по обычаю, не имѣли права платить никакого другого выкупа за себя, какъ только свой мечъ и поясъ. Раумеръ разсказываетъ, что въ одной битвѣ былъ взятъ въ плѣнъ великій магистръ ордена храмовниковъ, Одо фонъ-Сентъ-Амандъ. Саладинъ хотѣлъ обмѣнять его на одного изъ своихъ родственниковъ, плѣненныхъ христіанами, но рыцарь отвѣчалъ: «сохрани Богъ, чтобы я подалъ дурной примѣръ другимъ, которые, ожидая такого же выкупа, легче бы давали себя брать въ плѣнъ. Храмовникъ за свой выкупъ не долженъ ничего давать, какъ только свой шарфъ или свой мечъ» (Niemeyer).

Стрн. 159, стрк. 5. У Лессинга: «Кому (Богу) они (предначертанія царей) служатъ игрушкой, если не предметомъ посмѣянія». Иначе говоря, Богъ можетъ обратить въ ничто (осмѣять) предначертанія самыхъ сильныхъ людей. Въ сущности это только перифраза поговорки: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; мысль эта вполнѣ сказывается въ словахъ: кому они игрушка.

Къ третьему явленію.

Стрн. 167, стрк. 4. Натанъ говоритъ, что у него дервишъ былъ бы поваромъ, это шутливая насмѣшка, потому-что именно поварское ремесло менѣе всего пристало дервишу, вообще мало обращающему вниманіе на пищу.

Стрн. 168, стрк. 16—19. Въ планѣ Лессингъ упоминаетъ, что изреченіе: «плохо, ежели властитель глядитъ на подданныхъ, какъ коршунъ на падаль, но если самъ онъ падаль, а коршуны они,—еще хуже»—заимствовано имъ у арабскихъ писателей, которые приписываютъ это изреченіе Аристотелю (Niemeyer).

Стрн. 172, стрк. 11—15. Въ репликѣ Дервиша: «Эхъ, да что! не шутовство ли»... и проч., употребленная Лессингомъ частица *bei* подала поводъ къ различному толкованію этого мѣста. Если перевести эту частицу словомъ *по* (по сотнямъ тысячъ), выйдетъ, что Саладинъ однихъ людей грабитъ и мучитъ, передъ другими разыгрываетъ друга человѣчества; если же перевести ее словомъ *при* (при сотняхъ тысячъ), выйдетъ, что шутовство—стараться быть другомъ человѣчества, когда сотни тысячъ другихъ людей мучатъ и грабятъ родъ людской. Нимейеръ держится перваго объясненія, Дюнцеръ—второго. Намъ кажется, объясненіе Нимейера вѣрнѣе, какъ болѣе отвѣчающее постановкѣ личности Саладина. Въ толковомъ словарѣ нѣмецкаго языка Гримма эта фраза Ал-Гафи тоже приводится въ томъ же смыслѣ, какъ и у Нимейера, при объясненіи частицы *bei*.

Къ пятому явленію.

Стрн. 177, стрк. 28—29. Рыцари ордена храмовниковъ носили установленное церковнымъ соборомъ платье, къ которому потомъ папа Евгеній III прибавилъ бѣлый плащъ съ

Храмовникъ.

Итакъ, одной мы крови?
Итакъ тѣ сны, которыми меня
Баюкали въ дни дѣтства, были больше,
Чѣмъ сны!

Падаетъ къ его ногамъ.

Саладинъ — поднимая его.

Смотри! каковъ злодѣй! объ этомъ
Онъ зналъ ужъ кое-что и могъ меня
Своимъ убійцей сдѣлать! погоди же!

Снова общія объятія.

Занавѣсъ падаетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

и

библіографическій указатель

къ драматическому стихотворенію

Г. Э. Лессинга

„НАТАНЪ МУДРЫЙ“.

въ древности, стремившимся распространять свою религію въ средѣ другихъ народовъ. Христіане и мусульмане унаслѣдовали это рвеніе у евреевъ.

Стрн. 220. стрк. 11. «Кто здѣсь? кто въ наше время не прозрѣетъ?»—въ оригиналѣ: «у кого здѣсь въ наше время не спадетъ чешуя съ глазъ».

Къ девятому явленію.

Стрн. 228, стрк. 12. Мѣшокъ золота (обычная мѣра денегъ) содержитъ 30.000, а мѣшокъ серебра 500 турецкихъ піастровъ (Dünzer).

Стрн. 228. стрк. 20. «Васъ до послѣдней нитки оберетъ»—въ оригиналѣ (подстрочно): «васъ выдолбитъ до большого пальца ноги». Лессингъ взялъ это выраженіе у Себастьяна Франка, который называлъ «пустымъ» (выдолбленнымъ «hohl») до большого пальца ноги—«человѣка ненасытнаго». Лессингъ далъ другой оборотъ выраженію (Dünzer).

Стрн. 229 и 230. Цельтеръ въ перепискѣ съ Гёте сообщаетъ, что у Мендельсона въ домѣ въ одной комнаткѣ жилъ (даромъ) старый учитель ариѳметики, по имени Абрамъ. Онъ считался великимъ чудакомъ и хорошимъ ариѳметикомъ, при чемъ давалъ уроки ариѳметики за нѣсколько грошей или даромъ. Его простота, честность, нетребовательность, чудачество и любовь къ шахматной игрѣ служили зародышемъ къ созданію личности Ал-Гафи (Nodnagel). Выведенный же на означенныхъ страницахъ анекдотъ обидчивости страстнаго шахматнаго игрока взятъ тоже изъ жизни, но съ другой личности, именно съ нѣкоего игрока Михеля (Strauss). Извѣстно, что Лессингъ самъ былъ тоже любитель шахматной игры, и даже, благодаря ей, послѣдовало его первое знакомство съ будущимъ другомъ его, философомъ Мендельсономъ.

Стрн. 230, стрк. 27—28. Парсы или Гебры (какъ названы они въ оригиналѣ), послѣдователи Зороастра, преслѣдуемые фанатиками арабами, выселились частью на сѣверо-западные берега Индіи.

Стрн. 227, стрк. 25, и стрн. 231, стрк. 6. Слова «Defterdar»—и «Delk» или «Dalk» собственно должно было бы сохранить въ переводѣ, такъ какъ они не принадлежатъ нѣмецкому языку, и въ оригиналѣ тоже должны быть комментированы. Для удобства чтенія я поставилъ ихъ значеніе въ переводѣ. «Defterdar» — казнохранитель; «Delk» — арабское названіе дервишскаго плаща.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Ко второму явленію.

Стрн. 237, стрк. 18. Слова Рэхи про ведро: «нальютъ его водой и снова выльютъ»,—замѣняютъ взятое изъ просторѣчія выраженіе оригинала: «мнѣ ничего,—тебѣ ничего».

Стрн. 237, стрк. 25—27. Рэха говоритъ: «въ Европѣ подъ вліяніемъ вина»,—потому что въ Азіи магометанамъ вино запрещено закономъ религіи.

Стрн. 238, стрк. 33—34. Рэха, желая вывести изъ разсѣянности храмовника, говоритъ: «я почти могу спросить: теперь-то гдѣ вы?» Это выраженіе, равнозначащее словамъ: «о чемъ вы думаете?»—Лессингъ употребляетъ уже второй разъ въ Натанѣ; такъ, Зитта (въ началѣ 2-го дѣйствія), намекая на разсѣянную игру Саладина, говоритъ: «да гдѣ ты? какъ играешь ты сегодня?»

Стрн. 239, стрк. 21. Рэха говоритъ про Моисея: «гдѣ онъ стоялъ, тамъ онъ стоялъ предъ Богомъ», то-есть Богъ вездѣ; стало-быть, вездѣ Моисей былъ передъ Богомъ. Тутъ сказывается тонкая насмѣшка Рэхи надъ пилигримами и богомольцами, отправляющимися на Синай смотрѣть мѣсто, гдѣ, по преданію, Моисей стоялъ передъ Богомъ. Вообще разспросъ Рэхи о Синаѣ и трудно ли на него всходить, по нашему мнѣнію, нельзя иначе принимать, какъ за лукавую насмѣшку надъ человѣкомъ, котораго въ эту минуту подозрѣваютъ рьянымъ поборникомъ суевѣрій его религіи. Дюнцеръ видитъ въ этихъ вопросахъ искренность и наивность; но такой наивности нельзя ожидать отъ воспитанницы Натана.

Къ четвертому явленію.

Стрн. 245, стрк. 4—5. Саладинъ говоритъ: «чтобъ деньги страхомъ сорвать съ жида».— Этою фразой намъ по необходимости пришлось замѣнить непереводимое и даже малоупотребительное старое нѣмецкое слово *abbangen* (не встрѣчаемое въ обычныхъ лексиконахъ). Подстрочно глаголъ этотъ надо было бы перевести словомъ: «отстрашить»—заставить согласиться изъ-за страха. Лессингъ замѣчаетъ, что ему случилось слышать въ частномъ разговорѣ фразу: «онъ у меня не купилъ домъ, а отстрашилъ его».—Гриммъ также внесъ это слово въ свой лексиконъ.

Стрн. 247, стрк. 22—24. Слова Зитты о львѣ, гоняющемся за лисицей, напоминаютъ одну изъ басенъ Лессинга, заимствованную имъ у древнихъ баснописцевъ, именно: «Левъ и Оселъ».—Тамъ левъ взялъ съ собой осла въ лѣсъ, чтобъ онъ своимъ отвратительнымъ крикомъ пугалъ другихъ животныхъ и разгонялъ ихъ. «Стыдись!» — сказала льву ворона: «какого ты себѣ товарища взялъ». — Кто можетъ мнѣ быть полезнымъ,—отвѣчалъ левъ,— тотъ имѣетъ право быть подлѣ меня. — Такъ думаютъ всѣ сильные міра сего, когда они удостоиваютъ своего общества кого-нибудь изъ мелкихъ людей.

Къ пятому явленію.

Стрн. 251, стрк. 32—33. Слова Саладина: «и не туда къ тебѣ я пробираюсь»;—въ оригиналѣ говорится приблизительно такъ: «и къ этому тоже я не направляю съ тобой руль моего плаванія»—(Auch darauf bin ich eben nicht mit dir gesteuert).

Къ седьмому явленію.

Стрн. 254, стрк. 22—28. На слова Саладина, что онъ называетъ мудрымъ того, кто никогда не измѣняетъ правдѣ и ради ея готовъ жертвовать имѣніемъ, счастьемъ, жизнью,— Натанъ отвѣчаетъ: «да, если это нужно, и есть въ томъ польза». Эта послѣдняя фраза напоминаетъ одно изъ замѣчательныхъ мѣстъ «Гамбургской Драматургіи», гдѣ Лессингъ, между прочимъ, говоритъ: «теперь живемъ мы въ такое время, когда голосъ разума раздается слишкомъ громко, чтобъ смѣлъ присвоивать себѣ титулъ мученика каждый сумасшедшій, который нарочно, безъ всякой нужды, съ презрѣніемъ всѣхъ своихъ гражданскихъ правъ, бросается въ объятія смерти. Мы теперь слишкомъ хорошо умѣемъ отличать лживыхъ мучениковъ отъ истинныхъ. Мы этихъ столько же уважаемъ, сколько презираемъ тѣхъ, и много-много, если они могутъ вынудить у насъ меланхолическую слезу надъ слѣпотой и безуміемъ вообще человѣческимъ, сказывающимися въ ихъ примѣрахъ. И потому, если ужъ выбирать героемъ своего произведенія мученика, надо придать его поступкамъ самыя вопіющія и основательнѣйшія причины, надо поставить его въ самое безвыходно-необходимое положеніе, заставившее его сдѣлать опасный шагъ, надо, чтобъ онъ ни въ коемъ случаѣ не искалъ нарочно смерти, не вынуждалъ себѣ ее презрительно и дерзко». Эти мудрыя строки, написанныя значительно болѣе ста лѣтъ тому назадъ, мѣтко и безпощадно карающія всякую безцѣльно-хвастливую жертву, всякую безполезную храбрость, еще долго останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Такъ прямо, просто, ясно глядѣлъ Лессингъ на всѣ проявленія блестящихъ увлеченій человѣчества, такъ умѣлъ онъ кстати упомянуть о нихъ, — такъ остался онъ вѣренъ своимъ принципамъ и при концѣ жизни, при созданіи Натана.

Стрн. 255, стрк. 1—3. Въ числѣ другихъ титуловъ Саладинъ любилъ величаться и титуломъ: улучшителя законовъ и вселенной, которому нѣсколько отвѣчало и самое его имя,— такъ какъ Саладинъ (Салга-ал-динъ) въ подстрочномъ переводѣ значитъ: «Совершенный въ справедливости» (Modlinger, «Lessing's Verdienste um das Judenthum»).

Стрн. 255, стрк. 16—17. Мы употребили чисто русское выраженіе: «униженіе паче гордости»,—взамѣнъ словъ подлинника: «опять такъ гордо скроменъ».

Къ восьмому явленію.

Стрн. 265, стрк. 6. Храмовникъ сравниваетъ себя съ обреченнымъ на жертвоприношеніе усталымъ звѣремъ, которому послѣ перваго удара удалось убѣжать.

Стр. 265. стр. 17—25. [illegible] Лессинг [illegible] Дюнцеръ. — [illegible] въ подлинникѣ [illegible] (Дюнцеръ [illegible] такое же разъясненіе этого мѣста).

Стр. 266. стр. 25. Видя Натана, храмовникъ говоритъ въ подлинникѣ: «его лицо [illegible]»; у насъ: «онъ веселъ, съ лицомъ довольнымъ».

Къ девятому явленію.

Стр. 268. стрк. 10—12. Храмовникъ, прося руки Рэхи у Натана, заклинаетъ его ради первѣйшихъ узъ природы (т.-е. ради врожденнаго всѣмъ людямъ чувства взаимной склонности и сближенія) и умоляетъ позабыть позднѣйшія оковы жизни (т.-е. оковы различныхъ религій, удерживающія отъ врожденнаго единенія). Нимейеръ, между прочимъ, замѣчаетъ, что не безцѣльно Лессингъ говоритъ: узы природы (Bande der Natur) и позднѣйшія оковы (Fesseln), такъ какъ природа только связуетъ, соединяетъ людей, а религіозная рознь оковываетъ ихъ (Niemeyer).

Стр. 269, стрк. 24—25. Выпытываніе Натаномъ у храмовника, какъ его отецъ, тоже принадлежавшій къ ордену храмовниковъ, могъ имѣть сына, точно такъ же какъ и въ другихъ мѣстахъ драмы намеки молодого храмовника на несообразность его любви и стремленія къ женитьбѣ съ его званіемъ, основаны на томъ, что рыцари этого ордена, при вступленіи въ него, давали обѣтъ безбрачія.

Стр. 270, стрк. 9. Храмовникъ называетъ себя незаконнымъ сыномъ. У Лессинга это мѣсто еще нѣсколько усилено тѣмъ, что храмовникъ, желая показать, до какой степени онъ глубоко равнодушенъ къ законности своего рожденія, употребляетъ самыя поносныя названія, даваемыя незаконнымъ дѣтямъ: Bastard oder Bankert. Послѣднее слово употребляется только въ простонародной рѣчи и происходитъ отъ слова Bank—скамья, какъ бы желая тѣмъ отличить незаконнаго сына, рождающагося случайно на скамьѣ, отъ законнаго, рожденіе котораго обставлено всѣми предосторожностями на родильной постели (Niemeyer).

Къ десятому явленію.

Стрк. 271, стрк. 10—18. Въ этихъ строкахъ монолога у Лессинга храмовникъ говоритъ приблизительно слѣдующее: «умъ нашъ можетъ обнимать безконечно много, и тѣмъ не менѣе иногда онъ бываетъ совершенно поглощенъ одною ничтожной мыслью. Тутъ нужно терпѣніе, потому что душа снова сожметъ, скомкаетъ это раздутое вещество (поглощающей мысли), найдетъ себѣ просторъ (т.-е. дастъ снова просторъ и инымъ мыслямъ, стремленіямъ, желаніямъ) и возвратитъ свѣтъ и строй (ясность и порядокъ мыслей и дѣйствій). Сжатіе душою раздутаго вещества есть образное выраженіе, взятое изъ сравненія со вздутымъ тѣстомъ, которое опадаетъ, переработываясь само собою.

Стрк. 274, стрк. 30—32. На слова Дайи: «здѣсь страна чудесъ»—храмовникъ отвѣчаетъ: «страна чудеснаго». — По-нѣмецки это выходитъ нѣсколько рельефнѣе, потому-что по-русски слово «чудесное» болѣе употребляется въ смыслѣ прекраснаго, хорошаго, пожалуй дивнаго, но менѣе въ смыслѣ удивительнаго; напротивъ того, по-нѣмецки чудесное (das Wunderbare) болѣе всего имѣетъ значеніе удивительнаго, что и имѣлъ въ виду Лессингъ, дѣлая подобную реплику.

Стрк. 277, стрк. 28—29. Въ подлинникѣ храмовникъ говоритъ: «особенно христіанка

вашего дѣланья»—(а не работы, какъ у меня). Лессингъ пользуется малоупотребительнымъ существительнымъ Mache, произведеннымъ отъ глагола machen—дѣлать.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Къ первому явленію.

Стрн. 282, стрк. 27—28. Русское выраженіе: «это вошло вамъ въ плоть и кровь»,—поставлено мною какъ переводъ со словъ: «это вы обсудили (взвѣсили) тѣломъ и кровью».

Стрн. 283, стрк. 31—33 и стрн. 284, стрк. 1. Храмовникъ говоритъ: «религія есть партія, и кто себя воображаетъ чуждымъ партій, тотъ, все-таки, самъ того не замѣчая, отстаиваетъ права своихъ»;—послѣдняя фраза въ подлинникѣ нѣсколько иначе. Тутъ Лессингъ употребляетъ чисто нѣмецкое, а потому и непереводимое образное выраженіе: «тотъ, самъ не замѣчая, только надъ своими держитъ палку». — Такой способъ выраженія вытекаетъ изъ древняго обычая: судья поединковъ давалъ обыкновенно двумъ свидѣтелямъ (въ родѣ теперешнихъ секундантовъ) большія палки. Когда который-нибудь изъ бьющихся бывалъ сраженъ, то свидѣтель его держалъ надъ нимъ палку въ защиту отъ дальнѣйшаго преслѣдованія (Nimeyer). Французскій переводчикъ Barante не зналъ этого объясненія, и потому принялъ слово палка за слово знамя, отчего вышла довольно грубая ошибка. У него фраза эта переведена такъ: кто себя считаетъ безпристрастнымъ, защищаетъ все-таки свое знамя. Выраженіе Лессинга касается именно защиты правъ, а не знамени.

Ко второму явленію.

Стрн. 291, стрк. 9—11. Капитуляція, о которой упоминаетъ патріархъ драмы, исторически была не совсѣмъ такова, какою онъ ее представляетъ. Въ ней значилось слѣдующее: «Іерусалимъ будетъ переданъ неповрежденнымъ. За свободный выѣздъ со всѣмъ имуществомъ платитъ мужчина 10 золотыхъ, женщина пять золотыхъ, ребенокъ одинъ золотой. 7000 бѣдныхъ будутъ отпущены за круглую сумму въ 30,000 византійской монеты. Святой гробъ будетъ пощаженъ, и каждый христіанинъ за плату одной византійской монеты можетъ безпрепятственно посѣщать его. Въ продолженіе сорока дней должна быть внесена выкупная сумма, иначе жителямъ, вмѣсто свободнаго прохода въ христіанскія владѣнія, предстоитъ плѣнъ. (Приведено Нимейеромъ изъ Раумера).

Къ четвертому явленію.

Стрн. 296, стрк. 22—31. Саладинъ, желая показать молодому храмовнику, до какой степени онъ похожъ на погибшаго брата султана, Ассада, говоритъ, что, видя передъ собой рыцаря, могъ бы кажется прямо отнестись къ нему, какъ къ пропадавшему брату, и разспрашивать его, гдѣ онъ пропадалъ, и пожурить его за долгое, таинственное отсутствіе. Слова «въ какой пещерѣ спалъ» намекаютъ на легенду о семи христіанахъ, спрятавшихся въ пещерѣ и проспавшихъ въ ней 200 лѣтъ, не старѣя, во времена преслѣдованія христіанъ римлянами при Деціи (Денцель и Крацъ).

Стрн. 296 и 297. Встрѣчающіяся здѣсь малоупотребительныя и иностранныя слова мы замѣнили ихъ значеніемъ. Такъ, *Ginnistan* въ персидской миѳологіи называлась пустыня демоновъ и страна фей; — *Div*, — фея (волшебница); Лессингъ говоритъ «добрая дивъ», въ отличіе отъ предполагаемыхъ злыхъ; *Jamerlonk* — верхнее платье арабовъ; *Tulban* (*Turban*)—турбанъ, чалма; *Filze* (*Filzhut*)—войлочная шляпа.

Стрн. 297, стрк. 20 — 21. Храмовникъ, продолжая метафору Саладина, говоритъ, что онъ герой, которому пріятнѣй было бы садовникомъ для Господа служить. Храмовникъ хочетъ этимъ сказать, что Саладинъ, по всеобщимъ слухамъ, охотнѣе готовъ былъ бы способствовать развитію и счастью человѣческому, а не разрушенію, хотя бы и геройскому (объясненіе Дюнцера).

Стрн. 297, стрк. 28—30. На привѣтствіе Саладина: «и слово...» храмовникъ отвѣчаетъ «мужа честно».—Здѣсь приводится Лессингомъ исключительно нѣмецкая, а потому и непереводимая поговорка. Нѣмцы въ подтвержденіе прочности даннаго слова говорятъ: ein Wort, ein Mann; приблизительно въ переводѣ: что̀ слово—то мужчина.

Стрн. 302, стрк. 8. Храмовникъ называетъ Натана иронически «образцомъ людей».— Словомъ «образецъ» переведено слово «*Ausbund*», заимствованное у продавцевъ матерій. Такъ называютъ собственно передовой конецъ куска сукна, наилучшимъ образомъ отдѣланный и потому выставленный напоказъ. Въ переносномъ смыслѣ слово Ausbund вошло въ употребленіе какъ выраженіе чего-нибудь выдающагося, образцоваго. Напр., у Логау: Ausbund aller Gaben, у Гёте: Ausbund weiblicher Schönheit und Tugend (Dünzer).

Къ шестому явленію.

Стрн. 309, стрк. 2—3. Мы привели здѣсь русскую поговорку: «старая погудка на новый ладъ». Въ подлинникѣ Натанъ говоритъ: «ну, опять твоя старая лира, только на ней натянута новая струна».

Къ седьмому явленію.

Стрн. 311, стрк. 22. Карантана, вѣрнѣе Карантанія, названіе пустыни между Іерусалимомъ и Іерихономъ, съ находящейся тамъ горой того же названія. Здѣсь, по писанію, отдыхалъ Спаситель, готовясь къ проповѣди, здѣсь искушалъ Его діаволъ. Въ средніе вѣка въ Карантанѣ жило много монаховъ, частью пустынниковъ, частью въ монастыряхъ. Это же мѣсто было издавна притономъ разбойниковъ; въ притчѣ Христа о добродѣтельномъ Самаритянинѣ, здѣсь, по дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ, напали разбойники на несчастнаго, спасеннаго Самаритяниномъ.

Стрн. 312, стрк. 3. На горѣ Ѳаворѣ, гдѣ, по писанію, совершилось преображеніе Господне, въ VI и VII вѣкахъ тоже было много монашескихъ жилищъ въ монастыряхъ и отдѣльныхъ. Въ 1187 году Саладинъ уничтожилъ все это; а братъ его Мелекъ-Адель построилъ на Ѳаворѣ крѣпость.

Стрн. 312, стрк. 23—24. У евангелиста Матѳея Спаситель говоритъ: «всякій грѣхъ и злословіе простится людямъ; но грѣхъ и злословіе противъ Святого Духа не простится». Отсюда возникъ у теологовъ споръ о томъ, что̀ именно Спаситель подразумѣвалъ подъ именемъ грѣха противъ Святого Духа, приведшій только къ тому соглашенію, что это грѣхъ самый тяжкій.

Стрн. 313 и 314. Дарунъ, Аскалонъ, Гацца, средневѣковые города Палестины, упоминаемые и въ исторіи крестовыхъ походовъ. Лессингъ, однако, какъ уже было сказано, нисколько не стѣсняется хронологической вѣрностью упоминаемыхъ имъ историческихъ событій; оттого и замѣчаніе о смерти Вольфа-фонъ-Фильнекъ въ битвѣ при Аскалонѣ относительно всей исторической постановки драмы есть анахронизмъ.

Стрн. 316 и 317. Разсказъ Натана о томъ, какъ онъ потерялъ все свое семейство, какъ все-таки не упалъ духомъ и нашелъ утѣшеніе въ трудѣ и въ пріемной дочери Рэхѣ, по поэтической теплотѣ и искренности, носитъ на себѣ живой отпечатокъ того настроенія, въ которомъ находился Лессингъ во время писанія Натана: въ это время Лессингъ только-что потерялъ свою многолюбимую жену и новорожденнаго сына.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Къ первому явленію.

Стрн. 323. Нимейеръ приводитъ изъ Раумера, что мамелюки, вѣрная и отважная стража турецкихъ сановниковъ, тщательно воспитывались изъ числа дѣтей прислужницъ и наложницъ или дѣтей, купленныхъ въ рабство. Саладинъ имѣлъ 1000 мамелюковъ, которыхъ

одѣвалъ въ желтые цвѣта (цвѣтъ его фамиліи). Въ первый разъ особенно отличились эти мамелюки 25 ноября 1177 года въ битвѣ при Рамѣ, хотя Саладинъ и проигралъ это сраженіе. Слово мамелюкъ (вѣрнѣе мамлукъ) собственно въ переводѣ значитъ рабъ. (Dünzer).

Стрн. 323, стрк. 16. Каиръ (Каиро), нынѣ столица Египта, основанъ въ X-мъ столѣтіи.

Стрн. 326, стрк. 8 — 9. Ибрагимъ-гуляка у Лессинга названъ Ибрагимъ-лизунъ (лизоблюдъ, Lecker); мамелюкъ хочетъ этимъ сказать, что его товарищъ Ибрагимъ, какъ лизоблюдъ, имѣющій множество знакомыхъ въ Іерусалимѣ, у которыхъ онъ угощается, благодаря этому, лучше знаетъ улицы города, и потому могъ выбрать по нимъ кратчайшую дорогу и явиться къ Саладину первымъ вѣстникомъ.

Стрн. 326, стрк. 31. Эмиръ (собственно князь)—намѣстникъ султана.

Ко второму явленію.

Стрн. 328. Въ концѣ явленія Саладинъ говоритъ, что онъ хочетъ взглянуть на транспортъ, а потомъ пройдетъ къ Зиттѣ. Эти послѣднія слова вѣроятно должны быть обращены къ рабамъ, стоящимъ у дверей; такъ какъ Саладинъ ждетъ Натана и храмовника, то и извѣщаетъ, гдѣ онъ будетъ, на случай ихъ прихода; оттого въ переводѣ поставлена ремарка, которой нѣтъ въ оригиналѣ.

Къ третьему явленію.

Стрн. 330, стрк. 6. Выраженіемъ: «всю жизнь мою согрѣть въ ея лучахъ»—переведены нами приблизительно слѣдующія слова подлинника: «жизнь мою пропорхать въ ея (улыбки) солнечномъ свѣтѣ».

Къ четвертому явленію.

Стрн. 331, стрк. 5—9. Натанъ говоритъ служкѣ: «я вамъ навязывалъ, что вамъ не нужно (деньги); но вы мнѣ не уступили и хотѣли остаться богаче меня» (т.-е. хотѣли остаться человѣкомъ ни въ чемъ не нуждающимся, стало-быть, самымъ богатымъ на свѣтѣ).

Стрн. 333, стрк. 8—10. Въ концѣ послѣдняго монолога этого явленія въ подлинникѣ Натанъ говоритъ: «тебѣ одному, Боже, не нужно судить человѣка по его поступкамъ, которые такъ рѣдко бываютъ его поступками»,—(т.-е. которые, съ точки зрѣнія всей жизни человѣка, общей его дѣятельности, должны быть совсѣмъ не такъ истолкованы, какими кажутся съ перваго взгляда). Поясняя эту мысль переводомъ, мы поставили: «ты не судишь человѣка по поступкамъ, ты знаешь, какъ они рѣдко бываютъ его дѣяньемъ». Денцель и Крацъ объясняютъ слова: «рѣдко бываютъ его поступками»—примѣчаніемъ «а суть руководство Божіе»,—но врядъ ли Лессингъ имѣлъ такую мысль: можетъ ли Богъ *судить* людей по поступкамъ, коими *Самъ* руководитъ?

Къ пятому явленію.

Стрн. 334, стрк. 15. Храмовникъ называетъ служку добрымъ малымъ, въ подлинникѣ: «добрая кожа».

Стрн. 337, стрк. 1—5. Храмовникъ говоритъ Натану, что вздумалъ хорошенько приступить къ нему съ ножомъ къ груди,—на что Натанъ, играя словами, возражаетъ: «хорошенько!—что-жъ въ этомъ хорошаго?»—Тутъ Лессингомъ приведено непереводимое нѣмецкое выраженіе: *kurz und gut* (подстрочно: коротко и хорошо), собственно имѣющее значеніе словъ: разомъ, не долго думая. Такимъ образомъ въ подлинникѣ стоитъ: «я рѣшилъ коротко и хорошо (не долго думая) къ вамъ приступить съ ножомъ къ горлу»,—на что Натанъ и замѣчаетъ: «что же тутъ хорошаго?»

Стрн. 337, стрк. 13. Словомъ «сумасбродъ», которымъ бранитъ себя храмовникъ, мы перевели слово Laffe. Судя по этимологіи этого слова, оно должно переводиться словомъ

«лизунъ», человѣкъ ничтожный, способный только на поцѣлуи. Позднѣйшее употребленіе этого слова подразумѣваетъ молодого человѣка, поступающаго необдуманно и глупо (Nimeyer).

Къ шестому явленію.

Стрн. 343, 344 и 345. Разговоръ Рэхи и Зитты носитъ на себѣ отпечатокъ воззрѣній на воспитаніе, только-что начинавшихъ развиваться во второй половинѣ прошлаго столѣтія, съ почина Руссо; именно, стремленіе къ воспитанію опытному взамѣнъ сухого, книжнаго, схоластическаго. Лессингъ хотя самъ и не былъ никогда педагогомъ и даже никакихъ педагогическихъ статей не писалъ, тѣмъ не менѣе не оставался чуждъ всему живому, стремящемуся впередъ ко благу человѣческому. Оттого онъ былъ пріятелемъ новаторовъ тогдашней педагогики (Базедова, Кампе и др.) и раздѣлялъ многое изъ ихъ воззрѣній. Узкая замкнутая ученость, дѣлавшая изъ науки таинство, была всегда ему ненавистна, еще со дней его юности.—«Въ Лейпцигскомъ университетѣ—пишетъ Лессингъ, — я началъ понимать, что книги учили меня, но никогда бы не сдѣлали человѣкомъ».—Это побудило его тогда же, еще студентомъ, написать первую, имѣвшую успѣхъ, комедію: «Молодой ученый». Врагъ книжной учености, т.-е. выучиванья только послѣднихъ результатовъ знанія, безъ старанія собственнымъ изслѣдованіемъ прослѣдить добычу результатовъ и добиваться ихъ самому,— Лессингъ въ другомъ мѣстѣ такъ высказываетъ эту мысль: «пріобрѣтеніе изъ книгъ богатствъ чужого опыта называется ученостью; собственный опытъ есть мудрость. Малѣйшій капиталъ этой стóитъ больше, чѣмъ милліоны той».—И эта сторона воззрѣній Лессинга откликнулась въ его драмѣ, въ помянутомъ разговорѣ. Рэха заявляетъ, что она почти не читала книгъ и все, что она знаетъ, разсказано и разъяснено ей Натаномъ, и она даже помнитъ, по какому случаю и гдѣ разъяснено; оттого такъ прочно укоренилось въ ней все, что она знаетъ. «Отецъ мой не любитъ холодной начитанности», говоритъ она, т.-е. не любитъ сухого зазубриванія писаній безъ практическаго примѣненія, и ради только тщеславнаго сознанія своего превосходства передъ другими людьми. Какимъ образомъ поучаетъ Натанъ, какъ онъ изъ области празднаго фантазерства сводитъ на почву полезной дѣйствительности, мы видѣли во второмъ явленіи перваго дѣйствія драмы.

Къ седьмому явленію.

Стрн. 353, стрк. 26—30. Вѣрный своимъ принципамъ нравственной жизни, нравственныхъ отношеній между людьми, Лессингъ противопоставляетъ родству по крови родство по духу. Такимъ образомъ чувства родственной близости вытекаютъ не отъ кровной родственности, а отъ близости нравственныхъ идеаловъ; напускная (въ видѣ искусственнаго долга) или эгоистическая привязанность къ людямъ, только потому, что они родные, что они такимъ образомъ, такъ-сказать, той же формаціи, здѣсь не имѣетъ мѣста. Авторъ выноситъ эту мысль прямо изъ словъ Христа: «кто возлюбитъ отца или мать больше Меня (стало-быть, и больше тѣхъ принциповъ и вѣрованій, которыя составляютъ нравственную жизнь), недостоинъ Меня»—(стало-быть, и не искрененъ въ своихъ принципахъ).—Мысль этого нравственнаго родства, которое должно лежать въ основѣ кровнаго родства, иначе кровное теряетъ всякій смыслъ, просвѣчиваетъ во всей драмѣ. Но особенно прямо высказывается эта мысль въ словахъ Саладина: «мы по крови едва у звѣря узнаемъ отца, и много, если кровь даетъ намъ право добыть названье это прежде всѣхъ».—То же высказываетъ и храмовникъ въ своемъ монологѣ (3 явленіе 5 дѣйствія): «такое созданье, какъ Рэха, не есть созданье раба, забросившаго глыбу мрамора на пустынный берегъ моря житейскаго; а созданье художника, который въ брошенномъ камнѣ задумалъ божественный образъ и умѣлъ выполнить его прекрасныя черты». Это честное отсутствіе любви эгоистической, любви *своего*, потому что оно *свое*, а не потому, что оно достойно, можно встрѣтить въ воззрѣніяхъ Лессинга и на другого рода привязанности. Такъ, онъ никогда не признавалъ особенно хорошимъ качествомъ тотъ узкій патріотизмъ, который нерѣдко проявляли его прусскіе друзья (напр. поэтъ Глеймъ и др). и прямо высказывалъ такое мнѣніе: «хвала ревностнаго патріота, по моему мнѣнію, есть послѣднее, чѣмъ я буду дорожить, именно хвала патріота,

которая бы заставляла меня забывать, что я долженъ быть гражданиномъ міра»;—или: «я вообще не имѣю никакого понятія о любви къ родинѣ, и такая любовь мнѣ кажется не болѣе, какъ геройскою слабостью, безъ которой я легко могу обойтись». Дѣйствительно, въ великой борьбѣ Пруссіи съ другими германскими народами, Лессингъ, саксонецъ родомъ, съ полной симпатіей относился къ враждебному его странѣ королю-преобразователю, Фридриху, радовался его побѣдамъ, и, несмотря на то, что Фридрихъ не оцѣнилъ нисколько того значенія, той помощи, которую принесъ ему въ его реформахъ Лессингъ, безпристрастный литераторъ всегда отдавалъ должную справедливость, можно даже сказать восхищеніе, всему тому, что̀ въ дѣятельности мудраго короля, чрезъ его народъ, приносило пользу человѣчеству.

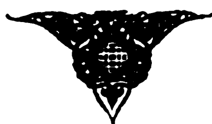
Стрн. 360, стрк. 27. «Отъ Бога это слово». Комментаторы объясняютъ это замѣчаніе храмовника тѣмъ, что онъ, какъ рыцарь, не могъ бы оставить безнаказаннымъ Натана, если-бъ этотъ, указавъ на неправильность сообщенія о родствѣ рыцаря, не поспѣшилъ оговориться: во лжи я васъ не уличаю.

Библіографическій указатель.

Я обращаю особенное вниманіе на этотъ отдѣлъ моей книги. Подробный библіографическій указатель къ «Натану» самъ по себѣ составляетъ какъ бы критическую статью, знакомя читателя съ тѣмъ, какъ въ продолженіе болѣе столѣтія нѣмецкая литература относилась къ этому произведенію. Здѣсь прежде всего мы видимъ, что самые выдающіеся нѣмецкіе писатели и ученые, каковы: Шлегели, Лаубе, Гервинусъ, Шлоссеръ, Данцель, Гурауеръ, Шерръ, Нимейеръ, Газе, Ауербахъ, Штаръ, Д. Штраусъ, К. Фишеръ, Геттнеръ, Шпильгагенъ, Каррьеръ, Шмидтъ и мн. др.,—считаютъ необходимымъ посвятить долю своей дѣятельности разъясненію великихъ заслугъ Лессинга въ дѣлѣ развитія германскаго народа. Всѣ эти писатели относятся къ драмѣ «Натанъ Мудрый» съ благоговѣйнымъ, часто восторженнымъ, уваженіемъ; драма эта служитъ или главнымъ предметомъ ихъ изслѣдованія, или исходной точкой его, или заключительнымъ подтвержденіемъ высказаннаго. Библіографія «Натана» наглядно показываетъ, какъ эта драма вошла въ плоть и кровь нѣмецкаго общества. Изъ этой библіографіи видно, какъ объ Натанѣ постоянно по всей Германіи читаютъ публичныя лекціи, объ Натанѣ спорятъ, драму разбираютъ до самыхъ мелочныхъ подробностей, до курьезно-измышленныхъ гипотезъ, восхищаются ею настолько, что она даже порождаетъ любителей славы Герострата, старающихся отозваться грубой бранью на всеобщее поклоненіе. Да еще среди такой обширной литературы о Лессингѣ нѣмцы находятъ нужнымъ переводить спеціальные труды о немъ англійскихъ писателей. И все это продолжается до нашихъ временъ, и врядъ ли скоро кончится. Лессингъ и послѣ смерти своей цѣлыми столѣтіями остается вѣренъ себѣ, заставляя, при посредствѣ своей драмы, разрабатывать вопросы нравственныхъ основъ, возбуждая въ своихъ соотечественникахъ полезный умственный трудъ. Въ этомъ отношеніи библіографическій указатель служитъ особенно яснымъ доказательствомъ живучести драмы, глубокаго значенія затронутыхъ въ ней данныхъ, и богатой душевной силы ея автора.

Силуэтъ Лессинга 1780 г., найденный въ оставшихся послѣ Ф. Якоби бумагахъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ я занимался подборомъ нѣмецкихъ сочиненій, писанныхъ о Натанѣ Мудромъ, и мнѣ случайно попалась книга, которая нѣсколько облегчила эту задачу. Я говорю случайно, потому что книга эта въ нѣмецкихъ каталогахъ не значилась, такъ какъ она составляла только оттискъ (Separatabdruck) изъ какого-то училищнаго изданія 1867 года. Книга эта озаглавлена: Literatur über Lessing's Nathan. Aus den Quellen,—von Naumann. Dresden. Почтенный труженикъ, дрезденскій учитель, постарался тутъ собрать все, что касалось судьбы Натана; именно каталогъ сочиненій, писанныхъ о немъ, въ краткихъ извлеченіяхъ мнѣнія о немъ разныхъ писателей, переводы, наконецъ, постановку на сцену. Науманъ однако почти нигдѣ не высказываетъ никакого своего мнѣнія, онъ является только прилежнымъ собирателемъ чужихъ сочиненій и притомъ, къ сожалѣнію, обладающимъ больше терпѣніемъ, чѣмъ творчествомъ. Книга его, при всей тщательности работы, составлена все-таки нѣсколько запутанно и упоминаемыя въ ней сочиненія перетасованы между собой безъ всякой системы. Издатель выбралъ самый неудобный для настоящаго случая способъ вести каталогъ, именно по алфавитному списку авторовъ сочиненій. Такимъ образомъ библіографія эта представляетъ только безпорядочный складъ заглавій и краткихъ отрывочныхъ сужденій, не являя почти никакой общей картины; читателю приходится разбрасываться, переходя отъ одной книги къ другой, не связанныхъ другъ съ другомъ ничѣмъ, кромѣ заглавной буквы. Другое библіографическое изданіе относительно Лессинга: «Die Lessing's Literatur in Deutschland»—1852 г. вовсе не отвѣчаетъ этому громкому заглавію и даетъ слишкомъ мало.

Книга Наумана во всякомъ случаѣ дала мнѣ возможность собрать все наиболѣе выдающееся въ этой обильной литературѣ драмы Лессинга. Съ тѣмъ, что не было мною пріобрѣтено, познакомился я въ публичныхъ библіотекахъ Петербурга, Вѣны и Парижа. То что не попало въ книгу Наумана и что издано послѣ нея (т. е. послѣ 1867 г.) собрано мною по нѣмецкимъ каталогамъ, а также по указаніямъ, встрѣчаемымъ въ томъ или другомъ сочиненіи. Я расположилъ мой указатель въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы дать читателю возможность прослѣдить постепенность развитія литературы о Натанѣ. Хотя я, разумѣется, не былъ въ состояніи безусловно помѣтить все, что писано о Натанѣ *), особенно изъ того множества мелкихъ статей и замѣтокъ, которыя разсѣяны по журналамъ и газетамъ разныхъ лѣтъ и городовъ, тѣмъ не менѣе я думаю, что едва ли что-нибудь мало-мальски оригинальное и характерное въ этой области ускользнуло отъ моего вниманія. Та-

*) Иныя книги и статьи я помѣчаю только однимъ заглавіемъ, или потому, что заглавіе уже объясняетъ содержаніе, или потому, что я не могъ иного сочиненія достать.

кимъ образомъ печатаемая здѣсь библіографія представляетъ довольно подробный сводъ всѣхъ мнѣній и разъясненій, вызванныхъ драмою «Натанъ Мудрый» и жизнью Лессинга.

1779. Tralles. Dr. Zufellige altdeutsche und christliche Betrachtungen über Herrn Lessing's neues dramatisches Gedicht «Nathan der Weise». 2 Theile. Breslau.—Книга враждебная сочиненію Лессинга; о ней подробно говорится въ III-й главѣ моей статьи «Лессингъ и его Натанъ».

1781. Schütz. Apologie, Lessing's dramatisches Gedicht Nathan d. W. betreffend, nebst einem Anhange über einige Vorurtheile und nöthige Toleranz. Leipzig.—Книга, вызванная сочиненіемъ Траллеса. Шюцъ изъ страницы въ страницу доказываетъ бѣдность мысли и несостоятельность нападокъ критика-врача.

1782. Pfranger. Der Mönch von Libanon. Ein Nachtrag zu Nathan d. W. Dramatisches Gedicht. Dessau. (Слѣдующія два изданія въ 1785 и 1817 г.).—Драматическое стихотвореніе, вышедшее безъ имени автора, имѣетъ претензію быть продолженіемъ Натана (дѣйствующія лица тутъ, кромѣ немногихъ, взяты изъ драмы Лессинга)—и возраженіемъ (хотя мягкимъ и льстивымъ) высказаннымъ въ ней истинамъ. Объ этомъ сочиненіи подробно упоминается въ III-ей главѣ моей статьи «Лессингъ и его Натанъ».

1793. Carl-Gottlieb Lessing. Lessing's Leben. 3 Bde. Berlin.—Первая полная біографія Лессинга, написанная его братомъ, подъ свѣжимъ воспоминаніемъ о немъ, во дни перваго десятка лѣтъ послѣ его смерти. Этимъ сочиненіемъ пользовались и послѣдующіе біографы Лессинга. До Карла Лессинга біографически-критическія попытки были сдѣланы въ сочиненіяхъ: Schütz. Ueber Lessing's Genie und Schriften. Halle 1772 г. и Grossmann. Lessing's Denkmal, eine Vaterländische Geschichte. 1791 г.

1801. Schlegel—A. W. und Friedrich. Characteristiken und Critiken.—Сборникъ прежде напечатанныхъ журнальныхъ статей братьевъ Шлегелей. Между прочимъ, тамъ встрѣчаются и сужденія о Натанѣ Лессинга. Мнѣніе Фридриха Шлегеля о Натанѣ давно уже признано въ Германіи странною путаницею невольнаго восхищенія и предразсудочнаго порицанія. Въ самомъ дѣлѣ, то Натанъ называется не болѣе, какъ послѣднимъ номеромъ полемическихъ листковъ Антигёце и элементарною книгою высшаго цинизма, то въ Натанѣ признается нѣчто святое, стоящее выше всякихъ правилъ искусства. Если мы однако припомнимъ, что братья Шлегели были краеугольнымъ камнемъ критики, толкавшей нѣмецкую литературу, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ бурную область романтизма, то будетъ понятно, что въ сужденіяхъ о Натанѣ Шлегель долженъ былъ путаться; такъ какъ драма Лессинга съ одной стороны была вещью слишкомъ спокойною, чтобы подвести ее подъ романтизмъ, съ другой—слишкомъ солидною, широкою въ воззрѣніяхъ, чуждою малѣйшей тѣни филистерства, чтобъ пріобщить ее къ произведеніямъ враждебнаго романтизму лагеря. Впослѣдствіи Ф. Шлегель издалъ отдѣльно въ 1804 г. Lessing's Gedanken und Meinungen aus dessen Schriften zusammengestellt und erläutert. 3 Theile—въ 3-ей части о Натанѣ. Августъ-Вильгельмъ Шлегель въ лекціяхъ о драматическомъ искусствѣ выхваляетъ Натана со стороны правильности постройки и попытки драматическаго стиха. Лекціи эти были изданы имъ въ 1809 г. A. W. Schlegel. Ueber dramatische Kunst und Literatur. Vorlesungen. 2 Theile. Heidelberg.

1804. Der Travestirte Nathan der Weise, Posse in 2 Acten mit Intermezzos, Chören, Tanz, gelehrten Zweikampf, Mord und Todschlag. Das Nachspiel ist der travestirte Alarkos (Friedrich v. Schlegel). Berlin.—Порожденная борьбою романтиковъ съ филистерствомъ, литературная распущенность и презрѣніе всякихъ приличій, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вызвали между прочимъ и пародію на Натана, заглавіе которой здѣсь выставлено. Эта книжонка съ двумя виньетками, на которыхъ Натанъ изображенъ типичнымъ жидомъ въ современномъ книгѣ еврейскомъ костюмѣ, съ трудомъ можетъ быть прочитана теперь, потому что переполнена намеками на современныхъ ей литераторовъ. Насмѣшки ея плоски и циничны. Въ концѣ пародируется Аларкосъ Ф. Шлегеля.—Науманъ упоминаетъ и о другой пародіи на Натана, появившейся въ 1804 г., именно Nathan d. W. Schauspiel v. Lessing, tra-

vestirt und modernisirt in 5 Aufzügen. Berlin und Wien. Я не имѣлъ въ рукахъ этой книги.

1805. Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und freien Künste. 71 B. 357 S. — Въ числѣ другихъ не безынтересно высказанное въ означенномъ журналѣ мнѣніе, что великое достоинство Натана состоитъ въ изображеніи христіанства среднихъ вѣковъ (XII-го столѣтія), которое въ то время мало отличалось отъ еврейства и магометанства.

За симъ блестящій періодъ произведеній Гёте и Шиллера на довольно долгое время (до 20-хъ годовъ) заставилъ забыть о Натанѣ. Почти случайно къ нему вернулся только въ 1816 г. Daub. Karl. Judas Ischarioth oder das Böse im Verhältnisse zum Guten.—Zwei Theile. Heidelberg.—(У Наумана значится 1822 г., вѣроятно второе изданіе). Толстый томъ, написанный протестантскимъ теологомъ противъ нѣкоторыхъ посягательствъ критики разума на религію. Несмотря на нѣсколько узкое воззрѣніе автора, «Натанъ» приводится сочувственно, но только на нѣсколькихъ страничкахъ, какъ примѣръ того, что вообще любовь въ человѣкѣ сильнѣе ненависти и побѣждаетъ ее.—Даубъ одинъ изъ первыхъ критиковъ высказалъ мысль, что евреи и магометане драмы по принципамъ жизни своей суть христіане, что повторялось потомъ на всѣ лады съ курьёзнымъ упорствомъ.

1822. Delbrück. Ferd. Christenthum: Betrachtungen und Untersuchungen.—О Лессингѣ и Натанѣ упоминается только между прочимъ. Впослѣдствіи авторъ вернулся къ Лессингу въ 1831: Delbrück. Lessing, Forscher der Warheit.—Aus der Rede zur Beehrung der Stifter und Häupter neudeutscher Dichtkunst und Wohlredenheit. Вопреки своему времени, критикъ называетъ Натана вещью, не имѣющею соперника.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ разборы Натана появляются болѣе въ *историко-литературныхъ* сочиненіяхъ; таковы:

1824. Horn. Fr. Die Poesie und Beredsamkeit der Deutschen, von Luther's Zeit bis zur Gegenwart. 3 B.—Весьма сочувственный отзывъ.

1832. Bohtz. A. W. Geschichte der neueren deutschen Poesie. Vorlesungen.—Авторъ, говоря съ нѣкоторымъ сдержаннымъ сочувствіемъ о Натанѣ, заявляетъ, что эта драма подала поводъ къ ложнымъ воззрѣніямъ на нее и умозаключеніямъ. Позднѣе Боцъ написалъ спеціальное сочиненіе о Лессингѣ и Натанѣ. 1854. Lessing's Protestantismus und Nathan d. W., въ которомъ онъ оспариваетъ слышанные имъ упреки Лессингу, будто авторъ Натана въ своей драмѣ высказалъ вульгарный реализмъ и религіозный индифферентизмъ. Боцъ утверждаетъ, что вся дѣятельность Лессинга и основы его драмы говорятъ противъ такого обвиненія.

1837. Ficker. Fr. Prof. Geschichtlicher Ueberblick der gesammten schönen Kunst nach ihren einzelnen Sphären. Wien.—Въ седьмомъ отдѣлѣ, въ историческомъ обзорѣ поэзіи, Лессингъ приводится борцомъ за истину,—при чемъ дѣлается критическій разборъ его драматическихъ произведеній, по преимуществу Натана.

1838. Risser. G. Einige Worte über Lessing's Denkmal, an die Israeliten Deutschlands gerichtet. Frankfurt a. M. — Брошюра написана евреемъ, обращена къ евреямъ и, сколько извѣстно, была первой попыткой въ этомъ родѣ. Содержаніе ея составляютъ крайне сочувственныя и фразистыя, но поверхностныя разсужденія о литературно-философскихъ стремленіяхъ Лессинга. Статья повидимому имѣетъ цѣлью обратить вниманіе евреевъ на гуманныя стороны сочиненія Лессинга. О Натанѣ авторъ говоритъ мало, отстаивая по преимуществу его художественныя достоинства.

1839. Laube. Heinr. Geschichte der Deutschen Literatur. 2 B.—Нѣсколько фразистое описаніе драмы Лессинга.

1839. Schenkel. Ueber Lessing. Schweizerisches Museum. III. S. 202.

1840. Kehrein. Jos. Die dramatische Poësie der Deutschen. Versuch einer Entwiklung derselben von der ältesten Zeit bis zur Gegenwart. — Наибольшимъ достоинствомъ Натана признается правдиво художественная характеристика и группировка.

1841. Meyer. Lessing und der Begriff der Toleranz. Freihafen. August.—Заявивъ, что Лессингъ въ Натанѣ выказалъ лучшія, благороднѣйшія стороны своей личности, авторъ ведетъ свою критику все-таки къ доказательству неудовлетворенности, оставляемой чтеніемъ драмы. Терпимость онъ выставляетъ какъ нѣкое чувство снисхожденія и сожалѣнія,—и вообще гуманность считаетъ порожденіемъ исключительно христіанства.

1842. Lessing und die Idee der Toleranz. Freihafen. Juni.—Возраженіе на только-что приведенную статью Мейера.

1842. Weidemam. Ueber Lessing's Stellung zur Theologie seiner Zeit. Programm des Gymnasium zu Hildburghausen.—Основа Натана сопоставлена съ завѣщаніемъ Іоанна: дѣти, любите другъ друга.

1842. Kurz. Heinr. Handbuch der poetischen Nationalliteratur der Deutschen. Dritte Abtheil. Commentar.—Первая попытка комментировать Натана. Авторъ разсматриваетъ драму по дѣйствіямъ и въ заключеніе приводитъ разборъ главныхъ характеровъ. Основная идея Курца заключается въ томъ, что каждая драма, представляющая намъ жизнь съ серьезной стороны и героя въ столкновеніи съ противоборствующими ему обстоятельствами—есть трагедія; оттого и Натанъ можетъ называться трагедіей. Впослѣдствіи Курцъ издалъ въ 1854—59 годахъ: Geschichte der deutschen Literatur mit ausgewehlten Stücken aus den Werken der vorzüglicher Schriftsteller.—Во II томѣ о Натанѣ.

1842. Nodnagel. A. Lessings Dramen, erläutert. Подробный разборъ драмы съ поясненіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фразъ и словъ.

1843. Lessing's Nathan d. W. auf der Berliner Bühne. Ein Vortrag. Berlin.—Лекція, которая уже однимъ выборомъ предмета: «Натанъ на берлинской сценѣ»—показываетъ, что къ этому времени драма Лессинга окончательно завоевала себѣ всеобщее уваженіе и любовь массы нѣмецкаго общества, а также и подмостки сцены.

1844. Rötscher. Cyclus dramaticher Charactere. I Theil. Berlin.—Въ числѣ различныхъ драматическихъ характеровъ разбирается и Натанъ. Позднѣе авторъ вернулся къ драмѣ Лессинга въ книгѣ 1847. Dramaturgische Skizzen und Kritiken. Abhanlungen zur Philosophie der Kunst. 5 Abth. и въ 1848. Jahrbücher für Kunst und Literatur. Критикъ заявляетъ, насколько справедливо было пророчество Лессинга, что его Натана оцѣнятъ только по истеченіи многихъ лѣтъ,—при этомъ онъ восхваляетъ художественныя красоты драмы, которыхъ не умалила ея тенденціозность.

1845. Hillebrand. Die deutsche Nationalliteratur im Anfange des XVIII Jahrhundert. Erster Band. Hamburg.—Вторая книга перваго тома почти исключительно посвящена дѣятельности Лессинга, который главнымъ образомъ разсматривается, какъ реформаторъ литературы, умѣвшій особенно чутко и тонко понять главныя и необходимыя потребности своего времени. О «Натанѣ» говорится, что эта драма выражаетъ цѣль первоначальныхъ и основныхъ стремленій Лессинга. Впрочемъ, драма въ подробностяхъ не разбирается.

1845. Kletke. Handbuch zur Geschichte der neueren deutschen Literatur.—Исторія литературы, написанная для учителей и учительницъ, какъ заявляетъ авторъ. Восхваленіе «Натана» дѣлается съ нѣкоторой опаской.

1846. Kurnik. M. Ausgewählte Dramen, analitisch erläutert. 2 Heft. Nathan d. W.— Въ предисловіи авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ теологическихъ споровъ Лессинга; за симъ драма разбирается съ точки зрѣнія идеи и выполненія.

1846. Griepenkerl. W. K. Der Kunstgenius der deutschen Literatur des letzten Jahrhunderts in seiner geschichtlich organischen Entwickelung. Vorlesungen.—Нѣсколько фразистыя лекціи. «Натанъ» названъ чуднымъ дѣяніемъ въ исторіи жизни Лессинга.

1848. Devrient. Eduard. Geschichte der deutschen Schauspielkunst. 5 Bände.— (Послѣдній томъ 1874 г.). Почтенный трудъ по исторіи нѣмецкаго театра. Матеріалъ относительно сценической судьбы «Натана»; на эту книгу ссылаются многіе, писавшіе о Лессингѣ, между прочимъ и Штаръ.

1853. Gervinus. Geschichte der deutschen Dichtung.—Я ставлю 1853 годъ, потому-что въ моихъ рукахъ было изданіе этого года; но оно четвертое. Первое изданіе было вѣроятно въ началѣ 40-выхъ годовъ, такъ какъ Грипенкерль въ своей лекціи упоминаетъ о немъ. Сочиненіе Гервинуса состоитъ изъ четырехъ томовъ. Лессингу посвященъ небольшой отдѣлъ (страницъ 80) четвертаго тома, гдѣ, впрочемъ, совокупно съ нимъ проводится исторія развитія нѣмецкой драмы въ XVIII столѣтіи. Въ одну изъ главныхъ заслугъ Лессинга ставится то, что онъ не столько былъ учителемъ послѣдующихъ ему писателей, не порождалъ подражателей, сколько былъ для другихъ примѣромъ ободряющимъ и возбуждающимъ ихъ собственное творчество. По поводу «Натана» авторъ больше говоритъ о теологическихъ статьяхъ

Лессинга, не входя въ разборъ драмы, а указывая только на общіе ея мотивы. Отзывъ въ высшей степени сочувственный; «Натанъ» сопоставляется съ «Фаустомъ» Гёте.

1853. Schlosser. Geschichte der XVIII Jahrhunderts. — Въ отдѣлѣ историко-литературномъ, блестящая характеристика значенія Лессинга въ общественномъ развитіи Германіи XVIII столѣтія. «Натанъ донынѣ сохраняетъ мѣсто рядомъ съ лучшими произведеніями Гёте и Шиллера»,—драмѣ вообще приписывается большое вліяніе на развитіе націи. Исторія XVIII столѣтія Шлоссера переведена и на русскій языкъ.

1853. Köchl. Prolog. Europa № 86. — Стихотвореніе, читанное на Брауншвейгскомъ театрѣ въ день праздника въ честь Лессинга, 29 сентября 1853 г., вслѣдъ затѣмъ былъ исполненъ «Натанъ».

1854. Guhrauer. G. E.—G. E. Lessing's Leben und Werke in der Periode vollendeter Reife. II B. II Abth. Со времени Карла Лессинга, слишкомъ полстолѣтія не появлялось въ Германіи подробныхъ біографій Лессинга, хотя все-таки за это время можно указать на нѣсколько сочиненій, разрабатывавшихъ черты жизни знаменитаго реформатора германской литературы. Таковы: 1825. Schinck. Characteristik Lessing's. Berl.—1829. Gräwe, Lessing's Lebensgeschichte, oder Lessing als Mensch dargestellt. Leipz. — 1829. Wingolf. Dem Andenken Lessing's an seinem Hundertjährigen Geburtstag. Leipz.—1839. Sachs. Einiges zur Erinnerung an Lessing. Berl. — 1841. Diller. Erinnerungen an Lessing. Meissen. — Полную біографію Лессинга со внесеніемъ въ нее всѣхъ матеріаловъ, открытыхъ въ полстолѣтіе послѣ его смерти, взялъ на себя написать Данцель. Но онъ довелъ свой трудъ только до 1760-го года и умеръ, не кончивъ біографіи. Эта работа досталась Гурауеру, описавшему жизнь Лессинга въ періодъ полной зрѣлости и такимъ образомъ закончившему біографію Данцеля. Въ пятомъ отдѣлѣ (въ 5-й книгѣ) Гурауеръ говоритъ о «Натанѣ» довольно полно и интересно, главнымъ образомъ съ фактической стороны творчества, которая, впрочемъ, вся отсюда исчерпана въ другія статьи о «Натанѣ». Что касается критической стороны, то она здѣсь значительно ниже фактической, и не всегда ей можно сочувствовать. Сочиненіе это было вновь издано въ 1881 г.

1854. Cholevius, Karl Leo.—Geschichte der deutschen Poësie nach ihren antiken Elementen. Leipzig. — О «Натанѣ», среди другихъ драматическихъ произведеній Лессинга, говорится довольно коротко. Авторъ по преимуществу отстаиваетъ художественную сторону драмы,—онъ указываетъ тоже и на то, какъ много на выборъ сюжета въ драмѣ Лессинга вліяла его жизнь.

1854. Schwarz. C. — Lessing als Theologe.—Ein Beitrag zur Geschichte der Theologie im XVIII Jahrhund. Halle. — Въ «Натанѣ» авторъ видитъ отраженіе германской жизни и просвѣщенія въ XVIII столѣтіи. Драма названа безсмертно великой и близкой сердцу германскаго народа.

1854. Riebe. Ueber Lessing's Nathan d. W. Program der Saldern'schen Realchule zu Brandenburg. — Авторъ говоритъ о цѣли «Натана», — разсказываетъ фабулу драмы, — развиваетъ теологическія воззрѣнія Лессинга и ихъ воплощеніе въ «Натанѣ», и разбираетъ характеры дѣйствующихъ лицъ.

1854. Scherr. Geschichte der deutschen Literatur. — Крайне сочувственный отзывъ о Натанѣ.

1855. Rosenkranz. L. Die Poësie und ihre Geschichte. Eine Entwickelung der poet. Ideale der Völker. Königsb.

1855. Wackernagel. W. — Lessing's Nathan d. W. — Akademische Festrede. Protestant. Monatsblätter. B. 6.—S. 232—256. Украшая свое изложеніе восхваленіями «Натана», заявляя, что написаніе этой драмы было подвигомъ мужества со стороны Лессинга, авторъ къ концу-концовъ сводитъ на то, что драма порождаетъ нетерпимость, помимо желанія Лессинга. Эта академическая рѣчь, напечатанная въ протестантской газетѣ, одинъ изъ многихъ примѣровъ, какъ можно восхищаться произведеніемъ, хуля его.

1855. Shiffmann. — Lessing's Nathan in seiner religiosen Bedeutung. — Stettin. — Авторъ (архидіаконъ въ ц. св. Якова) старается доказать, что принципы, составляющіе основу драмы Лессинга, суть правила христіанской религіи.—Лекція вообще слабая, доказательство состоитъ изъ общихъ мѣстъ о гуманности и самоотреченіи.

1855. Wolfsohn. W. — Lessing als Dramatiker. Beilage zur Leipziger Zeitung. — №№ 41, 42, 44, 53, 54, 57, 58, 59, 60. — Три лекціи о драматическихъ произведеніяхъ Лессинга, разсматриваемыхъ, между прочимъ, съ точки зрѣнія ихъ близости къ жизни автора. Къ сожалѣнію, изложеніе это довольно коротко. Въ концѣ послѣдней лекціи говорится о «Натанѣ».

1855. Niemeyer. Eduard. Lessing's Nathan der Weise, durch eine kritische Einleitung und einem fortlaufendem Commentar, besonders zum Gebrauch auf höheren Lehranstalten, erläutert. — Эта книга была первымъ подробнымъ комментаріемъ къ драматическому стихотворенію Лессинга. Въ предпосланномъ ему вступленіи, прежде всего, приведена краткая исторія созданія «Натана», первый пріемъ его въ публикѣ и первыя попытки его исполненія на сценѣ. За симъ приведены послѣдовательно мнѣнія нѣкоторыхъ германскихъ критиковъ о драмѣ (болѣе другихъ Шлегеля и Гервинуса); краткое указаніе драматической постройки пьесы, ея экспозиціи, завязки и развязки. Разборъ основныхъ идей драмы сдѣланъ по Гурауеру; относительно характеровъ лицъ критикъ отсылаетъ читателей къ Курнику и Рётшеру; при этомъ дѣлаетъ только внѣшнія замѣчанія (напр., приводя историческія данныя про Саладина, Зитту, патріарха и т. п.). Наибольшая часть предисловія посвящена стихосложенію «Натана». Критикъ даетъ очень обстоятельное изложеніе касательно драматическаго стиха до «Натана» и подробный разборъ стихосложенія въ драмѣ Лессинга, причемъ указаны и всѣ особенности стиха въ драмѣ, отступленія и т. п.—Вступленіе заканчивается замѣчаніемъ относительно своеобразности языка въ драмѣ. Комментарій состоитъ изъ ряда короткихъ параграфовъ примѣчаній къ тому или другому слову или стиху. Такимъ образомъ на 140 страницахъ книги средняго формата, изъ дѣйствія въ дѣйствіе, изъ явленія въ явленіе, пройдена примѣчаніями вся драма. Примѣчанія эти самаго разнообразнаго свойства, такъ какъ авторъ имѣлъ въ виду употребленіе его книги при классныхъ занятіяхъ въ высшихъ школахъ. Кромѣ историческихъ и разъяснительныхъ, многія примѣчанія касаются языка, грамматической постройки словъ, а также иногда просто поставлены, какъ темы, для упражненія въ разсказѣ хода событій драмы. Книгой этой однако иногда надо пользоваться съ осторожностью, потому что въ этихъ примѣчаніяхъ замѣтенъ болѣе добросовѣстный трудъ, чѣмъ мѣткій критическій взглядъ. Лучшая часть книги грамматическая; она составлена по Гримму, Вейгандсу и Шмеллеру.

1856. Köpke. Dr. Ob Lessing's Nathan eine passende Lectüre für die Oberclasse eines Gymnasiums abgeben könne?—Mützel's Zeitschrift für Gymnasiumwesen.—Слѣдя за библіографіей «Натана» мы видѣли, что уже неоднократно учители и директора гимназій дѣлали «Натана» предметомъ упражненія въ классѣ (Riebe, Weidemann); наконецъ книга Нимейера, спеціально къ этому приспособленная, дала на то богатый матеріалъ. Кёпке хочетъ доказать и безполезность и вредность чтенія «Натана», какъ воспитательной книги въ высшихъ классахъ гимназіи. Трактуя о «Натанѣ» съ обскурантной точки зрѣнія, Кёпке утверждаетъ, что драма единственно вызвана была полемикой (въ которой Лессингъ, будто бы, не можетъ быть одобренъ), что чтеніе драмы оставляетъ юношу холоднымъ, что красоты ея будто бы не увлекаютъ молодежь. Въ 1864 г. Кёпке свои обсужденія сдѣлалъ предметомъ публичной лекціи, прочитанной имъ въ Бранденбургѣ, гдѣ онъ и напечаталъ эту лекцію отдѣльной брошюрой въ 1865 г.

1856. Schäfer. Geschichte der deutschen Literatur im XVIII Jahrhund. In übersichtlichen Umrissen und biographischen Schilderungen. Leipz. О «Натанѣ» авторъ говоритъ: «Въ «Натанѣ» одинаково работали и философъ, и драматургъ, только такъ, что первый перевѣшиваетъ второго и драматическая форма служитъ болѣе подмостками для конструкціи философскаго мышленія».

1856. Koberstein. A. Grundriss der Geschichte der deutschen Nationalliteratur. Leipz. II. B.

1856. Stirm. Apologie des Christenthum's. Stuttgart. — Сочиненіе въ родѣ статьи Вакернагеля.

1856. Ueber Lessing's Nathan und das Humanitätsprincip im Judenthum. Blät. f. lit. Unterh. № 11. Авторъ старается опровергнуть высказанное въ газетѣ мнѣніе, что, кто думаетъ и дѣйствуетъ какъ Натанъ, тотъ въ душѣ христіанинъ, а не еврей.—Корреспондентъ,

еврей изъ Касселя, усмотрѣвъ въ этомъ хотя невольное оскорбленіе еврейству, доказываетъ солидарность идей «Натана» съ принципами еврейскими. Редакція предпослала письму примѣчаніе довольно рѣзкаго свойства.

1857. Findel. Die classische Periode der deutschen Nationalliteratur im XVIII Jahrhund. Vorlesungen. Leipz.—Авторъ между прочимъ повторяетъ слова Мендельсона, что уже одно созданіе «Натана» писателемъ христіаниномъ дѣлаетъ честь христіанству и т. д.; отзывъ въ томъ же родѣ.

1857. Fischer. Aestetik oder Wissenschaft des Schönen. 2 Theile.—Авторъ, отдавая должную справедливость драмѣ Лессинга, возстаетъ противъ ея окончанія, какъ обыкновенной мѣщанской драмы, не соотвѣтствующаго великой задачѣ всего произведенія.

1858. Gelzer. H. Die neuere deutsche Nationalliteratur nach ihren ethischen und religiosen Geschichtspunkten. Leipz.

1858. Vorfabel zu Lessings Nathan.—Статья въ педагогическомъ журналѣ: Die Höhere Bürgerschule (herausgegehen von K. Vogel, Fr. Körner, K. Klaunig).—Magdeburg und Leipzig. 1857. Jahrgang VII. Erstes Heft.—Авторъ на основаніи данныхъ, разбросанныхъ въ драмѣ Лессинга, создаетъ разсказъ всего, что̀ совершилось съ дѣйствующими лицами ея до начала драмы. Статья эта предлагается въ однихъ классахъ школы, какъ подготовка къ чтенію «Натана», въ другихъ, какъ тема для сочиненія послѣ чтенія «Натана». Науманъ выставляетъ и имя автора статейки: Karl Kind.

1858. Hase. Karl. Das geistliche Schauspiel. Geschichtliche Uebersicht. Leipz. Въ ряду крайне интересныхъ статей о религіозныхъ драматическихъ представленіяхъ, авторъ говоритъ и о «Натанѣ» Лессинга. Кромѣ нѣкоторыхъ историческихъ указаній и общихъ сужденій, авторъ ставитъ цѣлью «Натана» ученіе терпимости не только относительно не-христіанскихъ религій, но и разныхъ исповѣданій христіанскихъ,—и мысль, что вѣроисповѣданіе еще не опредѣляетъ цѣну человѣка. Газе также даетъ краткое изслѣдованіе варіантовъ сказки о трехъ кольцахъ.

1858. Auerbach. Berth. Studien und Anmerkungen zu Lessing's Nathan d. W. Morgenblat. № 29—31.—Рядъ отрывочныхъ разсужденій о драмѣ Лессинга и по поводу ея. Драма разсматривается болѣе съ эстетической точки зрѣнія. Авторъ высказываетъ тоже оригинальное мнѣніе о характерѣ Рэхи, разсматривая ее какъ сосредоточіе, около котораго совершается все движеніе идеи драмы. Натанъ сопоставляется съ Шейлокомъ, какъ представители двухъ крайностей: любви и ненависти. Въ концѣ Ауербахъ дѣлаетъ нѣсколько предположеній о томъ, каковъ долженъ былъ быть задуманный Лессингомъ эпилогъ драмы «Дервишъ».

1859. Menzel. Wolfg. Deutsche Dichtung von der aeltesten bis auf die neueste Zeit. 3 Bände. Stuttg.—Извѣстный своими нападками на Гёте, критикъ Волфгангъ Менцель нѣсколько разъ писалъ о «Натанѣ» и его сужденія замѣчательны своею измѣнчивостью. Такъ еще въ 1836 г. въ своемъ сочиненіи: Die deutsche Literatur, онъ дѣлаетъ сочувственный отзывъ о драмѣ Лессинга, а между прочимъ тоже и о Мендельсонѣ, какъ о мудрѣйшемъ и тончайшемъ философѣ, достойномъ быть прототипомъ Натана. Въ 1858 г., однако, Менцель уже перемѣнилъ свое мнѣніе и сдѣлалъ нѣсколько нападокъ на Натана въ газетѣ «Literaturblatt», которыя вызвали опроверженіе Бодена. Bl. f. liter. Unterh. № 43.—Въ выписанномъ выше сочиненіи Менцеля 1859 года, критикъ жестоко нападаетъ на Мендельсона, выставляя его хитрымъ и завзятымъ евреемъ. «Натанъ» тоже порицается; въ немъ критикъ находитъ хорошимъ только внѣшнюю отдѣлку, характеристику и стихи. Боденъ обличаетъ эту измѣнчивость мнѣній въ сочиненіи 1860 г. Boden. A.—Wolfgang Menzel's in seiner «deutsch. Dichtung v. d. ältest. b. a. d. neueste Zeit»—gegen Grossen unserer classischer Literatur erhobene Anklage beleuchtet. Francf. a. M.

1859. Röpe. Ein Beitrag zur Rettung Göze. Hamburg.—Авторъ старается унизить значеніе Лессинга въ спорѣ съ Гёце; причиной спора со стороны Лессинга выставляется не стремленіе къ правдѣ, а просто желаніе поспорить ради спора и чтобъ подавить тяжелое настроеніе духа послѣ смерти жены. Лессингу приписывается враждебное христіанству настроеніе, скрытое подъ христіанской маской. Сочиненіе это вызвало опроверженіе: Boden. Lessing und Göze. 1862.

1859. Stahr. Adolf. G. E. Lessing. Sein Leben und seine Werke. Berlin.—Сжатая, но полно исчерпывающая значеніе Лессинга біографія его. Рядомъ съ исторіей творчества Лессинга и эпизодами его жизни дѣлается мѣткая ясная критическая оцѣнка его произведеній. Біографія написана крайне живо и читается, какъ романъ. Сочиненіе состоитъ изъ двухъ маленькихъ томовъ, разбитыхъ на 14 отдѣловъ, названныхъ книгами. Тринадцатая книга носитъ заглавіе: «Натанъ Мудрый»—и состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) Смерть жены Лессинга, 2) Исторія возникновенія «Натана», 3) и 4) «Натанъ Мудрый».—Замѣчательныя популярныя достоинства этого сочиненія вызвали статью Лассаля о Лессингѣ: 1861. Democratische Studien, herausgegeben v. Walesrode, Hamburg.—G. E. Lessing, von Ferd. Lassale.—Разбирая книгу Штара, Лассаль придаетъ особенное значеніе ея общедоступности. Біографія Данцель-Гурауера есть достояніе по преимуществу спеціалистовъ, Штаръ будетъ прочитанъ всѣми. Ученый біографъ умѣлъ вполнѣ отрѣшиться отъ подавляющаго важно-ученаго тона, который бы оттолкнулъ отъ его сочиненія обыкновеннаго читателя. «Мы не знаемъ книги», говоритъ Лассаль, «которая бы при наименьшемъ стараніи способна была дать болѣе реальное поученіе и болѣе глубокое развитіе мышленія (Gedankenbildung), какъ эта». Относительно самого Лессинга, Лассаль проводитъ краткую, но яркую параллель между Лессингомъ и Фридрихомъ Великимъ, говоря, что они оба явились реформаторами среди всеобщаго застоя, оцѣпенѣнія и испорченныхъ нравовъ ихъ времени. Въ «Натанѣ», говоритъ Лассаль, «торжествуется самосознаніе, независимое отъ рожденія, религіи, положенія и милостей сильнѣйшихъ». Сочиненіе Штара издано нѣсколько разъ.

1860. Zur Würdigung Lessing's und seines Verhältnisses zum Christenthum. I. Die allgemeine Würdigung. II. Lessing als Dramatiker und sein Nathan d. W.

1860. H. Rättig. Lessings Bedeutung für unsere Zeit. Torgau.—Лекція. Лекторъ главной заслугой Лессинга ставитъ его неудержимое стремленіе къ истинѣ и вслѣдствіе этого отсутствіе въ его дѣятельности какого-либо пристрастія къ какой-либо партіи или сектѣ. Эта жажда истины даетъ его сочиненіямъ большое значеніе и для современнаго общества. Въ заключеніе лекторъ совѣтуетъ нѣмецкому юношеству высоко цѣнить «Натана», какъ образецъ правды, добра и красоты,—«они закаляютъ характеръ, поддерживаютъ мужество, неутомимую дѣятельность, — и помогаютъ вкладывать въ жизнь истинно нравственное содержаніе».

1860. Goldschmidt. Prediger der israelitischen Gemeinde zu Leipzig. Lessing's Bedeutung für die Juden Deutschlands. Rede zur ersten Lessing Feier in Leipzig gehalten. Freie Hefte des Leipziger Journals. — Авторъ еврей, разбирая значеніе «Натана» для евреевъ, между прочимъ заявляетъ, что этой драмой Лессингъ нѣмецкимъ евреямъ подарилъ нѣмецкое отечество. Въ 1863 году авторъ вернулся къ тѣмъ же мотивамъ въ рѣчи въ день праздника въ честь Лессинга въ Каменцѣ. Рѣчь эта приведена не совсѣмъ вѣрно въ описаніи этого праздника. 1863. Beck. Das Lessingfest zu Kamenz.

1861. Gottschall. Rud. Die deutsche Literatur in der ersten Hälfte des XIX-en Jahrh.—Literar-historisch und critisch dargestellt. Breslau.—Среди восторженнаго отзыва о «Натанѣ», авторъ говоритъ между прочимъ и о жизненной правдѣ драмы, приковывающей зрителя въ театральномъ исполненіи.

1861. Deutinger. Ueber das Verhältniss der Poësie zur Religion. 5 Vorlesungen. München.—Въ пятой лекціи авторъ говоритъ о Лессингѣ и о «Натанѣ».

1861. Ueber Lessing's Nathan. Königsberger Sonntagspost. № 14—21. — Рядъ лекцій, изложенныхъ при печатаніи, въ весьма сокращенномъ видѣ, отчего основныя идеи критики недостаточно выяснены. Авторъ видитъ въ Натанѣ человѣка сильно религіознаго, горячаго приверженца прогрессирующаго мозаизма, какимъ былъ философъ Мендельсонъ. При этомъ идеи гуманности въ Натанѣ будто бы выработаны какой-то внутренней работой, самопроизвольно, а не вліяніемъ жизни. Дервишу дается почетное мѣсто въ критикѣ, какъ личности, которая должна остальныхъ лицъ драмы изъ области абстрактныхъ разсужденій направить на житейскую взаимную помощь. Вообще, въ критикѣ чуется желаніе оригинальнаго и реальнаго разбора, который, однако, остается туманнымъ, а мѣстами даже и путанымъ.

1862. Hebler. Lessing's-Studien. Bern.—Семь статей, касающихся главнымъ образомъ теологическихъ и философскихъ сочиненій Лессинга.—Первая изъ нихъ посвящена сопо-

ставленію «Натана Мудраго»—съ книгой «Воспитаніе рода человѣческаго».—Авторъ оспариваетъ мнѣнія Вакернагеля и Штирма, заявлявшихъ, что будто въ «Натанѣ» всѣ три религіи поставлены на одну доску, чего нѣтъ въ другихъ сочиненіяхъ Лессинга и особенно въ «Воспитаніи рода человѣческаго»,—гдѣ прямо христіанская религія выставляется, какъ ступень развитія относительно іудейской. — Геблеръ доказываетъ несправедливость этого мнѣнія, проводя аналогію двухъ помянутыхъ сочиненій.

1862. Hagenbach. Kirche und Schauspiel. Eine culturgeschichtliche Zeitfrage. Protest. Monatsbl. — Авторъ, относясь съ уваженіемъ къ «Натану», отрицаетъ однако то значеніе, которое придаютъ драмѣ другіе критики, и не считаетъ ее вкладомъ въ репертуаръ театра.

1862. Kayserling. Moses Mendelsohn. Sein Leben und seine Werke. Leipz. — Авторъ заявляетъ, между прочимъ, какъ много знакомство съ Мендельсономъ отразилось въ созданіи «Натана». Проводится краткая параллель между Натаномъ и Мендельсономъ. — Про драму вообще говорится, что ни одно произведеніе такъ сильно не вліяло на достиженіе евреями равноправности въ Германіи, какъ «Натанъ». Есть еще брошюра (на коей годъ не означенъ, а у Наумана о ней не упоминается), имѣющая нѣчто общее съ соч. Кайзерлинга. Эта брошюра носитъ громкое названіе: Moses Mendelson als Urbild von Lessing's Nathan d. W.—Vortrag v. F. Albrecht. — Лекція эта однако заключается по преимуществу въ поворхностномъ рефератѣ «Натана», главная же цѣль ея—доказательство того, что Мендельсонъ былъ прототипомъ Натана—упоминается почти вскользь, всего на двухъ страничкахъ изъ 24.

1862. Oltrogge. C. Geschichte der deutschen Dichtung. Leipz.

1862. Strauss. Hermann Samuel. Reimarus und seine Schutzschrift für vernünftige Verehrer Gottes. Leipzig.

Особенно много сочиненій о Натанѣ появилось въ 1863 г.

1863. Essais de philosophie et d'histoire réligieuse, par Michel Nicolas. Paris. (Le conte des trois anneaux). — Въ числѣ другихъ статей, небольшое, но весьма интересное изслѣдованіе варіантовъ сказки о трехъ кольцахъ. Это сочиненіе, хотя и французскаго автора, я ставлю здѣсь, какъ имѣющее только общее и косвенное отношеніе къ драмѣ «Натана».

1863 Storch. L. Der Ring des Salomo. Prolog zu Lessing's Nathan d. W.—Gartenlaube № 5.—Стихотвореніе.

1863. Dünzer — Heinrich. Lessing's Nathan der Weise, erläutert. — Также, какъ и у Нимейера, подробное разъясненіе драмы, чему тоже предпослана статья касательно исторіи созданія Натана и появленія драмы въ печати и на сценѣ. Разъясненіе сдѣлано тоже изъ сцены въ сцену, но не такъ, какъ у Нимейера. Дюнцеръ просто излагаетъ прозаическимъ разсказомъ сперва вкратцѣ общее содержаніе каждаго дѣйствія и явленія, потомъ въ подробности каждое явленіе; такимъ образомъ лаконическія фразы, не всегда ясныя выраженія, образныя, метафорныя, замѣняются разъяснительнымъ разсказомъ. Болѣе мелкія подробности историческія и грамматическія примѣчанія, а также и указанія на ошибки другихъ критиковъ приводятся въ выноскахъ. Главная особенность этой книги заключается въ томъ, что авторъ все время старается сопоставлять окончательно обработанное произведеніе съ первоначальнымъ его планомъ; такимъ образомъ передъ глазами читателя наглядно рисуется вся картина творчества Натана. Съ разъясненіями Дюнцера однако, также какъ и съ Нимейеровыми, не всегда можно согласиться. Въ концѣ книги приведена, впрочемъ, весьма краткая и довольно слабая характеристика дѣйствующихъ лицъ пьесы. Книга эта составляетъ 34 и 35 выпуски разъясненій нѣмецкихъ классиковъ (Гёте, Шиллера, Гердера и др.). Изданіе нѣсколько разъ повторено, послѣднее 1883 г.

1863. Rönnefahrt. Lessing's dramatisches Gedicht Nathan der Weise, aus seinem Inhalte erklärt. Stendal.—Довольно объемистая книга въ 180 стр., разбирающая драму Лессинга по преимуществу съ художественной стороны. Суховатый и кропотливо схоластическій разборъ, понятіе о которомъ можетъ дать одно оглавленіе его содержанія: «Обзоръ и указанія характеровъ и дѣйствія (по актамъ). — Трагичность содержанія. 1) Экспозиція (1 дѣйствіе). 2) Коллизія (2 дѣйствіе). 3) Перепетія (3 дѣйствіе). 4) Эволюція (4 дѣйствіе).

5) Катастрофа (5 дѣйствіе). — Развязка трагичнаго введеніемъ истинно христіанскаго порядка вещей.—Всемірно-историческое значеніе вещи.—Идея, лежащая въ основаніи драмы.— Художественная форма, въ которую животворная идея запечатлѣла основной матеріалъ».— Содержаніе книги, впрочемъ, далеко не отвѣчаетъ этимъ громкимъ названіямъ.—Мѣстами сочиненіе пересыпано интересными историческими ссылками.

1863. Strauss. D. F. Nathan d. W. — ein Vortrag. Berlin. — Лекція, прочитанная въ 1863 г. и напечатанная въ журналѣ: Deutsche Jahrbücher für Politik und Literatur, а потомъ (1864) отдѣльной брошюрой. Блестящая эта лекція обнимаетъ моментъ возникновенія «Натана», указаніе на его источники, изложеніе содержанія и краткій критическій разборъ лицъ и основныхъ идей драмы. При разборѣ лицъ, авторъ указываетъ на историческую вѣрность и ошибки ихъ художественнаго выполненія. Новое изданіе въ 1877 г.

1863. Bilz. K. Dramatische Studien, drei Hefte. Potsdam.—Бильцъ во второй тетради своего сочиненія—(II Ueber tipische Characterzeichnung im Drama), опровергая мнѣніе Гервинуса, старается доказать, что характеры въ «Натанѣ» безцвѣтны и не могутъ быть предметомъ драматическаго сочиненія; что главная черта ихъ повальная вѣротерпимость и будто-бы, при такомъ единствѣ воззрѣній, лица не могутъ придти къ драматическимъ столкновеніямъ. (Сравни главу V моей статьи Лесс. и его Н.). Односторонне и невѣрно комментируя сказку Боккаччіо, Бильцъ говоритъ, что у итальянскаго писателя личности султана и еврея типичнѣе, чѣмъ у Лессинга. Какъ ни ничтожны и слабы высказанныя у Бильца воззрѣнія, они нашли себѣ тоже поклонника, напечатавшаго сочувственный и хвалебный рефератъ этихъ воззрѣній въ журналѣ: Berliner-Revue, redig. v. Mörner. Berlin. 1863.

1863. Nathan der Weise. Rechtvertigung Lessing's gegen Einen seiner Vertheidiger.— Evangelische Kirchenzeitung. Berlin. № 42.—Жиденькая статейка узкопротестантской окраски, направленная противъ лекціи Штрауса о «Натанѣ». Критикъ объявляетъ, впрочемъ, совсѣмъ бездоказательно, отрицательными характерами лучшія личности драмы, а патріарха характеромъ дѣланнымъ и искусственнымъ. Авторъ думаетъ доказать, что Лессингъ не раздѣляетъ мнѣній своего Натана, вопреки категорическому заявленію самого Лессинга.

1863. Schwarzkopf. A. Schakspeare in seiner Bedeutung für die Kirche unserer Tage. Ein Vortrag. — Въ томъ же родѣ дѣлаетъ курьёзное заявленіе и Шварцкопфъ. Въ лекціи своей, объявляя произведенія Шекспира цейхгаузомъ, полнымъ оружія противъ враговъ современной церкви, онъ видитъ въ борьбѣ Лессинга противъ драматическихъ сочиненій Вольтера заслугу не только относительно художественной правды, но и относительно церкви,—и за такую заслугу Шварцкопфъ прощаетъ Лессингу даже его «Натана».

1863. Beischlag. Wil. Lessing's Nathan d. W. und das positive Christenthum. Vortrag gehalten zu Halle den 5 März. — Болѣе тонко и осторожно, хотя и не ново выступаетъ противъ «Натана» профессоръ теологіи Бейшлагъ. Онъ относится къ «Натану» якобы весьма сочувственно, но при этомъ старается доказать, что принципы, высказываемые въ драмѣ, вытекаютъ исключительно изъ христіанской религіи, и что дѣйствующія лица ея, сообразно рѣчамъ своимъ, не могли придти къ таковымъ результатамъ, будучи воспитаны въ религіяхъ магометанской и еврейской. Такимъ образомъ подъ видомъ сочувствія Натану авторъ ратуетъ противъ основныхъ цѣлей пьесы. Впрочемъ, его доводы крайне слабы. Книжечка эта нашла однако тоже своего референта или подражателя въ лицѣ какого-то пастора маленькаго приморскаго городка Кранца (въ Пруссіи). Въ томъ же родѣ повторилъ Бейшлага пасторъ Гисе въ своей лекціи. Lessing, Nathan d. W. ein Conferenz Vortrag v. Giesse. 1866. Darmstadt.

Примѣръ совершенно противоположнаго, хотя тоже пасторскаго, сужденія представляетъ:

1863. Thomas. Nathan der Weise. Ein Vortrag im Unionsverein gehalten. Protestantische Kirchenzeitung. Berlin. 28 März 1863.—Лекція протестантскаго проповѣдника Плаца (псевд. Тома), вызванная тѣмъ, что новѣйшіе реформаторы еврейской религіи стараются доказать въ сочиненіяхъ Лессинга большую склонность къ еврейству, съ чѣмъ готовы согласиться и узкіе нетерпимые протестанты, радуясь, что могутъ хоть этимъ путемъ вредить сочиненіямъ автора, боровшагося противъ тупого гнета ихъ единомышленныхъ предшественниковъ. Плацъ, самъ протестантскій пасторъ, отстаиваетъ основныя положенія, вытекающія изъ

драмы Лессинга, какъ вполнѣ отвѣчающія религіи Христа. Въ заключеніе критикъ замѣчаетъ, что выборъ личности Натана среди евреевъ нисколько еще не показываетъ склонности Лессинга къ еврейству: «самъ Христосъ», говоритъ Плацъ, «ставилъ благодѣтельнаго самаритянина въ примѣръ іудеямъ, презиравшимъ самаритянъ и едва считавшимъ ихъ за людей, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ Христосъ ставилъ самаритянъ выше іудеевъ».

1864. Noch einmal Nathan d. W. Ewangel. Kirchenzeitung. № 64, 5, 6.—Статья одного изъ самыхъ откровенныхъ противниковъ «Натана». Авторъ заявляетъ, что недостатки драмы видны при поверхностномъ чтеніи ея, и старается по-своему объяснить яко бы удивительное явленіе, что «Натанъ» до сихъ поръ причисляется къ замѣчательнымъ произведеніямъ нѣмецкаго генія.

1864. Ueber Lessing und seinen Nathan d. W. Mittheilungen und Nachrichten für die Ewangelische Kirche in Russland.

1864. Fischer-Kuno. Lessing's Nathan d. W. Stuttg. — Книга, извѣстнаго профессора философіи и критика произведеній изящной литературы, состоитъ изъ одиннадцати главъ, заглавія коихъ указываютъ содержаніе каждой изъ нихъ: Вотъ онѣ: 1) Возникновеніе. 2) Мотивъ и идея (Лессингъ и Боккаччіо). 3) Задача и содержаніе дѣйствія. 4) Точка зрѣнія для обсужденія характеровъ. 5) Патріархъ. 6) Дайа. 7) Храмовникъ. 8) Служка. 9) Дервишъ. 10) Саладинъ и Зитта. 11) Натанъ и Рэха. Авторъ разсматриваетъ драму, исходя отъ основной идеи ея. Нѣкоторыя замѣчанія его очень мѣтки и интересны. Я указываю на нихъ въ моей статьѣ о «Натанѣ». Вообще это одинъ изъ лучшихъ разборовъ драмы Лессинга. Послѣдующія изданія книги вышли въ 1872, 1881 и 1896 годахъ.

1864. Seemann. O. Zum Streit über Lessing's Nathan. Nordische Revue. Leipz. — Авторъ сопоставляетъ статьи о «Натанѣ» Штрауса, Вольфсона, Бейшлага и де-Баранта (франц.).

Къ этому же времени принадлежатъ нѣсколько изданій, въ коихъ разборъ «Натана» вошелъ, какъ часть цѣлаго. Таковы:

1863. Bayer. J. Von Gottsched bis Schiller. Vorträge über die classische Zeit des deutschen Drama. Prag. — Лекціи по драматической нѣмецкой литературѣ за означенный періодъ времени (XVIII и начала IX стол.). — 4-я лекція посвящена Лессингу. Относительно Натана авторъ сверхъ обычныхъ восхваленій говоритъ, что эта драма носитъ отпечатокъ своего времени, именно философіи раціоналистовъ.

1863. Hahn. W. Geschichte der poet. Literatur der Deutschen. Berl.

1864. Kühne. G. Gesammelte Schriften. 4-e B. Deutsche Charactere. Leipz. — Въ высшей степени сочувственный отзывъ о «Натанѣ».

1864. Raumer. F. Handbuch zur Geschichte der Literatur. Leipz. — О «Натанѣ» говоритъ авторъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ, заявляя между прочимъ, что не только безумно-фанатическіе преслѣдователи за вѣру (Филиппъ II, Торквемада, Альба), но даже такіе люди, какъ Лютеръ, Кальвинъ и ихъ послѣдователи, могли бы кое-чему поучиться изъ драмы Лессинга.

1864. Schmidt. Jul. Geschichte des geistlichen Lebens in Deutschland von Leibnitz bis auf Lessing's Tod. Leipz. — Одинъ изъ самыхъ хвалебныхъ отзывовъ о драмѣ Лессинга не только со стороны идеи, но и со стороны художественной отдѣлки. Характеры по мнѣнію критика представляютъ живые типы. Маленькіе упреки драмѣ касаются подробностей.

1864. Hettner. H. Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrh. in 3 Th. — Это одно изъ обстоятельнѣйшихъ сочиненій по исторіи литературы, которая проводится параллельно съ исторіей общественнаго развитія. Во второй книгѣ 3-ей части, обнимающей германскую литературу XVIII-го столѣтія, подробное и интересное изложеніе дѣятельности и значенія Лессинга. Разборъ «Натана» тоже сдѣланъ отчетливо не только относительно общаго смысла драмы, но и относительно отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ.

1865. Diesterweg. A. Lessing's Nathan. Ein Spiegelbild neuerer Zeit. Jahrbuch für Lehrer und Schulfreunde. Frankfurt a. M. — Знаменитый педагогъ приводитъ, какъ примѣръ крайняго упадка гимназическаго воспитанія 1850-хъ годовъ, статью Кёпке о

неумѣстности чтенія «Натана» учениками гимназіи. Изложивъ курьёзныя мнѣнія Кёпке, Дистервегъ сопоставляетъ ихъ съ множествомъ восторженныхъ отзывовъ о «Натанѣ» знаменитѣйшихъ германскихъ авторовъ и съ лекціею объ этой драмѣ пастора Плаца (Тома), причемъ отстаиваетъ полезность чтенія драмы юношествомъ.

1865. Löbell. J. W. G. E. Lessing. Aus Bonnerer Vorlesungen.

1865. Schiller. Karl. Lessing im Fragmentstreite, nach Form und Inhalt seiner Polemik gewürdigt. Leipz. — Авторъ на основаніи различныхъ мѣстъ драмы Лессинга доказываетъ его нравственное величіе.

1866. Lessing's Nathan d. W. — W. K. — Статья въ педагогическомъ журналѣ: «Der practische Schulman. — Herausgegeben v. Lüben. Leipz. XV Heft. III. B. — Безцеремонная компиляція изъ книгъ о «Натанѣ»—Штрауса и К. Фишера безъ указанія источниковъ.— Авторъ беретъ цѣликомъ фразы, періоды и цѣлыя страницы тò изъ той книги, то изъ другой, мѣстами ихъ перефразируя и склеивая только небольшими абзацами собственной стилистики.

1867. Paldamus. Fr. und S. Kurz. Deutsche Dichter und Prosaisten nach ihrem Leben geschildert. Leipz.

1867. Spielhagen. Fr. Faust und Nathan. Ein Vortrag. Berl. — Авторъ проводитъ весьма остроумную параллель между двумя знаменитѣйшими произведеніями нѣмецкой драматической литературы; а также и параллель между отдѣльными дѣйствующими лицами обѣихъ пьесъ: Натанъ и Фаустъ, Рэха и Гретхенъ, Дайа и Марта и т. д.

1869. Karo. J.—Profes. Lessing und Swift.—Eine Studie über Nathan d. W. Jena.— Курьёзное изслѣдованіе источниковъ, отъ которыхъ—и путей, по которымъ Лессингъ будто бы пришелъ къ созданію какъ эпизодической части «Натана», такъ и характеровъ лицъ.

1869. Modlinger. S.—Lessing's Verdienste um das Judenthum. Francf. a. M.—Авторъ (еврей) разбираетъ ком. Лессинга «Евреи» — и драм. стих. «Натанъ Мудр.», ставя себѣ цѣлью указать значеніе этихъ сочиненій для евреевъ, а также приводя данныя, на основаніи которыхъ еврейство можетъ выработать симпатичные еврейскіе характеры, выведенные Лессингомъ въ помянутыхъ пьесахъ. — Изъ всѣхъ сочин. подобнаго рода, писанныхъ евреями о «Натанѣ», изложеніе Модлингера самое обстоятельное.

1870. O. Heinemann. Zur Erinnerung an Lessing.

1874. Carriere. Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwicklung. — Fünfter Band. Das Weltalter des Geistes im Anfange. — Одна изъ главъ этого тома въ простой и яркой формѣ выставляетъ Лессинга, какъ реформатора нѣмецкой литературы, вліявшаго своею дѣятельностью и на весь прогрессъ всеобщей литературы.—Значеніе Лессинга очерчено кратко, но полно. «Натанъ» разсматривается, какъ драма умиротворяющая—(Versöhnungsdrama);—впрочемъ, изложеніе о Натанѣ слабѣе общаго изложенія о его авторѣ.

1877. Hebler. Lessingiana.

1877. A. Perls. Streifzüge. Leipz. Рядъ мелкихъ статей по исторіи литературы. Между прочимъ краткая статья о Натанѣ. Авторъ отстаиваетъ христіанскія основы драмы.

1877. E. Trosien. Lessing's Nathan d. W. Berlin. — 263-я тетрадь собранія популярно-научныхъ изложеній, изданія Руд. Вирхова и Фр. Ф. Гальцендорфа. Трозіенъ заявляетъ очевидную несостоятельность мнѣнія, будто Лессингъ въ Натанѣ хотѣлъ сравнить три религіи; драмой своей (по словамъ автора) Лессингъ учитъ насъ вникать въ глубокій внутренній смыслъ каждой религіи вообще, и присущее религіямъ проявленіе любви къ людямъ. Съ этой точки зрѣнія и предлагается разсматривать «Натана», постоянное перечитываніе котораго рекомендуется въ виду его благотворнаго нравственнаго вліянія.

1878. Maas. Lessing's Einfluss auf die geistige Bewegung seiner Zeit.

1878. A. Schöne. Lessing und seine Biographie.

1878. P. Haffner. Eine Studie über Lessing. Köln. Очень странное сочетаніе преклоненія передъ дарованіями Лессинга и легкомысленной развязности при обсужденіи его дѣятельности. 27 страничекъ книги составляютъ (въ 12 главахъ) бѣглый обзоръ жизни Лессинга; остальныя 65 стр.—критику его произведеній. Относительно «Натана» авторъ признаетъ громадное вліяніе драмы на нѣмецкій народъ, но считаетъ ее тенденціозной вещью массонства, порожденной ненавистью (?). Вообще авторъ относится (на 6 стр.)

уничтожающимъ образомъ ко всѣмъ достоинствамъ «Натана». Книга Гафнера интересный примѣръ беззастѣнчивой поверхностной критической болтовни, обличающей большую самоувѣренность въ авторѣ.

1878. E. Brenning. Lessing als Dramatiker und Lessing's Nathan d. W. Bremen. Двѣ лекціи; вторая посвящена исключительно Натану, первая—другимъ пьесамъ Лессинга. Авторъ приписываетъ неувядаемость драмы Лессинга постоянной въ ней свѣжести мысли, неисчерпаемой молодости,—безграничному идеализму. Высоко ставя Натана, авторъ дѣлаетъ пьесѣ нѣсколько упрековъ, ничего, впрочемъ, оригинальнаго не представляющихъ.

1879. E. Sulze. Lessing's Bedeutung für die Entwiklung des deutschen Geistesleben. Торжественная рѣчь по случаю 150-лѣтней годовщины рожденія Лессинга, сказанная пасторомъ Зульце 22 янв. 1879 г. въ ратушѣ города Каменца. Лекторъ (какъ прежде его Гейне) называетъ Лессинга продолжателемъ Лютера въ дѣлѣ пробужденія нѣмецкаго народнаго развитія. Рѣчь написана искренно и тепло.

1879. E. Lehmann. Lessing in seiner Bedeutung für die Juden. Dresden. Лекція, прочитанная въ Мендельсоновскомъ собраніи, въ Дрезденѣ, по случаю 150-лѣтія со дня рожденія и 100-лѣтія со дня смерти Лессинга. Лекторъ выставляетъ громадное измѣненіе взглядовъ на еврейскую націю въ Германіи и приписываетъ это въ значительной мѣрѣ трудамъ Лессинга. Первымъ заступничествомъ за евреевъ лекторъ считаетъ заступничество Рейхлинга и Лютера (въ XVI-мъ ст.), но главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи считаетъ Лессинга, указывая на его сочиненія въ этомъ направленіи: пьесы «Евреи», «Натанъ»—и др. произвед.

1879. Lessing—Mendelsohn Gedenkbuch. Книга издана въ Лейпцигѣ нѣмецко-еврейскимъ обществомъ, по случаю полуторастолѣтней годовщины рожденія Лессинга и Мендельсона. Книга состоитъ изъ ряда статей и стихотвореній различныхъ писателей, старающихся подчеркнуть близость нравственныхъ основъ христіанина Лессинга—и еврея Мендельсона. Въ числѣ другихъ тутъ напечатаны статьи: Вюнше про первообразы сказки о трехъ кольцахъ, и Бодека, приводящаго мнѣнія различныхъ писателей, отчего Лессингъ сдѣлалъ своего Натана евреемъ.

1879. A. Stradtmann. Lessing, ein Lebensbild. Nach J. Sime. Berlin. Біографія Лессинга, написанная англійскимъ писателемъ Саймомъ. Переводъ на нѣмецкій языкъ и при этомъ нѣкоторая переработка сочиненія сдѣланы Штрадманомъ. Въ одной небольшой книгѣ въ 443 стр. убористой печати популярное изложеніе жизни Лессинга, его характера и литературной дѣятельности.

1880. H. Zimmern. Lessing's Leben und Werke. Deutsch v. M. Claudi. Біографія Лессинга въ двухъ томахъ англійскаго писателя Циммерна, переведенная и разработанная для нѣмецкихъ читателей Клауди. Издатель (какъ говоритъ въ предисловіи) счелъ интереснымъ напечатать переводъ въ виду популярности и ясности изложенія, чтобъ дать массѣ читателей возможность познакомиться съ жизнью Лессинга и его сочиненіями въ легкомъ занимательномъ чтеніи.

1880. R. Gosche. Lessing's Leben. Berlin.

1880. A. Buttmann. Lessing's Nathan d. W. Статья въ газетѣ «Vossische Zeitung— № 27—8.

1881. Fischer Kuno. — Lessing als Reformator der deutschen Literatur. Сжатое, но яркое изложеніе того состоянія нѣмецкой литературы, которое засталъ Лессингъ, и громаднаго значенія трудовъ Лессинга въ дѣлѣ преобразованія литературы его отечества. Проф. Фишеръ болѣе подробно останавливается на разборѣ пьесъ: Минна фонъ-Барнгельмъ, Фаустъ (отрывки), Эмилія Галотти,—(и особенно) Натанъ Мудрый. Послѣднему произведенію посвящена половина всего сочиненія; здѣсь однако авторъ частью повторяетъ данныя, высказанныя въ его отдѣльной книгѣ о Натанѣ. Сочиненіе это напечатано и въ русскомъ переводѣ Н. П. Рассадина, подъ заглавіемъ: Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Москва 1882 г.

1881. C. K. Pabst. Vorlesungen über Lessing's Nathan d. W. Лекціи умершаго профессора Бернской высшей школы (университета). Первая половина книги разсматриваетъ дѣятельность Лессинга въ области литературы философской, теологической и политической,—

а также изданіе Вольфенбютельскихъ отрывковъ и споръ Лессинга съ Гёце. Вторая (бóльшая) половина разбираетъ драму «Натанъ Мудрый».—Авторъ приступаетъ къ этому разбору «какъ ко входу во храмъ, къ которому предыдущее изложеніе было только трудной подымающейся въ гору дорогой». Драма разбирается съ глубокимъ благоговѣніемъ, какъ одно изъ самыхъ выдающихся произведеній литературы.

1881. J. Claassen. Lessing's Leben und ausgewählte Werke im Lichte der christlichen Warheit. Gütersloh. Два тома; въ первомъ описывается жизнь Лессинга, во второмъ разбираются его сочиненія. Авторъ относится къ Лессингу съ величайшимъ уваженіемъ, признавая его большія дарованія, мужественную твердость и честность характера, но въ то же время считаетъ его религіозные взгляды заблужденіемъ, оспариваетъ ихъ, жалѣетъ, заявляя даже, что Лессингъ тутъ грѣшитъ, не вѣдая, что творитъ. Про Натана Классенъ говоритъ: «это произведеніе своею кажущейся терпимостью, духомъ гуманности и благородной рѣчью, болѣе всякаго другого сочиненія, прославило Лессинга въ глазахъ безвѣрующаго и полувѣрующаго, а потому и легко одурачиваемаго свѣта». Въ такомъ родѣ написана вся книга. Вообще, при извѣстной узости и односторонности религіозныхъ воззрѣній Классена, книги его написаны въ приличномъ и серьезномъ тонѣ.

1881. Lessing's Vermächtniss. Reichenbach. Анонимный ортодоксальный авторъ нападаетъ на религіозныя стороны сочиненій Лессинга. Признавая высокія литературныя заслуги Лессинга, даже литературную отдѣлку тѣхъ сочиненій, противъ которыхъ возстаетъ, авторъ ратуетъ только противъ теологическихъ воззрѣній Лессинга; съ этой точки зрѣнія и противъ Натана, считая такія сочиненія красивымъ плодомъ, но неудобнымъ для пищи.

1881. J. Fürst. Lessing's Nathan d. W. Leipzig.—Авторъ этой брошюры, высказывая большое восхищеніе Лессингомъ, находитъ, что «въ Натанѣ Лессингъ слѣдовалъ не самостоятельно возникшему въ немъ ходу мыслей, а скорѣе дѣлалъ выводъ умственныхъ трудовъ двухъ столѣтій». Авторъ, однако, очень поверхностно старается это доказать. Сочувственное указаніе на удачный выборъ времени дѣйствія въ Натанѣ и разборъ лицъ повторяютъ сказанное другими.

1881. H. Dederich. G. E. Lessing der Apostol der Denkenfreiheit. Leipzig.—Лекціи, прочитанныя въ Кёльнѣ въ 1877—78 г. не безъ полемическихъ намековъ. Самое заглавіе брошюры «Апостолъ свободомыслія» показываетъ, какъ авторъ относится къ Лессингу и Натану.

1881. H. Göring. Lessing's Leben. Stuttgart.—Краткая компилятивная біографія Лессинга, ничего не говорящая о его произведеніяхъ—и въ значительной мѣрѣ состоящая изъ приведенныхъ въ ней писемъ, какъ самого Лессинга, такъ и другихъ лицъ къ нему.

1881. Festblatt zum 8 September 1881. Hamburg.—Спеціальная тетрадь, выпущенная по случаю открытія памятника Лессингу въ Гамбургѣ. Бѣглый обзоръ его жизни, много иллюстрацій: портретовъ, видовъ стараго Гамбурга и т. п., впрочемъ, иллюстраціи сдѣланы весьма грубо. Факсимиле разныхъ лицъ.

1881. Auerbach. Die Genesis des Nathan.

1881. Rülf. Lessing als Held der Aufclärung.

1881. A. Riehl. G. E. Lessing.—Рѣчь, произнесенная въ Грацѣ по случаю столѣтней годовщины смерти Лессинга. Краткое изложеніе жизни и сочиненій Лессинга. Лекторъ находитъ истинное безсмертіе писателя въ томъ, чтобы его потомки продолжали развивать высказанныя имъ нравственныя основы, и прилагаетъ это къ Лессингу.

1881. J. Cropp. Lessing Streit mit Hauptpastor Göze. Berlin.—Статья въ журналѣ Гольцендорфа «Deutsche Zeit—und Streit-Fragen». Тщательное изложеніе спора Лессинга и Гёце, а также религіозныхъ взглядовъ, предшествовавшихъ сочиненію Реймаруса и породившихъ его.

1881. E. Cauer. Zum Andenken an Lessing. Berlin.—Лекція о значеніи Лессинга въ нѣмецкой литературѣ.

1881. O. Hammann. Zur Rettung Lessing's. Berlin.—Полемическое отстаиваніе Лессинга противъ тѣхъ изъ статей (вызванныхъ столѣтнею годовщиной смерти Лессинга), въ коихъ главною заслугою автора Натана выставлялось его заступничество за евреевъ.

1882. H. Dünzer. Lessing's Leben. Leipzig.—Добросовѣстное и послѣдовательное изло-

женіе жизни Лессинга и его дѣятельности изъ года въ годъ, безъ всякой критики. (Года помѣчены на поляхъ каждой страницы). Дюнцеръ, издавшій нѣсколько книжечекъ спеціальныхъ поясненій главныхъ произведеній Лессинга, здѣсь по преимуществу держится фактической стороны. Книга написана очень интересно и популярно (665 стр.) въ десяти частяхъ, и украшена 45 иллюстраціями портретами разныхъ лицъ, факсимиле писемъ и т. п.

1882. E. Borgius. Lessing's Nathan und der Mönch von Libanon. Barmen.—Перепечатка вышепомянутой пьесы Пфрангера «Ливанскій монахъ». Боргіусъ. (пасторъ ц. св. Николая во Франкфуртѣ) предпосылаетъ перепечаткѣ статью о пьесѣ Пфрангера, гдѣ сопоставляетъ ее съ Натаномъ Мудрымъ. Статья написана въ духѣ боязливыхъ, постоянно оговариваемыхъ нападокъ на Лессинга.

1882. Bloch. Quellen und Parallelen zu Lessing's N. d. W.

1882. E. Melzer. Lessing's philosophische Grundanschaungen. Neisse.—Авторъ разбираетъ вліяніе Лейбница и Спинозы на философскія воззрѣнія Лессинга, остающіяся при этомъ все-таки самостоятельными.

1883. A. v. Seventorn. Lessing in Wolfenbüttel. Autentische Beiträge zum Leben Lessing. Leipzig.—Разсказъ, имѣющій цѣлью выставить, какъ энергичный, честный и добрый характеръ Лессинга, такъ и ту среду, въ которой вращался въ послѣдніе годы жизни авторъ Натана. Севенторнъ утверждаетъ, что книга его написана на основаніи не напечатанныхъ документовъ (дневникъ Лейзевица, его переписка съ женой, служебные документы правительственныхъ учрежденій). Разсказу вредитъ то, что онъ изложенъ въ видѣ довольно растянутой повѣсти, въ которой авторъ заставляетъ историческихъ лицъ разговаривать, спорить, что уничтожаетъ документальность разсказаннаго.

1883. H. Reinkens. Lessing über Toleranz. Leipzig.—Авторъ, католическій епископъ, въ двадцати шести письмахъ старается выяснить основные принципы терпимости, проповѣдуемые Лессингомъ. Авторъ видитъ ихъ въ высказанныхъ Лессингомъ (за 27 лѣтъ до созданія Натана) словахъ: «не согласованіе во мнѣніяхъ, а согласованіе въ добрыхъ дѣлахъ могло бы сдѣлать людей счастливыми», такимъ образомъ всякій споръ о догматахъ религіи отходитъ на второй планъ и даетъ епископу, да еще католическому, полную возможность оцѣнить достоинства драмы «Натанъ Мудрый».

1883. Braun. Lessing im Urtheile seiner Zeitgenossen.

1885. Briefwechsel zwischen Lessing und seiner Frau.

1886. Lessing's Briefe, nebst Nachträge. Двѣ части.

1886. Dr. H. Heinemann. Schylock und Nathan.—Лекція, прочитанная въ обществѣ изученія еврейской исторіи и литературы во Франкфуртѣ,—представляетъ болѣе обычное отстаиваніе нравственныхъ качествъ еврейскаго племени, чѣмъ какое-либо литературное изслѣдованіе. Авторъ между прочимъ утверждаетъ, что Шекспиръ вовсе не зналъ еврейской національности.

1887. Becker. Johann Melchior Göze und Lessing .Flensburg.—Лекція, прочитанная пасторомъ Бекеромъ, по случаю столѣтія со дня смерти Гёце. Лекторъ старается возстановить добрую память о Гёце, сильно поврежденную его споромъ съ Лессингомъ. Отстаивается начитанность Гёце, приводятся два-три мѣста изъ его полемики съ Лессингомъ, при чемъ высказываются весьма поверхностныя указанія на яко бы справедливость доводовъ Гёце.

1888. Spicker. Lessing's Weltanschauungen.

1890. I. Brunner. Lessingiasis und Nathanologie. Paderborn.—Объемистая книга въ 370 стр., раздѣленная на 172 маленькія главы; сборникъ наглой лжи и площадной брани противъ Лессинга и лучшихъ представителей нѣмецкой литературы, восхищающихся имъ. Достаточно прочитать оглавленіе главъ этой книги, чтобъ чувствовать тонъ ея содержанія. Напримѣръ: Вознесеніе Лессинга на небо до головокружительной высоты.—Какъ поклонники Лессинга стараются оправдать его ложь и увертки.—Всѣ несогласные съ теологіей Лессинга объявляются дураками или мошенниками.—Лессингъ присвоиваетъ себѣ чужую литературную собственность. Какъ Э. Шмидтъ (профессоръ) и Давидъ Штраусъ разснащены (abgetakelt) атеистомъ за ихъ тупоумное Лессингіанство и т. п. Книга Бруннера интересна только, какъ доказательство общаго восторженнаго преклоненія передъ Лессингомъ всего

германскаго народа и его выдающихся умовъ; такъ какъ это преклоненіе могло довести жалкаго антагониста Лессинга даже до такого откровеннаго, себѣ во вредъ, бѣшенства, что онъ не постыдился это высказать печатно и не остановился передъ трудомъ написать и передъ расходомъ издать цѣлую книгу пасквили, едва ли кѣмъ-нибудь раскупаемую.

1891. Albrecht. Lessing Plagiate. — Примѣръ заразителенъ, и Альбрехтъ превзошелъ Бруннера въ совершенно нелѣпыхъ обвиненіяхъ Лессинга въ плагіатѣ.

1892 (1 выпускъ 1884). Dr. Erich Schmidt. Lessing. Geschichte seines Leben und seiner Schriften. Обстоятельное ученое сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ, профессора сперва Вѣнскаго (1884), потомъ Берлинскаго (1892) университетовъ. Авторъ между прочимъ во всѣхъ отдѣлахъ подробно излагаетъ предшествовавшіе Лессингу элементы литературы, частью имѣвшіе соприкосновеніе съ его трудами, частью и порождавшіе ихъ. Въ этомъ отношеніи почтенный ученый мѣстами даже слишкомъ отдаляется отъ главной задачи своей книги, представляя иногда трактаты по литературѣ, хотя и весьма интересные сами по себѣ, но имѣющіе малое значеніе для сочиненій Лессинга. Таково, напримѣръ, его подробное изложеніе легендъ, аналогичныхъ со сказкой о трехъ кольцахъ.

1892. K. Werder. Vorlesungen über Lessing's Nathan. Berlin. Десять лекцій о «Натанѣ», прочитанныхъ въ Берлинскомъ университетѣ въ 1862, 1864 г.г. и позже. Признавая драму «Натанъ Мудрый»—самымъ совершеннымъ произведеніемъ нѣмецкой сцены лекторъ разбираетъ ее какъ художественное произведеніе. Онъ находитъ, что критики, увлекающіеся основными мотивами драмы и разсматривающіе ее, какъ, хотя и прекрасное, но дидактическое сочиненіе, недостаточно оцѣнили въ ней чисто художественное творчество автора. Съ этой точки зрѣнія Вердеръ выставляетъ на видъ и интересъ дѣйствія, и трогательное впечатлѣніе отъ всей фабулы, и типичность лицъ. Въ драматическомъ отношеніи лекторъ указываетъ на сцену служки и Натана въ 4-мъ дѣйствіи, какъ особенно выдающуюся. Въ этихъ лекціяхъ Вердера много оригинальнаго и искренно прочувствованнаго.

1893. Baumgartner, prof. Lessing's Nathan d. W. Coburg. — Брошюра. Краткое, крайне сочувственное изложеніе созданія драмы, не представляющее, впрочемъ, ничего новаго.

1894. B. Rothe. Erleuterungen zu Lessing's Werke. Breslau.—Маленькая книжечка учительницы въ женскихъ школахъ. Бѣглый комментарій преимущественно по К. Фишеру.

1895. P. Bard. Das untrügliche Kennzeichen der rechten Religion und Nathan d. W. Schwerin. Лекція. Избитое и весьма поверхностное разсужденіе о достоинствахъ христіанской религіи. Авторъ, видимо не понимая Натана, сопоставляетъ религіи между собой, говоритъ о ихъ историческомъ происхожденіи и вліяніи на вѣрующаго, что вовсе не составляетъ задачи Лессинга.

1895. A. Thoma. Das Studium des Dramas an Lessing's Meisterwerken.—Авторъ, учитель семинаріи въ Карлсруэ, старается доказать, что «Натанъ» почти исключительно произведеніе тенденціозное, поучающее, проповѣдующее, притомъ въ основахъ устарѣлое. Такое мнѣніе не мѣшаетъ однако въ то же время весьма восхвалять драму, находить, что лица ея писаны съ живыхъ людей, и что для большого количества публики идеи пьесы все-таки еще могутъ быть новы. Въ изложеніи не мало противорѣчій.

F. Albrecht. Moses Mendelsohn als Urbild von Lessing's Nathan d. W.—Брошюра (неизвѣстнаго мнѣ года) не совсѣмъ отвѣчаетъ заглавію, такъ какъ въ ней мало говорится о сопоставленіи Мендельсона съ Натаномъ, а болѣе въ общихъ чертахъ восхваляется драма.

Выписываю еще изъ Наумана слѣдующія сочиненія, коихъ года появленія не означены.

Bone. H. Deutsches Lesebuch für höhere Anstalten.—Авторъ не признаетъ ни одного изъ—какъ онъ выражается—«хваленыхъ» достоинствъ «Натана». Идея драмы, по его мнѣнію, религіозный индифферентизмъ,—характеры жидки и вялы до комичности. Науманъ замѣчаетъ, что этой книгой пользуются въ нѣкоторыхъ школахъ Австріи. Это должно быть масштабомъ, по которому можно судить объ такихъ школахъ,—прибавляетъ онъ.

Viehoff. H. Sprachlicher Commentar zu Lessing's Nathan. Archif für Unterricht im Deutschen. Eine Vierteljahrsschrift v. Viehoff.—Комментарій, однако, не идетъ далѣе первыхъ сценъ 2-го дѣйствія и ограничивается исключительно лингвистическими примѣчаніями.

Иностранныя сочиненія о Лессингѣ и переводы „Натана Мудраго".

«Натанъ» Лессинга весьма скоро, по выходѣ въ свѣтъ въ Германіи, былъ переведенъ на французскій языкъ. Этотъ первый переводъ принадлежитъ Фриделю и былъ напечатанъ въ 1783 году въ изданіи подъ общимъ заглавіемъ: Nouveau theatre allemand.—Драма обратила на себя вниманіе критики, но вскорѣ политическія событія значительно отдалили отъ нея читателей. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія напомнилъ о драмѣ Мари-Жозефъ Шенье, издавъ стихотворную передѣлку ея на фр. яз. (См. M. J. Chenier. Theatre posthume 1818). Передѣлка эта весьма интересна тѣмъ, что носитъ на себѣ яркій отпечатокъ, какъ въ головѣ французскаго писателя, еще полнаго традиціонной драматургіи Корнеля, Расина, Вольтера,—отпечаталось произведеніе Лессинга. Это «Натанъ», втиснутый въ рамки французской ложно-классической трагедіи старыхъ временъ. Драма Шенье передѣлана въ три акта; имена дѣйствующихъ лицъ всѣ, кромѣ Натана и Саладина, измѣнены, сообразно французскому вкусу (храмовникъ сдѣланъ французомъ; его называютъ Оливье-де-Монфоръ, Патріархъ—дом-Тремендо, Рэха—Зоя, Дайа—Бригитта;—Зитта и дервишъ совсѣмъ исключены). Подгоняя драму къ пресловутымъ правиламъ единства мѣста и времени, авторъ ведетъ дѣйствіе все предъ домомъ Натана, съ отдаленнымъ видомъ на гору Ѳаворъ, и сюда приводитъ онъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.—За симъ Шенье выкраиваетъ свою драму по Лессинговой только въ той мѣрѣ, въ какой она помогаетъ ему для интриги дѣйствія или даетъ случай говорить эффектныя фразы и монологи. Такъ, напр., сцена разговора о спасеніи Рэхи въ I д. составляетъ у Шенье исключительно только изложеніе дѣйствія (приступъ къ пьесѣ); характеръ типичной поучительности Натана совершенно утраченъ и заключительныя строки Натана: «Пойми же, насколько легче набожно мечтать и проч.»—совсѣмъ выкинуты. Всякая типичная характерность лицъ исчезла подъ перомъ Шенье: всѣ только говорятъ трескучія рѣчи на французско-трагическій ладъ; даже служка. На эту фразистость Шенье не скупится и вплетаетъ свои изреченія на каждомъ шагу; въ дѣлѣ любовныхъ объясненій авторъ дѣлается особенно словоохотливъ, тутъ ужъ онъ вписываетъ цѣлые монологи. Несмотря однако на всѣ эти трагическія наклонности, Шенье закончилъ свое произведеніе, какъ самую истую буржуазную мелодраму, благополучнымъ бракосочетаніемъ. Сперва-то дѣло идетъ, какъ у Лессинга—храмовникъ и Рэха оказываются братомъ и сестрой; но потомъ являются новыя свѣдѣнія отъ служки и оказывается, что Рэха—дочь самого Саладина, а храмовникъ—сынъ брата Саладина, Ассада; итакъ онъ двоюродный братъ Рэхи, и потому бракъ ихъ возможенъ.—Повторяю: это отраженіе серьезнаго строгаго художественнаго произведенія въ кривой поверхности зеркала французскихъ драматическихъ правилъ имѣетъ своеобразный историко-литературный интересъ.—Передѣлка Шенье вызвала другую подобную же: Cubière Palmezeau: Nathan le sage ou le juif philosophe, comédie heroique en 3 actes et en prose. Paris 1806.—Слѣдующій за симъ переводъ принадлежитъ барону де-Баранту.—(Baron de Barant, Nathan le sage.—Theatre etranger). Это переводъ прозаическій, тщательный и добросовѣстный, но сдѣланъ видимо безъ всякой любви къ дѣлу и уваженія къ оригиналу, на что указываетъ, между прочимъ, и весьма одностороннее и поверхностное предисловіе къ драмѣ переводчика. Барантъ сдѣлалъ переводъ, какъ знающій работникъ, не вложивъ въ него ни даже искорки личнаго творчества и поэзіи. Мѣстами переводъ не безъ ошибокъ.—Болѣе передаетъ духъ подлинника переводъ Гирша. (1863—Herman Hirsch. Nathan le sage, par G. E. Lessing. Avec preface de François Favre. Paris. Dentu).—Маленькая книжечка эта украшена эпиграфомъ изъ Дидеро: «J'aime la philosophie qui relève l'humanité»: она издана людьми, понимающими значеніе Лессинга и сочувствующими его стремленіямъ. Переводъ сдѣланъ красивымъ поэтическимъ языкомъ, хотя въ прозѣ и не соблюдая восточную метафоричность стилистики Лессинга. Въ предисловіи Фавра, очень короткомъ, говорится болѣе о самомъ Лессингѣ и о драмѣ вообще, чѣмъ о «Натанѣ». Авторъ отстаиваетъ значеніе пьесъ религіозныхъ и тенденціозныхъ и указываетъ на дѣятельность Лессинга, какъ дающую методъ труда.—Въ 1870 году вышелъ новый прозаическій переводъ «Натана» въ собраніи драматическихъ сочин. Лессинга—Ф. Салля (F. Salles. Théatre complet de Lessing, avec une etude critique. Paris, librairie

international). Три тома, въ коихъ собраны всѣ до нѣкоторой степени выдающіяся пьесы Лессинга. Надъ этимъ трудомъ переводчикъ проработалъ годъ и сдѣлалъ это такъ-сказать коммерческимъ образомъ. Предисловіе его не имѣетъ никакого значенія: оно состоитъ изъ общихъ фразъ и самыхъ поверхностныхъ, всѣмъ извѣстныхъ, сообщеній о Лессингѣ. Переводъ «Натана» сдѣланъ наскоро и небрежно, онъ полонъ ошибокъ; но что замѣчательно: ошибки эти встрѣчаются не въ труднѣйшихъ мѣстахъ драмы, а въ наиболѣе легкихъ. Это, между прочимъ, доказываетъ, что, добросовѣстно работавъ, авторъ могъ бы сдѣлать очень хорошій переводъ, но онъ постарался только тамъ, гдѣ переводъ представлялъ нѣкоторыя трудности, въ остальныхъ же мѣстахъ слишкомъ понадѣялся на себя.—Въ 1874 году академическая книжная торговля Дидье издала небольшой томъ переводовъ подъ общимъ заглавіемъ: Theatre choisi de Lessing et de Kotzeboue. Первое мѣсто въ этой странной амальгамѣ двухъ далеко не одинаковыхъ нѣмецкихъ драматурговъ занимаетъ перепечатка перевода «Натана» де-Баранта, чему предпосланы мнѣнія о драмѣ, какъ переводчика, такъ и г-жи Сталь.

Французскія критическія сочиненія о Лессингѣ и «Натанѣ» немногочисленны, тѣмъ не менѣе довольно интересны. Сочиненіе Гейнриха, профессора иностранныхъ литературъ въ Ліонѣ (Histoire de litterature allemande par G. A. Heinrich. 1870. Franc.) есть полный курсъ нѣмецкой литературы, написанный французомъ. Значеніе Лессинга однако очерчено авторомъ не такъ отчетливо, какъ можно было бы ожидать. Какъ французъ, требующій на сценѣ прежде всего движенія во что бы то ни стало, Гейнрихъ мало цѣнитъ «Натана»; возставая противъ тенденціозныхъ и разсудительныхъ пьесъ, авторъ говоритъ, что Лессингъ еще у Вольтера могъ бы замѣтить недостатки такого рода произведеній. Главнымъ достоинствомъ «Натана» авторъ ставитъ употребленіе ямбическаго стиха. Въ концѣ книги, въ приложеніи, Гейнрихъ дѣлаетъ прозаическій переводъ сцены съ разсказомъ о трехъ кольцахъ. Къ сочиненіямъ спеціальнымъ о Лессингѣ принадлежитъ прежде всего книга Крузле, о которой упоминаютъ всѣ другіе писатели, когда дѣло идетъ о біографической сторонѣ Лессинга: Lessing et le gout francais en Allemange. Thèse par L. Crouslé. Paris-Durand. 1863. Біографія эта, впрочемъ, весьма поверхностна, хотя авторъ и дѣлаетъ ссылки на различныя сочиненія германскихъ писателей. Многія черты жизни Лессинга, крайне характерныя и поучительныя, приводятся авторомъ только слегка, не оставляя должнаго впечатлѣнія. Французскій авторъ не лишенъ также нѣкоторой ядовитости противъ нѣмецкаго писателя, много способствовавшаго развѣнчанію иныхъ классиковъ французской литературы. Такъ напр., столкновенію Лессинга съ Вольтеромъ приписывается значительная доля той рѣзкости въ нападкахъ на его произведенія, коими полна «Гамбургская Драматургія». Даже въ дѣлѣ размолвки и потомъ вражды Гёце и Лессинга Крузлѐ считаетъ нерѣшенымъ вопросъ, кто изъ нихъ больше виноватъ. Книга Крузлѐ разбивается на двѣ равныя по объему части: первая составляетъ собственно біографію, которая, помимо помянутыхъ колкостей, придаетъ Лессингу все-таки значеніе зародыша, породившаго дальнѣйшее развитіе нѣмецкой критики, историко-теологическихъ изысканій и философіи; вторая, подъ заглавіемъ «театръ», посвящена главнымъ образомъ изложенію «Гамбургской Драматургіи», нѣкотораго оспариванія ея, отстаиванія французскихъ произведеній, критикуемыхъ Лессингомъ и наконецъ критики драматическихъ сочиненій самого Лессинга. Относительно «Натана» въ первой части книги (біографической) авторъ дѣлаетъ ошибку не чуждую и другимъ критикамъ, называя дѣйствующихъ лицъ драмы представителями различныхъ религій, тогда какъ Лессингъ нисколько не имѣлъ въ виду представительства. Отсюда и вся критика Крузле вышла односторонней и невѣрной. Во 2-й части, по преимуществу подъ вліяніемъ мнѣнія г-жи Сталь, Крузле относится къ Натану съ значительно бо́льшимъ уваженіемъ, хотя разбираетъ драму слегка и подозрѣваетъ въ ней заимствованіе изъ «Заиры» Вольтера (мнѣніе, не имѣющее никакого основанія). Ставя драмѣ Лессинга въ похвалу вообще (безъ спеціальныхъ указаній) интересные философскіе разговоры, Крузле прибавляетъ: «Натанъ» мнѣ не кажется лучшимъ драматическимъ произведеніемъ Лессинга; но оно будетъ самое долговѣчное по причинамъ, чуждымъ театру». Кромѣ этой спеціальной книги, журналъ Revue des deux mondes, 1868, напечаталъ біографическій очеркъ: G. E. Lessing, par Cherbuliez. Это двѣ статьи по Штару, Фишеру, Дитлею, Крузле и Фонтанесу. Авторъ отзывается съ крайнимъ уваженіемъ о «На-

танѣ» и его авторѣ, но коротко. Болѣе, какъ и другіе французскіе писатели, Шербюлье занятъ разборомъ «Гамбургской Драматургіи», сочиненія, особенно близкаго французамъ, потому-что касается произведеній ихъ драматурговъ. Въ «Revue Britannique» въ 1862 году напечатанъ переведенный съ англійскаго (изъ Westminster Review) рефератъ книги Штара, подъ заглавіемъ G. E. Lessing. Th. L. Собственно самая вѣрная и яркая, хотя и весьма краткая оцѣнка значенія Лессинга сдѣлана въ сочиненіи: La philosophie du XVIII siècle par Laurent. 1866. (Lessing et Herder). Разборъ теологическихъ сочиненій Лессинга, а также «Натана» лучше чѣмъ у другихъ сдѣланъ въ сочиненіи: Le Christianisme moderne, par Ernest Fontanes. 1867. Это интересное изложеніе по преимуществу теологической дѣятельности Лессинга, съ указаніемъ на вліявшихъ на него писателей. Впрочемъ «Натанъ» не столько разбирается отдѣльно, сколько въ ссылкахъ на драму во время изложенія другихъ сочиненій. Говоря о «Натанѣ», французскіе писатели чаще всего цитируютъ мнѣніе объ этой драмѣ г-жи Сталь, въ ея книгѣ: De l'Allemange. Въ бѣглыхъ очеркахъ о германской литературѣ г-жа Сталь говоритъ сочувственно и о «Натанѣ»—и эта драма плѣняетъ ее болѣе окраской характеровъ, чѣмъ дѣйствіемъ Въ 1896 г. вышло новое сочиненіе о Лессингѣ: E. Grucker (profes. à la faculté des lettres de Nancy). Lessing. Ouvrage couronné par l'Academie française. Довольно объемистый томъ (664 стр.). Лессингъ разсматривается по преимуществу какъ критикъ. Особенно подробно изложена «Гамбургская Драматургія» (300 стр.). Теологическій споръ по поводу Вольфенбютельскихъ изданій изложенъ кратко, хотя обстоятельно. Натану удѣлено только десять страницъ. Авторъ разбираетъ драму, какъ заключеніе полемическихъ статей «Анти-Гёце», причемъ однако вкратцѣ выставляетъ и художественныя достоинства ея. Въ предисловіи Грюкеръ говоритъ, что книга его есть какъ бы продолженіе его же напечатаннаго въ 1883 г. сочиненія по исторіи литературныхъ и эстетическихъ доктринъ въ Германіи съ XVII до половины XVIII вѣка. Въ ссылкѣ на французскія сочиненія о Лессингѣ Грюкеръ, кромѣ помянутыхъ здѣсь соч. Крузле и Шербюлье, указываетъ на сочиненія вообще по исторіи германской литературы Генриха и Боссера (Heinrich et Bossert), а также на книгу М. Конта: Lessing et l'Antiquité. 1896.

На англійскомъ языкѣ самыя выдающіяся сочиненія объ Лессингѣ: двѣ его біографіи Сайма и Циммерна, обѣ переведенныя на нѣмецкій языкъ. Кромѣ разсыпанныхъ о Лессингѣ упоминаній въ различныхъ сочиненіяхъ, краткая біографія его напечатана и въ изданіи біографій знаменитыхъ писателей. Англійскихъ переводовъ Натана очень много. Первый вышелъ въ 1781 г. (пер. Распе). Но тогда, повидимому, переводъ не обратилъ на себя особаго вниманія. Общій интересъ къ драмѣ былъ возбужденъ въ началѣ XIX стол. переводомъ Тэйлора. Послѣдующій переводъ появился уже значительно позже, въ 1860 г. Lessings Nathan the wise. Tranlated into Englich. London. Англійская критика называетъ переводъ очень близкимъ къ подлиннику, но тяжелымъ и непоэтичнымъ. Послѣ того вышло нѣсколько переводовъ въ 1874 г.; въ 1877 было два перевода; въ 1878 вышло соч. Lessing dram. Works by Bell and Zimmern; въ 1883 Nathan the wise in verse by Corbet. Потомъ переводы въ 1886 и въ 1888 (напечатанъ вмѣстѣ съ переводомъ ком. Минна ф. Б). Послѣдній переводъ 1895. Nathan the wise. Trans. by Mayor General Patrik Maxwell. Кромѣ того есть школьное изданіе «Натана»—Бухгейма, напечатанное на нѣмецкомъ языкѣ съ англійскими объясненіями. Есть тоже не мало англійскихъ переводовъ другихъ драматическихъ произведеній Лессинга.

Италіанскій переводъ «Натана» К. Варезе изданъ съ біографическими замѣтками объ авторѣ и статьей Штрауса. Голландскій переводъ «Натана»—(неизвѣстнаго переводчика) появился въ 1781 г. Датскій переводъ—Робека въ 1799; позднѣйшій перев. Рёде 1884 г.; Венгерскій А. Зичи 1878. Греческій—Каліургоса. *1840*. Польскій переводъ 1867 г. Lessing. Natan. Poemat dramatyczny. Przeclad Rozalyi z Felikcsow Saulsonowej. Lipsk. Позднѣйшій переводъ Kwiryn Anastazij. Финскій переводъ Энлунда 1876.

Въ русской литературѣ первый, познакомившій русскихъ читателей съ Лессингомъ, былъ Карамзинъ; онъ, между прочимъ, перевелъ драму «Эмилія Галотти». П. Полевой въ біографіи Лессинга (см. ниже) говоритъ о другихъ упоминаніяхъ о Лессингѣ и переводахъ первой половины XIX столѣтія. Въ 1840 г. напечатана статья въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Лессингъ» (ноябрь), безъ подписи автора. Это бѣглый обзоръ дѣятельности Лессинга, оста-

вляющій о немъ довольно неопредѣленное представленіе, отчасти по недостаточности матеріала, коимъ пользовался авторъ (онъ указываетъ только на два сочиненія), отчасти вслѣдствіе какого-то не систематическаго, разбросаннаго изложенія, отчасти можетъ-быть и по другимъ независѣвшимъ отъ автора причинамъ. Въ концѣ авторъ отсылаетъ читателя къ изученію самыхъ сочиненій Лессинга: «не много писателей, говорится въ статьѣ, изъ сочиненій коихъ ученые и литераторы могутъ впивать духъ благороднѣе того, которымъ проникнуты творенія Лессинга, не много писателей, которые могутъ доставить болѣе помощи въ трудѣ для образованія литературнаго характера. Можно всѣмъ молодымъ ученымъ совѣтовать изучать Лессинга». Статья «Отечественныхъ Записокъ» вкратцѣ реферирована въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1841 г., т. XXX. Послѣдующая за симъ статья, обстоятельно и живо написанная, принадлежитъ перу Чернышевскаго и напечатана въ «Современникѣ» 1856 г. Въ слѣдующемъ 1857 г. въ журналѣ модъ, искусствъ и хозяйства: «Сѣверный цвѣтокъ»—напечатана краткая біографія Лессинга, съ весьма крупными ошибками и недочетами. Въ 1860 г. въ журналѣ «Филологическія записки» напечатанъ переводъ съ нѣмецкой статьи «Заслуги Лессинга для нѣмецкой драмы»; переводчикъ не указываетъ автора оригинала, а самъ, повидимому, плохо знакомъ съ сочиненіями Лессинга, потому что заглавіе «Натанъ Мудрый» переводитъ словами «Пророкъ Наѳанъ», изъ чего можно заключить, что самой драмы онъ не читалъ. Боборыкинъ помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1867 г. статью «Лессингъ и докторъ Ретчеръ, какъ критики сценической игры», и въ 1868 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ»—статью «Лессингъ и Дидро». Впрочемъ, этой послѣдней статьи напечатано только начало, гдѣ гораздо больше говорится о другихъ писателяхъ, чѣмъ о Лессингѣ. Дальнѣйшее развитіе статьи почему-то не напечатано. Журналъ «День» въ 1870 г. помѣстилъ переводъ двухъ сказокъ Боккаччіо подъ заглавіемъ: «Прототипъ Лессингова Натана». За симъ появленіе моей книги «Натанъ Мудрый», въ концѣ 1874 г. (помѣчено 1875 г.), вызвало нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: статья Языкова («Дѣло» 1874 г.) подъ заглавіемъ «Идеализмъ всепримиряющей любви»; статья В. Стасова («Еврейская библ.» 1875 г.); журналъ привѣтствовалъ появленіе отдѣльной книгой драмы «Натанъ», какъ такое выдающееся событіе, что не ограничился однимъ отзывомъ Стасова, но прибавилъ къ нему изложеніе статьи Модлингера: «Lessing's Verdienste um das Judenthum»; статья Лесевича («Отечественныя Записки» 1876 г.), подъ заглавіемъ «Лессингъ и его Натанъ Мудрый», и мн. др. Въ 1882 г. появилось, изданное М. О. Вольфомъ, собраніе избранныхъ сочиненій Лессинга въ пяти небольшихъ томахъ; къ нему приложена краткая, но хорошо составленная П. Полевымъ біографія автора. Къ сожалѣнію, нигдѣ въ этомъ изданіи не обозначено кѣмъ сдѣланы переводы. Переводъ «Натана Мудраго»—мой, но напечатанъ безъ всякихъ комментаріевъ. Въ томъ же 1882 г. издано Солдатенковымъ отдѣльной книгою сочиненіе К. Фишера «Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы», въ переводѣ Рассадина. Въ 1887 г. вышла книга Андерсона: «Лессингъ какъ драматургъ» (186 стр.). Авторъ послѣ общаго вступленія болѣе подробно разбираетъ пьесы: Миссъ Сара Сампсонъ, Минна фонъ-Барнгельмъ, Эмилія Галотти—и Натанъ Мудрый. Объ Лессингѣ болѣе или менѣе подробно упоминается и въ общихъ сочиненіяхъ по литературѣ, напечатанныхъ по-русски (у Шлоссера, Карьера, Шера и проч.). Кромѣ моего перевода «Натана Мудраго»—существуютъ еще два перевода этой драмы: переводъ П. Вейнберга, напечатанный въ первый разъ въ журналѣ «Наблюдатель» и потомъ изданный отдѣльной книгою 1886 г. (вмѣстѣ съ пьесами «Минна фонъ-Барнгельмъ» и «Эмилія Галотти», изданіе Бакста), и отдѣльно же напечатанный въ Кіевѣ прозаическій переводъ. Къ изданію Бакста приложена краткая статья издателя «Лессингъ, какъ драматургъ», составленная по Геттнеру и Сайму.

